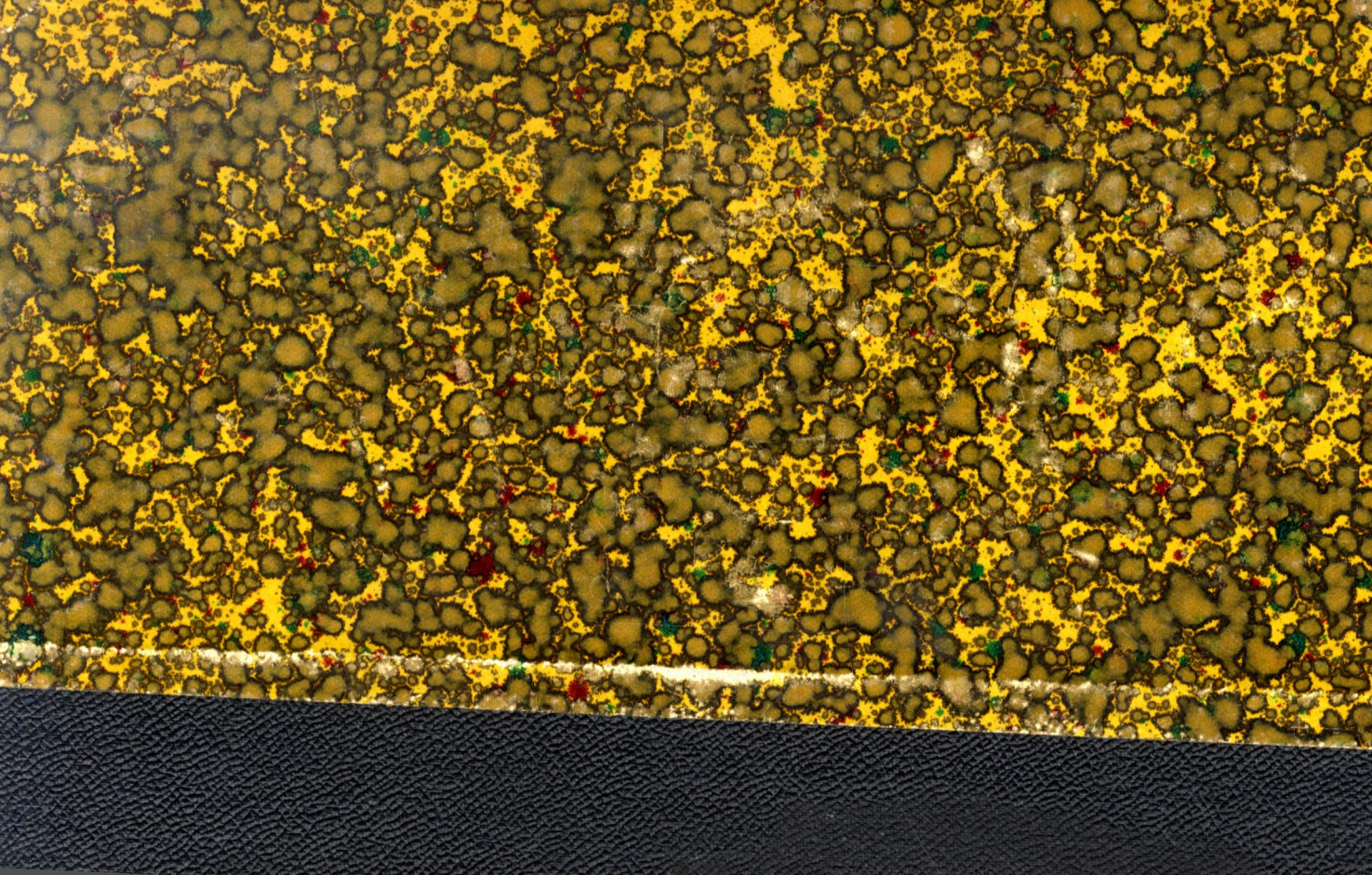


479

06
12377

Ив. Франко.

ВЪ ПОТѢ ЛИЦА.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ЖИЗНИ РАБОЧАГО ЛЮДА.

ПЕРЕВОДЪ

О. Рувимовой и Р. Ольгина.

Съ предисловіемъ и подъ редакціей

М. Славинскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе М. Д. Орѣхова.

12377

Вельмишановному добродіеві
Іванові Франкові на спомин
про С. Єфремова

20.IX.903.

ВЪ ПОТѢ ЛИЦА.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ЖИЗНИ РАБОЧАГО ЛЮДА.

IV
ф В-115

12377

Ив. Франко.

ВЪ ПОТѢ ЛИЦА.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ЖИЗНИ РАБОЧАГО ЛЮДА.

ПЕРЕВОДЪ

О. Рувимовой и Р. Ольгина.

Съ предисловіемъ и подъ редакціей

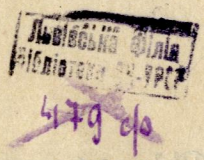
М. Славинскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе М. Д. Орѣхова.

127.

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ 31 538



Типографія СПБ. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86

8(с)У.18 (092 Франко)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Иванъ Франко, самый талантливый среди современныхъ малорусскихъ писателей и выдающійся общественный дѣятель Галиціи, родился въ 1856 году. Отецъ его былъ зажиточный крестьянинъ, кромѣ земледѣлія занимавшійся еще и кузнечествомъ. Какъ прекрасный хозяинъ и кузнецъ, какъ человѣкъ съ открытой, поэтической душой, гостепріимный и радушный, Яць (Яковъ),—такъ звали отца будущаго писателя,—пользовался большимъ уваженіемъ не только среди своихъ односельчанъ, но и далеко во всей округѣ.

Яць Франко сталъ заботиться объ образованіи сына съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Такъ какъ въ Нагуевичахъ (село, гдѣ родился Ив. Франко) школа не пользовалась особенно хорошей репутаціей и, кромѣ того, помѣщалась очень далеко отъ дома Яця, то Яць отдаетъ своего сына въ школу, находившуюся въ сосѣднемъ селѣ и помѣщаетъ его у его дяди по матери, бѣднаго крестьянина, „одного изъ симпатичнѣйшихъ людей“, какъ отозвался о немъ впослѣдствіи его племянникъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, сдѣлавшихся достояніемъ печати.

Ивану Франку было тогда всего шесть лѣтъ. Въ сельской школѣ, соотвѣтствующей нашему начальному училищу, онъ научился читать и писать по-малорусски, по-польски и по-нѣмецки *),

*) До 1868 года въ Галиціи, какъ и въ другихъ областяхъ, подвластныхъ австрійской коронѣ, школьное преподаваніе было построено на началахъ германизаціи мѣстнаго населенія; съ 1868 г. нѣмецкій языкъ въ галицкихъ школахъ уступаетъ свое значеніе польскому и малорусскому языкамъ.

прошелъ по ариѳметикѣ четыре дѣйствія, а также обучался церковному пѣнію.

Спустя два года, отецъ отвезъ своего Ивана въ ближайшій городъ, Дрогобычъ, и помѣстилъ въ такъ называемую нѣмецкую или нормальную школу, основанную Базиліанами *), которую, можно приравнять къ нашимъ городскимъ двухклассным училищамъ. Въ школѣ Базиліанъ Ив. Франко пробылъ четыре года, переходя изъ класса въ классъ въ числѣ первыхъ учениковъ.

Но такіе блестящіе успѣхи дались ему не сразу. Обладая выдающимися способностями, мальчикъ не имѣлъ ни внѣшняго лоска, ни внѣшней представительности, и это сильно мѣшало ему въ первые годы его школьной жизни. Вотъ въ какихъ словахъ описываетъ Ив. Франко первый годъ своего ученія въ нормальной школѣ: „По-крестьянски одѣтый, боязливый и застѣнчивый, часто неумытый мальчикъ, я, въ теченіи всего перваго года, былъ посмѣшищемъ класса и много претерпѣвалъ отъ нѣкоторыхъ безчеловѣчныхъ учителей. Къ концу года, однако, къ великому изумленію всего класса, а также и къ моему собственному — я сдѣлался первымъ ученикомъ. На экзаменѣ, который сводился по существу къ формальной процедурѣ, присутствовалъ и мой отецъ; я не видѣлъ его, я только слышалъ, какъ онъ громко заплакалъ, когда меня вызвали первымъ для полученія награды“.

То-же повторилось съ Ив. Франкомъ и въ гимназіи, куда онъ поступилъ вслѣдъ за окончаніемъ нормальной школы. „Весь первый годъ въ гимназіи“,—пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ этомъ времени,—„я просидѣлъ на „ослиной“ скамейкѣ въ самомъ углу класса и пальцами ковырялъ дыры въ стѣнѣ,—и вдругъ сталъ вторымъ ученикомъ въ классѣ, и такъ прошелъ всю гимназію вторымъ, третьимъ, а иногда и первымъ ученикомъ“.

Въ 1875 году Ив. Франко окончилъ гимназію и поступилъ во Львовскій университетъ.

Ив. Франко былъ еще въ нормальной школѣ, когда его отецъ, умеръ и мать, имѣя на рукахъ четверо дѣтей и разстроенное хозяйство, должна была выйти замужъ вторично. При по-

*) Уніатскій монашескій орденъ.

мощи отчима Ив. Франко продолжалъ свое образованіе; помощь не пріостановилась и тогда, когда умерла мать, отчимъ женился вторично, и когда такимъ образомъ у семьи Франко, вмѣсто родныхъ отца и матери, оказались—отчимъ и мачиха. Въ своемъ автобіографическомъ очеркѣ Ив. Франко характеризуетъ отчима въ горячихъ, прочувствованныхъ словахъ. Скудныя средства, однако, не позволяли отчиму Ив. Франко баловать своего пасынка, и будущій писатель, пріобрѣвшій въ настоящее время европейское имя, пріѣзжая домой на время лѣтнихъ каникулъ, пасъ домашній скотъ и помогалъ роднымъ въ уборкѣ сѣна и хлѣба. Только окончаніе гимназіи дало ему возможность первый разъ въ жизни поѣхать не домой, гдѣ его ждали полевыя работы, а совершить небольшую поѣздку по Галиціи, каждый уголокъ которой впослѣдствіи онъ изъѣздилъ и исходилъ своими собственными ногами.

Недолгая дошкольная жизнь Ив. Франко въ родной семьѣ была для него единственной свѣтлой картиной, оставшейся въ воспоминаніи отъ дѣтства; въ своихъ разсказахъ эту пору жизни онъ описываетъ въ трогательныхъ и идеалистическихъ краскахъ (см. разсказъ „Миронъ“).

Ужасы жизни встрѣтили малорусскаго писателя внѣ семьи въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Шестилѣтній мальчикъ познался въ школѣ и пріобщилъ къ своему дѣтскому опыту достовѣрные, имъ самимъ провѣренные факты; онъ узналъ, что люди бываютъ жестоки, несправедливы и безчеловѣчны, что на свѣтѣ привольно живется только богатымъ и сильнымъ. И дѣйствительно, картины быта дореформенной галицкой школы (см. разсказы: „Урокъ чистописанія“, „Карандашъ“, „Грыць въ школѣ“) способны внушить отвращеніе самому неприхотливому въ педагогическомъ отношеніи человѣку. Въ этой школѣ не исключеніемъ, а правиломъ было насиліе и издѣвательство надъ личностью дѣтей; педагогическіе пріемы по принципу замѣнялись линейками и розгами; отношеніе къ предметамъ преподаванія со стороны учителей было чисто формальное, а награды и наказанія распредѣлялись, обыкновенно, между учениками не по успѣхамъ ихъ, а по богатству и по общественному положенію ихъ родителей. И шестилѣтнее пребываніе Ив. Франка въ такого рода школѣ было первымъ тяже-

лымъ житейскимъ испытаніемъ, выпавшимъ ему на долю, изъ котораго онъ вышелъ съ честью и которое заложило въ его дѣтской душѣ первыя прочныя основы для его будущихъ общественныхъ симпатій и антипатій.

Другимъ житейскимъ искусомъ для Ив. Франко были тюрьмы, которыя въ Австріи до сихъ поръ еще являются почти неизбѣжнымъ аксессуаромъ біографіи каждаго общественнаго дѣятеля, имѣющаго несчастье принадлежать къ второстепенной, негосударственной народности, въ особенности славянской. Съ тюремнымъ заключеніемъ Ив. Франко впервые познакомился въ 1877 году, будучи студентомъ университета, когда его арестовали вмѣстѣ со всей молодой редакціей галицкаго „Друга“. „Безтолковый процессъ“,—вспоминаетъ много лѣтъ спустя Ив. Франко объ этомъ эпизодѣ,—„какъ снѣгъ на голову свалившійся на меня, и,—хотя у меня не было на совѣсти и тѣни того преступленія, въ которомъ меня обвиняли,—окончившійся моимъ осужденіемъ,—былъ для меня страшнымъ и тяжелымъ испытаніемъ.

Девять мѣсяцевъ, проведенныхъ мною въ тюрьмѣ, были для меня мукой: меня третировали, какъ подлиннаго преступника; посадили вмѣстѣ съ ворами и бродягами, причемъ въ камерѣ, кромѣ меня, было еще 14—18 человѣкъ арестантовъ; переводили изъ камеры въ камеру при безпрестанныхъ обыскахъ и придиркахъ...“ Нѣтъ надобности продолжать дальше выписки изъ воспоминаній Ив. Франко; достаточно указать на то, что въ разсказахъ: „На днѣ“, „Къ свѣту“ и др., авторъ ни однимъ штрихомъ не погрѣшилъ противъ дѣйствительности, которая была еще ужаснѣе ея изображенія. Къ этому можно прибавить еще, что зловонная яма, описанная Ив. Франко въ разсказѣ „На днѣ“, служила ему мѣстомъ заключенія во время второго его знакомства съ австрійскими властями въ 1880 году; что въ одной изъ тюремъ онъ каждое утро просыпался съ головой, покрытой снѣгомъ, падавшимъ черезъ окно; что во время одного слѣдованія пѣшкомъ по этапу у него на пальцахъ ногъ выпали всѣ ногти.

Въ третій и послѣдній разъ Ив. Франко былъ арестованъ въ 1889 году, когда онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ, правда, при лучшихъ уже условіяхъ, въ теченіи десяти недѣль. По поводу этого

десятинедѣльнаго тюремнаго заключенія Ив. Франко кратко, но выразительно замѣчаетъ: „За что я просидѣлъ въ тюрьмѣ, я и до сихъ поръ не знаю“ *).

Тревожная жизнь, полная матеріальныхъ и нравственныхъ лишеній, лихорадочная литературная работа и ненасытная жажда чтенія по всѣмъ отраслямъ науки не позволили Ив. Франко закончить университетское образованіе обычнымъ полученіемъ ученой степени. Докторомъ филологическихъ наукъ сталъ онъ значительно позже, уже въ 90-хъ годахъ, когда эта ученая степень понадобилась ему для того, чтобы имѣть право поставить свою кандидатуру въ качествѣ профессора по кафедрѣ малорусскаго языка и словесности во Львовскомъ университетѣ. Кафедру эту, однако, ему не удалось занять по причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ наукой.

Въ настоящее время Ив. Франко состоитъ однимъ изъ редакторовъ ежемѣсячнаго журнала: „Літературно-науковий Вістник“ и дѣятельнымъ сотрудникомъ ежедневной газеты: „Діло“.

Писать Ив. Франко началъ чрезвычайно рано. Еще будучи

---

*) Эти частыя злоключенія не могутъ удивлять того, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ современнымъ положеніемъ дѣлъ въ Галиціи и распредѣленіемъ ея политическихъ партій. Вся администрація этой страны, начиная отъ простого полицейскаго жандарма и кончая намѣстникомъ края, находится въ рукахъ могущественной шляхетско-клерикальной польской партіи, которая систематически, не останавливаясь передъ явнымъ нарушеніемъ закона, стремится подавить всякую оппозицію, направленную противъ ея господства. Подозрительная и жестокая въ своемъ господствѣ эта партія напрягаетъ всю свою силу въ борьбѣ съ живыми теченіями въ галицкомъ обществѣ, стараясь задавить и уничтожить ихъ въ самомъ зародышѣ. Такое положеніе въ Галиціи создалось еще въ 1868 году, когда страна эта, наравнѣ съ другими коронными землями Австріи, получила самоуправленіе, и благополучно продолжается и по сей день. Такое могущество реакціонной партіи, поддерживаемой центральнымъ вѣнскимъ правительствомъ, самымъ печальнымъ образомъ отражается на интересахъ какъ польскаго, такъ и, особенно, малорусскаго населенія Галиціи. Только въ самое послѣднее время во внутреннихъ отношеніяхъ этой страны можно прослѣдить нѣкоторые признаки, указывающіе на лучшее будущее, и, быть можетъ, недалеко то время, когда шляхетско-клерикальная партія принуждена будетъ уступить свое верховенство людямъ, принимающимъ близко къ сердцу интересы общаго блага. Порукой этому служитъ культурный подъемъ всего галицкаго общества и замѣтный ростъ общественнаго самосознанія въ массахъ городского и сельскаго населенія Галиціи. Желающимъ ближе познакомиться съ внутренней жизнью Галиціи можно рекомендовать прекрасную книжку Л. Василевскаго: „Современная Галиція“.

мальчикомъ, въ младшихъ классахъ гимназіи, онъ со всѣмъ пыломъ любознательнаго неофита набросился на чтеніе европейскихъ классиковъ, какіе только нашлись въ гимназической библіотекѣ, и, какъ это всегда бываетъ съ даровитыми натурами, подъ вліяніемъ чтенія геніальныхъ писателей, у него проявилась потребность къ самостоятельному творчеству. Мальчикъ сталъ писать стихами и прозой, набрасывать оригинальныя произведенія, переводить.

Литературная работа всецѣло охватила талантливаго юношу. Въ 1874 году ему удается напечатать кое-что изъ своихъ стихотвореній; фактъ этотъ подѣйствовалъ, конечно, самымъ ободряющимъ образомъ на начинающаго писателя, и его портфель наполняется самыми разнообразными произведеніями. Уѣзжая въ Львовъ для поступленія въ Львовскій университетъ, онъ везъ съ собою много толстыхъ тетрадей, въ которыхъ заключались любовные стихи, драмы, стихотворные разсказы и слѣдующіе переводы: „Антигона“ и „Электра“ Софокла, значительная часть книги Іова, нѣсколько главъ изъ пророка Исаіи, нѣсколько пѣсенъ Нибелунговъ, двѣ пѣсни Одиссеи, два первыхъ акта „Уріеля Акосты“ Гуцкова, вся Краледворская рукопись и т. д.

Эта чрезвычайная плодовитость и живое разнообразіе литературнаго дарованія, такъ ярко проявившіяся у начинающаго писателя, остаются для Ив. Франко характерными во всю его дальнѣйшую жизнь. Въ настоящее время, находясь въ разцвѣтѣ жизненныхъ силъ и огромнаго литературнаго таланта, малорусскій писатель имѣетъ за собою въ прошломъ такое множество литературныхъ произведеній и такое богатое разнообразіе литературнаго труда, какое напрасно было-бы искать у кого-либо другого изъ крупныхъ писателей *). Въ длинномъ спискѣ его произведеній наряду

*) Эти слова не преувеличеніе. Въ 1899 году, въ день двадцатипятилѣтняго юбилея литературной дѣятельности Ив. Франка, почитатели его таланта, среди другихъ подарковъ, поднесли ему книжку, въ которой находится около 250 страницъ. Книжка эта представляетъ изъ себя не больше не меньше, какъ указатель произведеній, принадлежащихъ перу юбиляра, причемъ весь текстъ книжки состоитъ только изъ заглавій произведеній и изъ имени того изданія, въ которомъ произведеніе было напечатано. При этомъ оказалось, что указатель этотъ не представляетъ еще полнаго списка всего, написаннаго Ив. Франко за 25 лѣтъ, и многія изъ его работъ были пропущены составителями.

со стихами, разсказами, повѣстями, романами и драмами, находимъ множество критическихъ и публицистическихъ статей, а также и серьезныхъ научныхъ работъ по соціологіи, политической экономіи, а въ послѣднее время—по исторіи славянскихъ нарѣчій и по славянской филологіи.

Кромѣ оригинальныхъ произведеній, всегда отмѣченныхъ печатью крупнаго таланта, Ив. Франко издалъ множество превосходныхъ переводовъ съ различныхъ языковъ; среди этихъ переводовъ необходимо отмѣтить: „Германію“ Гейне; „Фаустъ“ Геше; „Каина“ Байрона; „Русскія женщины“ Некрасова; „Мертвыя Души“ Гоголя и нѣкоторыя произведенія Щедрина, Достоевскаго, Золя, Флобера и цѣлаго множества иныхъ писателей.

Какъ литераторъ и журналистъ, Ив. Франко по-истинѣ не знаетъ устали. Прекрасно владѣя языками, онъ не довольствуется исключительно областью малорусской печати и время отъ времени переноситъ свою дѣятельность въ область иностранной литературы. Польскія изданія—„Kurjer Lwowski“, „Praca“, „Prawda“ и „Glos“; русскія—„Кіевская Старина“ и „Сѣверный Курьеръ“; чешское—„Slovanski Prehled“; нѣмецкія—„Arbeiter Zeitung“, „Neue Freie Presse“ и „Die Zeit“; болгарскія и другія изданія печатали на своихъ страницахъ статьи, замѣтки и корреспонденціи малорусскаго писателя, написанныя прекраснымъ языкомъ, всегда полныя живого интереса, всегда поднимающія вопросы самой жгучей современности.

Эта кипучая литературная дѣятельность не мѣшаетъ Ив. Франко удѣлять свое время и разносторонней общественной дѣятельности. Громкая литературная извѣстность не заслоняетъ его широкой популярности, какъ одного изъ непрестанныхъ бойцовъ за народное благо, какъ одного изъ вожаковъ демократической партіи, завоевавшей въ послѣдніе годы первенствующее значеніе среди населенія малорусской части Галиціи.

Впрочемъ, общественная и литературная дѣятельность Ив. Франко совершенно неотдѣлимы другъ отъ друга. Каждое изъ его беллетристическихъ произведеній, не говоря уже о журнальныхъ и публицистическихъ статьяхъ, является въ то-же время и однимъ изъ актовъ общественной дѣятельности автора. Всѣ его разсказы, повѣсти и романы служатъ тѣмъ-же цѣлямъ, будятъ у

читателей тѣ-же идеи, какими руководствуется Ив. Франко, какъ представитель демократической партіи, какъ общественный дѣятель своего народа. И достигается это не подчиненіемъ художественной стороны произведенія предвзятымъ тенденціямъ автора, не ложнымъ освѣщеніемъ фактовъ, не искаженіемъ жизненныхъ пропорцій и отношеній, а счастливымъ выборомъ сюжета и правдивымъ раскрытіемъ дѣйствительности. Всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ беретъ авторъ подъ свою защиту, всякое горе рождаетъ откликъ въ его отзывчивой душѣ; трудъ и свобода — свѣтлый лозунгъ его произведеній, трудящійся человѣкъ—печальный герой его повѣстей.

Мы передали здѣсь только краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Ив. Франко. Полная біографія и тщательная оцѣнка всего литературнаго и общественнаго значенія этого замѣчательнаго человѣка была-бы теперь не по-времени. Будущій историкъ малорусской литературы и малорусской общественности посвятитъ ему много почетныхъ страницъ, продиктованныхъ чувствомъ глубокаго уваженія.

М. Славинскій.

ЛЕСИХИНЫ ДОМОЧАДЦЫ.

Лесихины домочадцы.

I.

Чудесное лѣтнее утро. Холодный, легкій вѣтеръ чуть-чуть колышетъ широкое ржаное поле. Рожь—словно золото. Колосья согнулись подъ тяжестью зерна и жемчужныхъ капель росы, свисавшихъ съ каждаго стебелька. Высокіе, ровные стебельки, желтые и плотные, стоятъ межъ зеленыхъ листьевъ плюща, полетицы, осета и стелящагося по землѣ бурьяна. Кой-гдѣ среди этого золотого шумящаго и пахучаго моря виднѣется синій, чарующій глазокъ василька, цвѣтокъ куколя, дѣвичье пылающее лицо полевого мака.

Взошло солнце. Затрещали сверчки на всякіе лады, зажужжали большія полевыя мухи, надъ колосистымъ моремъ затрепетали пестрые мотыльки. Природа ожила. Вѣтеръ подулъ сильнѣе,—пахнулъ тепломъ со стороны лѣса, стряхивая серебряную росу съ травъ и цвѣтовъ.

Въ селѣ поднялся шумъ, закипѣла жизнь. Выгонъ запестрѣлъ скотомъ, который гнали на пастбище. За скотомъ шли заспанные, неумытые пастухи. Нѣкоторые изъ нихъ, успѣвшіе уже позавтракать, весело пѣли, гикали и щелкали кнутами, подгоняя скотину.

Задымились избы. Хозяйки стараются истопить пораньше, чтобъ скорѣй сварить обѣдъ,—младшіе члены семьи снаряжаются въ поле.

Только у старой Лесихи не дымится труба. Хотя въ этой избѣ три хозяйки—старуха, дочь Горпына и молодая невѣстка

Анна,—но онѣ никогда не готовятъ по утрамъ—всегда съ вечера. Вечеромъ спекутъ да сварятъ, что нужно, а весь божій день ни о чемъ заботы нѣтъ. Усердныя хозяйки, хоть куда!

Хозяйство у старой Лесихи не плохое. Изба, правда, старая, но еще крѣпкая; другія постройки новыя, просторныя, опрятныя; скотинка—просто любо, жирная, упитанная. Пасѣка по смерти покойнаго Леся также не пошла прахомъ. Лесиха взяла къ себѣ въ домъ нищаго старика Зарубу, обшила, обчистила его,—и старикъ лѣтомъ съ той поры сталъ и пасѣку досматривать и о послѣдней мелочи въ хозяйствѣ заботиться.

Лесиха была женщина очень домовитая и усердная; упряма она была и настойчива. Бывало, какъ упрется въ чемъ-либо, такъ, хоть на четверинкахъ ползай, поставитъ на своемъ. Хоть волосы у Лесихи уже сѣдѣли, но лицо ея было здоровое и румяное, какъ свекла. Льстить и подмазываться она не умѣла. Говорила отрывисто и какъ-то гнѣвно. Шутки, какого-нибудь добраго, искренняго слова отъ Лесихи никто не слыхалъ. Каждаго, кто-бъ онъ ни былъ, она умѣла донять своимъ острымъ языкомъ. Правда, говорятъ, не отъ добра она стала такою. Покойный Лесь, разсказываютъ, сильно мучилъ ее въ молодые годы, прикрѣплялъ за косу деревяшкой къ скамьѣ и билъ... Съ горя Лесиха тогда не разъ напивалась, и эта привычка осталась у нея до сихъ поръ, хотя запой никогда не доводилъ ее до того, чтобы она стала транжирить и растрачивать тяжкимъ трудомъ пріобрѣтенное добро. Она пила всегда одна. Ни у нея въ домѣ, ни въ селѣ никто отъ нея никогда и не понюхалъ шкалика водки. Старая Лесиха была очень скупа и непреклонна.

Сынъ Лесихи Игнатъ долго не могъ жениться. Ни одна дѣвушка въ селѣ не хотѣла идти за него. Неизвѣстно, потому-ли, что онъ былъ злой и забіяка, потому-ли, что былъ очень некрасивъ. Волосы красные, глазки маленькіе, хитрые, какъ у татарина, самъ большой, голова съ большой горшокъ, а губы вздуты,—какъ подушки. Ну, да не въ этомъ дѣло—пусть его Матерь Божія судитъ!—дѣло въ томъ, что ни одна дѣвушка не хотѣла за него идти. Кромѣ того,—кто его знаетъ, какъ и почему—въ деревнѣ болтали, что у Игната руки не совсѣмъ чисты—что

будто къ нимъ не разъ и кое-что чужое прилипало. Не знаю, какъ гдѣ, а въ нашемъ селѣ нѣтъ большаго позора, какъ прослыть воромъ. А это именно и случилось съ Игнатомъ—и оттого-то онъ долго не могъ жениться. Никто не хотѣлъ идти за него.

Но, наконецъ, нашлась таки одна, Анна, дочь Тымиша. Пошла она за Игната, да на свое горе. Бѣдная сирота, безъ отца, безъ матери, только и принесла приданаго въ лесихину избу, что свои черныя брови, карія очи, двое рукъ работящихъ, да терпѣливое, послушное, покорное сердце. Охъ, и набралась-же она горя съ Игнатомъ! Не прошло еще и года, какъ пропала ея красота, погасъ блескъ ея очей, склонилась красивая головка. Разумѣется, попреки, ссоры да драка! Кого онѣ не придавятъ къ землѣ, у кого не поубавятъ веселости?

Вотъ вамъ и всѣ лесихины домочадцы. Впрочемъ, жилъ у Лесихи еще мальчишка-работникъ, Васыль, который пасъ скотъ. Его называли Галаемъ *) за то, что едва пригонялъ онъ скотъ въ лѣсъ, какъ начиналъ горланить, не переставая. Въ одно мгновенье и плясовую зачаститъ и грустную затянетъ, и свадебную, и изъ псалтыря на церковные гласы... Грамоты онъ не зналъ,— все перенялъ по слуху, —но хоть-бы вамъ одну пѣсню зналъ до конца. Мотивы и слова сплетались въ его головѣ въ какомъ-то дикомъ безпорядкѣ, метались, словно клокъ сѣна въ буйный вѣтеръ. Пѣсни не увлекали его, а оглушали только. Онъ забывалъ тогда весь міръ и самого себя; скотъ бродилъ, гдѣ попало. Когда-же пѣлъ кто другой, онъ слушать не любилъ. Странный онъ былъ какой-то. Отчего онъ сталъ такимъ—Богъ его знаетъ. Можетъ, отъ нужды да отъ побоевъ.... Охъ, и натерпѣлся-же онъ всякаго горя съ тѣхъ поръ, какъ отъ холеры умерли его родители. Они, говорятъ, были зажиточны и очень баловали своего Васыльчика. Смерть взяла ихъ внезапно въ теченіе одного дня—Васыльчикъ перешелъ въ чужія руки, а чужія руки, извѣстно, не гладятъ. Били его за то, что онъ былъ избалованъ, упрямъ, лѣнивъ. Выгнали изъ него эту дурь, забили его молодую голову, затоптали послѣднюю искорку дѣт-

*) Галай—Горланъ.

ской свободы и живости. Имущество растаяло въ чужихъ рукахъ, какъ снѣгъ въ водѣ, а Васыля отдали въ службу къ старой Лесихѣ. Охъ, не рай онъ и тутъ нашелъ!

II.

Лесиха—сказано, хозяйка,—первая идетъ съ дочерью и невѣсткою жать.

— А ну, пуститъ-ли нашъ Галай и сегодня скотъ на поле или вспомнитъ вчерашніе синяки?—заговорила, какъ-будто грозя кому-то, Лесиха, идя впереди и сверкая новымъ серпомъ подъ мышкой.

— Ба, а почему-же не пуститъ? Какъ начнетъ распѣвать, такъ обо всемъ въ мірѣ забудетъ, не только о скотинѣ,—отвѣтила Горпына. На ея красивомъ, молодомъ лицѣ, свѣтившемся здоровымъ румянцемъ, играло восходящее солнце. Ей жилось лучше всѣхъ въ домѣ. Мать любила ее, хоть, сказать правду, не разъ и Горпынѣ горько приходилось отъ матери и брата.

— Да, забили бѣднаго мальчика, какъ сквернаго котенка, а теперь доканчиваютъ!—несмѣло шепнула про себя Анна. Въ сердцѣ бѣдной сироты легко пробуждалось сожалѣніе къ такому-же круглому несчастному сиротѣ.

— Ага, за своего заступается! — сердито отрѣзала ей Лесиха. Она услыхала тихія слова невѣстки.—Сирота, а харя какъ ворота!—кричала она дальше.—Не бойся, моя кошечка, и тебя-бы съ нимъ на одинъ сукъ! Сойдутся вмѣстѣ и сейчасъ плачутся другъ надъ другомъ!.. Эхъ, не дала-бы вамъ Матерь Божья ни минуты счастья за то, что вы добро мое напрасно изводите, мой хлѣбъ даромъ жрете, а сами все лодырничаете.

Лесиха замолкла. Она запыхалась. Никто больше не отзывался.

Пришли. Анна выбрала мѣсто на межѣ, куда сложила завтракъ. Нива Лесихи заключала въ себѣ шесть полосъ ширины. Втроемъ онѣ могли свободно сжать ее за день.

Лесиха и тутъ командуетъ.

— Ты, негодная,—быстро обратилась она къ невѣсткѣ,—становись вотъ тутъ! (Она указала самую широкую полосу). Ты (къ дочери)—сюда,—а я на крайнюю полосу.—

Стали.

— Богъ въ помощь!—сказала Лесиха—и первая сжала горсточку спѣлой колосистой ржи, первая сдѣлала изъ нея связку, связала снопъ и отставила его въ сторону. Это первачекъ,—онъ предназначается на урожай.

— А ну-ка, къ дѣлу!—сказала она вновь. И три женскихъ головы, краснѣя, склонились къ землѣ. Въ рукахъ заблестѣли серпы, захрустѣли твердые стебли ржи; срѣзанные блестящимъ острымъ желѣзомъ—горсть за горстью падаютъ они на землю. Красивымъ, плавнымъ жестомъ переносятъ жницы сжатую горсточку надъ головой и кладутъ на землю. Время отъ времени кто-нибудь выпрямится, отдѣлитъ горсточку ржи, стряхнетъ полевой бурьянъ, раздѣлитъ на-двое, скрутитъ связку и положитъ ее на свѣжее, пахучее поле. Сверчки, жуки и козявки бѣгутъ отъ серповъ. Временами и испуганная сѣрая мышь покажется изъ своей норы, пробѣжитъ подъ ногами жницы и вновь проскользнетъ въ ямку.

Утромъ, въ холодъ, съ росою пріятно жать. Всего только и слышно: хрупъ-хрупъ, хрупъ-хрупъ... да шелестъ складываемой въ снопы ржи.

Но мало-по-малу свѣжій полевой воздухъ, полное одиночество и тишина поля, однообразіе работы, вызываютъ желаніе встряхнуться. Разговоръ не легко тутъ завяжется—старая Лесиха все его какъ-то непріятно оборветъ. Остается только одно—пѣсни...

И мало-по-малу изъ общей тишины и однообразнаго хрустѣнія стеблей выдѣляется чудный, серебристый, но негромкій, робкій голосокъ. Это голосъ Горпыны. Старуха жнетъ, не обращая на это вниманія. Горпына дѣлается смѣлѣе, голосъ крѣпнетъ, изъ сердца, помимо ея воли, льется грустная, чудная пѣсня:

Туди лози хилилися, куди їм похило,
Туди очі дивилися, куди серцю мило. *)

— Эй, ты, дура!—крикнула Лесиха къ невѣсткѣ,—отстаешь, уже? Ужъ у тебя руки свело, что-ли?

Анна, и вообще слабая, не въ силахъ была на самой широкой полосѣ итти въ рядъ съ другими. Она отстала было уже снопа на полтора.

*) Туда лозы клонились, куда ихъ клонило,
Туда глядѣли очи, куда сердцу мило.

— Что - это вы, мама, сегодня, какъ оса, ко мнѣ пристали?—отвѣтила она съ неожиданною смѣлостью, не подымая, однако, головы. — Развѣ вы не видите, что не могу жать скорѣе,— полоса слишкомъ широка! Ваша полоса уже—такъ легко вамъ ворчать!

Это разозлило Лесиху.

— Посмотрите-ка на нее! Какъ смѣла! Тоже рыло свое задираетъ предо мною! Эй, голубушка моя! Скорѣй бы вечеръ,— придетъ Игнатъ съ сѣнокоса,—не будешь ты такъ растабарывать!

Анна еще что-то хотѣла отвѣтить, но Горпына шепнула ей:

— Оставь ее въ покоѣ, сестрица! Мамѣ всегда ворчать нужно.—Будемъ жать вмѣстѣ!

Анна замолчала. Горпына помогала ей жать, взявъ почти половину ея полосы на свою долю. Это была искренняя душа — не въ мать она вышла...—но, зная крутой нравъ Лесихи, поддѣлывалась иногда подъ ея тонъ. Снова стало тихо; лишь стебли хрустятъ, да время отъ времени серпъ звякнетъ о камень.

Спустя нѣкоторое время, Горпына затянула другую пѣсню. Анну взяла грусть и тоска, захотѣлось и ей излить свое горе.

Она несмѣло, но ровно и переливчато затянула:

Зайшло сонінько за віконінько,
Як промінное коло;
Вийди миленька, вийди серденько,
Промов до мене слово!
Радабим вийти, радабим вийти,
До тебе говорити,—
Та лежить нелюб по правій руці,
Бою ся го сбудити! *)

Лесиха слушала пѣсню, стиснувъ зубы. Нѣсколько разъ она исподлобья сурово взглянула на невѣстку. Анна этого не видѣла,

---

*) Зашло солнце за оконцемъ
Лучистымъ кругомъ;
Выйди, милая; выйди серденько,
Скажи хоть слово!
Рада бъ я выйти, рада бъ я выйти
Поговорить съ тобою,—
Да лежитъ не любъ по правую руку
Разбудить боюся!

продолжала жать и пѣла. Изъ ея затуманенныхъ глазъ крупная слеза скатилась и упала на серпъ —видно, не только уста, но и сердце ея пѣло ту же пѣсню.

— Вотъ что у нея въ головѣ! Эхъ, ты, хозяйка моя зашлепанная! Какія пѣсенки распѣваетъ! сердито перебила ее Лесиха.

— Оставьте вы, мама, Анну въ покоѣ!—съ сердцемъ отвѣтила Горпына. Что на васъ за говорливость напала такая. Ни говорить, ни плакать, ни смѣяться не даете, да еще и пѣть запрещаете! Какой чертъ дальше выдержитъ у васъ?

— Но, но, растрещалась, сорока куцехвостая!—вскрикнула мать — изволь-ка жать да молчать! Не бойся, знаю я, гдѣ у тебя раки зимуютъ! Помолчи, не то и тебѣ достанется.

Опять однообразно и мрачно потянулась работа. Старуха ежеминутно, словно приказчикъ, покрикивала то на невѣстку, то на дочку. Солнце уже поднялось высоко. Рожь ложилась на землю— и широко покрывала полосы. Вотъ ужъ наши три жницы пополдничали и, не отдохнувъ, взялись опять за дѣло. Солнце жгло, съ лицъ катился потъ. Сверчки трещали громко и выразительно, казалось, что голоса ихъ раздаются гдѣ-то глубоко, глубоко подъ землею... Кромѣ сверчковъ, все затихло, все скрылось въ тѣни отъ жаркихъ солнечныхъ лучей. Только человѣкъ, царь творенія, мучается тогда, когда природа отдыхаетъ.

III.

— Лесиха, Лесиха!—раздался голосъ какого-то косаря съ опушки лѣса.

Лесиха встала, приложила руку ко лбу и устремила глаза вдаль.

— Не видите развѣ, три вашихъ коровы въ овсѣ? — продолжалъ кричать голосъ.

Изъ лѣсу долетало визгливое пѣніе Васыля:

Ой тамъ на горбочку
Сидів дідко в черепочку,
А ми его не пізнали... *)

*) Гей, тамъ на холмочкѣ
Сидѣлъ чортъ въ черепочкѣ,
А мы его не узнали.

Гей (это «гей» тянулось безконечно долго), мать, моя мать
Пусти мене погулять...
Го-о-о-а-усподи, воззвахъ тебѣ, услыши мя!..

— Ахъ, чортово отродье! Ужъ опять напроказилъ! Чтобъ тебѣ печенки выкричать! Васыль-гей! Василь-гей! Чортъ тебѣ въ печенки! Остолопъ проклятый — на! Не видишь, что коровы въ овесъ ушли, а? А, повылазили-бъ тебѣ твои слѣпыя очи!

— Господи помило-о-ой! — раздавалось эхо изъ лѣсу. Это „лой“ тянулось опять очень долго и затерялось, наконецъ, въ далекомъ, темномъ лѣсу.

— Галай, на, Галай! — закричалъ опять косарь со стороны лѣса.—Выгонишь ты коровъ съ поля? Вздуло-бъ тебя, какъ Бачинскую гору, га!

— Ой туду, ду, ду, ду, ду, ду; за волами я иду, — кричалъ во все горло Галай изъ лѣсу.

Косарь, видимо, потерялъ терпѣніе, схватилъ косу на плечи и самъ побѣжалъ выгонять коровъ изъ овса. Выгналъ ихъ въ лѣсъ и исчезъ за ними въ темной зелени. Вскорѣ послышался крикъ и плачъ Васыля.

— Такъ, такъ, такъ,—приговаривала Лесиха, снова наклонившись къ жнивью.— Пусть съ него тамъ три шкуры сдерутъ,—слова не скажу! Пусть за скотомъ смотритъ, а не горланитъ!

Вечерѣло. Солнце роскошно закатилось за синія горы. Мгла надвинулась на луга и заклубилась все растущими сѣдыми туманами. Изъ мглы, словно ребенокъ изъ-подъ теплой перины, отозвались дергачи. Перепела запотьполотькали изъ овса. Вѣтеръ повѣялъ съ болотъ тепломъ и разнесъ запахъ съ сырого водяного бурьяна и татарской травы. Какъ-то хорошо и легко становилось на сердцѣ.

Наши жницы дожали полосы, встали, выпрямили спины и передохнули.

— Хорошій завтра денекъ будетъ, — промолвила Лесиха какъ-то ласковѣе обыкновеннаго.—Слава Богу, что мы тутъ сегодня закончили. Завтра нужно будетъ ячмень на Базарищѣ начать.

— Хорошая сегодня ночь будетъ! — прошептала Горпына, слегка вспыхнувъ, и вздохнула.

Анна улыбнулась ей въ отвѣтъ, но какъ-то печально — словно сквозь слезы. Она одна знала тайну дѣвичьяго сердца Горпыны, о ея любви къ красивому чернобровому парню Дмитрію Грому.

— Ну, чего стоите! Анна! Бурьянъ собрать, коровамъ передъ удоемъ. Ты, дѣвка, бѣги, телятъ напой! Ну, живѣе!..

Анна тотчасъ-же молча бросилась къ работѣ, радостнѣе обыкновеннаго. Чарующая сила скрывается въ одномъ-одинешенькомъ ласковомъ словѣ! Горпына бѣгомъ, напѣвая, понеслась домой, а старая Лесиха, положивъ серпъ на голову, остріемъ къ платку, и, приспособивъ себѣ на плечо снопъ — первакъ, степенно двинулась за нею. Послѣдней домой пришла Анна, неся на плечахъ большую дерюгу свѣжаго, пахучаго, пестраго бурьяна. Коровы уже дожидались ея, и, увидѣвъ свой обычный ужинъ, отъ радости замычали и столпились всѣ около сѣнныхъ дверей, ожидая, пока придетъ очередь каждой идти къ сѣнямъ поѣсть вкусной травы и отдать въ чистый подойникъ свой дневной запасъ молока.

Уже почти смерклось. У Лесихи затоплена печь, огонь пылаетъ яркимъ, краснымъ свѣтомъ. Анна съ Горпыною хозяйничаютъ, варятъ, что нужно на завтра. Дѣдъ Заруба, сидя на лежанкѣ, громко читаетъ молитвы, а Васыль, наслушавшись брани Лесихи и получивъ пинка два въ спину, полѣзъ на печь и заснулъ, не дожидаясь ужина.

Подъ окнами послышались тяжелые крестьянскіе шаги и лязгъ косы, а, немного погодя, въ избу вошелъ Игнатъ, бросилъ соломенную шляпу на скамью и сѣлъ у края стола.

— Эй ты, Галай! Быки привязаны?

— Привязаны, привязаны, — отвѣтила Анна, моя чашки и занявшись приготовленіемъ къ ужину.

— А твои серпы, хозяйка, гдѣ лежатъ?

— Гдѣ же? Въ сѣняхъ на дверной перекладинѣ! Гдѣ-жъ, имъ быть?..

— Какже! Если-бъ немного не досмотрѣлъ, просадилъ бы себѣ ногу на вѣки вѣчные! Подъ самымъ порогомъ!

— То, вѣрно, коты!..

— Ой, голубушка! Только не береги мнѣ моего добра, какъ

зеницу ока! Своего нѣтъ у тебя, чтобъ расшвыривать! Вѣдь, не принесла ты мнѣ приданаго!

Анна замолкла. Ее очень больно задѣло это слово. Зачѣмъ же ты взялъ меня? — Ты вѣдь видѣлъ, что я бѣдна. Разныя мысли тѣснились въ ея головѣ, но не хватало смѣлости бросить ихъ, въ свою очередь, въ лицо Игнату.

— Ну, спать,—командуетъ Лесиха. — Ты ненужный огонь въ печи погаси, жаръ сгреби въ уголокъ, слышишь? Горшки въ печь—пусть крупа на завтра допрѣетъ! Горпына, воды еще нѣтъ! Пойди за водой, да поскорѣе!

Анна стала убирать, а Горпына выбѣжала въ сѣни, только стукнула ведрами да коромысломъ, скрипнула дверью, а со скотнаго двора послышалась веселая пѣсенка:

Кобим була така красна, як та зоря ясна,
Світилабим миленькому, ніколи не згасла! *)

— О, что у нея въ головѣ дѣлается! сердито отозвался Игнатъ, раздѣваясь. Мама, не посылайте ее никогда вечеромъ за водой!

— А почему?

— Да развѣ не знаете? Тотъ долгоносый Громыкъ, онъ что-то ужъ очень къ ней...

— Что?—крикнула Лесиха. — Этотъ сопливый смѣетъ подбираться къ моей дочери? Да я ему волосы общипаю на его капустной головѣ! Я пойду къ его матери,—пусть его держитъ у себя, если хочетъ, чтобы съ нимъ бѣды не случилось.

Игнатъ уже легъ въ постель. Лесиха еще долго сопѣла да ходила по комнатѣ.

— Эхъ, пусть только попадется мнѣ въ руки! Будетъ онъ меня знать! Поросенокъ эдакій! Какъ схвачу его—раздеру!

— Ну, что съ вами, мама! — начала Анна. Кончая уборку, она до сихъ поръ не вмѣшивалась въ эту бесѣду. Что вамъ въ голову пришло? охота вамъ слушать, что Игнатъ плететъ! Да пусть скажетъ, видѣлъ ли онъ когда-нибудь собственными глазами, чтобъ Громыкъ приставалъ къ Горпынѣ?

*) Если бъ я была такъ же прекрасна, какъ ясная звѣзда,
Я свѣтила бы милому и никогда не погасла бъ.

— О, какой тутъ еще адвокатъ нашелся! съ крикомъ отвѣтилъ съ постели Игнатъ.—Спать ступай, дармоѣдка!

Лесиха раздѣлась и легла на печкѣ, гдѣ Анна уже постлала для нея мягкую перину и двѣ подушечки. На печи громко храпѣлъ дѣдъ Заруба, да время отъ времени напѣвалъ сквозь сонъ Васыль.

— Дѣдушка, повернитесь-ка на другой бокъ! Не храпите такъ, печь развалится!—крикнула Лесиха, толкая дѣда въ бокъ.

— Богъ заплатитъ ручечкамъ работящимъ и ножечкамъ приходящимъ и головамъ выслушивающимъ, —началъ Заруба сквозь сонъ свою обыкновенную молитву, но сейчасъ же обернулся на другой бокъ и затихъ. Спустя минуту, заснула и Лесиха.

Въ хатѣ стало тихо. Блѣдный мѣсяцъ несмѣло смотритъ сквозь маленькія, тусклыя оконныя стекла. Анна еще не легла. Она оперлась головой объ окно, локтями о подоконникъ и долго стояла, тяжело задумавшись. О чемъ она думала? Богъ знаетъ. Можетъ, передъ ея взорами проходили ея годы, молодые, невеселые, сиротскіе. Можетъ быть, вспоминалась ея сердцу первая, взаимная, но несчастная любовь, потому что на глазахъ набѣжали слезы, а изъ устъ чуть слышно полилась грустная пѣсня:

Шуміли верби в поповій дебри,
Тай лозовое прутя;
Люблю тя, дівча, люблю серденько,
Про людей не возьму тя.
Не так про людей, не так про людей,
Отець мати не велить...
Мене за тобовъ, мене за тобов
Само серденько болить! *)

— Жинка!.. Лѣнтяйка ты этакая! Что ты, собралась мышей ловить, что-ли? Чего спать не идешь?—отозвался Игнатъ.

Анна очнулась, отерла слезы и стала на молитву.

Молилась она долго, горячо, простыми сердечными словами.

---

*) Въ поповой рощѣ шумѣли вербы и вѣтви лозы. Люблю тебя, дѣвушка, люблю, мое сердце, но люди мѣшаютъ мнѣ жениться на тебѣ. Не такъ люди, не такъ люди,—отецъ съ матерью не позволяютъ. У меня по тебѣ, у меня по тебѣ сердце болитъ.

А за окнами, на вишнѣ, соловей громко выводилъ свои пѣсни, все начиная, точно на смѣхъ: патыкомъ, патыкомъ, патыкомъ и вдругъ: цюррр... А на выгонѣ Горпына прощалась съ своимъ милымъ.

— Горпына, голубка, обожди еще минуточку! Мы еще и не наговорились!

— Нѣтъ, Мытрику, нельзя, мать будетъ бранить. Ты вѣдь знаешь, какая она! Доброй ночи! А завтра...

Не докончила, схватила ведра съ водою и побѣжала домой.

— Завтра, шепталъ за нею Дмитрій. Долго смотрѣлъ онъ съ выгона на Лесихину хату, а потомъ задумался.

— А не напрасно-ли люблю я ее? Выдастъ-ли ее за меня старая Лесиха? подумалъ онъ. Сердце его сжалось, когда онъ вспомнилъ о своей бѣдности.

— Нужно работать, зарабатывать, что есть силы, а выйдетъ-ли что изъ этого? Такое-то наше счастье!

Онъ тяжело вздохнулъ, вытащилъ изъ-за пазухи свирѣль, заигралъ, да такъ нѣжно, тихо и печально, словно-бы въ той пѣснѣ тонула вся его надежда на тихое счастье.

— Доля моя горькая! прошепталъ Дмитрій и повернулъ къ себѣ, къ бѣдной, обсаженной вербами хатенкѣ, гдѣ жила его старая мать. Изъ густыхъ зеленыхъ вербъ раздалась пѣсня парня:

Ой ще кури не піли,
Кажуть люде: день білий!
Ой вийди, вийди, хороша дівчино,
Поговори зо мною! *)

Лолинъ, іюнь 1876 г.

*) Еще пѣтухи не пѣли,
А люди говорятъ: уже день бѣлый!
Ой, выйди, выйди, красавица-дѣвушка,
Поговорить со мною.

ДВА ПРІЯТЕЛЯ.

Два пріятеля.

I.

И что вы, кумъ, говорите о дружбѣ! друзья, друзья! А я съ вами, о что хотите, готовъ биться о закладъ и говорю, что на свѣтѣ нѣтъ ни настоящей дружбы, ни настоящихъ пріятелей! Называйте меня, какъ хотите, говорите, что вздумается,—я свое буду! Да и что такое пріятель? Развѣ найдете такого пріятеля, который-бы вамъ въ нуждѣ помогъ или, вообще, какъ-нибудь поддержалъ. Это одни слова! и больше ничего. А если хотите, то я вамъ сейчасъ и примѣръ приведу, чтобы вы знали, какъ мало теперь можно положиться на пріятеля!

Вы, вѣдь, знаете, въ какой я былъ дружбѣ съ Ѳомою Подгорбачнымъ. Да и какъ намъ было не подружиться! Насъ, видите, двое только и было настоящихъ парней на цѣлое село. Парни, словно дубы, крѣпкіе. Имуществомъ родителей Богъ не обидѣлъ, а насъ трудолюбіемъ. Принарядимся, бывало, въ воскресенье, какъ Богъ велѣлъ,—не стыдно и въ люди показаться. А дѣвки! Сколько онѣ, бывало, набѣгаются за нами, только одинъ Андрей святой знаетъ. Извѣстно, парни добрые и не какихъ-нибудь плохихъ отцовъ дѣти.

Любо было видѣть, какъ мы съ Ѳомой дружили. Бывало, въ лѣсъ-ли по дрова, въ камышъ-ли утокъ стрѣлять, танцовать-ли, другое-ли что, оба, да оба. И не было между нами ни ссоры, ни

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ 31538

479/2 ср
Львівська Філія
Бібліотеки АН УРСР

несогласія. Скажетъ, бывало, Ѳома: — Семенъ, выйди завтра на мой сѣнокосъ покосить—твоя трава ужъ скошена!—Отчего-жъ не выйти?—выйду! говорю. Скажу, бывало, Ѳомѣ:—дружище, у васъ нѣтъ работы, возмите нашъ неводъ, да исправьте—поѣдемъ послѣ воскресенія на Днѣстръ по рыбу.—А, хорошо!—говоритъ Ѳома—и сейчасъ беретъ для починки неводъ.

Наше село, какъ вы знаете, расположено надъ самымъ Днѣстромъ, да еще на ровномъ мѣстѣ. А мы оба были большіе охотники рыбачить. Пойдемъ, бывало, съ сачками-ли, съ неводомъ, или, въ половодье, съ крошнями—наловимъ такой красоты, что—ухъ! И для себя хватаетъ и на продажу.

Ну, ничего. Дружили мы съ Ѳомою, какъ родные братья. Не разъ и удивлялись люди. Какъ они, говорятъ, могутъ спѣться? Они, вѣдь, словно огонь и вода! Я, видите, отъ роду спокойный, а Ѳома вспыхиваетъ, какъ искра. Да что ужъ говорить! Стали пріятелями, такъ нечего назадъ оглядываться. Спѣлись, да еще какъ! Если-бы наше общество каждый разъ проявляло такое согласіе при выборѣ новаго войта, то, вѣрно, никогда-бы не было у насъ такой неурядицы, какая теперь бываетъ!..

Эхъ, годы, годы молодые! Хороши-бы вы были, золотые-бъ вы были для всякаго парня, если-бъ на васъ не эта страшная вѣдьма — рекрутскій наборъ. Теперь-то это еще пустяки. Забрѣютъ тебя — такъ все-же съ человѣкомъ по-человѣчески обращаются: не надругаются, какъ надъ скотиной. Правда, и теперь еще приходится не одному получить свое, пока онъ выучится, этой командѣ! да что это въ сравненіи съ прежнимъ? Старики и говорятъ: до тѣхъ поръ собака плавать не научится, пока въ уши воды не нальется; нѣтъ науки безъ муки,—но теперь рекрутскій наборъ уже не такъ страшенъ, какъ бывало. Призываешься разъ, другой, третій, — не забрѣютъ, и ты вольная птица — хоть женись, хоть дальше гуляй. Но въ мое время, о, тогда не то было! Сохрани насъ, Боже, отъ подобнаго! Тогда, бывало, мандаторъ записываетъ и представляетъ къ набору, кого самъ намѣтилъ, не справляясь: призывался-ли тотъ уже три, шесть или—сколько-бы то ни было разъ. Такъ, бывало, не одинъ бѣднякъ и десять и пятнадцать лѣтъ живетъ въ вѣчной тревогѣ. Вотъ, думаетъ себѣ, нагрянутъ жандармы, закуютъ въ цѣпи, да гайда подъ мѣру!

Какъ видите, не такъ было, какъ теперь. Не отправлялись парни въ округъ, не являлись къ набору, какъ теперь,—они удирали и прятались, кто куда могъ, а мандаторы съ жандармами преслѣдовали ихъ по всѣмъ закоулкамъ. Скверно было жить на свѣтѣ?

Вотъ, приблизительно, въ мясоѣдъ, слышимъ и мы: записали насъ къ рекрутскому набору. Боже! замерло у меня сердце, когда я услыхалъ это. А мой Ѳома даже весь одервѣнѣлъ, сердечный.

— Не будемъ, говоритъ, Семенъ, дожидаться бѣды, удеремъ!

— Удеремъ!—говорю я—и побѣжалъ домой собираться. Отецъ, мать, и всѣ домашніе, услышавъ, что творится, такъ и потемнѣли отъ печали.

— Сыночку, сыночку!—причитала мать—одинъ ты у меня, какъ одна душа у Бога, да и того хотятъ у меня отнять!

— Тише, старуха,—сказалъ отецъ сквозь слезы—не держи его, пусть идетъ; авось его Богъ милосердный убережетъ отъ лихой бѣды. Собирайся, голубчикъ, прощайся съ матерью, съ сестрами, пойдемъ, я провожу тебя за село.

Собрался, простился. Когда я вышелъ, мать такъ и обомлѣла.

— Семенъ, Семенъ, вернись!—кричала она.

Я вернулся.

— Хоть нагляжусь на тебя, сыночекъ мой, родной мой! можетъ, въ послѣдній разъ тебя вижу.

— Успокойтесь, мама, Богъ милостивъ!—дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ я, цѣлуя ея колѣни, а у самого сердце сжалось.

Мы пошли съ отцомъ низомъ, черезъ скотный дворъ къ Днѣстру. Тамъ уже ждалъ меня Ѳома. Отецъ благословилъ насъ, разсказалъ, гдѣ и въ какомъ направленіи есть мѣста, удобныя для того, чтобы спрятаться; мы простились и пошли.

Ой, натерпѣлись-же мы до весны,—Боже единый, ты одинъ только про это знаешь! Вотъ слышимъ, по селамъ то тамъ, то здѣсь бушуютъ жандармы, того, другого изловили. Насъ еще какъ-то Господь сохранялъ. Мы все держались приднѣстровскихъ болотъ, да камышей.

Но вотъ, въ одномъ селѣ говорятъ намъ: бѣгите въ поле!

Жандармы съ двухъ сторонъ пришли, обыскиваютъ камыши,— словятъ васъ, какъ рыбу въ неводѣ! Горе — горькое, что тутъ дѣлать? Укрыться въ селѣ — и думать нечего. Бѣжать въ поле навѣрняка пропадать: поле открытое, лѣсу и слѣда нѣтъ,—непремѣнно поймаютъ, развѣ только у насъ были-бъ заячьи ноги, или если-бъ мы въ мышиныя норы спрятались.—Ѳома, придется тутъ ужъ пропадать!—говорю я, опуская руки.

Мы не спали уже ночи три, измучились, измокли и еле дышимъ. Нѣтъ силы и шагу сдѣлать, не то чтобы черезъ поле побѣжать.

— Знаешь что,—говоритъ быстро Ѳома.—Иди за мною.

— Куда?

— Не спрашивай, иди, если не хочешь пропадать. Я зналъ горячую натуру Ѳомы, какъ-то пересилилъ себя и иду. Дорогою думаю про себя:

— И это пріятель, это вѣрный товарищъ? Ведетъ меня куда-то, Богъ вѣсть куда, а словечка теплаго не скажетъ, не утѣшитъ.

Гой, гой, въ несчастный я часъ родился!

Правда, не разъ для меня и до этой поры Ѳома переносилъ всякія бѣды, не разъ спасалъ меня, не думая о своей опасности, но и я же не оставлялъ его никогда ни въ какой нуждѣ, слушался его, какъ отца.

Такъ и теперь.

Такъ размышляя, иду я съ Ѳомою, волочу ноги гдѣ-то подлѣ села. Иду и гляжу, куда онъ поведетъ.

— Говъ!—сказалъ Ѳома, подходя къ самой крайней хатѣ,— тутъ нужно отдохнуть.

— Тутъ отдохнуть? — вскрикнулъ я, вглядѣвшись. Ѳома, что съ тобой? Да, вѣдь, это самая крайняя хата, на такомъ открытомъ мѣстѣ, безъ всякой защиты! Тутъ насъ такъ найдутъ и изловятъ, какъ воробья въ силкѣ!

— Мы должны тутъ отдохнуть! — сказалъ опять Ѳома холодно и твердо.—Я не могу дальше идти!

— Но, бойся Бога, человѣче!—кричу я,—самъ въ пропасть лѣзешь! что съ тобой сталось? Потерялъ ты разсудокъ, что-ли? Я не стану тутъ отдыхать, хоть что хочешь дѣлай!

— Не будешь? Га, какъ хочешь. Я тутъ отдыхаю.

— Пойдемъ хоть къ той скирдѣ да тамъ зароемся въ сѣно. Не дури, братъ, не лѣзь самъ въ бѣду!

— Я и шагу отсюда не сдѣлаю! — сказалъ снова упрямо Ѳома и пошелъ въ хату.

— Боже мой милосердый, неужто это мой пріятель, мой вѣрный товарищъ! Добровольно толкаетъ меня и себя въ бойню! И не отступитъ отъ своего, хоть сгинь! Упрется какъ козелъ рогами! Матерь Пречистая! сохрани меня отъ всего злого и отъ такого пріятеля!

— Но что жъ теперь дѣлать—думаю я дальше. Придется одному пропадать! Эхъ,—чѣмъ пропадать мнѣ одному гдѣ-нибудь, а Ѳомѣ тутъ,—такъ пусть же сгинемъ вмѣстѣ!

И я пошелъ въ избу за Ѳомой.

— Что, одумался, поумнѣлъ?—спрашиваетъ онъ съ насмѣшкою. Боже, онъ смѣется еще надъ моимъ страхомъ, а у меня кровь въ жилахъ застыла!

Хата, въ которую мы зашли, была наполовину развалѣнная старая клѣть, жилище старика-нищаго. Только лѣтомъ онъ тутъ порою ночевалъ; зимою жилъ въ селѣ, а лѣтомъ обыкновенно по цѣлымъ недѣлямъ шатался по селамъ за милостыней. И теперь мы его не застали. Хата была заперта на засовъ, но Ѳома отодвинулъ его кускомъ какой-то палки. Ничего, кромѣ нѣсколькихъ мѣшковъ, палки да шапки, сшитой изъ тысячи лоскутковъ, да еще кой-какихъ другихъ тряпокъ, въ ней не было.

Но мнѣ было непонятно, чему Ѳома такъ радуется и бѣгаетъ по хатѣ.

— Эй, Семенъ, — говоритъ онъ, — ты, вижу, дверь заперъ? Не запирай ее! Да пріотвори ее немного, тутъ душно!

Боже мой милый, этотъ человѣкъ, видно, совсѣмъ потерялъ разумъ, что-ли!

— Отопри дверь и пріотвори, слышишь? — крикнулъ онъ на меня.

Что было дѣлать? Пришлось слушаться полоумнаго.

— Раздѣвайся, да ложись спать. Нужно соснуть, потому что ночью и на волосокъ глазомъ моргнуть не придется.

Я стою, вытаращивъ на него глаза, самъ не зная, что со мной творится.

— Слышишь или нѣтъ, остолопъ проклятый! Раздѣвайся да ложись спать! Когда наступитъ время итти, такъ я тебя разбужу.

Все во мнѣ клокотало и кипѣло, какъ въ котлѣ. На глаза набѣжали слезы.

— Ѳома! — говорю я сквозь слезы, — что съ тобою? Потерялъ ты Бога въ сердцѣ? Или забылъ ты, что у насъ есть родители, что могутъ каждую минуту жандармы нагрянуть? Что ты дѣлаешь? Вспомни Бога, не губи насъ обоихъ! Да, вѣдь, были же мы когда-то товарищами, я любилъ тебя искренно, какъ родного брата! Что я тебѣ сдѣлалъ? За что ты хочешь мнѣ мой вѣкъ укоротить?

И что вы думаете,—смягчился Ѳома этою рѣчью? Какъ бы не такъ! Отвернулся отъ меня, словно звѣрь, потеръ рукой лобъ или лицо, да въ смѣхъ.

— Ха, ха, ха! Вотъ такъ молодецъ!—хохоталъ онъ.— Заслышалъ бѣду, какъ тотъ слѣпой колбасу въ борщѣ, да сейчасъ: погибаю, говоритъ, нѣтъ меня.

Вотъ это, видите, преданный пріятель? И довѣрься же такому человѣку! Подождите, что онъ мнѣ еще дальше подстроилъ!...

— Семенъ,—говоритъ черезъ минуту Ѳома уже какъ-то мягче,—Семенъ, братецъ, неужели ты думаешь, что я не отдалъ бы своей жизни за тебя? Развѣ забылъ ты, что мы оба въ одинаковомъ положеніи? Не думай, однако, что я съ ума сошелъ что-ли, или хочу погубить и себя и тебя. Дѣлай только, какъ я тебѣ говорю, такъ увидишь, что я еще не такъ глупъ, какъ тебѣ кажется.

Эти слова меня немного успокоили и, наконецъ, что-жъ было дѣлать? Раздѣлся я, постлалъ свитку на полъ и легъ, а гдѣ ужъ тамъ было уснуть! Дрожу всѣмъ тѣломъ, какъ рыба въ сѣти. Кому въ такой тревогѣ шелъ-бы сонъ въ голову?

Ѳома не ложился и шарилъ чего-то въ хатѣ. Что онъ задумалъ, Господь его знаетъ. Я не догадаюсь, ни за что!

— Семенъ,—говоритъ онъ, видя, что я не могу заснуть,— на, выпей!

И поднесъ мнѣ порядочную чарку водки. Водка съ нимъ была, а чарку онъ нашелъ гдѣ-то въ углу.

Я выпилъ. Напитокъ былъ крѣпкій, по тѣлу разлилась теплота, усталость взяла свое и, въ минуту, я заснулъ, какъ мертвый.

Не знаю, долго я спалъ или нѣтъ, но вотъ Ѳома ужъ будитъ меня.

— Семенъ, Семенъ, вставай, жандармы!

Послѣднее слово, точно громъ, раздалось надъ моимъ ухомъ и въ одну минуту отрезвило меня.

— Гдѣ, гдѣ, — спрашиваю я, вскочивъ на ноги.

— Не спрашивай, дѣлай, что говорю тебѣ.

— Что дѣлать?

— Зажмурь глаза и не открывай ихъ, чтобы ни было, пока не скажу. Помни!

— Хорошо, хорошо!

— А теперь возьми вотъ это въ руку!

Я взялъ. То была веревка или поводъ, не знаю.

— Держись хорошо!

— Держусь.

— Иди теперь за мною!

Мы пошли.

Дорогою слышу крикъ какой-то, плачъ, причитанье, скотъ реветъ, собаки лаютъ, подъ ногами грязь, мы, повидимому, идемъ селомъ.

— Ѳома, побойся Бога, куда ты меня ведешь?

— Ни слова, дурень! Жандармы приближаются! — шепнулъ онъ мнѣ своимъ твердымъ голосомъ. Я замеръ со страху.

— Вотъ здѣсь намъ достанется—думаю я.—Пропала коза, пропала и береза!

Идемъ дальше, а подо мною колѣна лишь диль, диль, диль! Наконецъ, слышу:

— A skad wy, dziady? *)—спрашиваетъ рѣзкій голосъ.

— То, вѣрно, жандармъ, —продолжаю я думать.—Ну, Господи помилуй грѣшную душу! Сейчасъ и къ намъ заговоритъ. Уди-

*) А откуда вы, дѣды, попрошайки?

вительно только, отчего онъ прежде разговариваетъ съ какими-то стариками.

Смѣшной старческій голосъ отвѣчаетъ тутъ возлѣ меня:

— Съ бѣлаго свѣта, паночку ласкавый! Мы божьи старцы, братья близнецы. Въ рѣкѣ купались, въ водѣ ныряли; я его окунулъ, а онъ въ водѣ глаза потерялъ. Хотѣлъ найти, да не могъ, такъ домой пошелъ.

— Ха, ха, ха!—засмѣялось нѣсколько голосовъ.

Боже милостивый, тутъ ихъ, должно быть, немало. И отчего они не хватаютъ, не вяжутъ насъ? даже не говорятъ намъ ни слова.

— Gdzie mieszkacie, wloczegi? *)—спрашиваетъ опять рѣзкій голосъ, но слышно было, что сквозь смѣхъ.

— Край воды, паночку, край воды! Наша хата изъ лебеды,— задвижка изъ репейника, а крыша изъ лопуха!

Снова смѣхъ кругомъ, но жандармы все насъ не трогаютъ. Я весь дрожу и держусь за веревочку, не смѣя уже и въ самомъ дѣлѣ со страху взглянуть на свѣтъ. Думаю себѣ: чему быть, тому не миновать, посмотрю, какъ это кончится.

— Jakis bestja dowcipny! **) — сказалъ, досыта насмѣявшись, рѣзкій голосъ, обращаясь къ другимъ. — Ale chodzmy juz! zdaje mi sie, ze w tej stercie za wcia uda nam sie zlowic jakiego ptaszka! ***)

Я слышалъ, какъ жандармы, хохоча, пошли, и отъ удивленія не зналъ, что со мной.

— Иди, слѣпой братище!—кричалъ дряхлый старческій голосъ все еще предо мною.—Иди туда, гдѣ вѣтеръ свищетъ. По вѣтру ляжемъ, вѣтромъ накроемся, вѣтеръ подъ голову возьмемъ и тепленько заснемъ.

— Zlodziej ze swojemi przytowkami! ****)—послышалось мнѣ издали. Ѳома дернулъ меня за шнурокъ. Я пошелъ за нимъ, все

---

*) Гдѣ вы живете, бродяги?

**) Остроумный бестія!

***) Однако, пойдемъ! Мнѣ кажется, что тамъ за селомъ намъ удастся изловить какую-нибудь птичку.

****) Вотъ воръ съ поговорками!

еще не зная хорошенько, сонъ-ли или дѣйствительность то, что со мной творится.

Мы шли еще довольно долго.

— Ну, раскрой глаза, слѣпой котъ! — сказалъ мнѣ весело Ѳома.—Я прозрѣлъ. Въ полѣ вокругъ насъ уже распространился густой мракъ. Далеко еще виднѣлось село, узнаваемое по клубамъ дыма, носящимся то тутъ, то тамъ надъ низкими соломенными крышами.

— Ну что, съѣли насъ жандармы?—спрашиваетъ меня Ѳома, смѣясь.

Я не отвѣтилъ ни слова, не будучи еще въ состояніи прійти въ себя.

— Товарищъ милый, видишь, что я не толкнулъ тебя въ пропасть! — сказалъ онъ тихо! Я теперь впервые взглянулъ на него.

Что это опять? Возлѣ меня стоялъ какой-то нищій съ длинной бородой.

— Во имя Отца и Сына, что съ тобой, Ѳома?

— То-же, что съ тобой,—отвѣтилъ онъ.

— То, что со мной? Ты почему это думаешь?

— Посмотри въ воду на свою красоту! —отвѣтилъ онъ старческимъ голосомъ.

Недалеко была широкая лужа, я посмотрѣлъ—на меня взглянуло какое-то привидѣніе! Если-бъ я не зналъ, что это, дѣйствительно, я самъ, то не узналъ-бы себя, ни за что! Нищій и только, хоть умри, не узнаешь Семена. Обвѣшанъ мѣшками, съ длинной палкой въ рукѣ, съ пестрой шапкою на головѣ... Ѳома такой-же! Оттого-то онъ такъ настрого велѣлъ мнѣ идти спать въ хату нищаго!

Такъ мы, видите, ушли на этотъ разъ отъ бѣды; но вы думаете, что на этомъ кончилось? Жандармы искали, усердно искали— дальше,—мы шли и кидались въ разныя стороны, какъ тѣ вороны на вѣтрѣ, колесили, да колесили за Днѣстромъ. Но вотъ слышимъ, что бѣда ужъ немного стихла, нѣтъ ужъ жандармовъ въ окрестности.

— Ну, слава тебѣ, Господи! — думается намъ — на этотъ разъ мы спаслись. Теперь нужно придумать, какъ-бы домой

вернуться. Совѣтуй, Ѳома! Проводи, Ѳома! Ѳома взялся проводить.

Мы возвращались окольными путями, не спѣша, осторожно, чтобы гдѣ-нибудь нечаянно не попасться въ руки жандармамъ. Богъ помогъ, мы были ужъ недалеко отъ своего села, только въ полумилѣ отъ него, не дальше. Кто-бы подумалъ, что тутъ мы найдемъ то, чего мы, можетъ быть, въ теченіе полугода не могли найти въ чужихъ селахъ? А таки нашли свою бѣду—на мосту, какъ говорятъ. И это все изъ-за моего пріятеля, изъ-за Ѳомы.

Сидѣли мы два дня въ камышѣ. Было слышно, что еще въ нашемъ селѣ жандармы. На другой день вечеромъ Ѳома говоритъ:

— Знаешь что, Семенъ? У меня нога болитъ,—можетъ, ты пошелъ-бы куда-нибудь въ село, — узналъ-бы, что слышно, да принесъ-бы чего-нибудь поѣсть?

Я пошелъ. Едва я вышелъ изъ камыша, смотрю — жандармы ходятъ по полю. Я, увидавъ ихъ, помертвѣлъ съ испугу. Господи, а что если они меня увидятъ! Эхъ, задралъ я полы, да шмыгъ въ камышъ! Но было поздно, — замѣтили меня, собачьи дѣти, пустились за мной въ догонку. Вспоминаю еще, что ихъ было четверо.

Какъ и куда я бѣжалъ, не помню. Помню только, что мокрый, ободранный, окровавленный я упалъ возлѣ Ѳомы. Ѳома сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

— Вставай,—крикнулъ онъ мнѣ,—скачи подъ мостъ!

Недалеко былъ мостъ черезъ рѣку. Подъ нимъ было знакомое намъ мѣстечко, гдѣ удобно было укрыться. Я собралъ послѣднія силы и всталъ.

— А ты-жъ куда дѣнешься?—спрашиваю Ѳому.

— Бѣги, я ужъ придумаю.

Я побѣжалъ, оставивъ его въ камышѣ. И до сихъ поръ не знаю, какую хитрость хотѣлъ пустить въ ходъ Ѳома, чтобъ и на этотъ разъ уйти отъ погони. Черезъ минуту, дрожа всѣмъ тѣломъ, сидѣлъ я уже безопасно укрытый подъ мостомъ. Сижу я, сижу, понемногу и страхъ прошелъ, всматриваюсь, вслушиваюсь, что станется съ Ѳомой. Ничего не слышу, лишь рѣка шумитъ со стороны моста.

Долго сидѣлъ я, съежившись, не двигаясь, подъ мостомъ,

между двумя бревнами. Но вотъ слышу какой-то шумъ. Вглядываюсь—Господи милосердный!—моего пріятеля, моего Ѳому ведутъ жандармы. На рукахъ и ногахъ звенятъ цѣпи, жандармы съ сверкающими карабинами окружили его. У меня въ глазахъ потемнѣло, сердце, точно льдомъ, обдало. Вглядываюсь лучше— Ѳома по самую шею мокрый, замазанный, да къ этому еще на немъ полно гнилыхъ листьевъ и зеленой водяной травы. Вѣрно, бѣдняга, хотѣлъ укрыться во рву, да напрасно — нашли его, изловили!

— Слава тебѣ Господи, что хоть я цѣлъ,—пришло мнѣ въ голову—согнулся втрое и сижу тихо, едва духъ перевожу.

Ну, кто-бы думалъ, что Ѳома даже теперь захочетъ напакостить мнѣ! Гай, гай, Боже единый! Пріятель, пріятель! Слушайте только, на какую хитрость пустился мой пріятель безцѣнный, чтобъ и меня погубить, да выдать въ руки жандармамъ... Я прислушиваюсь—издали слышны шаги. Жандармы идутъ на тотъ мостъ, гдѣ я сижу. Говъ! слышу еще что-то. Кто-то поетъ, что-ли! Прислушиваюсь еще больше — голосъ Ѳомы. Идетъ онъ да какъ-будто напѣваетъ протяжно:

Ой Семене, мій друже Семене!
Та скажи ти батькові від мене,
Що не буде вже Хома
У неділеньку дома! *)

— Хорошо, хорошо! — тронутый жалобной пѣсней Ѳомы крикнулъ я изъ-подъ моста.

Господи, какъ я въ эту минуту испугался собственнаго голоса! Умирать буду, а та минута не выйдетъ у меня изъ памяти. Въ ушахъ у меня зашумѣло, зарябило въ глазахъ, кровь хлынула къ головѣ,—самъ не знаю, что со мной сталось.

Я опомнился на мосту. Два жандарма держали меня за руки, одинъ заковывалъ ихъ въ кандалы. Я двинулъ ногой, на ней забренчала такая-же цѣпь.

---

*) О, другъ мой Семенъ!
Скажи ты отъ меня отцу,
Что не будетъ ужъ Ѳома
Въ воскресенье дома!

И вы мнѣ говорите о дружбѣ! Развѣ по-пріятельски поступилъ со мною Ѳома? Я взглянулъ на него. Онъ стоялъ мрачный, мокрый, дрожащій. Онъ бросилъ взглядъ на меня,—въ его глазахъ дрожали слезы... Что мнѣ отъ этихъ слезъ? Они ни мнѣ, ни ему не помогутъ!

На другой день намъ уже обстригли кудри. Мы были солдатами.

. . . . . .

Охъ, дружба, дружба! Не сладко ты мнѣ далась! Не забуду я тебя до смерти! Изъ-за тебя пропали мои лѣта молодыя!

Лолинъ, іюнь 1876 г.

КАМЕНЩИКЪ.

КАМЕНЩИКЪ.

Каменщикъ.

Ахъ, этотъ стукъ, этотъ шумъ, эти крики на улицѣ, какъ разъ противъ моего окна, гонятъ всякую мысль изъ головы, не даютъ мнѣ ни минуты покоя, отрываютъ отъ работы!.. И некуда мнѣ дѣться, некуда спрятаться отъ этого неугомоннаго шума. Съ утра до вечера онъ не прекращается, а когда я, измученный дневнымъ зноемъ, лягу спать, то ясно слышу его даже во снѣ. Ужъ цѣлыхъ два мѣсяца! И подумайте такъ только! Съ тѣхъ поръ, какъ противъ моихъ оконъ начали строить это несчастное каменное зданіе, я не написалъ ни одной строчки, а стукъ и шумъ не переставали звучать въ моихъ ушахъ.

Не въ состояніи что-нибудь самъ дѣлать, сижу день день-ской у окна и гляжу на работу другихъ. Отъ движенія, бѣготни, работы нѣсколькихъ десятковъ людей, суетящихся въ этомъ тѣсномъ мѣстѣ, словно муравьи въ кучѣ, нервное раздраженіе проходитъ. Я успокаиваюсь, глядя, какъ мало-по-малу подъ руками этой массы рабочаго люда растетъ громадное зданіе, какъ подымаются вверхъ его стѣны, какъ шипитъ и курится известь, которую гасятъ въ большихъ досчатыхъ ящикахъ, а оттуда спускаютъ въ ямы; какъ каменщики обтесываютъ кирпичи, приспособляя ихъ къ надлежащему мѣсту, какъ женщины и дѣвушки носятъ цементъ въ бадьяхъ, черезъ ушки которыхъ пропущены палки; какъ помощники, согнувшись въ дугу, на деревянныхъ носилкахъ, ярмомъ наложенныхъ на плечи вокругъ шеи; тащатъ кирпичъ вверхъ по лѣсамъ. Ежедневная тяжелая работа этихъ людей проносится предомною, словно туча, и, слыша ихъ крики, шутки и разговоры, я забываюсь, будто тону въ какомъ-то безбрежномъ, непроницаемомъ туманѣ, и быстро, неуловимо плыветъ часъ зачасомъ, день за днемъ.

Лишь надсмотрщики со своимъ крикомъ, со своей руганью, угрозами, бранью, да произволомъ надъ рабочими, отвлекаютъ

меня отъ этого тумана, напоминаютъ о живой, скверной дѣйствительности. Надсмотрщиковъ всего двое, а, между тѣмъ, всюду ихъ видно и слышно. Гдѣ кто изъ нихъ пройдетъ, тамъ всѣ рабочіе нагибаются и умолкаютъ. Ничѣмъ имъ не угодишь, ничто имъ не нравится, на все у нихъ готова брань, готово сердитое, ругательное слово. А если какой-нибудь рабочій посмѣетъ отозваться, защищаться или вступиться за товарища, — сейчасъ лицо пана надсмотрщика наливается кровью, изъ устъ брызжетъ пѣна, и достается же тогда отъ него виновнику!.. И то еще хорошо, если ему позволятъ остаться, если не прогонятъ въ ту-же минуту съ работы!... Но, вѣдь, они здѣсь полные хозяева, ихъ власть надъ рабочими безгранична, а прогнавши одного, они сейчасъ-же достанутъ четырехъ, которые еще и сами будутъ напрашиваться на мѣсто прогнаннаго. О, нынѣшнее лѣто для надсмотрщиковъ урожайное! Выбирай любого и урывай изъ платы, сколько хочешь,—ничего не скажутъ рабочіе. А если кто-нибудь изъ нихъ вздумаетъ пожаловаться архитектору—долой, пусть гибнетъ съ голоду, если не хотѣлъ быть покорнымъ!

Однажды, когда я, по обыкновенію, сидя у окна, посматривалъ на работу, поднялся вдругъ крикъ на самой передней стѣнѣ. Причины крика я не видѣлъ—слышалъ только, какъ надсмотрщикъ набросился на одного рабочаго, высокаго, мрачнаго, среднихъ лѣтъ каменщика, и началъ ругать его послѣдними словами. А тотъ ничего: наклонился и продолжалъ работу. Но это упорное, угрюмое молчаніе еще болѣе разсердило надсмотрщика.

— Ты, ворюга, голякъ, арестантъ, сейчасъ-же вонъ съ работы!—съ пѣною у рта кричалъ мастеръ, все ближе подступая къ рабочему.

Я видѣлъ, какъ мрачное, склонившееся надъ кирпичомъ лицо каменщика все болѣе краснѣло, словно наполнялось жаромъ. Онъ стиснулъ зубы и молчалъ.

— Что? мнѣ сто разъ тебѣ говорить, висѣльникъ, босякъ, разбойникъ, а?!. Маршъ отсюда!.. Сейчасъ-же убирайся, а то прикажу сбросить!..

Работникъ, очевидно, боролся самъ съ собою; лицо его даже посинѣло. Наконецъ, не разгибаясь, онъ поднялъ голову и медленно, съ невыразимымъ презрѣніемъ въ каждомъ звукѣ процѣдилъ:

— Мужикъ—мужикомъ! Не дай, Боже, изъ мужика пана!..

При этихъ словахъ надсмотрщикъ остолбенѣлъ. Очевидно, слова каменщика поразили его въ самое больное мѣсто: онъ былъ изъ крестьянъ и теперь, ставъ „паномъ надсмотрщикомъ“, очень стыдился своего происхожденія. Однако, минуту спустя, онъ оправился и крикнулъ:

— Вотъ какъ?!. такъ ты со мною разговариваешь?!. Подожди-же, я тебѣ покажу!.. Я тебя научу!.. Вонъ!..

Работникъ не трогался съ мѣста и продолжалъ работать.

— Убирайся, разбойникъ!.. Ступай къ ста чертямъ, а то велю позвать полицейскаго!..

Работникъ упрямо стучалъ молоткомъ о кирпичъ. Тогда надсмотрщикъ подскочилъ къ нему, вырвалъ изъ рукъ молотокъ и швырнулъ на улицу. Разозленный каменщикъ заскрежеталъ зубами и выпрямился.

— Хамъ,—крикнулъ онъ,—какого чорта ты пристаешь?.. Чего тебѣ отъ меня нужно?..

— А!.. такъ ты угрожать?!—рявкнулъ надсмотрщикъ,—караулъ!.. караулъ!.. Разбойникъ!..

На этотъ крикъ прибѣжалъ другой надсмотрщикъ, и оба соединенными силами бросились на каменщика. Тотъ не защищался. Кулаки посыпались на его плечи; сопровождаемый пинками, нѣмой отъ гнѣва и отчаянія, онъ сошелъ съ лѣсовъ и взялъ на плечи свой мѣшокъ съ инструментами.

Остальные рабочіе, видѣвшіе эту сцену, работали молча, склонившись надъ кирпичомъ и стиснувъ зубы. Никто изъ нихъ не сказалъ ни слова.

— Мужикъ всегда останется мужикомъ! крикнулъ каменщикъ уже на улицѣ. На его лицѣ еще разъ показалась натянутая насмѣшка, но въ то-же время въ глазахъ заблестѣли на солнцѣ слезы.

— Пошелъ вонъ, пока голова цѣла, разбойникъ поганый!— крикнулъ надсмотрщикъ со стѣны и погрозилъ уходящему кулакомъ.

На другой день я всталъ рано и выглянулъ въ окно. На улицѣ было еще тихо. Рабочіе только что сходились „на фабрику“. Я очень удивился, увидавъ между ними прогнаннаго вчера каменщика. Заинтересованный, я началъ смотрѣть, что изъ этого выйдетъ, когда придетъ надсмотрщикъ. Рабочіе мало бесѣдовали между собою, а къ прогнанному и совсѣмъ никто не подходилъ; онъ стоялъ сбоку, около забора.

Но вотъ и надсмотрщикъ подошелъ, пыхтя чего-то, словно мѣхъ кузнечный. Онъ быстро окинулъ взглядомъ рабочихъ; сердитый взоръ его остановился на прогнанномъ вчера каменщикѣ.

— А ты, мерзавецъ, снова здѣсь?.. Чего ты здѣсь?.. Кто тебя звалъ?..

— Панъ надсмотрщикъ,—отзывается рабочій, приближаясь на два шага (среди общей тишины слышно, какъ дрожитъ его насило сдерживаемый голосъ), панъ надсмотрщикъ, простите меня!.. Что я вамъ сдѣлалъ?.. За что вы лишаете меня хлѣба?.. Вы, вѣдь, знаете, что я теперь нигдѣ не найду работы, а дома...

Вонъ, арестантская рожа! — рявкнулъ надсмотрщикъ, которому сегодня не по-нутру была покорность, какъ вчера упорное, мрачное молчаніе.

Каменщикъ свѣсилъ голову, взялъ подъ мышку мѣшокъ съ инструментами и пошелъ.

Цѣлую недѣлю потомъ видѣлъ я по утрамъ эту сцену на улицѣ. Прогнанный каменщикъ, очевидно, нигдѣ не могъ найти работы и каждое утро приходилъ просить надсмотрщика, чтобы тотъ его принялъ.—Но надсмотрщикъ былъ твердъ, какъ камень. Никакія просьбы, никакія мольбы не трогали его, и чѣмъ больше каменщикъ гнулся и пресмыкался передъ нимъ, чѣмъ глубже впадали его потускнѣвшіе глаза, тѣмъ больше ломался надъ нимъ надсмотрщикъ, тѣмъ все болѣе непріятными и презрительными словами бранилъ онъ бѣднаго рабочаго.

А этотъ несчастный послѣ каждаго отказа стискивалъ зубы, бралъ молча подъ мышку свой мѣшокъ и, не оглядываясь, уходилъ торопливо, словно боялся страшнаго искушенія, такъ и толкавшаго его на скверное дѣло.

Было это вечеромъ въ субботу. Неожиданный дождь захватилъ меня посреди улицы, и я принужденъ былъ спрятаться въ ближайшій шинокъ. Въ шинкѣ не было никого; грязная, сырая комната была слабо освѣщена одною лампою, которая печально раскачивалась на потолкѣ, а за прилавкомъ дремала старая, толстая еврейка. Осмотрѣлся я по сторонамъ, — вотъ диво! — за однимъ столомъ вижу знакомаго каменщика бокъ-о-бокъ со своимъ врагомъ—надсмотрщикомъ. Передъ каждымъ изъ нихъ стоитъ стаканъ пива, до половины надпитый.

— Ну, дай вамъ Богъ, кумъ!—сказалъ каменщикъ, ударяя своимъ стаканомъ о стаканъ надсмотрщика.

— Дай Богъ и вамъ!—отвѣтилъ тотъ тономъ немного болѣе мягкимъ, нежели на улицѣ во время работы.

Меня заинтересовало это странное товарищество. Я велѣлъ подать себѣ бутылку пива и сѣлъ далеко, въ другомъ концѣ комнаты, въ углу.

— Да что, кумъ,—говорилъ каменщикъ развязно, но видимо черезъ силу,—нехорошо, что ты такъ на меня взъѣлся, право, нехорошо!.. За это, кумъ, Господь гнѣвается.

Говоря это, онъ застучалъ стаканомъ о столъ и потребовалъ еще два стакана пива.

— Ты, вѣдь, знаешь, кумъ, какая у меня въ домѣ нужда!.. И говорить не стоитъ!.. Жена больна, работать не можетъ, а тутъ я, по твоей милости, уже цѣлую недѣлю ни вотъ столечки не заработалъ!.. Да еще если-бы я одинъ былъ, то какъ-нибудь терпѣлъ-бы. А то, видишь, больная жена да и бѣдные птенчики уже едва ползаютъ, хлѣба просятъ!.. Сердце разрывается, кумъ,—право!.. Отецъ, вѣдь, я имъ!..

Надсмотрщикъ слушалъ эти слова, понуривъ голову и качая ею, словно дремалъ. А когда еврейка принесла пива, онъ первый взялъ стаканъ, стукнулъ о стаканъ каменщика и сказалъ:

— За здоровье твоей жены!..

— Дай, Боже, чтобы и ты не болѣлъ!—промолвилъ каменщикъ и отпилъ немного изъ своего стакана. Видно было по его лицу, какъ неохотно его уста касались напитка. Ахъ, можетъ, на него пошли послѣдніе гроши изъ одолженнаго четырьмя днями раньше гульдена*), который долженъ былъ прокормить всю его несчастную семью до лучшихъ дней, ибо другой—Богъ вѣсть—удастся-ли одолжить!.. А теперь онъ за послѣдній грошъ рѣшился угостить своего врага, чтобы хоть этимъ его задобрить.

— И что-же ты, кумъ милый, думаешь?.. Что я тебѣ такого сдѣлалъ? Что въ сердцахъ сказалъ тебѣ грубое слово?.. А сколько ты мнѣ наговорилъ? Право, кумъ, не хорошо такъ обижать бѣднаго человѣка.

---

*) Гульденъ — около 80 коп.

Кумъ, выпивъ пиво, снова склонилъ голову и качалъ ею, словно дремалъ.

— Да полно,—заговорилъ несмѣло каменщикъ,—будь ласковъ, въ понедѣльникъ... того... Самъ видишь,—некуда бѣдному человѣку дѣться! На улицѣ съ женою и дѣтьми пропадать остается!

— А что?.. Прикажешь подать еще стаканъ пива?—прервалъ его слова надсмотрщикъ.

— А, конечно, конечно!.. Эй!.. еще кружку пива!..

Еврейка принесла пива; надсмотрщикъ выпилъ его и обтеръ губы.

— Ну, такъ какъ-же будетъ?—спросилъ тревожно каменщикъ, стараясь взять надсмотрщика за руку и глядя ему въ лицо.

— А?.. какъ будетъ?—отвѣтилъ тотъ холодно, вставая и собираясь уходить.—Благодарствую тебѣ за пиво, а на работу въ понедѣльникъ нечего тебѣ приходить,—я уже другого принялъ. И вообще (эти слова онъ сказалъ уже около самыхъ дверей шинка), такихъ разбойниковъ, такихъ висѣльниковъ, какъ ты, мнѣ не нужно!..

И въ одинъ прыжокъ надсмотрщикъ выбѣжалъ на улицу и захлопнулъ за собою дверь шинка.

Какъ громъ поразили эти слова несчастнаго каменщика.

Долгое время стоялъ онъ неподвижно, не зная, навѣрно, что и думать. Потомъ очнулся. Какая-то дикая мысль блеснула въ его головѣ. Одною рукою онъ рванулъ столъ, за которымъ сидѣлъ, оторвавъ отъ него одну ножку, а потомъ отломанною ножкою замахнулся по стойкѣ. Брязгъ, звонъ, шумъ, крикъ еврейки, гомонъ набѣжавшихъ людей, крикъ полицейскаго—все слилось въ дикую, оглушительную гармонію. Минута—и несчастный каменщикъ очутился среди кричащей и визжащей толпы евреевъ, которые съ большимъ шумомъ отдали „сбѣсившагося разбойника“ въ руки полицейскаго. Грозный стражъ общественной тишины схватилъ его за плечи и толкнулъ впередъ. Рядомъ съ полицейскимъ поволоклась перепуганная до полусмерти шинкарка, оставивъ, вмѣсто себя, въ шинкѣ какую-то другую еврейку, а вмѣстѣ съ ними, голося и шумя, цѣлая толпа евреевъ и всякой уличной голытьбы повалила къ полиціи.

1878.

Миронъ.

ИЛЬЯ

Миронъ.

I.

Малый Миронъ — удивительный ребенокъ. Отецъ не нарадуется на него и говоритъ, что онъ замѣчательно умное дитя; но отецъ, извѣстное дѣло, пристрастный судья. Къ тому же отецъ Мирона — мужчина уже въ лѣтахъ — еле дождался ребенка, и, значитъ, каковъ бы ни былъ этотъ ребенокъ, онъ у отца будетъ и славнымъ, и умнымъ, и красивымъ. Сосѣди тихо шептались между собою, что Миронъ „какой-то не такой, какъ всѣ дѣти: идетъ—руками размахиваетъ, говоритъ о чемъ-то самъ съ собою, возьметъ прутикъ, хлещетъ по воздуху или сбиваетъ головки у репейника и ласточкиной травы. Среди другихъ дѣтей онъ робокъ и неповоротливъ, а если иногда и заговоритъ о чемъ нибудь, то такое скажетъ, что старшіе, услышавъ—только плечами пожимаютъ.

— Васылю!—говоритъ малый Миронъ малому Васылю— ты до сколькихъ считать умѣешь?

— Я?.. а до сколькихъ нужно?.. Пять, семь, парканадцать.

— Парканадцать!.. ха, ха, ха!.. А сколько это парканадцать?..

— Ну, а сколько же? Я не знаю!..

— Да это нисколько. Вотъ садись лучше, посчитаемъ!

Васыль садится, а Миронъ начинаетъ считать, ударяя каждый разъ палкой о земь: одинъ, два, три, четыре...

Васыль слушалъ, слушалъ, а потомъ всталъ и убѣжалъ. Миронъ и не замѣтилъ: сидитъ, стучитъ и считаетъ дальше и дальше. Подошелъ старый Рябина, кашляя, крехтя, охая,— Миронъ не слышитъ,—все свое. Старикъ останавливается около него, слушаетъ, слушаетъ... Миронъ досчиталъ уже до четырехсотъ.

— А, ты, безпутный, э!—сказалъ старикъ по обыкновенію немного въ носъ,—что дѣлаешь?

Малый Миронъ вздрогнулъ и повернулъ испуганные глазенки къ старому Рябинѣ.

— Вѣдь ты землицу святую бьешь, э? Ты не знаешь, что земля наша мама? Дай сюда эту палку!...

Миронъ даетъ, не понимая даже, чего хочетъ отъ него старикъ. Рябина швырнулъ палку въ крапиву. Миронъ чуть не заплакалъ,—не столько о палкѣ, сколько о томъ, что старикъ помѣшалъ ему считать.

— Иди домой да „Отче нашъ“ читай, э-э-э, чѣмъ такія глупости дѣлать! — сказалъ старикъ съ суровымъ видомъ и поплелся далѣе. Миронъ долго смотрѣлъ вслѣдъ за нимъ, все еще не понимая, за что это старикъ разсердился и чего онъ отъ него хотѣлъ.

II.

Малый Миронъ больше всего любитъ одинъ бѣгать по зеленымъ, цвѣтистымъ лугамъ, посреди широколистаго лопуха и прекраснаго полевого ромена; любитъ упиваться сладкимъ запахомъ росистой конюшины, да разукрашиваться прилипчивыми шариками лопуха, которыми убираетъ себя съ ногъ до головы. А еще рѣчка, черезъ которую приходится переходить изъ огорода на пастбище, небольшая, спокойная, съ глубокими, отвѣсными берегами, съ глинистымъ дномъ, съ журчащими бродами, дно которыхъ покрыто мелкими камешками, обросшими мягкими зелеными водорослями, длинными, словно зеленыя шелковыя ленты, — эта

рѣчка доставляетъ ему громадное наслажденіе и непреодолимо тянетъ его къ себѣ. Цѣлыми часами любитъ онъ сидѣть тамъ, запрятавшись въ высокій зеленый коситнякъ или въ густые широколапые листья мать-мачехи. Сидитъ и всматривается въ плещущую воду, въ дрожащую подъ напоромъ волны траву, въ рыбокъ, которыя время отъ времени выплываютъ изъ глубины, и—то шныряютъ по дну, ища водяныхъ червячковъ, то снова выставляютъ свои тупыя, усатыя мордочки изъ воды, потянутъ воздухъ и удираютъ скорѣе въ свои гнѣзда, словно вкусили не вѣсть какого лакомства. А въ тоже время, солнце печетъ съ безоблачнаго темно-синяго неба. Но широкія листья защищаютъ Мирона отъ его жгучихъ лучей, которые только согрѣваютъ ему плечи и тѣло. Хорошо Мирону. Рѣзво бѣгаютъ его небольшіе сѣрые глазенки, дѣтскій лобикъ морщится—мысль начинаетъ работать.

— Вотъ солнышко,—почему оно такое маленькое, а татуня (отецъ) говорилъ, что оно большое? Это вѣрно, въ небѣ только прорѣзана такая небольшая дырка, что его только всего и видно!

Но сейчасъ-же въ головѣ Мирона зашевелилась и другая мысль.

— Ба, да какъ же это? Всходитъ—тамъ маленькая дырка; заходитъ, и тамъ тоже дырка. Неужели дырка вмѣстѣ съ солнцемъ ходитъ?

Это не можетъ вмѣститься въ его головѣ и онъ даетъ себѣ обѣщаніе, что какъ только придетъ домой, то спроситъ у отца, какая это въ небѣ дырка прорѣзана?

— Миронъ!.. Миронъ!..—слышится издали крикъ. Это мать зоветъ. Миронъ услышалъ и спохватился; онъ сбѣжалъ съ бережка къ броду, чтобы перейти рѣчку, и вдругъ остановился. Много разъ онъ переходилъ рѣчку, и ничего, а теперь вдругъ новое явленіе бросилось ему въ глаза. Онъ стоялъ какъ разъ противъ солнца и глядя въ воду, вмѣсто мелкаго дна и мягкихъ зеленыхъ волоконъ водоросли—увидалъ одну бездонную глубокую синеву. Онъ не зналъ еще, что это небо улыбается ему изъ воды, и остановился. Какъ же тутъ идти въ такую глубину? И откуда она вдругъ взялась? Онъ остановился и началъ внимательно разглядывать глубину,—все по прежнему. Миронъ присѣлъ,—все то же,—только около берега видны знакомые камешки и слышно знакомое пріятное журчаніе воды у брода. Онъ по-

вернулся лицомъ въ другую сторону отъ солнца: глубина исчезла,—бродъ мелкій, какъ и былъ. Это открытіе и обрадовало его и удивило. Онъ началъ поворачиваться на всѣ стороны, испытывая и радуясь удивительному явленію. А про зовъ матери и совсѣмъ забылъ.

И долго стоялъ такъ малый Миронъ, то наклоняясь, то поворачиваясь надъ бродомъ, но полѣзть въ воду все какъ-то не смѣлъ. Ему все казалось, что вотъ-вотъ среди мелкаго каменистаго брода земля раздастся и подъ рѣчкой, среди высокихъ береговъ, зазіяетъ бездонная, синяя глубина, и полетитъ онъ въ эту глубину далеко-далеко, исчезнетъ въ ней словно щепочка, брошенная въ глубокій, темный колодезь. И кто знаетъ, какъ долго стоялъ бы Миронъ надъ бродомъ, если бы не подошелъ сосѣдъ Мартынъ, который съ вилами и граблями спѣшилъ къ сѣну.

— А ты чего тутъ стоишь? Вонъ тебя мать зоветъ! чего домой не идешь?

— Да хочу итти, но боюсь.

— Чего?

— Да вотъ, взгляните!—и онъ показалъ на бездонную синеву въ водѣ. Мартынъ не понялъ.

— Ну, чего тутъ бояться? Вѣдь, мелко.

— Мелко?—недовѣрчиво спросилъ Миронъ.—А вотъ... какая глубина!

— Глубина? Гляди, не глубоко,—сказалъ Мартынъ—и какъ былъ въ сапогахъ, такъ и перешелъ черезъ бродъ, почти не замочивъ ихъ. Переходъ Мартына придалъ Мирону смѣлости,—онъ перешелъ воду и побѣжалъ вверхъ по огороду домой.

— Какой глупый мальчикъ! Ему ужъ пять лѣтъ, а еще броду боится,—проворчалъ сосѣдъ и пошелъ къ сѣну.

III.

Лѣтомъ, когда старшіе отправляются въ поле, Миронъ остается одинъ, но только не въ хатѣ: въ хатѣ онъ боится. Боится „домовыхъ въ углахъ“, т. е. тѣней; боится широкой печи, черной внутри отъ сажи; боится толстаго деревяннаго крюка, вбитаго въ

окошко, сдѣланное для пропуска дыма отъ лучинокъ, которыми зимою освѣщаютъ хату. Миронъ остается на дворѣ. Тамъ онъ можетъ гулять, срывать травку и рвать ее на кусочки, строить домики изъ щепокъ и хворостинъ, что лежатъ возлѣ дровъ, а то и такъ лежать на заваленкѣ да грѣться на солнцѣ, слушать чириканье воробьевъ на яблоняхъ и смотрѣть на синее небо.— Хорошо ему—и на дѣтскій лобикъ снова набѣгаетъ облачко,— это новая зарождается мысль.

— А чѣмъ это человѣкъ все видитъ? и небо, и траву, и папу съ мамою?—приходитъ вдругъ Мирону въ голову.—

Или чѣмъ слышитъ? Вонъ каня *) кевкаетъ, куры кудкудачатъ... Отчего все слышу? Ему кажется, что все это человѣкъ дѣлаетъ ртомъ: и видитъ и слышитъ. Раскроетъ ротъ: такъ и есть; все видно, все слышно...

— А, можетъ, нѣтъ? Можетъ, глазами?..

Зажмуритъ глаза. Ба, ничего не видно. Разниметъ: видно и слышно.

Зажмуриваетъ снова—не видно, но слышно.

— Эге, такъ вотъ оно что! Глазами видно, а чѣмъ же слышно?

Снова раскрываетъ и закрываетъ ротъ — слышно! Потомъ глаза—слышно. Наконецъ, ему пришла мысль заткнуть пальцами ухо. Шумъ—шумъ—шумъ. А это что такое? Слышенъ шумъ, но не слышно ни кудахтанья куръ, ни кевканья кани. Отнимаетъ пальцы—слышно кудахтанье, а шума нѣтъ. Въ другой разъ—то же самое.

— Что это такое? думаетъ про себя Миронъ. — Эге, знаю! Ушами я слышу кудахтанье, а пальцами шумъ! Конечно, конечно.

Пробуетъ разъ, другой—такъ, совсѣмъ такъ!

А когда жнецы пришли обѣдать, онъ, подпрыгивая, бѣжитъ къ отцу

— Татуню, татуню! Я что-то знаю!

— Да что такое, мой мальчикъ?

— Я знаю, что человѣкъ видитъ глазами.

По лицу отца пробѣгаетъ улыбка.

— А ушами слышитъ кудахтанье, а пальцами шумъ.

*) Родъ ястреба.

— Какъ, какъ?

— Да такъ. Если не заткнуть ушей пальцами, то слышно, какъ курка кудахтаетъ, а если заткнуть, то слышенъ только шумъ.

Отецъ расхохотался, а мать, взглянувъ на Мирона, сказала, замахиваясь ложкой:

— Иди, иди! Такой парубокъ большой, скоро женить пора, а такія глупости говоритъ! Отчего ты никогда не подумаешь, прежде чѣмъ сказать, а всегда что-нибудь такое ляпнешь, словно на лопатѣ вывезъ?.. Человѣкъ все слышитъ ушами: и шумъ и кудахтанье.

— А почему не слышитъ и того и другого сразу? Если не заткнуть ушей, то слышитъ кудахтанье, а если заткнуть, то слышитъ шумъ?—спросилъ мальчикъ.—Вотъ попробуйте сами!

И, чтобы убѣдить, онъ на самомъ дѣлѣ заткнулъ свои уши пальцами.

Мать еще что-то проворчала, но отвѣта на вопросъ дать не сумѣла.

IV.

Для Мирона самой большей бѣдой было—„думаніе“! Не умѣлъ думать да и баста. Что только, бывало, ни скажетъ, все почему-то не такъ, какъ нужно; всегда мать или кто другой скажетъ ему:

— Да чего ты, дурню, не подумаешь раньше, чѣмъ сказать, а болтаешь зря.

И какъ бѣдный Миронъ ни мучился, чтобы придумать и потомъ сказать что-нибудь умное — нѣтъ, не въ состояніи да и только. Бѣдный Миронъ пришелъ къ тому убѣжденію, что онъ не умѣетъ думать!

Какъ-то разъ сидитъ вся семья за обѣдомъ вокругъ большого стола посреди комнаты. Мать подаетъ капусту. Капуста хорошая, съ саломъ, еще и крупою засыпана. Всѣ ѣдятъ ее молча. Малый Миронъ раза два куснулъ, и вдругъ удивился, отчего въ хатѣ стало такъ тихо,—никто и слова не скажетъ. Почему-то кажется ему, что именно теперь нужно что-то сказать. Но что-бы такое? Нужно раньше подумать, а то всѣ

будутъ смѣяться, еще и мама побранитъ. Что-бы такое сказать? И малый Миронъ начинаетъ думать. Ложка, какъ несъ ее отъ рта къ мискѣ, такъ и застыла въ воздухѣ вмѣстѣ съ рукой. Глаза неподвижно уставились въ пустое пространство, а далѣе помимо воли остановились на иконѣ Матери Божіей, висѣвшей на стѣнѣ; только губы движутся, словно что-то шепчутъ.

Работники замѣтили это, переглянулись между собою, толкнули одинъ другого локтемъ, а дѣвушка батрачка шепнула даже старому Ивану:

— А ну, онъ сейчасъ выпалитъ какую-нибудь глупость.

— Ба, неизвѣстно—началъ медленно Миронъ,—отчего это—„Святая Матінка“, смотритъ, смотритъ, а капусты не ѣстъ?..

Какъ ни мучился бѣдный Миронъ, не могъ ничего лучшаго придумать, быть можетъ, потому, что его насильно заставляли думать, „такъ, какъ всѣ“.

Смѣхъ, хохотъ, нагоняй матери вмѣстѣ съ „дуракомъ непроходимымъ“,—и бѣдный Миронъ заплакалъ.

— Да что же дѣлать, если я не умѣю думать такъ, какъ всѣ!—сказалъ онъ, вытирая слезы.

V.

Что изъ Мирона выйдетъ? Какой цвѣтокъ разовьется изъ этой почки? Предсказать не трудно. У насъ по деревнямъ довольно часто встрѣчаются такія удивительныя натуры. Все у нихъ сызмальства не такъ, какъ у другихъ: и походка, и лицо, и волоса, и слова, и поступки. И если такому ребенку придется весь вѣкъ прожить подъ тѣсною сельскою крышею, безъ широкаго опыта, безъ твердыхъ познаній, если сызмала невѣжественные родители начнутъ втискивать въ него все по такому шаблону, „какъ обыкновенно у всѣхъ людей“, то имъ и удастся придавить природныя наклонности до своихъ собственныхъ; всѣ неокрѣпшія и заглушенныя способности ребенка замрутъ и зачахнутъ въ зародышѣ, и изъ малаго Мирона выйдетъ плохой хозяинъ, а то и еще хуже,—не совсѣмъ задавленная живость и быстрота характера

толкнетъ его на зло,—станетъ онъ забіякой, обманщикомъ и съ искреннимъ сердцемъ будетъ морочить людей.

Но если такой ребенокъ попадетъ въ руки любящаго и, главнымъ образомъ, не очень бѣднаго отца, который захочетъ и сможетъ, хоть на послѣднія деньги, открыть своему ребенку глаза, то тогда... что же тогда? Вы думаете, что доля ребенка будетъ лучше въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно люди понимаютъ лучшую долю? Какъ бы не такъ! Въ школѣ ребенокъ набросится на науку, станетъ упиваться ею, какъ больной свѣжимъ воздухомъ, и кончитъ тѣмъ, что, преисполнившись истинами науки, пожелаетъ перенести ихъ въ жизнь. И станетъ малый Миронъ горячимъ проповѣдникомъ этихъ истинъ, понесетъ ихъ къ темнымъ и погибающимъ, подъ родныя деревенскія крыши... Ну, и незавидная ждетъ его доля! Познакомится онъ и со стѣнами тюрьмы и всякими норами мукъ и насилія людей надъ людьми, и кончитъ тѣмъ, что либо погибнетъ гдѣ-нибудь въ бѣднотѣ, одиночествѣ, на какомъ-нибудь чердакѣ, либо изъ тюремныхъ стѣнъ вынесетъ зародыши смертельнаго недуга, который преждевременно загонитъ его въ могилу, либо, утративъ вѣру въ святую, высокую правду, начнетъ заливать горе водкою до полнаго забвенія. Бѣдный малый Миронъ!..

1879.

ГРЫЩЬ ВЪ ШКОЛѢ.

Грыць въ школѣ.

Був Грыць премудрый родомъ з Коломіи,
Вчився барз добре на философіі *).

Старая пѣсня.

I.

Гуси совсѣмъ ничего объ этомъ не знали. Еще въ то самое утро, когда отецъ задумалъ отвести Грыця въ школу, гуси не знали объ этомъ намѣреніи. Еще менѣе зналъ самъ Грыць. Онъ, по обыкновенію, всталъ рано, позавтракалъ, поплакалъ немного, почесался, взялъ прутъ и, подпрыгивая, погналъ гусей изъ птичника на пастбище. Старый бѣлый гусакъ, по обыкновенію, протянулъ къ нему свою небольшую голову съ красными глазами и широкимъ краснымъ клювомъ, зашипѣлъ, а потомъ, о чемъ-то тараторя съ гусями, пошелъ впереди всѣхъ. Старая, сѣрая гусыня, какъ всегда, не хотѣла идти вмѣстѣ съ другими и поплелась отдѣльно, за что Грыць хлестнулъ ее хворостиной и назвалъ „лупяремъ“—такъ онъ обыкновенно называлъ все, что не подчинялось его высокой власти на пастбищѣ. Однимъ словомъ, видно было, что ни бѣлый гусакъ, ни сѣрая гусыня, ни вообще кто-бы тони-было изъ всего стада—а ихъ было двадцать пять—никто не зналъ о близкомъ переводѣ ихъ владыки на другой, далеко не такой почетный постъ.

И вотъ, когда неожиданно пришла новая вѣсть, т. е. когда самъ отецъ, идя съ поля, позвалъ Грыця домой и тамъ отдалъ его въ руки матери, чтобы та его умыла, причесала и прина-

*) Былъ Грыць премудрый родомъ изъ Коломіи,
Учился очень хорошо онъ философіи.

рядила, какъ подобаетъ; когда потомъ отецъ взялъ его съ собою и. не говоря ни слова, проводилъ трепещущаго Грыця черезъ выгонъ; когда гуси увидали своего недавняго поводыря совсѣмъ въ другомъ видѣ, въ новыхъ сапожкахъ, въ новой войлочной шляпенкѣ и подпоясаннаго краснымъ кушакомъ, — они внезапно издали громкій крикъ изумленія. Бѣлый гусакъ, вытянувъ голову, близко подбѣжалъ къ Грыцю, словно хотѣлъ хорошенько приглядѣться къ нему; сѣрая гусыня также протянула голову и отъ внезапнаго волненія долго не могла издать никакого звука впечатлѣнія и только потомъ залопотала: дэ-дэ,-дэ-дэ?

— Дулня гуска! — гордо отвѣтилъ Грыць и отвернулся, словно хотѣлъ сказать: — эге, подождать, не въ такіе я теперь попалъ, чтобы сталъ еще отвѣчать на твои гусиные вопросы! А, впрочемъ, можетъ быть, и потому не отвѣтилъ, что и самъ не зналъ, въ чемъ дѣло было.

Пошли по верхней части села. Отецъ молчитъ и Грыць молчитъ. Вотъ пришли они къ большому старому дому, крытому соломой, съ трубой сверху. Къ этому дому черезъ площадь шло много мальчиковъ такихъ, какъ и Грыць, а то и большихъ; по огороду за домомъ расхаживалъ какой-то господинъ въ сюртукѣ.

— Грыцю!—сказалъ отецъ.

— Га!—сказалъ Грыць.

— Видишь этотъ домъ?

— Визу.

— Помни—это школа.

— Ба, сказалъ Грыць.

— Сюда будешь ходить учиться.

— Ба!—сказалъ Грыць.

— Старайся, не балуйся, господина учителя слушай. Я пойду записать тебя.

— Ба!—сказалъ Грыць,—почти ничего не понимая изъ того, что говорилъ ему отецъ.

— А ты иди съ этими мальчиками. Возьмите его, мальчики, съ собою!

— Иди сюда!—сказали мальчики и взяли Грыця съ собой, а отецъ тѣмъ временемъ пошелъ на огородъ поговорить съ учителемъ.

II.

Вошли въ сѣни, въ которыхъ было совершенно темно и страшно воняло прошлогодней гнилой капустой.

— Видишь... тамъ? — сказалъ Грыцю одинъ мальчикъ, показывая въ темный уголъ.

— Вижу, — сказалъ дрожа Грыць, хотя совершенно ничего не видалъ.

— Тамъ яма, — сказалъ мальчикъ.

— Яма!—повторилъ Грыць.

— Если не будешь стараться, то учитель посадитъ тебя въ эту яму и ты будешь сидѣть всю ночь.

— Я не хочу! —воскликнулъ Грыць.

Тѣмъ временемъ другой мальчикъ шепнулъ что-то первому, оба засмѣялись, а потомъ первый, потрогавъ школьную дверь, сказалъ Грыцю:

— Постучи въ дверь! Скорѣе!..

— Зачѣмъ?—спросилъ Грыць.

— Нужно! Тутъ такъ полагается, когда приходятъ въ первый разъ.

Въ школѣ было шумно, какъ въ ульѣ,—но когда Грыць постучалъ кулаками въ двери, стало тихо. Мальчики слегка пріотворили двери и втолкнули Грыця внутрь. Въ ту же минуту на его спину посыпались удары березовыхъ розогъ. Грыць очень испугался и завизжалъ.

— Цыцъ, дурень! — кричали на него насмѣшники-мальчики, которые, заслышавъ стукъ, засѣли за дверьми и устроили Грыцю эту неожиданность.

— Ой-ой-ой-ой!—визжалъ Грыць.

Мальчики боялись, чтобы не услышалъ учитель и стали унимать его.

— Цыцъ, дурень, такъ полагается! Кто въ двери стучится, того нужно по спинѣ постукать. Ты этого не зналъ?

— Не-е-е зна-а-лъ!—всхлипывалъ Грыць.

— Почему не зналъ?

— Я-а-а пе-е-лвый ла-а-зъ въ школѣ.

— Первый разъ! а!—вскрикнули мальчики, словно удивленные тѣмъ, что можно первый разъ быть въ школѣ.

— О, такъ нужно тебя угостить!—сказалъ одинъ,—подбѣжалъ къ доскѣ, взялъ изъ ящика большой кусокъ мѣлу и подалъ Грыцю.

— На, дурень, ѣшь и поскорѣе!

Всѣ молчали и выжидательно смотрѣли на Грыця, который вертѣлъ мѣлъ въ рукахъ, а потомъ потихоньку положилъ его въ ротъ.

— Ѣшь, дурень, поскорѣе! — напоминали мальчики, а сами душились отъ смѣха.

Грыць началъ жевать и насилу съѣлъ мѣлъ. Хохотъ въ школѣ раздался такой, что окна зазвенѣли.

— Цего смѣетесь?— спросилъ удивленный Грыць.

— Ничего, ничего. Можетъ еще хочешь?

— Нѣтъ, не хоцу. А цто это такое?

— Ты не знаешь? Вотъ дуракъ! Да это іерусалимъ, это очень вкусно.

— Ой, не оцень вкусно,—сказалъ Грыць.

— Потому что ты еще не раскусилъ. Это полагается скушать каждому, кто въ первый разъ приходитъ въ школу.

Въ эту минуту вошелъ учитель. Всѣ мальчики, какъ вспугнутые воробьи, разбѣжались по скамьямъ, только Грыць остался со слезами на глазахъ и съ губами бѣлыми отъ мѣла. Учитель сердито приблизился къ нему.

— Какъ тебя зовутъ?—крикнулъ онъ.

— Глыць.

— Что за Грыць? Ага, ты новый. Почему на скамьѣ не сидишь? чего плачешь? чѣмъ это ты испачкался? Га?

— Да я ѣлъ іелусалимъ.

— Что? какой іерусалимъ? — допрашивалъ учитель. Мальчишки снова душились отъ смѣха.

— Да мальчики давали.

— Какіе мальчики?

Грыць оглянулся, но никого не могъ узнать.

— Ну, ну! Иди садись и учись хорошо, а іерусалима больше не ѣшь, а то будешь битъ.

III.

Начался урокъ. Учитель говорилъ что-то, показывалъ какія-то дощечки, на которыхъ были нарисованы крючки да палочки; маль-

чики время отъ времени что-то кричали, когда учитель показывалъ новую дощечку, а Грыць ничего не понималъ. Онъ даже не обращалъ вниманія на учителя.

Сидѣвшіе около него мальчики показались ему очень смѣшными. Одинъ ковырялъ пальцемъ въ носу, другой сзади все старался воткнуть Грыцю въ ухо небольшую соломинку, третій очень долгое время усердствовалъ, выдергивая изъ своего стараго кафтана нитки, заплаты и какія-то рваныя тряпки; уже на нижней доскѣ скамейки лежала передъ нимъ цѣлая куча, а онъ все еще дергалъ и рвалъ что есть мочи.

— Зацѣмъ ты делгаешь?—спросилъ Грыць.

— Дома буду съ болщомъ ѣсть,—отвѣчалъ шепелявя мальчуганъ, и Грыць долго думалъ надъ тѣмъ,—не обманулъ-ли его мальчикъ.

— Да ты, Грыцю голубчикъ, ничего не слышишь,—крикнулъ на него учитель и покрутилъ его за ухо такъ, что у Грыця невольно выступили слезы на глазахъ и такъ онъ испугался, что долго не только не могъ слушать, но и совсѣмъ забылъ обо всемъ на свѣтѣ. Когда онъ, наконецъ, пришелъ въ себя, мальчики уже начинали читать склады по подвижнымъ таблицамъ, которыя раскладывалъ и складывалъ учитель. Они безустанно по сто разъ на-распѣвъ повторяли: „а-ба-ба га-ла-ма-га“. Грыцю, не извѣстно почему, очень это понравилось, и онъ началъ своимъ пискливымъ голоскомъ вперегонку кричать: „а баба галамага“. Учитель уже готовъ былъ признать его старательнымъ и способнымъ мальчикомъ и, желая болѣе убѣдиться въ этомъ, переставилъ буквы. Неожиданнымъ образомъ онъ выставилъ передъ учениками буквы „баба“, но Грыць, не глядя на нихъ, а только на учителя, тонкимъ пѣвучимъ голосомъ крикнулъ: „галамага“. Всѣ захохотали, не исключая и самого учителя, — только Грыць удивленно оглянулся и громко сказалъ своему сосѣду: поцему не клицисъ „галамага“? Только тогда бѣдняга очнулся, когда учитель хлестнулъ его за понятливость розгою по спинѣ...

— Ну, а чему тебя тамъ въ школѣ научили? — спросилъ отецъ, когда Грыць въ полдень вернулся домой.

— Вуцилися „а баба галамага“,—отвѣтилъ Грыць.

— А ты сумѣлъ?—спросилъ отецъ, не стараясь даже узнать, что это за удивительная наука.

— Конечно, сумѣлъ,—отвѣтилъ Грыць.

— Ну, старайся же!—сказалъ отецъ.

— Какъ окончишь въ селѣ, то пойдешь въ городъ въ большую школу, а потомъ сдѣлаешься священникомъ. Жена, а дай-ка ему чего-нибудь поѣсть.

— Ба,—отвѣтилъ Грыць.

IV.

Прошелъ ровно годъ послѣ этого важнаго дня. Блестящія надежды отца на будущность Грыця разсѣялись давно. Учитель прямо сказалъ ему, что Грыць „туманъ восемнадцатый“ *), что онъ лучше сдѣлаетъ, если возьметъ его домой и опять заставитъ гусей пасти. И, правда, по окончаніи года школьной науки Грыць вернулся домой такимъ же мудрымъ, какимъ былъ годъ тому назадъ.

Дѣйствительно, „а баба галамага“ онъ обстоятельно выучилъ наизусть, и не разъ даже во снѣ изъ устъ его вылетало это удивительное слово, эта первая ступень всяческой мудрости, переступить черезъ которую ему не было суждено, но дальше этого Грыць не могъ пойти.

Буквы какъ-то смѣшивались въ его глазахъ и онъ никогда не могъ узнать ихъ по виду, какая изъ нихъ ш, какая т, какая „люди“, какая „мыслете“. О чтеніи ужъ и говорить нечего. Была ли этому причиной его непонятливость или дурное преподаваніе учителя,—неизвѣстно; вѣрно только то, что, кромѣ Грыця, такихъ „тумановъ восемнадцатыхъ“ между прошлогодними учениками было восемнадцать на тридцать, и всѣ они въ теченіе школьнаго года только о томъ и думали, какъ хорошо будетъ, когда они освободятся отъ ежедневныхъ розогъ, оплеухъ, пинковъ, шлепковъ и подергиваній за виски, и какъ они въ полномъ блескѣ своей силы опять покажутся на пастбищѣ.

Ужъ кто, кто, но Грыць, навѣрно, больше и чаще всѣхъ думалъ объ этомъ. Проклятый букварь, который онъ за годъ напряженія надъ научными вопросами истрепалъ чуть не въ клочья, проклятая „а баба галамага“, проклятыя учительскія приставанья

*) непроходимо глупъ.

и пріохочиванья къ наукѣ такъ надоѣли ему, что онъ даже исхудалъ, поблѣднѣлъ и ходилъ все время какъ тѣнь. Наконецъ, смиловался Богъ и послалъ мѣсяцъ іюль; смиловался и отецъ и сказалъ ему однажды утромъ.

— Грыцю!

— Га?—сказалъ Грыць.

— Съ этого дня ты больше не пойдешь въ школу.

— Ба! – сказалъ Грыць.

— Сними сапоги, шляпу и кушакъ, нужно спрятать,—будешь ходить въ нихъ по воскресеньямъ—подпояшься веревочкой, возьми лупку *) и иди гусей пасти.

— Ба!—радостно сказалъ Грыць.

V.

Гуси, извѣстно,—глупы,—они и на этотъ разъ не знали объ ожидавшей ихъ радостной перемѣнѣ. Въ теченіе всего года школьной науки Грыця ихъ пасъ маленькій сосѣдскій мальчикъ Лучка, который обыкновенно только то и дѣлалъ на пастбищѣ, что копалъ ямки, лѣпилъ изъ грязи „паски“ и обсыпался пылью. О гусяхъ онъ совсѣмъ не заботился и они бродили безъ призора. Не разъ имъ случалось зайти въ засѣянное поле — и не мало тогда имъ приходилось вытерпѣть отъ пострадавшаго мужика проклятій и даже побоевъ. Кромѣ того, несчастье своимъ зловѣщимъ крыломъ въ этомъ году нѣсколько разъ коснулось гусинаго стада.

Пять молодыхъ гусаковъ и десять гусынь хозяйка продала въ городъ; тяжело было остающимся разлучаться съ ними. Старую пепельнаго цвѣта гусыню убилъ хворостиною сосѣдъ на мѣстѣ преступленія и, съ варварской безсердечностью, привязавъ бездыханный трупъ за лапу къ той-же хворостинѣ, волочилъ его такимъ образомъ черезъ все пастбище, а потомъ бросилъ хозяину въ птичникъ. А одного молодого гусака, красу и надежду стада, заклевалъ ястребъ, когда онъ однажды отсталъ отъ своей родни. Однако, несмотря на всѣ эти тяжелыя и невознаградимыя траты, стадо этого года было больше прошлогодняго.

---

*) молью изъѣденная баранья шапка.

Благодаря бѣлому гусаку и сѣрой гусынѣ, да еще двумъ или тремъ молодымъ дочерямъ ея, стадо этого года достигло свыше сорока штукъ.

Когда Грыць появился между ними съ прутомъ, символомъ своей власти, сразу всѣ глаза обратились къ нему, — слышенъ былъ только шипъ удивленья. Но ни бѣлый гусакъ, ни сѣрая гусыня не забыли еще своего прежняго добраго пастыря и скоро припомнили его. Съ шумными криками радости и взмахами крыльевъ они бросились къ нему.

— Дэ-дэ-дэ-дэ?—гоготала сѣрая гусыня.

— А въ школѣ былъ—гордо отвѣтилъ Грыць.

— О!.. о!.. о!..—удивлялся бѣлый гусакъ.

Не вѣришь, дуракъ?—крикнулъ на него Грыць и хлестнулъ прутомъ.

— А се-се-се?.. А се-се-се? — шипѣли, собираясь около него, гуси.

— Что? чему я научился? — формулировалъ ихъ вопросъ Грыць.

— Се-се-се-се?—продолжали гуси.

— А баба галамага!—отвѣтилъ Грыць.

Снова шипъ удивленія, словно ни одна изъ этихъ сорока гусиныхъ головъ не могла понять такой глубокой мудрости. Грыць стоялъ гордый, недосягаемый. Наконецъ, бѣлый гусакъ нашелъ что сказать.

— А баба галамага! А баба галамага! — вскрикнулъ онъ своимъ звонкимъ металлическимъ голосомъ, выпрямившись, поднявъ высоко голову и замахавъ крыльями. А потомъ, обернувшись къ Грыцю, добавилъ, словно хотѣлъ его еще болѣе пристыдить:

— А кши, кши!

Грыць былъ убитъ и пристыженъ. Гусакъ въ одну минуту перенялъ и повторилъ мудрость, которая ему стоила цѣлаго года ученья!

— Почему они его въ школу не отдали?—подумалъ Грыць и погналъ гусей въ поле.

КАРАНДАШЪ.

Карандашъ.

Прошу никоимъ образомъ не думать, что я сказку разсказываю или что заглавіе этой повѣсти какая-нибудь метафора. Нѣтъ, дѣло, дѣйствительно, идетъ о карандашѣ и даже не о цѣломъ, а о кусочкѣ, длиною, приблизительно, дюйма въ три. Впрочемъ, если кто скажетъ, что три съ половиною, такъ я тоже не пойду съ нимъ къ войту судиться. Но знаю хорошо, что четырехъ дюймовъ не было. Я могъ бы это, какъ говорятъ юристы, „показать подъ присягой“, или, какъ говорятъ наши ясенычане, „забожиться и заклясться на чемъ свѣтъ стоитъ“. Трехъ съ половиною дюймовъ длиною, не больше, былъ герой этой повѣсти. Хотя ужъ много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ нимъ видались, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ, ибо развѣ могъ онъ своимъ заостреннымъ носикомъ меня видѣть? Да къ тому же онъ цѣлыхъ полтора дня лежалъ въ моемъ школьномъ мѣшкѣ, подъ книжками, въ кромѣшной темнотѣ!—Такъ вотъ, говорю я, прошло ужъ много лѣтъ—чтобы не солгать, этому будетъ не меньше пятнадцати (достаточно, чтобы забыть какого - угодно вѣрнаго друга)—а я не забылъ о немъ, о трехъ съ половиною дюймовомъ кускѣ карандаша, вдѣланномъ въ темно-красное дерево, шестигранномъ, лакированномъ, съ серебряной выбитой надписью „Mittel“ на тупомъ концѣ; съ другого конца онъ былъ заостренъ не особенно остро, не особенно тупо—какъ разъ настолько, сколько нужно для сельскаго школьника.

Въ такомъ видѣ лежалъ онъ однажды въ зимнее утро въ снѣгу, на дворѣ ясеницкой школы, какъ разъ возлѣ тропинки, которую утромъ протоптали школьники. Это было чудное, ясное утро. Морозъ щипалъ какъ бѣшеный, въ воздухѣ летали мелкіе снѣжные хлопья, совершенно прозрачные, замѣтные только по бриллiантовому блеску, когда въ нихъ преломлялся солнечный лучъ. Карандашъ не застрялъ въ мерзломъ искристомъ снѣгу, а лежалъ на поверхности. Его желтый лакъ блестѣлъ на солнцѣ, а серебряныя буквы „Mittel“ виднѣлись издали. Вѣроятно, какой-нибудь школьникъ, спѣша въ школу, потерялъ его. Онъ такъ и лежалъ, вытянувъ свой черный, заостренный носикъ къ стѣнамъ школы, словно силился указать каждому прохожему, что тамъ его настоящее мѣсто; словно просилъ своимъ серебрянымъ взоромъ, чтобы его вынули изъ этой хотя и прекрасной, но слишкомъ холодной постели, и отнесли туда, въ школу, откуда далеко по селу разносились голоса мальчиковъ, ожидающихъ господина учителя. Скажите же теперь по совѣсти сами, что бы вы сдѣлали, если бы вамъ случилось увидѣть такой Mittel и, вдобавокъ, въ подобномъ не совсѣмъ для его „чина“ соотвѣтствующемъ положеніи? Думаю, что девяносто процентовъ изъ васъ, не подозрѣвая въ немъ героя не только повѣсти, но даже газетной замѣтки или ничтожнаго объявленія, подняли бы его и просто спрятали въ карманъ. Остальные десять процентовъ, навѣрно, даже не нагнулись бы къ нему.

Я, признаться, принадлежалъ къ этимъ девяносто, т. е., не подозрѣвая ничего дурного въ карандашѣ, наклонился къ нему и, не имѣя кармана, вложилъ его въ школьный мѣшокъ, въ которомъ лежали мои книжки. Но что здѣсь было совсѣмъ необыкновенно, такъ это то, что я очень обрадовался своей находкѣ. Я былъ бѣдный крестьянскій мальчикъ и никогда еще на своемъ вѣку не имѣлъ карандаша; я всегда долженъ былъ писать этимъ проклятымъ гусинымъ перомъ, которое такъ страшно капало, брызгало и прыскало подъ натискомъ моей руки. А теперь вдругъ—нашелъ карандашъ! Да еще какой красивый! Правда, я видѣлъ его только мелькомъ, когда еще онъ лежалъ въ снѣгу, ибо потомъ, схвативъ его рукою, я быстро швырнулъ его въ мѣшокъ, словно боясь, чтобы солнце, которое такъ ясно свѣтило, не выкрало его изъ моей руки. Во время всей этой операціи было любопытно еще то, что мнѣ

и въ голову не пришло, чтобы его могъ потерять какой-нибудь школьникъ—слышите—въ голову не пришло. Гдѣ тамъ! Какой здѣсь у насъ школьникъ теряетъ карандаши! Вѣроятно, какой-нибудь баринъ пріѣхалъ къ учителю и какимъ-нибудь удивительнымъ образомъ потерялъ этотъ карандашъ. А, можетъ, его потерялъ еврей-барышникъ, которому учитель въ прошломъ году продалъ корову, можетъ быть, этотъ карандашъ лежалъ здѣсь съ прошлаго года и никто его, бѣднаго, не видалъ. А, можетъ, онъ ночью упалъ съ неба вмѣстѣ со снѣгомъ. Говорила же бабуня, что лягушки не разъ падали съ неба,—почему-же и карандаши не могутъ падать? Такъ размышлялъ я, идя черезъ дворъ въ школу. Что-жъ, развѣ шестилѣтнему мальчику нельзя такъ размышлять? А впрочемъ—нѣтъ! Мнѣ очень понравился этотъ карандашъ. Я держалъ руку въ мѣшкѣ, карандашъ былъ въ моей рукѣ, — я ворочалъ его гранями во всѣ стороны, старался узнать его толщину, возстановить передъ глазами его видъ,—однимъ словомъ, моя фантазія, словно мотылекъ вокругъ цвѣтка, безостановочно вертѣлась и носилась вокругъ карандаша. Она насильно гнала всякую мысль о томъ, что карандашъ могъ принадлежать другому школьнику и что, значитъ, мнѣ придется возвратить его собственнику.

Въ классѣ было уже полно школьниковъ. Нѣкоторые сидѣли на скамьяхъ и зубрили заданный урокъ, время отъ времени боязливо оглядываясь на двери,—не идетъ-ли учитель. Другіе, посмѣлѣе, расхаживали по классу, толкались между скамьями, рисовали мѣломъ на доскѣ разныхъ чудищъ, и быстро стирали ихъ потомъ мокрой тряпкой, служившей вмѣсто губки. О карандашѣ никто не спрашивалъ. Это меня очень обрадовало, и я быстрехонько, словно крадучись, шмыгнулъ на вторую скамью и сѣлъ на свое обычное мѣсто. Вынимая нужную для слѣдующаго урока книжку, я услышалъ шорохъ, произведенный карандашемъ, и весь задрожалъ—не знаю, отъ радости или отъ чувства какой-то безсознательной тревоги.

Вотъ и учитель пришелъ, начался урокъ. Ничего! Вотъ урокъ кончился, учитель вышелъ, крикъ и шумъ поднялся по прежнему,—о карандашѣ никто ни слова. Я сижу, оглядываюсь кругомъ и дрожу, словно воръ надъ краденымъ добромъ, боясь,

что вотъ-вотъ придетъ кто-нибудь и потребуетъ отъ меня карандашъ.

Но никто его не требуетъ. Школьники расхаживаютъ, учатъ, шалятъ и толкутся по прежнему. Подходитъ ко мнѣ мой пріятель Степанъ Лесковъ.

— О, ты, видно, сегодня ариѳметики не знаешь! говоритъ онъ,—достанется-же тебѣ по шкурѣ! А если учитель прикажетъ мнѣ бить, такъ смотри!

Что за насмѣшникъ этотъ Степанъ! Онъ знаетъ, что ариѳметика—моя слабая сторона, и всегда любитъ подразнить меня. Но я хорошо знаю, что онъ шутитъ; впрочемъ, теперь я не боюсь учителя, потому что выучилъ ариѳметику (писать числа до 100). О, еще и какъ выучилъ! А кто вчера цѣлый день писалъ пальцемъ на оконныхъ стеклахъ, покрытыхъ густою росой.

— Ну, ну, не очень ты безпокойся о моей ариѳметикѣ, отвѣтилъ я Степану.—Смотри только, чтобы самому не досталось по шкурѣ!

Удивительное дѣло, ей-Богу, удивительное! Я хотѣлъ тоже отвѣтить Степану шуткой, съ улыбкой, ласково, —а отвѣтилъ какъ-то зло, сердито, такимъ мрачнымъ голосомъ, что даже самому стало скверно! Я почувствовалъ, какъ все лицо мое налилось кровью. Степанъ съ минуту стоялъ предо мною и, не говоря ничего, смотрѣлъ на меня удивленнымъ взглядомъ, а потомъ отошелъ, видимо, опечаленный тѣмъ, что обидѣлъ меня своей шуткой. Онъ такъ меня любилъ, этотъ мягкій, тихій, услужливый и добрый мальчуганъ! Зачѣмъ я такъ сердито отвѣтилъ ему? Зачѣмъ опечалилъ его? Онъ, вѣдь, шутилъ со мною, и у меня не было никакого основанія сердиться на него!

Такія мысли вертѣлись у меня въ головѣ, когда Степанъ ушелъ и молча сѣлъ на свою скамью. Это былъ небольшой, русый мальчикъ, восьми лѣтъ. Отецъ его, бѣдный крестьянинъ, былъ сосѣдомъ моего дяди, у котораго я жилъ, поэтому и мы, мальчики, дружили между собой. Отецъ Степана, говорятъ, раньше былъ богатъ, но большой пожаръ и всякія другія несчастья разорили его. Онъ былъ высокій, сильный мужчина, съ мрачнымъ, всегда опущеннымъ къ землѣ лицомъ и грубымъ, рѣзкимъ голосомъ. Я какъ-то невольно боялся его и считалъ жестокимъ че-

ловѣкомъ. Зато маленькій Степанъ былъ весь въ мать, тихую, кроткую женщину, съ красивымъ еще, добродушнымъ лицомъ и ясными сѣроватыми глазами. Поэтому-то, часто стоя за заборомъ на пастбищѣ, подстерегалъ я, когда старый Лесковъ уйдетъ изъ хаты, чтобы хоть на минуту забѣжать къ Степану, поиграть съ нимъ. Правда, мы, какъ дѣти, не разъ и ссорились, но никогда эта ссора не продолжалась долго. Я, всегда готовый къ ссорѣ, а то и къ дракѣ, обыкновенно былъ первый готовъ и къ перемирію— а Степанъ, всегда ровный, улыбался такъ мило, словно хотѣлъ сказать:

— А, видишь, я давно зналъ, что ты безъ меня не выдержишь!

Но теперь, почему я теперь разсердился на Степана? Да нѣтъ, я чувствовалъ хорошо, что совсѣмъ даже не разсердился на него! Наоборотъ, его жалобный, печальный взглядъ причинялъ мнѣ какую-то боль, точно сверлилъ мою дѣтскую грудь. Самъ не знаю, отчего мнѣ стало вдругъ стыдно и я забылъ о карандашѣ. Лишь тогда, когда впечатлѣнія ослабѣли и прошли, когда я опять увидѣлъ передъ собою мѣшокъ, въ которомъ мои нервы словно издали чувствовали прикосновеніе карандаша, моя фантазія снова возвратилась къ этому предмету—и черезъ минуту я забылъ о Степанѣ и его печальномъ взглядѣ.

Снова вошелъ учитель, начался урокъ и незамѣтно прошелъ, о карандашѣ никто ни слова.

Третьимъ урокомъ была ариѳметика. Эта высокая и страшная наука велась слѣдующимъ образомъ: учитель вызывалъ ученика къ доскѣ, приказывалъ ему писать на ней цифры мѣломъ, а всѣ остальные мальчики должны были эти-же цифры писать въ своихъ тетрадяхъ. Учитель расхаживалъ возлѣ скамеекъ, заглядывая то тутъ, то тамъ въ тетради, наблюдая—всѣ-ли пишутъ и такъ-ли, какъ слѣдуетъ.

Передъ урокомъ ариѳметики услышалъ я на послѣдней скамьѣ, на которой сидѣлъ Степанъ, какой-то шумъ, какіе-то тревожные отрывочные вопросы и отвѣты, но за общимъ шумомъ не могъ разобрать, въ чемъ дѣло. Все-таки у меня въ груди что-то екнуло, сдѣлалось какъ-то неспокойно. Я подумалъ: не буду теперь вынимать карандаша, буду писать, какъ всегда, перомъ, хоть оно и опротивѣло мнѣ.

Вотъ и учитель вошелъ. Отдышавшись немного за столомъ, онъ всталъ и вызвалъ меня къ доскѣ. Я вышелъ испуганный, дрожащій, потому что вообще писаніе цифръ или буквъ было для меня не легкимъ дѣломъ: всякіе знаки изъ-подъ моихъ рукъ выходили кривыми, крючковатыми, расползшимися, такъ что, обыкновенно, походили на старый заборъ, въ которомъ каждый колъ торчитъ въ другую сторону, а поперечныя хворостины никакъ не могутъ встрѣтиться съ кольями. Но что было дѣлать: учитель вызвалъ—нужно итти. Я сталъ возлѣ доски и взялъ въ правую руку тряпку, а въ лѣвую мѣлъ.

— Тридцать пять! крикнулъ учитель и посмотрѣлъ на меня.— Ахъ, ты, болванъ, а ты какъ мѣлъ держишь? Лѣвой будешь писать, а?

Я перемѣстилъ въ своихъ рукахъ несчастныя орудія премудрости, потомъ, насколько могъ, поднялъ правую вверхъ и едва досталъ до половины доски. Задача, написать на доскѣ число 35, была очень трудная, ибо приходилось писать самыя „мудреныя“ цифры. Вчера, упражняясь въ писаніи цифръ пальцемъ на стеклахъ, я долго думалъ, какъ-бы написать эту проклятую тройку, чтобы она вышла кругленькой и съ зубчикомъ. Спросить не у кого было—вотъ я и рѣшилъ писать ее, начиная съ середины, отъ зубчика, потянуть отсюда раньше всего верхнюю, а потомъ нижнюю закорючку. Такъ я научился писать дома, такъ принялся и теперь марать на доскѣ. А тутъ, какъ на грѣхъ, рука дрожитъ, сила, которой и такъ было не много, гдѣ-то словно застыла, и какъ я ни мучаюсь, прижимая мѣлъ къ доскѣ, проклятые штрихи все выходятъ такіе тощіе и тонкіе, что ихъ едва видно. Съ грѣхомъ пополамъ я намалевалъ тройку.

— А что, уже?—кричитъ учитель и оборачивается ко мнѣ.

— Еще... еще нѣтъ,—отвѣчаю я, и, обливаясь холоднымъ потомъ, берусь писать 5, разумѣется, опять по собственному методу, начиная съ середины.

— Что, что, что? вскрикнулъ учитель и подбѣжалъ поближе ко мнѣ,—какъ ты пишешь, какъ?

Я молчалъ. Дрожащая рука дотягивала штрихъ на доскѣ. Пятерка походила скорѣе на $, нежели на круглообразное, съ гребешкомъ 5.

— Ахъ ты, поросячье отродье! (обычный титулъ, какимъ учитель именовалъ учениковъ),—ты не знаешь, какъ пишется пять?

И, не ожидая отвѣта на свой вопросъ, учитель одною рукой схватилъ со столика широкую линейку, а другою мою руку, изъ которой вылетѣлъ мѣлъ,—и громкое „лязкъ!“ раздалось по классу. Ладонь моя налилась кровью и стала какъ-будто толще, по кожѣ—словно мурашки забѣгали. Сызмала твердо переносящій боль, я не заплакалъ, а только поморщился.

— Такъ ты не знаешь, какъ пять писать? Не видалъ, какъ я писалъ? А посмотри-ка, какъ пишется пять—видишь—и панъ учитель схватилъ мѣлъ и съ размаху написалъ громадную пятерку раньше на доскѣ, а потомъ (можетъ и не такую правильную и ясную) на моемъ лицѣ.

— Пиши дальше,—крикнулъ онъ—сорокъ восемь!

Я взялъ мѣлъ и началъ писать. Учитель смотрѣлъ еще съ минуту. Четверка удовлетворила его и онъ опять заходилъ между скамьями.

— Почему не пишете? прикрикнулъ онъ злобно на мальчиковъ, которые на половину съ улыбкой, на половину съ испугомъ смотрѣли на то, что дѣлалось у доски. Отъ крика учителя всѣ головы склонились книзу; такъ отъ вѣтра клонятся тяжелые колосья созрѣвшей ржи.

— А ты, „староста“, какъ три написалъ? спрашиваетъ учитель одного.

Вмѣсто отвѣта, вмѣсто объясненія, лязкъ линейкой по рукѣ.

— А это что сверху надъ пятеркой? спрашиваетъ онъ другого.

— Капнуло съ пера.

Снова лязкъ линейкой по рукѣ.

— А ты, сватъ, чего не пишешь? обращается онъ къ третьему.

— Я... я... господинъ учитель... — слышенъ сквозь слезы голосъ Степана Лескова.

— Что? кричитъ учитель.

— Я гдѣ-то карандашъ потерялъ.

Въ эту минуту, неизвѣстно почему, изъ моей руки выпалъ мѣлъ. Говорю еще разъ: неизвѣстно почему, ибо я былъ увѣренъ, что карандашъ, спокойно лежащій теперь въ моемъ мѣшкѣ, не при-

надлежалъ Степану. Никоимъ образомъ! И все-же при его словахъ я такъ испугался, рука моя такъ задрожала, что мѣлъ, словно слизень, выскользнулъ изъ моихъ рукъ. Счастье мое, что заданная цифра была уже написана, теперь я не сумѣлъ-бы ее написать.

— Такъ — крикнулъ учитель, — потерялъ! Постой-ка ты, я тебя научу!

Чему собственно хотѣлъ учитель научить Степана, Господь вѣдаетъ. Мы, школьники, знали лишь, что учитель два дня тому назадъ поссорился съ отцомъ Степана и, видимо, искалъ лишь случая, чтобъ за отца отомстить сыну; а, кромѣ того, мы видѣли, что сегодня учитель немного пьянъ и что, значитъ, безъ боя не обойдется.

— Маршъ на середину! крикнулъ онъ на Степана.

Бѣдный мальчикъ, видно, зналъ, что его ожидаетъ, и не очень быстро шевелился; учитель схватилъ его за длинные, бѣлокурые волосы и выволокъ на середину комнаты.

— Стой здѣсь! А ты—сказалъ онъ оборачиваясь ко мнѣ— написалъ уже?

— Написалъ.

— Садись. А ты иди къ доскѣ!

Съ этими словами учитель толкнулъ Степана. Я облегченно вздохнулъ, во-первыхъ, потому, что самъ сидѣлъ на безопасномъ мѣстѣ, а во-вторыхъ, оттого, что думалъ, что разъ учитель послалъ Степана къ доскѣ, то авось ему за карандашъ ужъ не достанется—я зналъ, что Степанъ писать умѣетъ. Однако, я чего-то боялся, слыша, какъ сердито диктовалъ учитель Степану числа и какъ онъ злился, видя, что Степанъ пишетъ хорошо. Мнѣ было тяжело,—что-то шептало внутри, что если Степану достанется за карандашъ, то и я въ этомъ буду виновенъ. Какимъ образомъ въ моей головѣ сплетались такія удивительныя мысли, не знаю, но вѣрно только то, что я дрожалъ, какъ листъ.

Степанъ все пишетъ да пишетъ цифры, исписалъ уже всю доску; время отъ времени учитель смотритъ на него, чтобы поймать на чемъ-нибудь, но не тутъ-то было.

— Довольно!—кричитъ онъ, а теперь ложись!

— Да за что же, господинъ учитель,—отзывается Степанъ.

— Что?.. за что?.. Ты еще спрашиваешь?.. Сейчасъ ложись!..

Что-то сдавило мнѣ горло, когда я услышалъ эти слова. Учитель ищетъ розгу на послѣдней скамьѣ, а бѣдный Степанъ, блѣдный, дрожащій, стоитъ у доски и мнетъ тряпку въ рукахъ.

— Да за что же вы, господинъ учитель, хотите меня бить?— спросилъ еще разъ Степанъ сквозь слезы, видя приближающагося учителя съ розгою въ рукѣ.

— Ложись!— крикнулъ тотъ, и не ожидая болѣе, схватилъ Степана за волоса, перевернулъ его на стулъ и началъ, что есть силы хлестать розгою. Степанъ закричалъ отъ боли, но крикъ, повидимому, только еще больше раздражалъ опьянѣвшаго учителя.

— Чтобы зналъ въ другой разъ, какъ карандаши терять!— кричалъ онъ отрывистымъ, задыхающимся голосомъ, и розга засвистала еще сильнѣе, обвивая тѣло бѣднаго Степана.

Что дѣлалось со мною въ эту длинную, страшно тяжелую минуту! Первой мыслью, сразу мелькнувшей у меня въ головѣ, было— встать и сказать, что я всему виной, что карандашъ Степана у меня, что я нашелъ его и не отдалъ. Но страхъ передъ свистящей розгой насильно приковалъ меня къ мѣсту, связалъ мой языкъ, сдавилъ горло, какъ желѣзными клещами. Крикъ Степана отдавался въ моей груди, холодный потъ обливалъ меня всего, я ясно чувствовалъ боль, острую боль отъ розги, чувствовалъ ее во всемъ тѣлѣ и такъ живо, что всѣ мои мускулы, помимо моей воли, сокращались и дрожали, а въ горлѣ что-то громко, на весь классъ всхлипнуло. Но всѣ были охвачены такимъ смертельнымъ страхомъ, что, несмотря на гробовую тишину, никто въ классѣ не слыхалъ моего всхлипыванья.

А учитель все еще не переставалъ бить! Бѣдный Степанъ ужъ охрипъ, лицо его посинѣло отъ напряженія, пальцы судорожно впились учителю въ колѣни, ноги болтались въ воздухѣ, но розга не переставала свистѣть, и каждый ея свистъ, каждый ударъ по толстой полотняной рубашкѣ Степана потрясалъ и сжималъ тридцать дѣтскихъ сердецъ въ классѣ, выдавливалъ новый крикъ боли и отчаянія изъ груди Степана. Я ужъ не помню—охъ, и вспоминать не хочу!—что со мною дѣлалось въ эти страшныя минуты, какія ощущенія проходили по моему тѣлу, какая боль пронизывала мои суставы, какія мысли вертѣлись въ головѣ. Да нѣтъ,—

никакихъ мыслей и не было! Я сидѣлъ холодный, застывшій! И теперь еще, когда я, спустя шестнадцать лѣтъ, вспоминаю эту минуту, мнѣ кажется, что она, словно ударъ камнемъ по темени, на долгое время оглушила меня, и что будь такихъ минутъ въ моемъ дѣтствѣ много, изъ меня вышелъ-бы такой-же остолопъ, какихъ мы сотнями видимъ въ каждомъ изъ низшихъ училищъ нашего края, нервы которыхъ сызмала притупились страшными, отвратительными сценами, а голову съ шести лѣтъ забила учительская дисциплина.

Наконецъ, свистъ розги стихъ. Учитель выпустилъ Степана, а тотъ безсильный, измученный, бездыханный, покатился на полъ. Учитель, красный какъ буракъ, бросилъ розгу и сѣлъ на стулъ, съ котораго только что скатился Степанъ. Съ минуту онъ отдыхалъ, не говоря ни слова. Въ классѣ было тихо, мертво, мрачно. Слышно было лишь, какъ судорожно всхлипывая, хрипѣлъ бѣдный мальчикъ.

— Не встанешь ты?—прошепталъ учитель, толкая его ногой въ бокъ.

Спустя минуту Степанъ едва-едва поднялся на ноги и сталъ, держась рукою за скамью.

— Маршъ на мѣсто! И знай, какъ въ другой разъ карандаши терять!

Степанъ пошелъ на свое мѣсто. Въ классѣ снова стало тихо. Учитель, видимо, отрезвился немного и почувствовалъ, что плохо сдѣлалъ, такъ избивши мальчика. Онъ зналъ, что Лескова затрагивать не совсѣмъ удобно. Мысль объ этомъ еще болѣе раздражала его—онъ вскочилъ и сталъ молча, тяжело дыша, бѣгать по классу.

— А, мерзавцы, разбойники!—крикнулъ онъ на ходу, не извѣстно къ намъ-ли, дѣтямъ, или къ отсутствующимъ ясенычанамъ.

Снова учитель бѣгаетъ по классу, снова запыхается и ворчитъ что-то подъ носъ, а потомъ обращается къ намъ и кричитъ:

— Домой!

Но и это, обыкновенно очень чудодѣйственное, слово, обѣщающее намъ хоть на день освобожденіе отъ тяжести школьной премудрости, было теперь обращено, точно къ глухимъ. Тревога и неувѣренность оглушили всѣхъ школьниковъ и отняли у нихъ спо-

собность чувствовать. Нуженъ былъ другой, болѣе громкій окрикъ учителя, чтобы всѣ встали на молитву.

Когда послѣ молитвы школьники тронулись со скамей и начали выходить изъ класса, то дѣлали это безъ обычнаго въ этихъ случаяхъ шума и толкотни; всѣ шли потихоньку, боязливо оглядываясь на учителя, который стоялъ у столика, пока не вышли всѣ мальчики. Каждый чувствовалъ себя, какъ будто, придавленнымъ. Степанъ шелъ всхлипывая, а когда онъ, ужъ возлѣ дверей, взглянулъ на учителя, тотъ погрозилъ ему кулакомъ. Я шелъ почти послѣднимъ, едва передвигая ноги. Я такъ страшно боялся и стыдился чего-то, что былъ-бы радъ въ эту минуту провалиться сквозь землю. Не знаю, можетъ быть только убійца послѣ совершеннаго преступленія чувствуетъ такую-же тяжесть на сердцѣ, какую чувствовалъ я тогда. На Степана въ ту минуту я не взглянулъ-бы ни за какія деньги. Я такъ живо представлялъ себѣ его боль,—нѣтъ, я страдалъ не меньше его,—а тутъ еще этотъ проклятый внутренній голосъ, который все шепталъ мнѣ, что онъ страдалъ изъ-за меня, что карандашъ принадлежитъ ему. Да, теперь ужъ что-то ясно говорило, что это я его карандашъ нашелъ! И было-бы, кажется, въ этомъ случаѣ всего естественнѣе—подойти къ нему и отдать потерянное. Кажись, такъ просто! Такъ нѣтъ! Мнѣ, окончательно прибитому страхомъ, жалостью и стыдомъ, было тогда совершенно невозможно это сдѣлать. И не то, чтобъ теперь я желалъ спрятать этотъ карандашъ для себя,—гдѣ тамъ! Онъ тяжелымъ камнемъ лежалъ въ моемъ мѣшкѣ, жегъ мою руку,—я теперь ни за что не дотронулся-бы къ нему, не взглянулъ-бы на него! Какъ-бы я обрадовался, если-бы кто-нибудь силою вырвалъ у меня мѣшокъ и вытряхнулъ изъ него все содержимое, чтобы карандашъ выпалъ, а Степанъ потомъ могъ его поднять. Но такъ не случилось — да и не до того было школьникамъ.

Какъ только мы вышли изъ класса и учительскаго двора, всѣ обступили все еще всхлипывающаго Степана и стали его разспрашивать, какъ и гдѣ онъ потерялъ карандашъ, какой это былъ карандашъ; кое-кто громко ропталъ на учителя, другіе жалѣли Степана и говорили, чтобы онъ непремѣнно пожаловался отцу.

— Развѣ я-а знаю, гдѣ я по-о-терялъ, всхлипывалъ Степанъ.—А что мнѣ теперь та-а-туня скажутъ! Только позавчера мнѣ купили въ городѣ, а я-а потерялъ. Ой-ой-ой!—заплакалъ бѣдный мальчикъ, который боялся отца не менѣе учителя.

— Да не плачь, глупый, не бойся, утѣшали мальчики, хоть, вѣрно, ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ-бы быть въ шкурѣ Степана.

— Да-а, не пла-ачь! отвѣтилъ мрачно Степанъ. — Да они меня убьютъ за карандашъ! Шесть крейцеровъ, говорятъ, заплатили за него въ городѣ... А если, говорятъ, потеряешь, то шкура не твоя, слышишь!.. Ой, ой, ой!..—Я не могъ слышать этого разговора. Каждое слово Степана кололо меня, словно колючками. Я скорѣй побѣжалъ домой, весь дрожа, блѣдный и задыхающійся.

— О, ты ужъ, вѣрно, гдѣ-нибудь дрался съ мальчиками,— крикнула при моемъ появленіи тетка,—что задыхаешься, какъ собака гончая! Ахъ ты, мерзкій, негодный мальчишка!

Тетка была еще дѣвушкой, двадцати съ чѣмъ-то лѣтъ отъ роду. Она была очень добра, чего нельзя было сказать о ея языкѣ, который никогда не любилъ „даромъ хлѣбъ ѣсть“ и которому никогда не недоставало запаса словъ.

Я повѣсилъ мѣшокъ съ книжками на крючокъ и, не говоря ни слова, сѣлъ ѣсть. Поѣвши, взялъ я книжку, но не для того, чтобы выучить заданный на завтра урокъ, — не до ученья мнѣ было!—Я сидѣлъ надъ книжкой, какъ пень, и въ сотый разъ перечитывалъ все одни и тѣ-же слова, не понимая того, что читалъ. Я силился не думать о Степанѣ, объ учителѣ, о старомъ Лесковѣ; но ихъ лица все время стояли предо мной, обдавали меня холодомъ, грызли и безпокоили, какъ грызутъ и безпокоятъ грѣшника вспоминанія о старыхъ грѣхахъ. Я такъ хотѣлъ, чтобы скорѣй наступилъ вечеръ, но вечеръ, точно кѣмъ-то заколдованный, не приходилъ. Я боялся взглянуть на мѣшокъ съ карандашомъ, словно это былъ не мѣшокъ, а страшная нора, и не карандашъ, а гадина.

Какъ я измучился, пока наступилъ вечеръ, я разсказывать не буду. Какіе страшные сны мнѣ снились ночью, какъ я кричалъ, убѣгалъ, прятался, какъ за мною бѣгали и летали яще-

рицы съ острыми мордочками и съ громадною надписью „Mittel“ на хребтѣ, какъ меня царапалъ терновникъ, покрытый желтой блестящей корой и шестигранными вѣтвями, заостренными на концѣ, — пусть и это потонетъ въ кладезѣ забвенія. Довольно того, что, вставъ утромъ, я чувствовалъ себя разбитымъ, измученнымъ, а тетка вдобавокъ наговорила обо мнѣ, что я всю ночь метался и визжалъ, не давая ей спать.

Утромъ, раньше, чѣмъ я отправился въ школу, приходитъ дядя изъ села и, сбросивъ толстыя суконныя рукавицы, начинаетъ разсказывать деревенскія новости.

— А за что это вчера учитель Степана Лескова билъ?— спрашиваетъ у меня дядя. Этотъ вопросъ такъ испугалъ меня, словно-бы меня кто кипяткомъ обдалъ.

— Да... да... да... говоритъ... что по... по... по...

— Что ты, говорить не умѣешь, что-ли?—крикнула сбоку тетка.—Ну, такъ что тамъ случилось со Степаномъ?—спросила она дядю.

— Да вчера учитель его такъ избилъ за какой-то карандашъ, что тотъ еле живымъ домой дотащился.

— За какой карандашъ?

— Да вотъ, купилъ ему отецъ въ понедѣльникъ карандашъ, а онъ его вчера потерялъ. Учитель пьяный, и ну мальчика бить, будто онъ въ этомъ виноватъ. Понимаете, насилу бѣдный мальчикъ домой приплелся. А тутъ еще старый медвѣдь взбѣсился, да тоже давай ребенка бить! За волосы, подъ ноги да пинками!.. Господи! старуха въ плачъ, подняла крикъ, мальчишка въ обморокъ, едва водой отходили, теперь, говорятъ, лежитъ, двигаться не можетъ! Какъ можно такъ ребенка наказывать!..

Дядя еще не кончилъ, какъ я громко расплакался и прервалъ его рѣчь.

— Что съ тобой?—спросилъ удивленный дядя.

— Спятилъ ты, что-ли?—крикнула тетка.

— Я... я... я...—пролепеталъ я плача, но всхлипыванья не дали мнѣ окончить рѣчь.

— Ну что, что, скажи!—промолвилъ дядя ласково.

— Я... нашелъ... Степановъ карандашъ!

— Нашелъ?.. Гдѣ?.. Когда?..

— Вчера, передъ урокомъ на снѣгу, — сказалъ я уже смѣлѣе.

— Ну, а почему-жъ ты не отдалъ Степану?

— Я не зналъ, что это его, а онъ не спрашивалъ.

— А послѣ, послѣ урока?

— Я... я боялся.

— Боялся? Да какого-жъ чорта ты боялся?—спросила тетка, но я ничего не отвѣтилъ на этотъ вопросъ.

— Ну, а гдѣ же этотъ карандашъ?

— Въ мѣшкѣ.

Дядя заглянулъ въ мѣшокъ и вынулъ несчастный карандашъ. Я не смѣлъ взглянуть на него.

— Ну глядите, люди добрые,—за такую ерунду такъ избить мальчика! Пропади вы оба пропадомъ!

Дядя сплюнулъ и вышелъ, взявъ карандашъ съ собою. Меня тетка вытолкала въ школу. Я по дорогѣ еще всхлипывалъ, и слезы текли по лицу, помимо моей воли; но на душѣ стало много легче.

Въ этотъ день и во всю слѣдующую недѣлю Степанъ не приходилъ въ школу,—онъ лежалъ больной.

Неожиданно на слѣдующей недѣлѣ почему-то заболѣлъ и учитель; дядя догадывался, что, вѣрно, его старый Лесковъ хорошенько „проучилъ“. Было-ли это такъ или нѣтъ, я не знаю навѣрное,—довольно того, что Степана я послѣ этого не видалъ цѣлыхъ двѣ недѣли. Ахъ, какъ боялся я тогда съ нимъ встрѣтиться! Какъ часто я видалъ въ тревожныхъ снахъ его доброе, тихое лицо, еще синее отъ побоевъ, болѣзненное и исхудавшее,—какимъ тяжелымъ укоромъ глядѣли на меня его сѣрые, добродушные глаза! Но когда я увидалъ его, когда услышалъ его голосъ, то всѣ муки, все безпокойство прошедшихъ дней словно ожили вдругъ въ моей душѣ,—но только на одну минуту. Степанъ былъ теперь уже здоровъ и веселъ; по-прежнему, заговорилъ ко мнѣ добродушно, словно ничего и не было межъ нами; о карандашѣ ни слова. Не зналъ онъ, что-ли, о томъ, что его карандашъ былъ у меня и что я былъ причиной его пытки? Не знаю, но никогда потомъ между нами не было разговора о карандашѣ.

Львовъ. 1879.

УРОКЪ ЧИСТОПИСАНІЯ.

Урокъ чистописанія.

Въ обширномъ второмъ классѣ дрогобычской нормальной школы отцовъ Базиліанъ тихо, хоть макъ сѣй. Приближается урокъ чистописанія, страшный для всѣхъ не столько самимъ предметомъ, сколько, главнымъ образомъ, особою учителя. Въ школѣ отцовъ Базиліанъ, по всѣмъ предметамъ преподавали сами отцы,— только для чистописанія они пригласили свѣтскаго человѣка Валька, какого-то бывшаго управляющаго имѣніемъ или что-то въ этомъ родѣ. Вальку еще и до сихъ поръ кажется, что онъ управляющій,—и если съ нагайкою теперь ходить не приходится, то онъ не брезгаетъ хоть тросточкой и никогда не пренебрегаетъ дѣлать изъ нея соотвѣтствующаго употребленія. Ясное дѣло, что дѣти, хотя бы только на часъ отданныя во власть такого учителя, дрожатъ заранѣе, и чистописаніе является для нихъ самой большой мукой. Одинъ только маленькій Миронъ сидитъ на скамьѣ спокойный, даже веселый. Онъ удивляется, отчего это сразу стало такъ тихо въ классѣ, когда одинъ смѣльчакъ, посланный въ корридоръ для развѣдокъ, вбѣгаетъ въ классъ и кричитъ: „Валько пришолъ“. Въ это самое мгновенье и стало тихо въ классѣ. Маленькій Миронъ не знаетъ еще Валька. Онъ только что окончилъ сельскую школу, отецъ записалъ его во второй нормальный классъ отцовъ Базиліанъ и сегодня у него первый день ученья. И хотя въ селѣ онъ считался очень слабымъ въ писаніи, не умѣлъ ни пера надлежащимъ образомъ въ руки взять, ни вывести гладко да ровно ни одного штриха, такъ онъ, вѣдь, ребенокъ,— не ему заранѣе печалиться о томъ, чего онъ еще не знаетъ. Онъ

удивился, отчего это сразу стало такъ тихо, но о причинѣ не рѣшился разспрашивать никого изъ своихъ сосѣдей—онъ съ ними до сихъ поръ былъ очень мало знакомъ. Да, впрочемъ, его это и не очень трогало. Среди этой для другихъ страшной и тревожной тишины онъ тѣмъ удобнѣе отдался самому любимому занятію—думамъ о своей родной сторонѣ. Нельзя сказать, чтобы онъ тужилъ по ней: онъ зналъ, что каждый понедѣльникъ увидитъ и отца и мать. Онъ только представлялъ себѣ, какъ хорошо будетъ, когда онъ, когда-нибудь, лѣтомъ, пріѣдетъ домой, опять сможетъ свободно бѣгать по лугамъ, сидѣть надъ рѣчкою или бродить по ней за рыбой; это были мысли прежде всего веселыя, ясныя, блестящія, а не грустныя или жалобныя. Маленькій Миронъ съ восхищеніемъ виталъ въ этой красотѣ природы, которая среди сѣрыхъ, холодныхъ стѣнъ Базиліанской школы, расцвѣтала въ его воображеніи, и не думалъ о грозѣ, надвигавшейся надъ классомъ.

— Ба, а ты чего не приготовишь себѣ тетради для письма?—тихо спросилъ сосѣдъ Мирона, толкая его въ бокъ.

— Что?—отвѣтилъ Миронъ, непріятно разбуженный отъ своего золотого сна.

— Тетрадь приготовь для письма!—повторилъ товарищъ и показалъ Мирону, какъ по предписанію Валька, нужно положить тетрадь, чернильницу и перо.

— Идетъ уже, идетъ!—пронесся, словно при приближеніи грознаго царя, шопотъ въ классѣ, когда въ корридорѣ раздались шаги учителя чистописанія. Скоро затѣмъ отворилась дверь класса—и Валько вошелъ. Миронъ взглянулъ на него. Учитель своимъ видомъ совсѣмъ не напоминалъ царя. Это былъ средняго роста человѣкъ съ коротко остриженными волосами на круглой бараньей головѣ, съ рыжими короткими усами и рыжей испанской бородкой. Его широкое лицо и широкія, сильно развитыя скулы вмѣстѣ съ большими въ сторону торчащими ушами, придавали ему выраженіе тупого упрямства и хищничества. Небольшіе лягушечьи глаза глубоко сидѣли въ орбитахъ и смотрѣли оттуда какъ-то злобно и непріязненно.

— Ну-ка!—крикнулъ онъ грозно, затворивъ за собою дверь класса и помахивая гибкой тростниковой палочкою. И, какъ отъ вѣтра въ лѣтній облачный день дружно склоняются колосья ржи,

такъ отъ этого крика склонились головы восьмидесяти пяти учениковъ надъ сине-и красно-разлинованными тетрадями. У каждаго ученика въ рукѣ дрожало перо. Одинъ только маленькій Миронъ, незнавшій еще характера Валька, сидѣлъ, обернувшись лицомъ къ классу, и всматривался въ новаго учителя.

— А ты что?—злобно крикнулъ на него Валько и прямо направилъ свои шаги къ нему.

Маленькій Миронъ такъ и оторопѣлъ отъ внезапнаго испуга. Онъ какимъ-то безсознательнымъ движеніемъ обернулся и придалъ своему тѣлу такое-же положеніе, въ какомъ уже съ минуту трепетали его товарищи.

Валько взялъ въ руки мѣлъ, подошелъ къ доскѣ, размахнулся и началъ писать. Сначала онъ писалъ только буквы, маленькія и большія, гласныя и согласныя, безъ всякаго, впрочемъ, смысла. Но потомъ понемногу дошелъ и до словъ и, наконецъ, до цѣлыхъ изреченій, какъ, напримѣръ: „Богъ сотворилъ міръ", „Человѣкъ имѣетъ двѣ руки", „Земля мать наша". Исчерпавъ такимъ образомъ всю свою мудрость, достаточно показавъ свое знаніе чистописанія въ многочисленныхъ выкрутасахъ и долгихъ, какъ свѣтъ, да ровныхъ какъ колбасы, хвостикахъ, Валько положилъ мѣлъ, отошелъ, еще разъ съ любовью взглянулъ на исписанную доску и, обернувшись къ трепещущему классу, грозно крикнулъ:

— Писать!

Въ эту минуту счастливо закончилась его научная дѣятельность—теперь начиналась уже дѣятельность управляющаго. Чтобъ показать это наглядно, онъ сильно щелкнулъ пальцами, чтобъ стряхнуть съ нихъ ученую мѣловую пыль, взялъ въ руки свою тросточку — и, какъ орелъ, слѣдящій съ горы за добычею, озираясь на классъ, сошелъ съ каѳедры и началъ свой обходъ.

Первый, на котораго натолкнула его злая судьба, былъ какой-то маленькій, слабенькій, очень запуганный ученикъ. Весь въ поту, склонившись надъ тетрадью, онъ напрягалъ всѣ силы, чтобы удержать перо въ дрожащихъ пальцахъ, и ежеминутно взглядывалъ на доску, стараясь выводить на бумагѣ такіе-же крючки и колбасы, какіе вывела на доскѣ ловкая рука управляющаго. Но на грѣхъ рука его дрожала, крючки да колбасы выходили ломаные, неровные,— непослушное перо ежеминутно вертѣлось въ пальцахъ, скрипѣло, брызгало, словно сердилось на что-то и хотѣло возможно скорѣе освободиться.

Валько сталъ надъ нимъ, словно палачъ надъ душою, и, злобно усмѣхаясь, не говоря ни слова, началъ присматриваться къ его работѣ. Бѣдный мальчикъ почуялъ бѣду и, въ конецъ, утратилъ всякую власть надъ своей рукой и непослушнымъ перомъ.

— Такъ ты вотъ какъ пишешь??—медленно процѣдилъ Валько, но тѣмъ быстрѣе свиснула въ воздухѣ его трость и змѣей обвила плечи бѣднаго мальчика.

— Ой-ой-ой!—закричалъ онъ, но тотчасъ же смолкъ, встрѣтивъ грозный змѣиный взглядъ учителя.

— Ты не можешь лучше писать?—спрашивалъ Валько.

— Умѣю, умѣю!..—лепеталъ мальчикъ, самъ не зная, что лепечетъ.

Учитель—управляющій, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ вѣрилъ, что мальчикъ умѣетъ писать лучше и что только ему на зло—или, быть можетъ, изъ большой любви къ его тросточкѣ старается писать скверно.

— Ну, такъ смотри же! — и Валько пошелъ дальше, убѣдившись, какіе спасительные плоды принесла его сердитая наука. Впрочемъ, его эти плоды и не занимали—онъ теперь былъ только управляющимъ и ничѣмъ больше. Глаза его уже обратились въ другую сторону и въ другомъ углу класса избирали новую жертву. Тамъ сидѣлъ еврей, который, по старинной привычкѣ своего племени писать въ обратномъ направленіи, силился выводить выкрутасы Валька отъ правой руки къ лѣвой, отъ конца строчки къ началу. Одну строчку онъ ужъ такимъ образомъ написалъ и точно такъ же началъ другую отъ словъ: „Сотъ Богъ a s k Сыръ“. Написанная уже строчка выглядѣла какъ слѣдуетъ, но новая, неготовая еще, начатая съ конца, бросилась въ глаза Вальку.

— А ты какъ пишешь, Мойше? — закричалъ онъ, подскочивъ къ еврею.

Валько всѣхъ евреевъ въ классѣ звалъ „Мойше“ — если только они не были сыновьями богатыхъ городскихъ „тузовъ“, къ которымъ онъ питалъ большое почтеніе. Еврей, по имени Йонасъ Туртельтаубъ, услышавъ этотъ окрикъ и увидавъ наскакивающаго врага, скорчился, съежился и пересталъ писать.

— Ха, ха, ха!—заливался Валько, присматриваясь къ письму еврея.

— Господинъ учитель...—началъ еврей и запнулся.

— Поди сюда!

И не ожидая, пока Йонка сойдетъ со скамьи, взялъ его за ухо и потащилъ на средину.

При видѣ бѣднаго Йонки, съежившагося, дрожащаго и плачущаго отъ страха, весь классъ громко расхохотался, хоть каждый и самъ дрожалъ да ежился.

Но такова ужъ сила деспотическаго гнета, что стоитъ тирану усмѣхнуться—какъ всѣ, находящіеся подъ его вліяніемъ, будутъ хохотать, несмотря на то, что смѣются сами надъ своей же бѣдой.

— Пойди къ доскѣ! Ну-ка, пиши!

Валько собственной рукой стеръ часть своего письма и втиснулъ еврею мѣлъ въ руку. Еврей началъ писать, по своему обыкновенію, въ обратную сторону. Снова классъ расхохотался, усмѣхнулся и Валько; но тотчасъ же лицо его нахмурилось, онъ обернулся къ послѣдней скамьѣ, гдѣ сидѣли самые большіе и сильные парни, и крикнулъ:

— Ну-ка, дайте ему!

Еврей задрожалъ всѣмъ тѣломъ и пролепеталъ что-то, но къ нему быстро подскочили два товарища — сѣкуторы и повели на каѳедру.—Тихо стало въ классѣ. Вмѣсто смѣха на всѣхъ лицахъ выступила блѣдность — только болѣзненный визгъ Йонки разносился среди глухихъ стѣнъ Базиліанскаго монастыря.

— Будетъ съ него!—сказалъ Валько, и Йонка, всхлипывая, пошелъ на свое мѣсто.

Исполнивши это высоко-педагогическое дѣло, Валько снова началъ свой обходъ по классу, и снова раздались удары его тросточки по плечамъ и рукамъ бѣдныхъ мальчиковъ.

— Какое впечатлѣніе произвела вся эта наука на Мирона, передать трудно. Онъ безпрестанно дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ; у него въ ушахъ шумѣло и рябило въ глазахъ, словно въ бурю. Ему чудилось, что и его не минетъ эта буря; каждый ударъ страшнаго учителя казался ему предназначеннымъ для него. Написанныя слова и строчки скакали предъ его глазами, надувались, спутывались—и выглядывали еще хуже, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Онъ и самъ не замѣтилъ, когда пересталъ писать,—сѣрый туманъ стоялъ предъ его глазами.

— Ты вотъ какъ пишешь?—крикнулъ Валько надъ его головою.

Миронъ встрепенулся, схватилъ перо, ткнулъ его въ чернила и поволокъ по бумагѣ, словно быка за рога.

— Развѣ ты не знаешь, какъ перо держать?

— Я не знаю!—прошепталъ Миронъ.

— Что?—рявкнулъ Валько! —Я тебѣ не показывалъ уже десять разъ, а?

Миронъ устремилъ удивленные глаза на разсвирѣпѣвшее лицо Валька. Но, вмѣсто отвѣта, Валько стиснутымъ кулакомъ ударилъ мальчика въ лицо. Словно подкошенный, повалился маленькій Миронъ на скамью, а со скамьи на полъ.

Кровь обливала его лицо.

— Подымите его! — крикнулъ Валько. Съ задней скамьи прискочили двое,—тѣ же самые, что за минуту пороли Йонку, и подняли потерявшаго сознаніе Мирона. Его голова не держалась на плечахъ и склонялась внизъ, словно у мертваго.

— Бѣгите за водой! — продолжалъ командовать Валько и еще разъ взглянулъ на Мирона.

— Это что за мальчикъ?—спросилъ онъ.

— Миронъ,—отвѣтилъ „цензоръ“, самый старшій и сильный въ классѣ, котораго отцы Базиліане поставили наставникомъ надъ товарищами.

— Кто такой?—спрашивалъ опять Валько.

— Сынъ одного мужика изъ Н...

— Мужицкій сынъ! Тьфу, какого бѣса этимъ мужикамъ лѣзть сюда!—проворчалъ Валько. У него отлегло отъ сердца. Онъ сталъ, было, побаиваться своего поступка, но мужицкій сынъ—значитъ, можно его бить и обижать, какъ хочешь, за мужицкаго сына никто не заступится!

Валько не ошибся въ своемъ расчетѣ. Никто не вступился за мужицкаго сына. Безчеловѣчный поступокъ учителя-управляющаго сошелъ ему съ рукъ, какъ и многіе его безчеловѣчные поступки. Только въ сердцѣ мужицкаго сына не прошелъ онъ даромъ, а остался первымъ сѣменемъ возмущенія, презрѣнія и вѣчной вражды противъ всякаго насилія и гнета.

1879.

НА ДНѢ.

Миронъ встрепенулся, сжалъ перо, сжалъ его въ чернила и [illegible] по бумагѣ, словно [illegible] на ноги.

— Ратъ ты не знаешь, какъ перо держитъ?

— И не знаю,—прожепталъ Миронъ.

— Что?—крикнулъ Валько.—Я тебѣ не показывалъ уже десять разъ, а?

Миронъ устремилъ удивленные глаза на разсвирѣпѣвшее лицо Валько. Но, вмѣсто отвѣта, Валько стиснутымъ кулакомъ ударилъ мальчика въ лицо. Словно подкошенный, повалился маленькій Миронъ на скамью, а со скамьи на полъ.

Кровь обливала его лицо.

— Подымите его!—крикнулъ Валько. Съ задней скамьи прискочили двое,—тѣ же самые, что за минуту порели Йонку, и подняли потерявшаго сознаніе Мирона. Его голова не держалась на плечахъ и склонялась [illegible] у мертваго.

— Вѣдите за [illegible] Валько, и еще разъ взглянулъ [illegible].

— Это кто за мальчикъ?—спросилъ онъ.

— Миронъ,—отвѣтилъ „Безборъ", самый старшій и сильный въ классѣ, которого отцы Базиліане поставили [illegible] надъ товарищами.

— Кто такой?—спрашивалъ [illegible] Валько.

— Сынъ одного мужика [illegible].

— Мужицкій сынъ! Тьфу, какого [illegible] мужикамъ стать сына!—проворчалъ Валько. У него отлегло отъ сердца. Онъ сталъ, было, побаиваться своего поступка, но мужицкій сынъ—значитъ, можно его бить и обижать, какъ хочешь, за мужицкаго сына никто не заступится.

Валько не ошибся въ своемъ разсчетѣ. Никто не вступился за мужицкаго сына. Безчеловѣчный поступокъ учителя-гиравлянскаго [illegible] ему въ рукъ, какъ и многіе его безчеловѣчные поступки. Только въ сердцѣ мужицкаго сына не прошелъ [illegible] даромъ, а [illegible] незнакомъ [illegible] и вѣчной [illegible] кисилія и [illegible].

1879.

На днѣ.

I.

Однажды, въ полдень хорошаго, весенняго воскреснаго дня двое полицейскихъ, сидѣвшихъ въ „сторожкѣ“ дорогобычской общины, были крайне удивлены, когда въ сторожку привели какого-то господина, молодого еще человѣка, средняго роста, въ запыленномъ, но довольно порядочномъ костюмѣ.

— А этотъ откуда?—спросилъ капралъ и измѣрилъ молодого человѣка съ ногъ до головы осоловѣлыми отъ пьянства глазами.

— Староство прислало,—онъ пойдетъ „на цюпасъ“ *), отвѣтилъ полицейскій, который препровождалъ господина.

— М-м-м, — замычалъ капралъ и устремилъ глаза въ стоящую передъ нимъ тарелку съ остатками мяса и салата; немного погодя, онъ поднялъ ихъ, чтобы полюбоваться полною кружкой пива, ожидающей своей очереди.

Полицейскій тѣмъ временемъ досталъ изъ-за пазухи бумагу и подалъ ее капралу. Это былъ приговоръ староства. Капралъ взялъ бумагу въ руки, развернулъ, посмотрѣлъ сюда-туда и началъ по складамъ разбирать имя приведеннаго „цюпасника“. Но, вѣроятно, не въ состояніи будучи быстро справиться съ этой работой, онъ спросилъ его самого:

— А какъ васъ зовутъ?

---

*) По этапу.

— Андрей Темера.

— А откуда?

— Изъ Тернополя.

— Изъ Тернополя? Гм! А чего это васъ сюда занесло изъ Тернополя? А?

Темера какъ будто не слышалъ вопроса,—онъ стоялъ и оглядывался по сторожкѣ. Свою шапку и пальто онъ положилъ на стулъ.

— Зачѣмъ вы сюда пріѣхали? — сердито спросилъ капралъ въ другой разъ.

Темера спокойнымъ и твердымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Васъ это не касается.

— Отвѣчайте на мой вопросъ.

— Не ваше дѣло меня допрашивать.

Капралъ побагровѣлъ отъ злости, но прикусилъ губы.

— О, очень умны вы, господинъ, нечего сказать. А чѣмъ вы занимаетесь?

— Это ужъ мое дѣло, — отвѣтилъ Темера и началъ ходить по сторожкѣ, посматривая сквозь окна на гимназическій садъ, залитый зеленью разнообразныхъ деревьевъ. По извилистымъ тропинкамъ сада расхаживали въ праздничныхъ нарядахъ люди всякихъ возрастовъ и половъ, всѣ веселые, свободные... Оттуда доносился звонкій дѣтскій смѣхъ и серебристые голоса женщинъ, и какой-то пріятный шопотъ выдѣлялся изъ чащи густой листвы, среди шума и шелеста живой буйной растительности. Облачко грусти и печали пробѣжало по красивому, молодому лицу Андрея, какая-то тревожная мысль сдавила ему сердце, губы судорожно сжались, а глаза такъ и впились въ это зеленое море, роскошно дышащее въ яркихъ солнечныхъ лучахъ.

— Да, господинъ, очень вы, я вижу, умны, а такъ еще молоды,—говорилъ капралъ, подавляя въ себѣ злость и опорожнивъ полкружки пива. Нехорошо раньше времени умничать, не долго такіе люди и на свѣтѣ живутъ! Ну, а теперь ваша милость можетъ отправиться въ нашу „залу“. Мы здѣсь для такихъ умниковъ имѣемъ особенную роскошную залу, ха, ха, ха!

Темера быстро обернулся. На его лицѣ отразилось безпокойство.

— А господинъ инспекторъ скоро придетъ?—спросилъ онъ.

— О, скоро,—насмѣшливо отвѣтилъ капралъ.

— Такъ, можетъ быть, я до тѣхъ поръ могу здѣсь подождать?—сказалъ Темера, не обращая вниманія на тонъ, какимъ капралъ сказалъ „скоро“.

— Это все равно, здѣсь или тамъ, — отвѣтилъ капралъ,— только тамъ безопаснѣе, да и тамъ ваше, господинъ, надлежащее мѣсто. Ну, будьте добры,—потрудитесь.

— Я бы все-таки попросилъ васъ оставить меня здѣсь, если можно,—просилъ Темера.

Нельзя, господинъ, нельзя,—слащавымъ тономъ отвѣтилъ капралъ, радуясь, что можетъ отплатить непокорному.

— Господинъ капралъ,—вмѣшался полицейскій, сидѣвшій до сихъ поръ молча возлѣ стола, — да тамъ тѣсно, восемь душъ!.. Можно-бы этого господина тутъ оставить, пока вахмистръ придетъ.

— Га, что? — гаркнулъ капралъ,—восемь душъ? А мнѣ что за дѣло? Если восемь, то влѣзетъ и девятая. И, наконецъ, какъ хочешь, пусть остается здѣсь, но только на твоей отвѣтственности!

На моей? А я здѣсь при чемъ? Какъ же я могу брать арестанта на свою отвѣтственность.

— Ну, если не можешь, то и не суй своего носа, куда тебя не просятъ,—отрѣзалъ капралъ, снялъ со стѣны ключъ и пошелъ впередъ. Темера взялъ свою шляпу и пальто и пошелъ за нимъ.

Сѣни были небольшія и вели, съ одной стороны, на длинное, вымощенное теребовельскими *) плитами крыльцо, а съ другой— въ корридоръ. Сверху лился ясный солнечный свѣтъ, который достигалъ порога корридора. Въ корридорѣ не было никого. Чистыя, покрашенныя стѣны, каменный полъ, чисто выбѣленный потолокъ,—все придавало этому тѣсному и не особенно длинному, свѣтлому корридору довольно привѣтливый видъ. Идя мимо этихъ стѣнъ, разрисованныхъ зелеными цвѣтами и орнаментами, никому, вѣроятно, и въ голову не приходило, чтобы за ними могло скрываться нѣчто скверное, нѣчто совершенно противоположное, нѣчто совсѣмъ несовмѣстимое съ какими-бы то ни было представленіями о человѣческомъ жилищѣ. Поэтому-то и нашъ Темера шелъ за

*) Отъ города Теребовль.

капраломъ спокойный, немного задумчивый, но думалъ онъ не о своей теперешней судьбѣ, а о далекихъ, лучшихъ, давно прошедшихъ минутахъ.

Возлѣ порога капралъ остановился и постучалъ небольшой желѣзной колодкой, которая болталась на небольшихъ буковыхъ, чисто вымытыхъ и совсѣмъ почти неокованныхъ дверяхъ. Долгое время онъ колотилъ ею и, наконецъ, воткнулъ ключъ въ отверстіе. Ключъ завизжалъ какъ-то смѣшно и весело, брякнула колодка, двери отворились, — капралъ отступилъ и, взявъ Темеру за плечо, толкнулъ его впередъ, сказавъ съ пьяной насмѣшкой:

— Ну, милости просимъ, милости просимъ!

II.

Темера остановился въ дверяхъ ошеломленный. Густой мракъ охватилъ его и на минуту совершенно ослѣпилъ. У него мелькнула мысль, что передъ нимъ вдругъ открылся подземный ходъ въ какую-то секретную подземную яму, о какихъ онъ читалъ въ старыхъ повѣстяхъ. Внутри этой темной пещеры онъ сначала никого и ничего не могъ увидать. Точно невидимая, могучая рука схватила его за грудь и остановила на порогѣ, не пуская внутрь. Но видимая рука капрала, будучи, очевидно, сильнѣе невидимой, втолкнула его внутрь, а затѣмъ закрыла за нимъ двери темной западни.

Онъ стоялъ возлѣ дверей и озирался кругомъ, прислушиваясь—не услышитъ-ли человѣческаго голоса, но ничего не слышалъ. Лишь спустя нѣкоторое время глаза его настолько привыкли къ сумраку, что онъ могъ подробно разсмотрѣть свое новое помѣщеніе. Это была конура не болѣе шести шаговъ въ длину и четырехъ въ ширину, съ однимъ только маленькимъ рѣшетчатымъ окномъ. Окно это было прорублено высоко вверху, почти подъ самымъ потолкомъ, и выходило на крыльцо такимъ образомъ, что изъ него видны были только сѣрыя отъ старости доски навѣса, повисшаго надъ крыльцомъ. Солнце сюда никогда не заглядывало. Стѣны этой конуры были покрыты грязью, неподдающейся никакому описанію, а внизу были

усѣяны каплями сырости. Асфальтовый полъ былъ весь мокръ отъ разлитой воды, плевковъ и нанесенной Богъ вѣсть съ какого времени грязи. Двери изнутри не были такъ желты и невинны, какъ снаружи—наоборотъ, онѣ были черны отъ влажности и перекованы крестъ-на-крестъ толстыми желѣзными прутьями; даже маленькая квадратная дырка, вырѣзанная въ нихъ для вентиляціи, была задѣлана деревянною доской и перехвачена скобкой. Посреди камеры стояла узкая желѣзная кровать съ сѣнникомъ, влажнымъ и грязнымъ, какъ и все здѣсь, набитымъ давно не перемѣнявшейся сгнившей соломой. Въ углу, у стѣны стояла такая-же кровать. Ни простыни, ни дерюжки какой-нибудь, ни обычной арестантской соломенной подушки—ничего не было. Воздухъ въ этой конурѣ былъ густой и затхлый, такъ-какъ ни окно, ни двери не могли впустить столько свѣжаго воздуха, сколько его было нужно. А въ углу, близъ дверей, стояла обычная арестантская посудина, „катерына“ *), кое-какъ прикрытая какой-то не плотно пристающей крышкой, изъ-подъ которой распространялся смертельный смрадъ, наполнявшій камеру и окружавшій всѣ предметы въ этой адской норѣ какой-то атмосферой презрѣнія и проклятія. А вблизи этой посудины стояла другая, — большой, расширяющійся кверху, ничѣмъ не прикрытый кувшинъ съ водой—для питья!

Долго озирался Темера, сильно напрягая свои непривыкшіе къ темнотѣ глаза, пока, наконецъ, разглядѣлъ всѣ эти предметы, которые, казалось, издѣвались надъ нимъ своей неопрятностью, своей нечеловѣческой мерзостью. Сердце его сжалось, словно въ клещахъ; отвратительный вонючій воздухъ захватилъ дыханіе, и онъ такъ закашлялся, что у него слезы выступили на глазахъ.

Въ камерѣ никто не отозвался, хотя и слышно было тяжелое дыханіе нѣсколькихъ какъ будто чѣмъ-то придавленныхъ грудей. Темера началъ разсматривать своихъ товарищей по неволѣ.

На сѣнникѣ у стѣны лежалъ, растянувшись и посасывая глиняную трубку, старикъ лѣтъ пятидесяти, съ черной, кругло-остриженной бородой, съ полнымъ, обрюзглымъ лицомъ и деревяшкой

*) „Параша“.

на правой ногѣ. Это былъ, впрочемъ, плечистый мужчина,—кремень-человѣкъ.

Рваная рубаха его была грязна, словно ее нѣсколько мѣсяцевъ не стирали. Онъ лежалъ, опустивъ голову на локоть, накрывъ ноги грязнымъ полотнянымъ халатомъ. Его небольшіе сѣрые глаза спокойно, немного даже насмѣшливо глядѣли на новаго арестанта-барина.

Въ ногахъ у старика, свернувшись, словно собачка, лежалъ небольшой черноволосый мальчикъ въ черныхъ штанахъ и грязной рубашкѣ изъ тонкаго полотна, которая такъ немилосердно была изодрана, что повсюду изъ-подъ тряпокъ виднѣлось буро-бронзовое тѣло. Лица его Андрей разглядѣть не могъ, такъ какъ мальчикъ крѣпко спалъ и не проснулся даже отъ стука дверей.

На другой кровати лежалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, крѣпкій, приземистый, съ обритой бородой и подстриженными усами. Лохмотья на немъ были еще довольно порядочныя и не особенно грязныя, — видно было, что онъ недавно попалъ въ это мѣсто „смрада и печали“. Лишь мрачное лицо какъ-то осунулось и приняло землистый оттѣнокъ, глаза глубоко запали; а крѣпкія мохнатыя руки то-и-дѣло, мимо его воли, стискивали желѣзные прутья кровати, какъ-будто исполняя свою обычную ежедневную работу. Онъ лежалъ лицомъ вверхъ и съ какимъ-то гнѣвно-равнодушнымъ выраженіемъ глядѣлъ прямо въ потолокъ. Онъ ни разу даже не взглянулъ на новаго гостя, пока тотъ самъ не заговорилъ съ нимъ.

Рядомъ съ этимъ, или скорѣе у него въ ногахъ, лежалъ на изношенной суконной свиткѣ, замѣнявшей ему подушку, молодой крестьянскій мальчикъ. Его небольшое смуглое лицо сіяло здоровьемъ и той чудесной, нѣжной красотой очертаній, которая часто встрѣчается у нашихъ крестьянъ, живущихъ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ природой, матерью всякой красоты. Длинные, мягкіе волосы густой волной спадали ему на плечи. Спереди они были подстрижены въ кружокъ. Большіе, блестящіе, черные глаза, осматривая новаго товарища, свѣтились дѣтской привѣтливостью и любопытствомъ. Только мускулистыя, толстыя, сильно развитыя руки и ноги свидѣтельствовали о томъ, что этотъ славный мальчуганъ воспитывался не въ роскоши, а росъ въ трудной

и долгой борьбѣ за свое существованіе. Андрей, очень впечатлительный ко всякой красотѣ, долго не могъ оторвать глазъ отъ этого прекраснаго лица, которое казалось еще красивѣе оттого, что свѣтилось природнымъ умомъ, любознательностью и не тронутымъ искреннимъ чувствомъ.

Остальные обитатели этой „залы“ принуждены были ютиться на полу. Глаза Андрея быстро пробѣжали по этимъ несчастнымъ, разбросаннымъ на мокромъ, грязномъ, скользкомъ отъ не успѣвающихъ засохнуть плевковъ асфальтѣ. Тамъ, подъ стѣною, возлѣ самыхъ дверей лежалъ старый еврей съ чрезвычайно худымъ и изможденнымъ лицомъ, сухими, какъ грабли, руками и сѣдой бородой. Его коротко остриженная голова лежала на мокрой плитѣ, а жилы на длинной, тонкой шеѣ вздулись, какъ веревки. Онъ крѣпко спалъ съ раскрытымъ беззубымъ ртомъ, изъ котораго стекала слюна на бороду. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ какой-то пьяный ободранный мужикъ, въ безполомъ тулупѣ, въ сапогахъ, повязанныхъ веревочками, въ обдупленной бараньей шапкѣ и полотняныхъ штанахъ безъ одной штанины; вмѣсто ремня на немъ была веревка изъ лыка. Сидя на полу, онъ тихо всхлипывалъ, словно только что пересталъ плакать.

Съ другой стороны кровати, возлѣ стѣны, противъ дверей, лежалъ еще молодой, лѣтъ двадцати восьми или тридцати человѣкъ, блондинъ, съ свѣтлымъ пушкомъ, голубыми глазами и короткими русыми волосами на головѣ. Борода его, очевидно, давно не видала ни гребешка, ни ножницъ и торчала всклокоченная, словно разоренное гнѣздо дрозда. На этомъ человѣкѣ было намотано и навѣшано столько всякихъ тряпокъ, что, лежа на полу, онъ казался грудой онучей, отъ которой разносился тяжелый запахъ по всей этой переполненной людьми и давно непровѣтриваемой конурѣ.

Андрей Темера, тревожно, съ болью въ сердцѣ, водилъ долго глазами по этимъ тѣламъ, по этимъ лицамъ,—и самъ не зналъ, что сказать, что думать. Сколько жгучаго горя, неожиданнаго и таинственнаго, шевелилось передъ его глазами въ этой темной, гадкой клѣткѣ!.. А, вѣдь, это все люди, братья его, которые такъ-же, какъ и онъ, способны чувствовать и красоту и мерзость жизни! А тѣ, которые ихъ заперли сюда, которые держатъ

ихъ въ этой отвратительной ямѣ — вѣдь, и они также люди, отцы, вѣдь, и они способны чувствовать эту красоту и эту мерзость! Почему-же здѣсь вдругъ видна такая странная пропасть между людьми и людьми? Что это такое? Андрей, словно передъ грознымъ ударомъ, склонилъ голову и опустилъ руки. Ему въ эту минуту стало такъ тяжело, такимъ страшнымъ холодомъ сжалось сердце, точно кто-нибудь бросилъ его въ глубокій колодезь—и онъ упалъ на дно разбитый, оглушенный.— Да, въ самомъ дѣлѣ, *на дно*, — думалось ему,—на дно общественности, а вотъ эти—вокругъ меня,—что они, какъ не поддонки общества; что они, какъ не проклятыя паріи, отмѣченныя страшнымъ позорнымъ клеймомъ—нищеты?..

III.

— А вы откуда, господинъ? — первымъ спросилъ Андрея старикъ.

— Изъ Тернополя.

— Что-же съ вами случилось, что васъ сюда запрятали?

— А что случилось! Я окончилъ во Львовѣ гимназію и ѣхалъ въ деревню къ одному товарищу, заниматься вмѣстѣ. Но, конечно, не знаетъ человѣкъ за собою ничего дурного, такъ и не ждетъ никакой бѣды. Не взялъ я съ собою никакихъ документовъ, даже паспорта, ничего не взялъ. А тутъ, когда мы въѣзжали, насъ среди дороги встрѣтили жандармы, начали меня спрашивать: откуда и кто такой; увидали, что у меня нѣтъ документовъ и потащили въ староство. Въ старостве допросили какъ и что, приказали отвести сюда,—говорятъ, что меня хотятъ по этапу доставить на родину. Вотъ въ чемъ я виновенъ.

— Н-ну такъ! – сказалъ старикъ. – И моя вина, видите-ли, также подобная вашей. Я изъ Волощи — тутъ есть такое село, можетъ быть, слышали, — недалеко отсюда. Служилъ въ арміи... оторвало ногу въ Италіи, ну, а такъ какъ я оказался къ службѣ не годнымъ, то меня и отпустили. Пришелъ я на деревяшкѣ домой, нѣтъ ничего... хоть милостыню проси или пропадай съ голоду, все равно. А тутъ, видите-ли, человѣкъ я еще здоровый,

стыдно попрошайничать, а работать въ полѣ безъ ноги нельзя. Пошелъ я въ Борислaвъ. Тамъ работа легкая, при машинѣ. Работалъ я тамъ лѣтъ этакъ съ десять... заработывалъ на пропитаніе. Но, сказать правду, бывало и не доѣшь, а отложишь малую толику про черный день... Ну, копѣечка за копѣечкой и собралось немного да и изъ одежды кое-что было припасено... Понятно, — живой человѣкъ всегда впередъ загадываетъ... Какъ вдругъ наслалъ Господь Богъ болѣзнь... свалило меня сразу, какъ будто-бы кто косою подрѣзалъ. Пролежалъ я шесть мѣсяцевъ у еврея въ какой-то коморкѣ... счастье, еще, что это случилось не зимою. Выздоровѣлъ я уже тогда, какъ снѣгъ выпалъ. Что тутъ дѣлать?.. Деньги за это время вышли, одежду пришлось заложить... человѣку по болѣзни полежать-бы еще, а еврей выгоняетъ, потому что платить нечѣмъ... на работу становиться—силъ нѣтъ... Долюшка моя несчастная! Что тутъ дѣлать? А потомъ, куда ни вертись, а ничего другого не подѣлаешь,—забылъ я стыдъ;— стилъ мѣшокъ и пошелъ Христовымъ именемъ побираться. Ну, благодареніе Господу, кое-какъ я эту тяжелую зиму прожилъ: потомъ весною хотѣлъ опять стать на работу, когда вдругъ меня встрѣчаютъ жандармы, вотъ тутъ за Майданомъ.—А ты откуда, старикъ?—А,—говорю,—изъ Волищи.—Не знаешь ты, что теперь запрещено нищимъ ходить по чужимъ селамъ? Каждое село должно своихъ нищихъ содержать, а шляться нельзя.—Да я—говорю—не нищій; я только вотъ нѣсколько разъ выходилъ просить хлѣба, потому что былъ боленъ, заработать не могъ... Но, куда тамъ, — и договорить не дали... одинъ еще, дай ему, Господи, царствія небеснаго, по затылку треснулъ такъ, что я свѣта Божьяго не взвидѣлъ, и потащили въ староство. А тутъ чиновникъ, замѣщающій старосту — самого старосты не было, умеръ—даже не допросилъ меня, а сразу предалъ „малому суду“ за бродяжничество. Присудили меня къ двумъ недѣлямъ ареста и къ отправкѣ по этапу на родину. Отсидѣлъ я эти двѣ недѣли, а потомъ меня перевели сюда, да и тутъ уже, слава тебѣ, Господи, въ пятницу полтора мѣсяца будетъ, какъ кисну.

И это какъ будто не считается наказаніемъ! да тутъ, сохрани Господи, чтобы такое и наказаніе было; ада не нужно, — не то что! И неизвѣстно, долго-ли еще это будетъ продолжаться,

потому что здѣсь не торопятся, и въ мысляхъ у нихъ этого нѣтъ!

— Ну, а какой-же здѣсь у васъ порядокъ? — спросилъ Андрей: — Выходите вы куда нибудь отсюда? На прогулку не пускаютъ?

— Э, какая тамъ прогулка! — отвѣтилъ старикъ, усмѣхаясь. —Но выпускать выпускаютъ... каждое утро ходимъ городъ заметать.

— Всѣ?

— Нѣтъ, вотъ я, Дмитрій, вотъ этотъ маленькій бойчукъ *) и Стебельскій, вотъ который въ тряпкахъ,—больше никто.

— Ну, а остальные, никогда не выходятъ на свѣжій воздухъ?

— Нѣтъ, не выходятъ; вотъ только иногда этотъ еще ходитъ въ городъ за хлѣбомъ. Ну, а вотъ этого стараго еврея и эту плачущую Магдалину въ полуторыхъ штанинахъ и въ полушубкѣ только сегодня привели, и я еще не знаю, что съ ними будетъ. Еврей уже сидѣлъ въ Бориславѣ мѣсяца два до этапа — онъ говоритъ, что его документы пришли, и онъ завтра—послѣзавтра отправится. Мы съ нимъ хорошо знаемъ другъ друга — оба мы долгіе годы при машинѣ тянули лямку въ Бориславѣ! А теперь, гляди-ка, всѣхъ, у кого нѣтъ книжки, гонятъ изъ Борислава по этапу. Вотъ и его сцапали.

Андрей посмотрѣлъ на изможденное, сухое, лицо еврея, какъ будто сдѣланное изъ палочекъ и обтянутое бурой сморщившейся кожей. Тяжелое хрипѣнье въ груди давало знать, что этому человѣку не долго осталось жить на свѣтѣ, а вся фигура его громко говорила: что и прошлая жизнь его была не жизнью, а вѣчною нуждой и горемъ.

— Искренняя душа, — говорилъ старикъ далѣе, — золотое сердце. Въ какомъ-бы горѣ самъ ни былъ, никогда никому не станетъ жаловаться, а другого и пожалѣетъ и поможетъ, чѣмъ сумѣетъ, какъ братъ родной. Да, такихъ евреевъ вы не много

---

*) Бойки—малороссы, живущіе въ Карпатахъ.

найдете, право, немного. Конечно, выросъ онъ между нашими, бѣдствовалъ самъ, какъ и нашъ братъ, трудился съ малыхъ лѣтъ, и вотъ теперь, если-бы не борода да пейсы да вотъ этотъ кафтанъ, такъ, зная его характеръ, никто-бы и не сказалъ, что это еврей!

— Ну, а чѣмъ-же васъ здѣсь кормятъ?—спросилъ Андрей, тщательнѣе разглядывая тюрьму, къ которой его глаза стали понемногу привыкать. Онъ увидалъ желѣзную печь, вдѣланную наполовину въ стѣну, впереди той кровати, на которой лежалъ старикъ, а на печи большой ржаной хлѣбъ, какой ежедневно продаютъ торговки на дрогобычскомъ рынкѣ.

— Чѣмъ кормимся?—отвѣтилъ старикъ,—хлѣбомъ.

— Однимъ хлѣбомъ?

— Однимъ хлѣбомъ.

— А горячаго не даютъ ничего?

— Эхъ, панночку, уже, слава Тебѣ, Господи, полтора мѣсяца, какъ во рту у меня не было горячей пищи! Дали откуда взять? Получишь на день эти четырнадцать крейцеровъ, — что на нихъ купишь? На десять крейцеровъ хлѣба на день не хватитъ,—а тутъ если еще соли купить, да луку иногда, такъ и конецъ деньгамъ. Вотъ, смотрите, беру черезъ день по такому хлѣбу—стоитъ двадцать крейцеровъ,—иногда мнѣ остается отъ него кусокъ и на третій день, — тогда и покупаю творогу и луку. Если-бы деньги, то можно-бы купить въ городѣ горячихъ рубцовъ, да что подѣлаешь, если порція такая, какъ ладонь, а стоитъ пять крейцеровъ,—какъ я этимъ сытъ буду? — поневолѣ купишь луку,—по крайней мѣрѣ, получишь цѣлую кучу—и есть что-нибудь къ хлѣбу на цѣлый день. А у другихъ и того нѣтъ; какъ возьметъ утромъ этотъ хлѣбецъ за десять крейцеровъ, то не оставитъ и крошки, все съѣстъ, а потомъ ожидаетъ до другого утра. Только вотъ этотъ бойчукъ дѣлаетъ такъ-же, какъ и я,—беретъ большой хлѣбъ на два дня. Ему кое-какъ хватило-бы, если-бы вотъ эти — старикъ показалъ при этомъ ногою на спящаго скрючившагося парня—если-бы вотъ эти у него не отнимали. Свой хлѣбъ съѣдятъ еще утромъ, а съ полудня къ нему, какъ будто въ свою кладовую:—Мытро, давай хлѣба! —А онъ, дуракъ, даетъ.

— Да что-же, я буду хлѣбъ прятать, а они будутъ голодать?—звонкимъ голосомъ отозвался Мытро—и чудная, кроткая улыбка разлилась по его прекрасному лицу, заискрилась въ его большихъ глазахъ, придавая имъ еще болѣе красоты и прелести.

— Ну, ну, ты, глупенькій, посмотрѣлъ-бы ты, что-бы они тебѣ сказали, если-бы у нихъ былъ хлѣбъ, а ты голодалъ-бы. Выпросилъ-бы ты у нихъ,—только развѣ камень, чтобы голову размозжить!

— Такъ что-же,—сказалъ Мытро откровенно,—я-бы и не просилъ у нихъ.

— А ты за что тутъ? — спросилъ Андрей Мытро, оборачиваясь къ нему.—Тебя за что сюда затащили? Ты кому голову снялъ?

Мытро засмѣялся.

— Да никому,—сказалъ онъ, по-бойковски, протягивая звукъ *а*.—Меня взяли въ Бориславѣ за то, что у меня книжки нѣтъ.

— А ты откуда?

— Да изъ Дзвиняча. Мать умерла еще во время холеры, а отецъ потомъ сталъ пить, продалъ землю, затѣмъ и хату заложилъ, а прошлой осенью умеръ. Что было дѣлать? Шли наши парни въ Бориславъ,—и я съ ними. Ну, да что я могу заработать? Ни договориться не умѣю, какъ слѣдуетъ, ни силы у меня нѣтъ,—вотъ развѣ на мельницу изъ ковша выбирать—за это платили по сорока, самое большее по пятидесяти крейцеровъ. Перебился я кое-какъ зиму, а на весну хотѣлъ поступить куда-нибудь на службу, а тутъ меня и взяли.

— И долго сидишь?

— Да вотъ ужъ мѣсяцъ,—спокойно сказалъ Мытро своимъ ровнымъ, звонкимъ, почти дѣтскимъ голосомъ.—Мы здѣсь всѣ изъ Борислава, — продолжалъ дальше Мытро, — вотъ только Стебельскій не тамошній.

— Ну, этотъ, если правду сказать, самъ бѣду себѣ накликалъ,—сказалъ съ печальной улыбкой старикъ.—Ученый человѣкъ, „гимназію“ окончилъ, всѣ классы, а только, видите-ли, здѣсь (старикъ провелъ рукой по лбу) чего-то не хватаетъ. Служилъ писцомъ въ Самборѣ при староствѣ, потомъ у какого-то адвоката, а потомъ совсѣмъ опустился.

— Дѣдушка, дѣдушка—перебилъ его вялый, точно полусонный голосъ Стебельскаго,—да говорите-же правду! Что значитъ „совсѣмъ опустился“? Какъ это я такъ совсѣмъ опустился?

Старикъ усмѣхнулся.

— Да видите-ли,—сказалъ онъ къ Андрею,—начало его что-то грызть и точить внутри. „Что это, говоритъ, я дѣлаю? Пишу вотъ, а къ чему это писанье годится! Люди только отъ него плачутъ и проклинаютъ. А я за это у нихъ еще деньги беру?“ Ну, и эти людскія слезы сдѣлали ему писанье до того отвратительнымъ, что онъ бросилъ его. Свои господскія тряпки распродалъ и сталъ все самъ себѣ дѣлать. Посмотрите-ка только на его мундиръ! Это онъ самъ себѣ такое смастерилъ!

— Человѣкъ, который во всемъ себя самъ не можетъ удовлетворить,—проговорилъ снова Стебельскій, уставивъ блуждающій взоръ въ темный уголъ тюрьмы,—долженъ брать въ долгъ у другихъ. А кто беретъ у другихъ, тотъ должникъ... долженъ отдать. А если онъ не имѣетъ, чѣмъ отдать, и не знаетъ, какъ отдать? А тутъ довѣрители—крестьяне, бабы... плачутъ, проклинаютъ! Спать невозможно... страшно... все слышишь плачъ и проклятья! А хуже всего эти дѣти—такія изможденныя, голыя, распухшія... и не проклинаютъ, а только плачутъ и умираютъ. Какъ мухи гибнутъ... Въ теченіе двухъ лѣтъ я ни на минуту не могъ заснуть, все слышалъ ночью этотъ плачъ. И принужденъ былъ все бросить. А какъ сталъ все самъ для себя дѣлать, то и легче стало.

— Какъ-же вы сами для себя все дѣлаете?—спросилъ его Темера.

— Какъ?—и Стебельскій посмотрѣлъ на него своими усталыми глазами.—Просто. Дѣлаю лишь то, что для жизни нужно: копаю, воду ношу, скотину пасу. Ѣмъ лишь то, что заработаю. Одѣваюсь въ то, что самъ сдѣлаю. Сплю на землѣ. А первое дѣло—мяса не ѣсть и пера въ руки не брать. Потому что мясо доводитъ человѣка до дикости, а перо въ человѣческихъ рукахъ становится болѣе страшнымъ, нежели когти у льва, зубы у тигра, ядъ у змѣи.

— Ну, видите,—сказалъ старикъ, когда Стебельскій закончилъ свою рѣчь,—у него все такія мысли вертятся въ головѣ.

Ну, а вообще онъ—мужикъ здоровый. И работящій, и добрый какой! Ужъ если что дѣлаетъ, то всю силу, всю душу въ это вкладываетъ. Вотъ, говорю вамъ, бросилъ панство и нанялся у одного крестьянина на службу. Такъ что-же!—и тамъ не могъ долго выдержать.

— Гм! да какъ его выдержать,—равнодушно сказалъ Стебельскій,—если хозяинъ—богачъ, набралъ слугъ, самъ ничего не дѣлаетъ, а слугу, чуть что-нибудь—бацъ по лицу!

— Вотъ этакъ всюду!—смѣясь сказалъ старикъ.—Совсѣмъ такъ, какъ пословица говоритъ: дурака и въ церкви бьютъ. А жаль его! Ученый человѣкъ, изъ поповскаго рода. И книжки есть у него свои, читать не пересталъ. Даже сюда съ собою привезъ, да полицейскіе отняли.

— А откуда онъ сюда пріѣхалъ?

— Да, слышите-же, изъ Самбора. Тамъ въ Самборѣ онъ жилъ много лѣтъ; никто ему ничего не говорилъ, какъ вдругъ въ эту весну онъ прослышалъ, что призываютъ резервныхъ на ученье. А онъ, видите-ли, родился въ здѣшнемъ округѣ, вотъ и пріѣхалъ сюда, какъ будто повинность отбывать. А у него давно ужъ отставка, еще съ тѣхъ поръ, какъ пальцы отморозилъ.

— А онъ какъ-же пальцы отморозилъ?

— Говорю-же вамъ, что у него въ головѣ... того...Ну,—разсказывалъ онъ мнѣ—иду я какъ-то зимою, а морозъ былъ трескучій; иду въ Самборъ изъ какого-то села, а на дорогѣ какое-то желѣзо лежитъ, кусокъ палки или что-то въ этомъ родѣ. Э, говоритъ, думаю, потерялъ кто-то, нужно доставить въ полицію, пусть опубликуютъ. И взялъ, дуракъ, это желѣзо голой рукой и тащилъ больше мили.

— Полторы мили,—равнодушно поправилъ самъ Стебельскій, который, лежа на полу, слышалъ этотъ разговоръ. Андрей посмотрѣлъ на него, а старикъ продолжалъ дальше, словно ему было безразлично, что Стебельскій слышитъ его разсказъ.—Приноситъ въ полицію, а тамъ всѣ въ хохотъ. Потомъ хотятъ у него желѣзо взять,—не тутъ-то было—желѣзо прилипло къ рукѣ. Сейчасъ его въ больницу, но ничего нельзя было подѣлать, пришлось отрѣзать пальцы.

Стебельскій, словно въ подтвержденіе этого разсказа, поднялъ

вверхъ правую руку, на которой всѣ пальцы были отрѣзаны по первые суставы.

— А жаль его, ученый человѣкъ, и никому ничего худого не сдѣлаетъ, спокойный. Вотъ и его должны препроводить на мѣсто жительства, уже вотъ мѣсяцъ сидитъ. И держатъ его здѣсь въ такой мукѣ, и, мало того, ежедневно даютъ ему четырнадцать крейцеровъ изъ его-же собственныхъ денегъ, потому что когда полицейскіе его взяли, то отобрали у него его отставку и тридцать девять гульденовъ—и изъ этой суммы его и кормятъ.

— И аттестатъ зрѣлости, добавилъ Стебельскій,—три книжки, тридцать девять гульденовъ и аттестатъ зрѣлости, проворчалъ онъ еще разъ, словно заучивалъ наизусть. А потомъ поднялся, сѣлъ на полу, и, оборачивая свое блѣдное, безъ краски и безъ выраженія лицо къ Андрею, спросилъ:

— Et dominus... intelligit latine?

— Intelligo.

— Et germanice?

— Intelligo.

— Und Sie... Sie kennen die allgemeine Geschichte von Gindely,—die hat man mir abgenommen,—drei Bände: Geschichte des Alterthums, Geschicte des Mittelalters und die... die Geschichte der neuen Zeit *).

— Ученый человѣкъ... умная голова,—шепталъ про себя старикъ,—да жаль, что такъ пошелъ! Ужъ такая у нихъ семья... И мать покойница такая была...

— Et quas scholas dominus absolvit? **) спросилъ дальше Стебельскій.

— Я былъ во Львовѣ на философскомъ отдѣленіи.

— Ergo philosophiam majorem! ***).

— Нѣтъ,—сказалъ Андрей,—философія одна; нѣтъ ни выс-

— *) А вы... понимаете по-латыни?
— Понимаю.
— А по-нѣмецки?
— Понимаю.
— А знаете... знаете ли вы всеобщую исторію Гинделя,—ее у меня отняли,—три тома: исторію древнюю, исторію среднихъ вѣковъ, и... исторію новаго времени.
**) А въ какой школѣ вы учились?
***) Слѣдовательно, изучали высшую философію.

шей, ни низшей, есть только менѣе фальшивая и болѣе фальшивая,—впрочемъ, и это еще Господь Богъ знаетъ!

Стебельскій слушалъ эти слова съ выпученными глазами, словно не понималъ въ нихъ ни іоты, потомъ склонилъ свою голову и легъ опять на мокрый, скользкій отъ плевковъ полъ.

IV.

— А вотъ этотъ еврейчикъ, — сказалъ старикъ послѣ минутнаго молчанія, указывая ногою на спящаго на его кровати черноголоваго мальчугана,—этотъ—здѣшній. Онъ, видно, изъ „карманныхъ мастеровъ“. Не знаю, зачѣмъ и за что его здѣсь держатъ. А сидитъ онъ тоже недѣли двѣ. Такъ, Мытро?

— А, вотъ завтра какъ разъ двѣ недѣли, — засвидѣтельствовалъ Мытро.

— Не извѣстно, что съ нимъ будетъ, потому, что его ни разу не звали къ допросу.

— Ни разу не звали?!.. за двѣ недѣли!? вскрикнулъ Андрей.

— Не звали. Сидитъ и сидитъ, и ни одна собака о немъ словечка не замолвитъ, а пану инспектору дѣло не къ спѣху... Ну, а вонъ тотъ — это нашъ хозяинъ, онъ ужъ тутъ зиму провелъ.

— Какой?—спросилъ Андрей, не видя никого больше.

— А вотъ здѣсь у насъ есть еще одинъ „бюргеръ“. А встанька ты, лежебокъ! тронься съ мѣста, кисляй!

На окрикъ старика въ самомъ темномъ углу, въ концѣ кровати, зашевелилось что-то и, какъ изъ могилы, медленно поднялось оттуда страшное, точно съ того свѣта, привидѣніе. Это былъ парень лѣтъ двадцати четырехъ, средняго роста, широколицый, съ плоскимъ, отлогимъ лбомъ, небольшой черной растительностью на губахъ и подбородкѣ, съ длинными всклокоченными волосами, которые придавали еще болѣе страшное выраженіе его и безъ того страшному и дикому лицу. Глаза его, большіе и неподвижные, свѣтились мертвеннымъ стекляннымъ блескомъ, блескомъ влажнаго, разлагающагося вещества, свѣтящагося въ темнотѣ. Цвѣтъ лица его, какъ и у всѣхъ жильцовъ этой норы, былъ какой-то землистый; лицо, очевидно, давно не было умыто — и

грязь корою лежала на его вискахъ. Онъ былъ почти совсѣмъ голъ, потому что нельзя-же было назвать одеждою рубашку, отъ которой только и осталось, что воротникъ, рукава и продолговатая тряпка, спускающаяся внизъ по спинѣ до пояса. Больше на немъ ничего не было. Андрей задрожалъ отъ жалости и отвращенія, увидѣвъ это до крайности отверженное и одичалое человѣческое существо. Не отъ добра-же оно одичало! Внимательно взглянувъ еще разъ на этого человѣка, Андрей увидалъ, что ноги его распухли, какъ бочки, и блестѣли какимъ-то синеватымъ отливомъ, присущимъ опухолямъ при водянкѣ. Животъ его также былъ страшно великъ и вздутъ и напоминалъ Андрею тѣхъ американскихъ дикарей, которые ѣдятъ землю, и рисунки которыхъ съ такими-же страшно вздутыми животами онъ когда-то видѣлъ. Только сильныя, большія руки свидѣтельствовали о томъ, что это человѣкъ рабочій, неизвѣстно какой несчастной судьбой оторванный отъ работы и брошенный сюда на свою погибель.

— Вотъ видите, это нашъ бюргеръ, или Бовдуръ *)—сказалъ старикъ,—онъ Бовдуромъ прозывается. Онъ здѣсь хозяинъ въ этой камерѣ, ибо тутъ такой обычай, что, кто дольше въ тюрьмѣ сидитъ, тотъ становится хозяиномъ. А онъ тутъ, слава Богу, перезимовалъ. Смотрите, какъ отъѣлся! Не сглазить-бы, какой славный! Мы его держимъ на показъ, авось кто купитъ на зарѣзъ. Ужъ теперь его не много и кормимъ,—все лежитъ и лежитъ, потому что, видите, такъ отъѣлся, что не можетъ даже на ногахъ стоять. Только то, что руками схватитъ, то ужъ его,—о, въ рукахъ онъ еще силенъ; ну, да это пустяки, скоро и этого не будетъ!

Всѣ въ камерѣ захохотали отъ этихъ шутокъ, кромѣ Андрея и Бовдура. Этотъ послѣдній все еще стоялъ на томъ-же мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ его увидѣлъ Андрей, стоялъ и пошатывался на своихъ толстыхъ распухшихъ ногахъ,—стоялъ и размышлялъ, словно задумывая какой-то смѣлый поступокъ, а сквозь его полуоткрытыя синія губы виднѣлись стиснутые зубы, точно онъ собиралъ всю свою смѣлость, чтобы отважиться на задуманный поступокъ. Глазами онъ медленно — медленно водилъ по камерѣ,

*) Бовдуръ—остолопъ, болванъ.

хотя взглядъ его все останавливался на человѣкѣ, который лежалъ вверхъ лицомъ на кровати и дремалъ среди негромкаго шума въ камерѣ.

— Онъ у насъ ни въ городъ не ходитъ,—продолжалъ старикъ,—ни на работу не идетъ; раньше самъ не хотѣлъ, а теперь хоть, можетъ быть, и хотѣлъ-бы, такъ не пустятъ.

— Овва, и самъ не хочу!—отозвался хриплымъ голосомъ Бовдуръ.—Чортъ ихъ возьми съ ихъ работою! Кто мнѣ что-нибудь дастъ за нее?

Сказавъ это, Бовдуръ перешагнулъ черезъ спящаго на полу стараго еврея, перешагнулъ черезъ всхлипывающаго мужика и нетвердой поступью пошелъ къ кувшину, поднялъ его какъ перышко вверхъ, напился воды, а потомъ потянулся къ дремавшему мужику, досталъ изъ-подъ его головы небольшую глиняную трубку, выколотилъ изъ нея остатки пропитаннаго дымомъ табаку, такъ наз. „багу“, всыпалъ ее себѣ въ ротъ и медленно сталъ жевать, сплевывая время отъ времени какую-то черную мазь, которая расползалась по стѣнамъ и полу. Исполнивъ это смѣлое дѣло, онъ даже вздохнулъ легче, сталъ посреди камеры и махнулъ рукою.

— Вотъ не пойду-же на работу! Чорта имъ лысаго въ зубы! Скорѣй здѣсь сгнію, а не пойду!—При этихъ словахъ онъ опять плюнулъ черной мазью на стѣну, какъ разъ надъ лицомъ спящаго еврея.

— А почему-же тебя такъ долго держатъ здѣсь? — дрожащимъ голосомъ спросилъ Андрей.

Бовдуръ посмотрѣлъ на него какъ-то дико, словно Андрей этимъ вопросомъ задѣлъ его самое больное мѣсто.

— Держатъ потому, что держатъ! — проворчалъ онъ, а потомъ добавилъ:—Хотятъ отправить меня по этапу въ село, гдѣ я родился, а я говорю: я ни въ какомъ селѣ не родился. —А гдѣ-же ты родился?—Я родился въ дорогѣ. — Ну, а на чьей-же землѣ та дорога?—Та дорога на ничьей землѣ, ибо и сама безъ земли. Я родился на водѣ, когда моя мать переѣзжала на паромѣ черезъ Днѣстръ. — А гдѣ-же тотъ паромъ? — Вѣрно съ водою уплылъ, ибо у меня за пазухою его, навѣрно, нѣтъ.—Ну, а гдѣ-же ты крестился?—Я не знаю,—пойдите спросите тѣхъ, которые меня въ купели держали, счастье-долю отняли.—Ну, а гдѣ-же ты пря-

тался?—Среди лихихъ людей.—А въ какомъ селѣ?—Да они въ каждомъ лихіе! — Вотъ такой-то былъ мой допросъ. Больше не спрашивали ничего, только приказали привести сюда, и здѣсь, слава Богу, заперли, словно запечатали, и ужъ больше не надоѣдаютъ никакими глупыми вопросами.

Бовдуръ снова сплюнулъ, снова перешагнулъ черезъ всхлипывающаго мужика и спящаго еврея и утонулъ въ своемъ углу, накрывши ноги какимъ-то изодраннымъ мѣшкомъ.

Андрею сдѣлалось еще болѣе жутко, когда онъ услышалъ разсказъ Бовдура. Что дала жизнь этому человѣку? Каковы должны быть теперь его воспоминанія, его надежды? Онъ пробовалъ мысленно поставить самого себя въ это безпросвѣтное положеніе и чувствовалъ, что мысли его путаются,—что онъ быстро задохнулся-бы въ этой страшной пропасти. Конечно, возбужденное воображеніе Андрея преувеличивало дѣйствительность, оно рисовало ему одинокаго сироту, которымъ помыкалъ всякій, кому онъ только попадался подъ руку; сироту забитаго и затоптаннаго сызмала всеобщимъ пренебреженіемъ, не знавшаго на своемъ вѣку ни радости, ни ласки, ни любви. А между тѣмъ, хотя это было и такъ, но не совсѣмъ. Были и у Бовдура минуты счастья и любви, были и у него вѣрные товарищи, такіе-же горемычные сироты, какъ и онъ; — ну, да все это теперь затянулось густымъ слоемъ одичанія и забвенія, и мысль его, словно заколдованная, вращаясь лишь между „багою“ и кускомъ хлѣба, не двигалась дальше ни въ прошедшее, ни въ будущее. А господамъ „инспекторамъ“ не къ спѣху было выпускать его,—вотъ и сидѣлъ Бовдуръ, забытый Богомъ и людьми, сидѣлъ да распухалъ и гнилъ, забывая обо всемъ, что когда-то въ мірѣ окружало его, пріобрѣтая, вмѣстѣ съ упадкомъ силъ, все большую и большую ненависть къ труду.

— Неужели онъ питается однимъ хлѣбомъ?—спросилъ Андрей у старика.

— Однимъ сухимъ хлѣбомъ, вотъ ужъ шесть мѣсяцевъ. Да и то такъ, что если пошлетъ утромъ купить хлѣбъ за четырнадцать крейцеровъ, такъ сразу-же съѣстъ его дочиста, а потомъ ждетъ до другого дня, а то попроситъ вечеромъ вотъ этого глупаго бойчука дать ему кусокъ хлѣба, — разумѣется, съ отдачей на томъ свѣтѣ.

— Ну, и онъ никогда не выходитъ изъ этой конуры?

— Нѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я еще не видалъ его на дворѣ. Не знаю, какъ было раньше. Бовдуръ, ты раньше выходилъ куда-нибудь?

Бовдуръ закашлялся сухимъ кашлемъ, а потомъ проворчалъ:— Нѣтъ, никуда не выходилъ, только разъ, на допросъ.

— Ну, а какъ онъ здѣсь выдержалъ зиму въ этомъ адамовомъ уборѣ, такъ я ужъ совсѣмъ не знаю,—сказалъ старикъ.— Когда меня привели, то были уже послѣдніе морозы. Прихожу сюда,—холодъ такой, что сохрани Господи, а онъ одинъ въ камерѣ, лежитъ въ этомъ самомъ углу, гдѣ и теперь, накрытый этимъ самымъ мѣшкомъ. Посинѣлъ весь, не говоритъ ни слова. Я походилъ немного, потеръ руки, а потомъ вижу, что не помогаетъ, и начинаю кричать:—Эй,—кричу—люди добрые, вѣдь, я не сынъ Божій, чего-же вы меня такъ мучите? Такъ только сына Божьяго фарисеи мучили, какъ вы меня мучаете!.. Такъ они немного на меня покричали, а потомъ взяли и протопили печь такъ, только для славы,—мы немного и пришли въ себя. А потомъ, пока не прошли морозы, то все-таки подтапливали, чуть-ли не черезъ день.

— А пока васъ не было, такъ не топили?—спросилъ Андрей, вздрагивая, словно отъ мороза.

— Да вотъ Бовдуръ говоритъ, что топили, но рѣдко, когда имъ хотѣлось.

— А ты-жъ чего не напоминалъ?—спросилъ его Андрей.

— Да, не напоминалъ!—сердито проворчалъ Бовдуръ.—Сначала и я кричалъ, но меня колотили, потому что я одинъ былъ.

— Ты былъ одинъ!—даже вскрикнулъ отъ удивленія Андрей.— И долго ты былъ одинъ?

— Цѣлый мѣсяцъ. Никого не приводили, а когда приводили, то отправляли въ другую камеру, наперекоръ мнѣ.

— Ну, а докторъ сюда никогда не приходитъ?

— Э, еще чего не доставало!.. Доктора!.. И кто здѣсь доктору что-нибудь дастъ!—съ горькой насмѣшкой сказалъ старикъ.

— Да, вѣдь, есть постановленіе, чтобы докторъ ежедневно или хоть разъ въ недѣлю осматривалъ всѣ камеры, хорошо-ли въ нихъ людямъ сидѣть.

— Можетъ, и есть гдѣ-нибудь такое постановленіе, но у насъ въ

Дорогобычѣ его нѣтъ! Да и что намъ до постановленій. Мы себѣ сами господа!

— Такъ здѣсь никогда не бываетъ никакого контроля?

— Такъ-таки никогда и не бываетъ, и только.

V.

Въ камерѣ сдѣлалось шумно. Спящіе проснулись, повставали; только Стебельскій лежалъ на своемъ мѣстѣ да Бовдуръ, подперевъ голову рукою, одурѣвалъ въ своемъ углу, жуя „багу". Старый еврей началъ разспрашивать Андрея, сначала по-еврейски, потомъ по-украински, а сидящій сбоку отъ него, на полу, крестьянинъ снова заплакалъ, схватилъ голову руками и началъ раскачиваться взадъ и впередъ, безпрестанно приговаривая прерывистымъ голосомъ:

— И какая меня-я злая доля понесла-а въ этотъ Дрогобычъ! Что-бы мнѣ сидѣть спокойно въ Борисла-авѣ или купить за эти несчастные заработанные пятьдесятъ крейцеровъ какой-нибудь муки для дѣтей и итти-и домо-о-ой!..

— Тоже хозяинъ! — шутилъ старикъ. — Работалъ день въ Бориславѣ, заработалъ пятьдесятъ крейцеровъ, а теперь, на праздникъ выбрался въ Дрогобычъ хлѣба купить. И нарядился-же, кабы не сглазить,—какъ на Пасху! Штаны,—итти легче, коли на человѣкѣ всякаго добра поменьше болтается. А тулупъ тоже праздничный,—полы хотѣлъ подвернуть, да, вѣрно, по ошибкѣ оторвалъ. А то, можетъ, гдѣ-нибудь въ гостяхъ былъ, а добрые пріятели отпустить не хотѣли, схватили за полы, ну, а грѣшному человѣку не сидѣлось, въ городъ нужно, на людей посмотрѣть и себя показать, да и трахъ — и полы оставилъ, и отъ добрыхъ пріятелей удралъ! А какъ только здѣсь показался да сталъ у костела, на самомъ видномъ мѣстѣ, какъ вдругъ апостолы Божьи подскочили, да подъ ребра, да: милости просимъ, пожалуйте въ комнаты!

Мужикъ во время этой рѣчи плакалъ, остальные смѣялись.

— Дѣточки-и мои,—голосилъ онъ,—что тамъ съ вами будетъ? Оставилъ я васъ однихъ въ хатѣ, такихъ крошечныхъ безъ

крошки хлѣба! Вѣдь, они тамъ погибнутъ отъ голода, если я завтра домой не вернусь!..

— О, до завтра еще далеко!—сказалъ черноголовый еврейчикъ.—Было-бъ вернуться сегодня, а не итти въ Дрогобычъ за счастьемъ!

— Молчи ты, чортъ, не рѣжь меня безъ ножа!—вскрикнулъ крестьянинъ и, склонивъ голову, снова заплакалъ, какъ ребенокъ.

— Да нѣтъ,—рѣшительно сказалъ онъ минуту спустя,—они должны меня сегодня выпустить. Что я имъ сдѣлалъ? Укралъ я что, или убилъ кого? За что-же меня они держатъ?.. И съ этими словами онъ поднялся съ полу, сталъ возлѣ дверей, припавъ лицомъ къ забитому окошечку, гдѣ сквозь небольшую щелочку видна была часть сѣней и мелькали, какъ тѣни, проходящіе черезъ сѣни полицейскіе.

— Дѣдушка Панько! — отозвался тѣмъ временемъ крестьянинъ, лежавшій вверхъ лицомъ на кровати,—дѣдушка Панько, не вы-ли это забрали у меня изъ трубки остатокъ табаку?

— Нѣтъ, не я,—отвѣтилъ старикъ,—тамъ у васъ другой гость былъ.

— Кто такой? — спросилъ крестьянинъ, грозно нахмуривъ густыя, черныя брови.

— А вотъ нашъ „бюргеръ!“ Смотрите, все еще жуетъ жвачку.

Крестьянинъ молчалъ съ минуту, сердито поглядывая въ уголъ, гдѣ чавкалъ Бовдуръ, а потомъ, не говоря ни слова, подошелъ къ нему и такъ сильно кулакомъ ударилъ его по головѣ, что Бовдуръ стукнулся головою о стѣну.

— Ты, Бовдуръ вонючій, сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобы ты ко мнѣ въ гости не ходилъ! Не тронь того, что мое!..

Вмѣсто отвѣта Бовдуръ что есть силы толкнулъ крестьянина ногою въ животъ, хотя самъ при этомъ почувствовалъ такую боль въ ногѣ, что даже охнулъ. Крестьянинъ зашатался и оперся спиною о стѣну.

— А, громъ тебя разрази!—крикнулъ онъ,—такъ ты еще за мое добро такъ мнѣ отплачиваешь?

— Чтобъ тебѣ такое добро и на томъ свѣтѣ было, свиноѣдъ!—крикнулъ и Бовдуръ, съ трудомъ становясь на ноги.—За горсточку недокурковъ ты человѣку голову разбилъ!

— И глаза-бы выдралъ за свое!—отвѣтилъ крестьянинъ.— Что мое, того не трогай! Понимаешь? Потрудись самъ, и у тебя будетъ. Я твоего, вѣдь, не трогаю!

— Го, правда, не тронешь, пока буду стеречь. А пусть только обернусь въ другую сторону, такъ сейчасъ и хапъ! Знаемъ мы такихъ.

Вмѣсто отвѣта крестьянинъ замахнулся кулакомъ на Бовдура.

— Да что ты, жаль тебѣ этой жвачки?—сказалъ тотъ, мрачно глядя ему въ лицо,—На, вотъ она, если ты такъ убиваешься по ней!—и, сказавъ это, Бовдуръ выплюнулъ всю уже пережеванную жвачку въ лицо крестьянину.

Потекла черная вонючая струя по лицу, по бородѣ, потекла по рубашкѣ, потомъ за пазуху, оставляя за собой черныя полосы. Старикъ Панько засмѣялся; Мытро, дрожа, скорчился на своей свиткѣ, боясь драки.

— Ну, что-жъ это ты мнѣ надѣлалъ? чего ты, собака, достоинъ за это?—прохрипѣлъ крестьянинъ сдавленнымъ отъ злости голосомъ, подступая съ кулаками къ Бовдуру.

— Я тебѣ отдалъ твое, еще съ придачей!—мрачно отвѣтилъ Бовдуръ, и, не ожидая нападенія, толкнулъ крестьянина колѣномъ въ животъ такъ сильно, что тотъ охнулъ, зашатался, и, какъ мертвый, упалъ на полъ. Продѣлавъ это, Бовдуръ снова легъ спокойно въ своемъ углу, не обращая никакого вниманія на крикъ и бѣшенство крестьянина.

— Это у насъ „старшій дозорчій“,—сказалъ шутя старикъ Панько къ Андрею,—онъ бережетъ свое, какъ глазъ въ головѣ, и все собирается выцарапать этому Бовдуру глаза, но какъ-то еще до сихъ поръ милуетъ его. А оно и стоитъ, ей-Богу, за горсть „баги“—одинъ глазъ.

— А вы откуда, хозяинъ?—спросилъ Андрей крестьянина; но тотъ, задыхаясь отъ злости, ужъ снова лежалъ на постели, попыхивалъ трубкой и упорно смотрѣлъ въ потолокъ, какъ-будто не слыша вопроса Андрея.

— Онъ изъ Дорожова,—заговорилъ снова шутками старикъ Панько.—Большое это село Дорожовъ, и живутъ тамъ большіе разбойники, поджигатели и воры, которые все ссорятся за *мое* и *твое* и такъ на томъ помѣшались, что, наконецъ, никто не знаетъ, что мое, а что твое.

— Вотъ чортовъ дѣдъ, закрылъ-бы ворота и молчалъ, не мололъ-бы глупостей!—буркнулъ на него Дорожовскій.

— Тьфу на твою голову!—отвѣтилъ смѣясь Панько,—и это тебѣ завидно, ненасытный! Такъ, вѣдь, это, можетъ, не твое, что я наговорю!.. Вотъ и его грѣшнаго,—говорилъ Андрею старикъ далѣе,—заперли такъ-же за „мое“ и „твое“: гдѣ-то у какого-то еврея купилъ шкуру за тридцать крейцеровъ, а шкура стоила гульдена полтора. Еврей тридцать крейцеровъ въ руки и бѣжать, а его, раба Божьяго, евреи за руки и въ „Иванову хату!“ *)

Старикъ снова засмѣялся, а за нимъ и Мытро, и черноголовый еврейчикъ, котораго старикъ назвалъ было „карманнымъ мастеромъ“. Дорожовскій больше не откликался; онъ только сопѣлъ, выпуская изо рта дымъ прямо къ потолку. А Андрей все это время стоялъ около стѣнки у кровати старика, держа на рукѣ свое пальто. Ноги болѣли и тряслись, но онъ не могъ заставить себя сѣсть гдѣ-нибудь въ этой омерзительной грязи и гадости.

Не будучи въ состояніи устоять на мѣстѣ, онъ сталъ расхаживать по камерѣ, пробираясь между кроватями и лежащими на полу людьми, хотя и такимъ образомъ не могъ сдѣлать больше пяти-шести шаговъ. Эти неприглядныя и мрачныя явленія арестантской жизни, которыя вдругъ хлынули на него словно изъ ведра, отягчали его голову, неслись въ его мысляхъ въ какой-то пестрой, безпорядочной и бѣшеной пляскѣ. Вся эта нужда, вся гадость, вся мерзость, окружающая его въ этой тѣсной клѣткѣ и за ея стѣнами, по всему свѣту, на днѣ всего человѣческаго общества, на которое и онъ теперь чувствовалъ себя брошеннымъ,—все это человѣческое горе своей безмѣрной тяжестью налегло на него и заглушило его собственное жгучее горе.

А тамъ, за стѣнами этой отвратительной клѣтки, на дворѣ, залитомъ солнцемъ и вымощенномъ гладкими плитами, громко хохотали полицейскіе, играя въ бабки; слышны были звуки ударяемыхъ костей, смѣхъ, споры и крики какихъ-то евреевъ, взятыхъ на дорогѣ вмѣстѣ со стадомъ воловъ и загнанныхъ на полицейскій дворъ. Слышенъ былъ скрипъ желѣзнаго рычага, которымъ кто-

*) Такъ галичане называютъ тюрьму.

то поднималъ воду изъ колодца. Но больше ничего не было ни слышно, ни видно; все тѣ-же мрачныя сумерки, та-же заколдованная, неподвижная тѣнь лежала на грязныхъ, заплеванныхъ стѣнахъ, на кроватяхъ и на мокромъ полу.

— Скоро-ли хоть вечеръ будетъ,—сказалъ старикъ Панько, набивая трубку.—А вы, господинъ,—спросилъ онъ Андрея—не курите?

— Нѣтъ, не курю. Ужъ чему учился, тому научился, а этому какъ-то не могъ.

— Ну, такъ вы еще счастливый человѣкъ. А я-бы, ей-Богу, подохъ, если-бы мнѣ не дали курить. Всегда у меня въ недѣлю два свертка уходитъ,—такъ выгоднѣе покупать, нежели пачками.

Тѣмъ временемъ Мытро, желая посмотрѣть, долго-ли еще до вечера, взобрался на желѣзную спинку кровати, ухватился протянутыми руками за оконную рѣшетку, на рукахъ поднялся немного вверхъ и выглянулъ на дворъ. Но въ эту минуту послышался какой-то трескъ—и, словно ошпаренный, Мытро выпустилъ рѣшетку и упалъ на полъ, ударившись бокомъ о желѣзную кровать.

— Ахъ ты, ворюга, не можешь тамъ сидѣть спокойно!.. Выглядывать будешь?—послышался со двора голосъ солдата, который, проходя какъ разъ въ эту минуту подъ окномъ съ ременной плеткой въ рукѣ, увидалъ руки Мытра на рѣшеткѣ и хлестнулъ по нимъ, что было мочи. Охнулъ Мытро, выпрямился и жалобно посмотрѣлъ на свои руки, на которыхъ, словно двѣ колбаски,—набѣжали два широкихъ синяка. Со слезами на глазахъ, но съ улыбкой на устахъ, онъ промолвилъ къ старику Паньку:—„Ужъ скоро солнышко сядетъ!“ А потомъ сѣлъ на кровать, обтеръ рукавомъ слезы и началъ дуть на больныя руки.

VI.

Брякнула колодка на дверяхъ, завизжалъ ключъ, открылись двери и въ отверстіе, не впуская въ камеру и луча свѣта со двора, протиснулась голова солдата.

— Андрей Темера! Къ господину инспектору!—позвалъ солдатъ и замкнулъ двери за выходящимъ Андреемъ.

Въ камерѣ послѣ его выхода на минуту стихло.

— Какой порядочный господинъ, бѣдняжка,—сказалъ дѣдъ Панько.

— Навѣрное, лѣнтяй и бродяга,—буркнулъ подъ носомъ дорожовскій крестьянинъ. — Порядочныхъ господъ не водятъ по этапу.

— А порядочныхъ дорожовскихъ хозяевъ водятъ?—спросилъ задорно Мытро.

— И ты, жаба, прешь свою лапу! Вотъ, чортъ, молчи лучше!—крикнулъ на него сердито Дорожовскій.

Снова стало тихо, только слышно было попыхиванье трубки въ зубахъ Панька, да жалобное всхлипыванье оборваннаго крестьянина, который все еще неотступно стоялъ подъ дверьми, словно ожидалъ чуда, которое сразу распахнетъ эти окованныя двери и выпуститъ его съ его пятьюдесятью крейцерами на волю къ маленькимъ голоднымъ дѣтямъ.

Снова брякнула колодка, дверь отворилась и впустила Андрея съ пальто на рукѣ.

— А что сказали?—вмѣстѣ спросили нѣсколько человѣкъ.

— Ничего,—печально отвѣтилъ Андрей.—Разспросили и велѣли ждать, пока бумаги придутъ.—Онъ замолчалъ и сталъ расхаживать по камерѣ. Молчали и остальные арестанты. Всѣмъ припомнилось, что и они давно уже ждутъ прихода своихъ бумагъ, и, быть можетъ, у кого-нибудь изъ нихъ, несмотря на собственное горе, сердце сжалось жалостью къ этому молодому человѣку, который по одному слову старосты и инспектора былъ осужденъ, быть можетъ, на такое-же долгое ожиданіе, какъ и они,—который такъ-же, какъ и они, оторванъ отъ своего обычнаго труда, отъ своихъ знакомыхъ, отъ прекраснаго, вольнаго міра, и брошенъ сюда, въ эту гадкую дыру, на дно общественной неволи!..

Первый прервалъ тяжелое молчаніе Бовдуръ. Онъ, словно тѣнь, поднялся изъ своего угла и, подошедши къ Мытру съ протянутой рукой, рѣзко сказалъ:—Мытро, дай хлѣба!

— Смолы ему горячей дай, а не хлѣба!—сказалъ Дорожовскій.

Но Бовдуръ не слышалъ этого любезнаго предложенія и,

поднося свою руку чуть не къ носу Мытра, сказалъ въ другой разъ:—Мытро, дай хлѣба!

— У меня самого мало, не будетъ чѣмъ завтра и позавтракать, пока принесутъ свѣжаго. А мнѣ на работу надо идти!

— Давай хлѣба!—упорно настаивалъ Бовдуръ, не слушая никакихъ резоновъ.

— Да говорю-же тебѣ, что у меня самого мало.

— Но у меня и крошки нѣтъ, а я голоденъ!

— Надо было не все жрать утромъ, надо было оставить себѣ и на вечеръ!—сказалъ Панько.

— Молчи, старый мѣшокъ! — гаркнулъ Бовдуръ и снова обратился къ Мытру:—слышишь или нѣтъ, давай хлѣба!

Но на этотъ разъ старикъ Панько не стерпѣлъ оскорбленія. Онъ живо, словно молодой, вскочилъ съ кровати и застучалъ о полъ своей деревяшкой.—Ты, чортъ гнилобокій, — крикнулъ онъ на Бовдура,—ты что здѣсь за господинъ такой, чтобъ тебѣ и слова нельзя было сказать? Ты голодранецъ безштанный! Маршъ въ уголъ и разлагайся заживо дальше, пока тебя черви въ конецъ не съѣдятъ!

И сильною рукою оттолкнулъ онъ Бовдура отъ Мытра такъ, что тотъ покатился къ стѣнѣ.

— Ну, ну, толкай, толкай, чтобъ тебя чортъ толкалъ! — ворчалъ сквозь зубы Бовдуръ.

— Пусть тебя самого дьяволъ возьметъ!—отрѣзалъ старикъ.—Чего пристаешь къ парню? Твой что-ли хлѣбъ онъ ѣстъ? Лѣзетъ къ нему со своими лапищами подъ самый носъ,—Мытро, хлѣба давай.

— А если я такъ хочу,—что ты мнѣ сдѣлаешь!—упирался Бовдуръ.

— Что я тебѣ сдѣлаю, сатана! Пусть съ тобою чортъ расправляется, а не я!

Андрею было страшно непріятно слышать эту ссору. Онъ началъ успокаивать старика, а потомъ досталъ изъ кармана порядочный кусокъ хлѣба и подалъ его Бовдуру, говоря:—Ну, на, поужинай, если ты голоденъ. Это у меня еще изъ дому осталось, а мнѣ теперь не до ѣды!

— Э, господинъ,—сказалъ старикъ Панько,—зачѣмъ вы хлѣбъ раздаете? Не теперь—такъ черезъ часъ или завтра утромъ захотите ѣсть, а у насъ здѣсь не скоро принесутъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не проголодаюсь,—отвѣтилъ Андрей,—а если и проголодаюсь, то, авось, выдержу, пока принесутъ.

— А у васъ есть на что послать?

— Есть, есть. У меня съ собою пятьдесятъ гульденовъ; я взялъ задатокъ у того, къ кому ѣхалъ; придется изъ этихъ денегъ немного потратить, хотя, правду сказать, они не мои.

— Ну, да въ такихъ обстоятельствахъ всякій человѣкъ долженъ помогать себѣ, какъ можетъ, сказалъ Панько.

Тѣмъ временемъ Бовдуръ страннымъ и страшнымъ взглядомъ смотрѣлъ на Андрея. Онъ держалъ еще въ рукѣ его хлѣбъ, не благодарилъ, не говорилъ ничего,—казалось, что Андрей далъ ему не кусокъ хорошаго пшеничнаго хлѣба, а раскаленное желѣзо,—такъ искривилось все лицо Бовдура, такое неописуемое—дикое выраженіе оно приняло. Боль-ли, жадность или благодарность выражались такъ на этомъ лицѣ, — нельзя было разобрать, да арестанты и не обращали на это никакого вниманія. А Бовдуръ, поглядѣвъ съ минуту на Андрея, словно мѣряя его глазами со всѣхъ сторонъ и испытывая его силы, сжалъ въ правой рукѣ хлѣбъ, откусилъ отъ него въ одинъ пріемъ порядочный ломоть и молча полѣзъ назадъ въ свой уголъ, гдѣ сразу и утонулъ во мракѣ—и за тѣмъ оттуда стало доноситься только его глупое чавканье!

— Господи, разные люди бываютъ на свѣтѣ,—началъ опять Панько.—Одинъ, какъ вотъ нашъ дорожовскій, за кусокъ хлѣба брату око-бы выдралъ, а другой, хоть и самъ голоденъ, но другому послѣднее отдаетъ. И такъ видите-ли, не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя села. Въ однихъ селахъ народъ жадный, дерется за межи, за мостки, за полоску травы, за бурьянъ,—однимъ словомъ—настоящій адъ. Нищему тамъ не подадутъ, прохожаго не примутъ, никому не помогутъ. И то и дѣло всѣ набрасываются: а это мое! а что мое!.. И такъ убиваются за этимъ „своимъ“; а между тѣмъ изводятъ это „свое“, и все имъ какъ-то тѣснѣе становится на свѣтѣ. А въ другихъ селахъ люди живутъ, какъ братья, мирно, дружно... Ссоръ тамъ или сплетенъ нѣтъ ни-

какихъ, одинъ другому и въ работѣ помогутъ и денегъ или скотинку одолжатъ, и нищаго не прогонятъ, и прохожаго примутъ, накормятъ,—и какъ-то при этомъ не бѣднѣютъ—живутъ: и сами кое-что имѣютъ и дѣтямъ своимъ оставляютъ. Ужъ кто-кто, а я это хорошо знаю, хоть я и не много ходилъ за хлѣбомъ Христа-ради. Могу вамъ и то сказать, что въ горахъ народъ далеко лучше, нежели въ долинахъ.

— Быть можетъ потому, что въ долинахъ бѣднѣе?—сказалъ Андрей.

— Да Богъ его вѣдаетъ почему,—отвѣтилъ старикъ.—Оно какъ-будто и такъ, какъ-будто и не такъ. Потому что въ долинахъ и земля лучше и хозяева есть побогаче, а, между тѣмъ, въ народѣ такая вражда, что Боже упаси. А въ горахъ, приди хоть къ бѣднѣйшему, такъ и тотъ не прогонитъ съ пустыми руками, и хоть что-нибудь, да сунетъ въ руку.

Вечерѣло. Солнышко сѣло, а въ камерѣ ужъ и совсѣмъ темно стало. Старикъ Панько всталъ, а за нимъ и Мытро, и оба стали на молитву.

— Ну, пора намъ спать ложиться,—сказалъ послѣ молитвы старикъ.—Только не знаю, господинъ, гдѣ-бы васъ здѣсь примостить. Я бы вамъ свое мѣсто уступилъ, да старикъ я, калѣка...

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно,—перебилъ его Андрей.—Нехорошо-бы это было! Я и такъ спать не хочу, а ноги у меня молодыя, здоровыя, — пробуду эту ночь на ногахъ, а потомъ посмотримъ, что Богъ дастъ.

— Э, толкуйте! Хорошо это говорить, а дѣлать негодится—отвѣтилъ старикъ. — Вотъ вы-бы, Дорожовскій, уступили свое мѣсто господину!

— У насъ нѣтъ мѣста для господъ,—заворчалъ Дорожовскій.—Барское дѣло—барствовать, а не въ кутузкѣ сидѣть. А коли ихъ чортъ и сюда заноситъ, такъ пусть лежитъ подъ кроватью. Тамъ безопаснѣе, есть гдѣ развернуться, и падать некуда!

Непріятно поразили Андрея эти жесткія слова, но онъ смолчалъ, и еще разъ попросилъ Панька не безпокоиться о немъ, добавивъ, что онъ ужъ какъ-нибудь... самъ устроится...

Вдругъ Мытро дернулъ его за полу и прошепталъ:

— Вы, господинъ, теперь еще немного походите, а я засну, а когда умаетесь и захотите спать, то разбудите меня—я встану, а васъ пущу на свое мѣсто.

— Хорошо, братецъ, Богъ тебѣ заплатитъ, — сказалъ Андрей. На вотъ тебѣ мое пальто, накройся, потому что ночью холодно будетъ, а мнѣ, хоть оно и легкое, тяжело его на рукахъ держать.

Всѣ легли, кто раздѣвшись, а кто и такъ,—только Андрей, широко раскрывъ глаза, чтобы не задѣть чего-нибудь въ этой густой тьмѣ, началъ медленно, словно привидѣніе, ходить по камерѣ, мѣрно постукивая башмаками о мокрый асфальтовый полъ.

VII.

Мысль его, угнетенная тяжелыми дневными впечатлѣніями, обрывалась и путалась. Ему мерещились безсвязные отрывки картинъ, которыхъ онъ насмотрѣлся за день; они жгли его мозгъ своею кричащей неправдой, леденили кровь своей безграничной мерзостью. Но въ то время тьма все плотнѣе и плотнѣе покрывала его тѣлесныя очи, мысль мало-по-малу успокаивалась, крѣпла, становилась стройнѣй, память начинала господствовать надъ картинами воображенія, душа его съ трудомъ, но все же вырвалась изъ этой темной западни къ яснымъ звѣздамъ, къ чистымъ водамъ, на вольный веселый міръ, который онъ сегодня утромъ покинулъ,—увы,—неизвѣстно насколько времени!..

А міръ этотъ никогда еще не казался ему такимъ хорошимъ, такимъ веселымъ, такимъ вольнымъ, какъ именно въ послѣдніе дни,—какъ еще сегодня утромъ! Никогда душа его не чувствовала себя такою сильной и смѣлой, какъ сегодня, какъ разъ передъ страшнымъ, глубокимъ паденіемъ. Никогда еще не роилось въ его головѣ столько блестящихъ надеждъ на будущее, какъ именно сегодня, за нѣсколько минутъ передъ ударомъ, разбившимъ всѣ его мечты въ зародышѣ. Никогда еще заря любви не сіяла для него такъ ярко, такъ чудно, такъ упоительно, какъ сегодня,

передъ той минутой, когда она погасла... быть можетъ, на всегда...

Вся жизнь его прошла въ бѣдности и лишеніяхъ, въ тяжелой борьбѣ за существованіе, за науку. Онъ получилъ образованіе, будучи круглымъ сиротою, безъ отца, безъ матери, поддерживая себя собственнымъ трудомъ. Сызмала еще онъ привыкъ къ труду, полюбилъ науку и чѣмъ дальше учился, тѣмъ съ большей пылкостью относился къ ней. Самымъ большимъ удовольствіемъ для него было попасть къ хорошимъ учителямъ, которые умѣли-бы заинтересовать, давали-бы мѣсто собственному мышленію ученика, пріохочивали къ самостоятельному труду. За наукой, за чтеніемъ учебныхъ и неучебныхъ книгъ ему некогда было знакомиться съ окружающимъ его міромъ; онъ окончилъ гимназію ребенкомъ, аскетомъ и еще передъ выпускомъ у него стали болѣть и грудь и глаза.

Получивъ аттестатъ зрѣлости, онъ для поправленія своего здоровья поѣхалъ къ одному изъ товарищей въ горы и тамъ полюбилъ сестру его, Ганю. Неизвѣстное до сихъ поръ чувство любви къ женщинѣ проснулось въ немъ, разбудило его молодую кровь, открыло ему понемногу глаза на дѣйствительную жизнь и разсѣяло книжный туманъ, сквозь который онъ до сихъ поръ плохо видѣлъ дѣйствительный міръ. Вдобавокъ, и новые университетскіе товарищи, среди которыхъ онъ очутился, навели его на новыя мысли, раскрыли передъ его глазами новые взгляды на жизнь, на цѣль науки, просвѣщенія и вообще всѣхъ человѣческихъ стремленій. И все его прошедшее встало передъ нимъ въ иномъ свѣтѣ, многія вынесенныя изъ гимназіи убѣжденія и вѣрованія разсѣялись безъ слѣда. Это была тяжелая внутренняя борьба, долгая и разрушительная, и только любовь поддерживала его въ ней и придавала ему силы. Вмѣстѣ съ нимъ и Ганя, съ которой онъ велъ оживленную переписку, проходила всѣ фазисы развитія мысли, и эта ихъ общность придавала имъ силы къ дальнѣйшему развитію въ извѣстномъ уже направленіи. Они давали обѣщанія—отдать всю свою жизнь на борьбу за свободу: за свободу народа отъ чужевластія, за свободу человѣка отъ оковъ, какіе на него накладываютъ другіе люди и несчастно сложившіяся общественныя отношенія, за свободу сердца и разума, за свободу труда, мысли и науки. Они вмѣстѣ разбирали эти новыя, высокія мысли, слѣдили

за ихъ развитіемъ во всемъ современномъ имъ мірѣ, радовались новымъ приверженцамъ своихъ идей, старались построить въ согласіи съ этими идеями все свое міровоззрѣніе. Это были блаженныя для Андрея и Гани минуты, когда сходится съ человѣкомъ человѣкъ въ любимыхъ мысляхъ и дружно подаетъ руку на почвѣ самыхъ святыхъ убѣжденій! Но имъ обоимъ не доставало еще чего-то. Послѣ горячихъ теоретическихъ споровъ, послѣ чтенія самыхъ лучшихъ и основательнѣйшихъ сочиненій по занимающимъ ихъ вопросамъ они, помимо своей воли, заглядывали другъ другу въ глаза глубоко-глубоко, словно старались прослѣдить еще что-то большее, нежели солидарность мыслей. Глаза ихъ пылали огнемъ, огнемъ болѣе знойнымъ, нежели жаръ убѣжденій, губы ихъ дрожали не словами научныхъ доказательствъ, а лица горѣли не радостью найденной правды. Кровь кипѣла живѣе, когда они сходились вмѣстѣ, и это была другая могучая сила, которая толкала ихъ другъ къ другу. И не разъ среди чтенія, посреди горячаго теоретическаго спора голоса ихъ дрожали и понемногу замирали на дрожащихъ устахъ, рука искала руки, а глаза дорогихъ глазъ и...

— Ахъ! — тихо застоналъ Андрей, живѣе забѣгавъ по темной камерѣ,—почему эти минуты такъ скоро прошли, отчего онѣ не продолжались дольше? Почему я долженъ былъ тебя потерять, навсегда потерять, Ганя, счастье мое?..

Съ тревожнымъ трепетомъ мысль его пролетѣла печальные и тяжелые часы преслѣдованій, мученій за его любимые взгляды. Онъ видѣлъ себя въ тюрьмѣ, передъ судомъ, — у него передъ глазами проходили ѣдкія, циничныя насмѣшки газетъ надъ его мыслями и надъ его любовью. Онъ всѣмъ тѣломъ дрожалъ отъ этихъ воспоминаній, словно отъ мороза. Потомъ ему вспомнилась его утрата. Родители Гани запретили ему бывать въ ихъ домѣ, видѣться съ Ганею, переписываться съ нею, перехватывали письма, которыя онъ украдкой посылалъ къ ней, чтобы въ горѣ своемъ хоть нѣсколькими словами обмѣняться съ любимымъ человѣкомъ. Скоро и этого нельзя было сдѣлать... Еще два-три раза на нѣсколько минутъ блеснуло передъ нимъ его давнее счастье,— а потомъ наступила ночь, темная ночь горя, сомнѣній, отчаянія... Ганю заставили выйти замужъ за другого... Андрей переболѣлъ эту утрату и смотрѣлъ теперь на это спокойно.

— Что-жъ? Мужъ ея человѣкъ добрый, искренній, онъ не станетъ насиловать ея мысли, не заглушитъ ея сердца, она счастлива съ нимъ, полюбила его, — а я!.. Что я безъ нея?.. Вѣдь, она была моей душой, моей силой, моей надеждой,—а что я теперь безъ души, безъ силы, безъ надежды?.. Трупъ!.. ходячій трупъ! То, что я больше всего на свѣтѣ любилъ, стало моимъ горемъ. Если-бы я не полюбилъ ее такъ всей душой, я могъ-бы теперь полюбить другую, найти утраченное счастье! Если-бы я не полюбилъ свободы всѣмъ существомъ своимъ, не терпѣлъ-бы я теперь неволи, и неволя не была-бы для меня такъ тяжела, такъ ненавистна!..

Далѣе ему вспоминается послѣднее свиданіе съ нею, уже замужнею, вотъ теперь. вчера, сегодня утромъ!.. Ихъ разговоры, ихъ радость, перемѣшанная съ горемъ и тоскою, все это жжетъ его, мучитъ, давитъ... А все-же онъ былъ счастливъ, такъ счастливъ! Въ эти минуты онъ почувствовалъ, что его старая любовь не остыла, не замерла, а живетъ, пылаетъ по-прежнему, господствуетъ надъ его мыслями, какъ и прежде, руководитъ всѣми его желаніями, какъ и прежде... Правда, онъ теперь въ десять разъ глубже почувствовалъ свою утрату; немного зажившая отъ времени рана опять раскрылась, кровь, притихшая отъ горя и болѣзни, опять разыгралась,—но что изъ этого? Съ прежней любовью онъ почувствовалъ у себя и прежнюю силу, прежнюю охоту къ труду, къ борьбѣ за волю...

— Ганя, сердце мое, что ты со мною сдѣлала? — шепталъ онъ ей, отравленный упоительнымъ счастьемъ.

— Что-жъ я съ тобою сдѣлала?.. Самъ ты говорилъ, что не связываешь меня... А я такъ много, такъ много перетерпѣла ради тебя!.. Цѣлые годы!..

Слезы катятся изъ ея глазъ, а онъ прижимаетъ ее къ сердцу, словно прежнія хорошія минуты ихъ свободной любви вовсе не прекращались.

— Ганя, счастье мое, что ты съ собою сдѣлала? Хватитъ-ли у тебя силы противустоять окружающей пошлости, развиваться и бороться за свободу, за истину, какъ мы когда-то обѣщали?

— Я не забыла прежняго, мой милый, и никогда не забуду. А силъ у меня хватитъ. Мой мужъ мнѣ поможетъ!

— А со мною что будетъ, Ганя? Кто мнѣ поможетъ устоять на тяжеломъ пути одному?..

Она обнимаетъ его и улыбается.

— Не бойся, мой милый! Не тревожься! Все будетъ хорошо, всѣ мы будемъ счастливы, всѣ!..

Андрей схватился руками за голову и снова забѣгалъ по камерѣ.

— Всѣ будемъ счастливы, всѣ?!. Нѣтъ, это ошибка, Ганя! Всѣ будутъ счастливы лишь въ грядущемъ, будутъ счастливы наши далекіе потомки, которые и знать не будутъ о томъ, сколько терпѣли, какъ мучились ихъ дѣды и прадѣды, чтобы доставить имъ счастье!.. А мы что? Единицы среди милліоновъ! Какая-же намъ цѣна? И мы хотимъ быть счастливыми, когда кругомъ милліоны въ слезахъ родятся и погибаютъ!.. Нѣтъ, mein „Lieb“, wir sollen beide elend sein! А ты не вѣришь этому? Увидишь!..

Андрей ходитъ дальше, всматриваясь широко раскрытыми глазами, словно вбирая въ себя густую тьму. И казалось ему, что тьма на самомъ дѣлѣ вливается въ его грудь, во всѣ поры, заливаетъ всѣ нервы, наполняетъ мускулы, кости, жилы, что ужъ не кровь, а сгущенная тьма течетъ холоднымъ потокомъ къ его груди, къ его сердцу. Дрожь охватила его, онъ точно омертвѣлъ, но только на минуту. Онъ хотѣлъ отдѣлаться отъ того, что казалось ему лишь дѣйствіемъ воображенія, но скоро увидѣлъ, что это ему не представилось, что это—реальная дѣйствительность. И онъ ходилъ дальше и все вбиралъ въ себя всѣми порами новыя волны холодноватой тьмы,—она переполняла его, словно губку; онъ дышалъ ею, чувствовалъ ея холодное вѣяніе въ горлѣ, въ легкихъ, всюду. И ему дѣлалось все легче и легче. Боль утихала. Воспоминанія улеглись. Воображеніе замерло и не рисовало ему уже никакихъ картинъ, ни покрытыхъ инеемъ горя, ни залитыхъ яркимъ свѣтомъ счастья, ни согрѣтыхъ огнемъ любви. Все онѣмѣло, замерло, остановилось. Ему стало такъ легко, словно лѣтомъ въ купальнѣ. Вотъ онъ опускается въ едва ощущаемыя чистыя, легкія волны, которыя тихо-тихо, медленно-медленно ползутъ вокругъ него, нѣжатъ его тѣло. Вотъ ему неслышно, безъ боли разрѣзали жилы—и кровь изъ нихъ течетъ такъ спокойно, сладко, пріятно. Течетъ и выливается эта неугомонная, бурливая, бунтующая кровь, а на мѣсто ея начинаетъ

медленно и безпрепятственно обращаться въ его жилахъ сгущенная, тягучая, холодноватая — темнота. Съ послѣдними каплями крови горячія слезы полились изъ глазъ Андрея. Звукъ далекаго колокола, какъ ударъ грома, прервалъ окружающую тишину, и ударомъ молота отозвался въ ушахъ его. Онъ встряхнулся, пришелъ въ себя.

— Всего только часъ, а я такъ измученъ, еле живъ!—прошепталъ онъ и ощупью сталъ искать мѣста на кровати рядомъ съ Мытромъ.

— Это вы, господинъ?—заговорилъ разбуженный Мытро, — ложитесь вотъ здѣсь, я встану.

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно, — отвѣтилъ Андрей, — мнѣ достаточно мѣста вотъ тутъ, возлѣ тебя!—и онъ прикурнулъ рядомъ съ Мытромъ, обнявъ рукою его шею. Нѣтъ, горячая, бунтующая кровь еще не вся вылилась изъ его сердца, слезы снова полились изъ глазъ, онъ сталъ горячо цѣловать Мытра, и его горячія слезы полились на молодое, дѣтское лицо брата по несчастью.

— Отчего вы плачете?—спросилъ тихо Мытро.

— Оттого, что я несчастенъ, Мытро!

— Не плачьте,—отвѣтилъ мальчикъ.—Какъ-нибудь устроится. Вѣдь, вотъ я, можетъ, еще несчастнѣе васъ, а не плачу!

Тьма тяжелымъ пластомъ легла въ камерѣ, придавивъ всѣ сердца, которыя бились подъ ея гнетомъ, — и сердце, которое билось спокойно, и тревожное сердце, и то, что болѣзненно билось и то сердце, что билось счастливо. А на краешкѣ кровати, обнявшись, заснули рядомъ два молодыхъ существа, и спали такъ спокойно, словно ни о какомъ горѣ имъ никогда и не снилось.

VIII.

На другой день арестанты встали очень рано. Ихъ разбудилъ солдатъ крикомъ и ругательствами. Сейчасъ-же Стебельскаго и Дорожовскаго выгнали подмести въ канцеляріяхъ и коридорахъ, принести воду, вообще на „домашнюю“ работу. Старикъ

Панько, Мытро, вчерашній плакавшій мужикъ, онъ былъ изъ Опакои — и черноголовый еврейчикъ отправились съ метлами мести городъ. Въ камерѣ остались Андрей, Бовдуръ и старый еврей, который все еще лежалъ головой прямо на мокромъ полу и откашливался. Бовдуръ тоже не вставалъ и даже не думалъ умываться, онъ только напился воды и, молча передвигая голыя, блестящія отъ опухоли ноги, опять легъ въ своемъ углу.

На дворѣ разсвѣтало. Солнце пышно всходило на погожее небо, — тамъ, за тюрьмой, люди просыпались и принимались за работу, оживали новыя надежды, изъ сердца лились молитвы о хлѣбѣ насущномъ, о здоровьѣ, о тихой и спокойной жизни. Въ камерѣ ничего этого не было. Тутъ человѣческое сознаніе оживало только для новыхъ мукъ; первое, что здѣсь приходилось слышать, это были бранныя слова; первое, что вырывалось изъ устъ,—были проклятія.

— Громъ-бы ихъ побилъ съ ихъ порядками!—ворчалъ въ своемъ углу Бовдуръ.

— Держатъ человѣка голоднымъ до десяти часовъ, пока тамъ какому-то свинопасу не вздумается встать и раздать эти несчастные крейцеры! Столько-бы чертей имъ въ бокъ, — сколько они мнѣ здѣсь этихъ крейцеровъ дали!..

Въ камерѣ стоялъ тотъ-же сырой полумракъ, что и днемъ, и Андрей, пользуясь свободнымъ мѣстомъ, началъ ходить по камерѣ, хотя ноги его еще дрожали отъ утомленія и въ головѣ чувствовалась тяжесть. Послѣ этой ночи ему казалось, что тѣло его словно обсыпано горячими угольями, и ему было противно лечь на эти вонючіе сѣнники, гнилой паръ которыхъ, казалось, пронизывалъ кожу и впитывался въ кровь своею грязью.

Андрей ходилъ и думалъ.

— И почему человѣкъ не похожъ на машину, которую только разсудокъ одинъ могъ-бы настраивать, какъ хочетъ?—думалъ онъ.—Зачѣмъ эта еще другая, не поддающаяся учету сила—чувство, которое путаетъ и мѣшаетъ правильному ходу разсудочной машины? Вотъ и мнѣ, если-бы поступать разсудочно,—развѣ пришлось-бы здѣсь сидѣть? Нѣтъ! Жилъ-бы себѣ, хоть и горе мыкая и бѣду бѣдой заплатывая, во Львовѣ, а все-же жилъ-бы и

работалъ и учился и былъ-бы свободенъ и въ безопасности... до поры до времени. А то вотъ... принесло меня въ Дрогобычъ, чтобы хоть на денекъ, хоть на минуту повидаться съ нею, — и повидался, почувствовалъ въ груди новый приливъ того чувства, которое такъ много горя принесло мнѣ взамѣнъ одной капли сладости,—а теперь опять! А жаль, что такъ сложилось! Теперь я чувствую въ себѣ удвоенную силу къ работѣ,—да къ чему это, если руки связаны!

Расхаживая по камерѣ, Андрей нѣсколько разъ взглядывалъ на Бовдура и замѣтилъ, что тотъ неотступно слѣдилъ за нимъ какими-то дико-мрачными глазами. Андрею становилось какъ-то непріятно подъ взглядомъ этихъ глазъ безъ человѣческаго выраженія, сверкающихъ блескомъ гнилого дерева. Онъ почувствовалъ себя еще болѣе стѣсненнымъ въ этихъ тѣсныхъ стѣнахъ, сердце его тревожно забилось, словно рвалось прочь отсюда,—на ясный свѣтъ изъ этой отвратительной ямы, въ которой, казалось, обиталъ упырь, медленно высасывающій теплую кровь изъ человѣческой груди. Но Андрей не поддался этому страху,—въ его сердцѣ было слишкомъ много любви къ людямъ, и особенно ко всѣмъ „униженнымъ и оскорбленнымъ“, много было вѣры въ доброту человѣческаго сердца, чтобы сразу-же заподозрить несчастнаго, какъ и онъ, человѣка въ какихъ-нибудь преступныхъ замыслахъ. Свою невольную дрожь и тревогу онъ объяснилъ измученностью и утомленіемъ и, перемогая себя, бросился на кровать старика, чтобы немного отдохнуть. Но спустя минуту, онъ сорвался съ кровати, словно ошпаренный, трясясь всѣмъ тѣломъ—хватаясь то за грудь, то за руки, то за голову; онъ еще разъ попробовалъ ходить по камерѣ, но долго ходить не могъ. Усталость взяла свое, онъ упалъ на кровать и скоро заснулъ крѣпкимъ мертвецкимъ сномъ.

И снится ему, что какая-то отвратительная, скользкая рука понемногу раскрываетъ одежду на его груди, разстегиваетъ рубашку, разнимаетъ грудь,—кости разступаются передъ нею, а рука движется дальше, внутрь, холодная, противная. Она направляется къ сердцу, пробирается къ нему осторожно сквозь цѣлую сѣть артерій и жилъ, словно ловецъ, который хочетъ поймать воробья среди вѣтвей. Вотъ она уже близко, — онъ чувствуетъ это по холоду, который проникаетъ вглубь, словно остріе

ледяного ножа. Но вотъ и сердце почуяло врага, забилось, заметалось во всѣ стороны, какъ пташка въ клѣткѣ,—напрягается, бросается во всѣ стороны, чтобы не дать себя словить. Но таинственная рука, влекомая неизвѣстною силою, лѣзетъ все дальше и дальше, широко разняла крѣпкую ладонь, еще шире растопырила пальцы и уже вотъ-вотъ поймаетъ трепещущее сердце, поймаетъ и раздавитъ! Острая, пронизывающая боль молніей пронзила тѣло Андрея,—онъ проснулся и сталъ на ноги.

— Охъ, что-же это такое?—промолвилъ онъ, протеревъ заспанные глаза и оглянувъ камеру. Ему казалось, что кто-то только что снялъ съ его груди большую тяжесть. которая лежала на ней во время сна; ему показалось еще, что въ тотъ моментъ, когда онъ просыпался, онъ видѣлъ склонившееся надъ нимъ черное, страшное лицо Бовдура. Но, вѣроятно, ему это только такъ показалось, такъ какъ тяжести на его груди не было никакой, а Бовдуръ спокойно сидѣлъ въ своемъ углу съ ногами, обмотанными мѣшкомъ, и даже не смотрѣлъ на него, а устремилъ глаза, куда-то въ уголъ, точно разсматривая на стѣнѣ контуры пятенъ.

— А это, вѣрно, запонка надавила мнѣ грудь,—подумалъ Андрей, вынулъ запонку и опять легъ на кровать.

Его разбудило бряцанье ключей и шумъ входящихъ съ работы арестантовъ. Они внесли съ собою струю свѣжаго воздуха, внесли какой-то запахъ вольнаго міра,—и въ темной печальной камерѣ повеселѣло. А тутъ еще—черноголовый еврейчикъ, заметая, нашелъ четыре крейцера, которымъ онъ очень обрадовался и за которые готовъ былъ накупить Богъ-вѣсть чего, чтобы по-праздничному провести этотъ счастливый день. Стебельскій и Дорожовскій хозяинъ принесли по цѣлой пригоршнѣ окурковъ; Дорожовскій свои окурки показалъ и спряталъ, а Стебельскій раздѣлилъ свои „между всей камерой“. Эти окурки были единственной платой арестантамъ, заметающимъ канцеляріи, и плата эта была для нихъ большой и привлекательной.

Наконецъ, пришелъ и вахмистръ съ деньгами и, назначивъ каждому арестанту четырнадцать крейцеровъ, послалъ двухъ арестантовъ, старика и Мытра, въ сопровожденіи полицейскаго, въ городъ для закупки хлѣба и кое-какихъ другихъ нужныхъ ве-

щей. Андрею такъ-же дали четырнадцать крейцеровъ, къ которымъ онъ добавилъ еще своихъ двадцать и попросилъ, чтобы и ему купить хлѣба такого-же, какъ ѣдятъ они сами, и колбасы. Когда Андрей вынималъ изъ своего кошелька эти двадцать крейцеровъ, онъ, вѣроятно, не видѣлъ, какъ сверкали изъ угла глаза Бовдура и неотступно слѣдили за каждымъ его движеніемъ, какъ измѣряли и взвѣшивали объемъ и содержимое кошелька, какъ наблюдали за тѣмъ, куда кладетъ его Андрей и какою жадностью, какимъ гнѣвомъ запылали эти глаза при видѣ вынутыхъ двадцати крейцеровъ, словно эти двадцать крейцеровъ Андрей вынулъ изъ груди самого Бовдура.

И снова ходитъ Андрей по камерѣ, и снова думаетъ. Думаетъ о Ганѣ, о ея жизни съ мужемъ, какъ она ее описывала ему въ своихъ письмахъ, думаетъ о своемъ одиночествѣ, о томъ, какъ онъ обезсилѣлъ, утративъ любимаго человѣка... Но нѣтъ, — набѣгаетъ другая, болѣе веселая мысль, — нѣтъ, я не одинокъ! Есть у меня товарищи, искренніе, сердечные, горячо проникнутые тѣмъ-же стремленіемъ, что и я. Они въ нуждѣ и помогутъ, и посовѣтуютъ, и утѣшатъ. Но въ эти мысли врывается новая мысль, опять печальная, больная, а за нею—опять утѣшительная: вѣдь и она для меня не потеряна: любитъ меня, какъ и раньше, не чуждается, не отгораживается отъ меня, какъ стѣной, своимъ замужествомъ, переписывается со мной, совѣтуетъ и утѣшаетъ такъ-же искренно, какъ и раньше; да и онъ человѣкъ хорошій и пріятель и одинаковыхъ со мною убѣжденій... Да, но все-таки! —и снова веселая мысль обрывается — и Андрей, словно подъ тяжестью великой боли, опускаетъ голову, а изъ глазъ его скатываются двѣ робкія, дрожащія слезы, жгучія, какъ огонь, и ни на минуту не облегчающія сердца. Онъ быстро утираетъ ихъ и снова ходитъ по камерѣ, стараясь думать исключительно только объ обычныхъ, ближайшихъ вещахъ, вотъ, хотьбы, напримѣръ, о ѣдѣ.

— А любопытная штука,—говоритъ онъ самъ къ себѣ,—пока не вспоминалъ о ѣдѣ, я не чувствовалъ голода и желудокъ держалъ себя смирно, несмотря на то, что онъ пустъ. А теперь напомнили, такъ и онъ, какъ старая собака, начинаетъ ворчать и вертѣться. Это-бы въ психологическій дневникъ внести—„вліяніе мысли на

органическія отправленія“... Вотъ хорошая-бы вещь была—завести такой дневникъ, чтобы всегда туда заносить. Каждое явленіе чувства, каждое впечатлѣніе, и такъ день за днемъ, долгое время! Интересная-бы вышла статистика душевной жизни. Мы узнали-бы, какими впечатлѣніями, какими чувствами больше всего живетъ человѣкъ, какова жизнь этой „искры Божьей“, которая въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ подымается такъ высоко!

Его заняла мысль о такомъ дневникѣ—онъ разбиралъ эту мысль со всѣхъ сторонъ, входилъ въ подробности, словно сейчасъ собирался осуществить ее. Нужно много—много людей, съ совѣстью, правдивыхъ,—думалъ онъ,—чтобы они раздѣлили между собой главныя явленія психической дѣятельности и каждый главнымъ образомъ записывалъ-бы явленія своего отдѣла, а изъ остальныхъ только самыя главныя. Впрочемъ, нѣтъ, такъ-бы ни къ чему не пришли, потому что проклятая разница способностей, минутныхъ настроеній, обстановки—все перепутаетъ. Вотъ если-бы изобрѣсти какой-нибудь механическій психометръ, похожій на тотъ, который устроилъ Вундтъ для измѣренія интенсивности чувствъ! Штука вышла-бы любопытная и важная для науки. До сихъ поръ психологія занимается качествомъ впечатлѣній, а о количествѣ и не думаетъ. А между тѣмъ, кажется, здѣсь ключъ къ разгадкѣ не одного психологическаго узла, потому что впечатлѣнія и чувства, которыя чаще всего повторяются, оставляютъ въ душѣ самые глубокіе слѣды. Статистика, одна только статистика поможетъ глубже проникнуть въ загадку человѣческихъ характеровъ и способностей, какъ помогла уже проникнуть хоть немного въ психологію общественныхъ группъ!

Мало-по-малу эти мысли о наукѣ, о теоріи, не затрагивая никакихъ чувствъ, успокоили Андрея. Ему вспомнились молодые товарищи, горячіе, искренно преданные идеѣ свободы и счастья людей, вспомнились ихъ споры, ихъ совмѣстныя стремленія къ пополненію своихъ знаній, ихъ дѣтская радость отъ познанія каждой новой истины, и ему стало такъ легко, такъ весело, словно онъ снова между ними, словно ни его, ни кого-либо другого въ мірѣ не давитъ уже вѣковѣчный врагъ человѣческаго рода — неволя! Губы его, блѣдныя, счастливыя, мимо воли, шептали слова пѣсни:

Таж не завсігди бурливе море,—тихее частиш!
Таж і в бурю не всі човни гинуть!—тим ся ти потіш!
А хто знае, може в бурю іменно спасешся ти,
Може іменно *тобі* ся вдасть до ціли доплисти!... *)

IX.

Брякнула колодка, открылись двери, возвратились изъ города арестанты съ закупленной пищей. Поднялся шумъ. Панько роздалъ хлѣбъ, соль, табакъ, лукъ. Арестанты сѣли, гдѣ кто могъ, и принялись за ѣду. Бовдуръ, который сегодня, очевидно, былъ чѣмъ-то раздраженъ, проклиналъ вполголоса Панька, который далъ ему такой маленькій хлѣбецъ, а этому черномазому поросенку такой большой.

— Такъ, вѣдь, его за девятнадцать крейцеровъ, а твой за четырнадцать,—разъяснялъ старикъ, не обращая вниманія на ругательства Бовдура.

— Четырнадцать-бы у тебя зубовъ выпало, попрошайка!— проворчалъ вмѣсто отвѣта Бовдуръ и началъ поволчьи откусывать отъ своего хлѣба,—не отрѣзая и не отламывая кусковъ.

— Возьми себѣ ножъ, Бовдуръ,—сказалъ Мытро.

— Зачѣмъ? Развѣ тебѣ голову отрѣзать!—гаркнулъ Бовдуръ и всѣмъ ртомъ откусилъ кусокъ хлѣба, послѣ чего въ его рукахъ осталась лишь небольшая краюшка.

Андрей тоже собрался ѣсть. Онъ порѣзалъ принесенную колбасу на равные куски и раздѣлилъ ихъ между всѣми, никого не пропуская. Дорожовскій и Бовдуръ ни словомъ не поблагодарили, причемъ послѣдній взялъ поданный ему кусокъ и, не взглянувъ даже на него, бросилъ въ ротъ, точно въ какую-то пропасть.

Глядя со стороны на то, какъ ѣлъ Бовдуръ, можно было подумать, что этотъ человѣкъ былъ страшно голоденъ,—съ такою ненасытною жадностью теребилъ онъ свой хлѣбъ, такъ быстро исчезали у него во рту громадные куски. Другіе еще хо-

*) Не всегда, вѣдь, море бываетъ бурливо—чаще оно тихо,
Да и въ бурю не всѣ челны гибнутъ!—этимъ ты утѣшься!
А кто знаетъ, можетъ, въ бурю именно спасешься ты,
Можетъ, именно *тебѣ* удастся достигнуть цѣли!..

рошенько не устроились со своимъ хлѣбомъ, у Бовдура ужъ не осталось ни крошки. Одну минуту онъ печально посматривалъ на свои пустыя руки, а на его лицѣ отразились такія муки голода, точно у него нѣсколько дней не было во рту ни крошки хлѣба. Андрей посмотрѣлъ на него и испугался. Ему казалось, что Бовдуръ могъ-бы теперь съѣсть перваго попавшагося человѣка, что вотъ-вотъ онъ бросится на какого-нибудь арестанта и зубами откуситъ у него такой-же кусокъ живого мяса, какъ тѣ куски хлѣба, которые безслѣдно исчезали у него во рту.

— Что, онъ всегда у васъ такъ голоденъ?—спросилъ Андрей старика, съ отвращеніемъ отворачиваясь отъ Бовдура.

Старикъ посмотрѣлъ и тоже быстро отвернулся.

— Что съ тобой, Бовдуръ?—спросилъ онъ.—Взбѣсился ты и хочешь людей кусать, что-ли?

А потомъ, обращаясь къ Андрею, старикъ прибавилъ:

— Нѣтъ, это только сегодня съ нимъ что-то сталось, муха что-ли его укусила. А, обыкновенно, онъ, бывало, слопаетъ цѣлый хлѣбъ, выпьетъ полкувшина воды и ляжетъ по добру, по здорову на свое мѣсто.

— Можетъ и взбѣсился, не знаю, — мрачно отвѣтилъ Бовдуръ,—только я ѣсть хочу.

— А, можетъ, вы будете такъ добры подождать, пока лакей принесетъ изъ ресторана жаркое?—дразнилъ его старикъ.

— Я ѣсть хочу, я голоденъ!—повторялъ съ тупымъ упорствомъ Бовдуръ.

— Ну такъ ѣшь, развѣ тебѣ кто запрещаетъ? — сказалъ черноголовый еврейчикъ.

— Не запрещаешь?—повернулся къ нему Бовдуръ, впиваясь глазами въ небольшой початый хлѣбъ, который лежалъ передъ еврейчикомъ,—не запрещаешь, ну, это хорошо. Давай!—И онъ протянулъ обѣ руки къ хлѣбу. Еврейчикъ выхватилъ хлѣбъ изъ-подъ рукъ у Бовдура.

— Давай!—крикнулъ Бовдуръ, и его глаза заблестѣли какимъ-то страшнымъ огнемъ, — давай, не то либо тебѣ смерть, либо мнѣ!

— Овва! — поддразнивалъ его еврейчикъ, — мнѣ или тебѣ! Уйди ты по добру-по здорову, потому что я ѣсть хочу.

— И я тоже хочу,—отвѣтилъ немного спокойнѣе Бовдуръ.— Давай хлѣба!

— Что ты взбѣсился, что-ли? Чего ты присталъ ко мнѣ?— крикнулъ еврейчикъ.

— Мытра ужъ оставилъ, такъ ко мнѣ лѣзешь!

— Дай хлѣбъ, дай, сжалься надо мною! — просилъ плачущимъ голосомъ Бовдуръ, а глаза его загорались все болѣе и болѣе страшнымъ огнемъ.

— Будь ласковъ, Бовдурикъ, голубчикъ,—отвѣтилъ такъ-же спокойно еврейчикъ,—иди ты себѣ съ Богомъ къ чорту!

Вмѣсто отвѣта на это Бовдуръ высоко поднялъ оба кулака и разомъ, словно два молотка, опустилъ ихъ на голову еврейчика. Какъ подрубленный топоромъ, повалился еврейчикъ на-земь, изъ носа и рта хлынула у него кровь и полилась на хлѣбъ, на полъ, на ноги Бовдура. Но еврейчикъ не кричалъ. Только, когда очнулся, онъ, точно бѣшеный, поднялся на колѣни и ногтями обѣихъ рукъ впился въ голыя распухшія ноги Бовдура. Бовдуръ глухо заревѣлъ отъ боли, завертѣлъ ногами, но отдѣлаться отъ еврейчика не могъ. Схвативъ его одною рукой за волосы, онъ другою сталъ колотить его по спинѣ, но еврейчикъ все не отпускалъ ногъ и все глубже и глубже впивался острыми ногтями въ тѣло Бовдура, пока у него, наконецъ, кровь не показалась изъ подъ ногтей.

Бовдуръ, не отпуская волосъ еврейчика, рванулся назадъ, и тотъ упалъ лицомъ на полъ. Но и теперь еврейчикъ не издалъ ни одного звука, быстро схвативъ окровавленный хлѣбъ, онъ замахнулся и изо всей силы такъ ударилъ хлѣбомъ Бовдура въ животъ, что у того даже загудѣло внутри. Бовдуръ отпустилъ волосы и обѣими руками схватился за животъ, точно испугавшись, что онъ, какъ разбитая бочка, разлетится въ куски. А тѣмъ временемъ еврейчикъ съ хлѣбомъ въ рукахъ поднялся на ноги. Лицо его посинѣло отъ боли и злости и почти все было покрыто кровью, изъ глазъ выступали слезы; окровавленныя губы распухли, зубы были крѣпко стиснуты. Онъ выпрямился и, не говоря ни слова, еще разъ замахнулся хлѣбомъ на Бовдура.

— Да побойтесь Бога, разнимите ихъ! — кричалъ остолбенѣвшій отъ испуга Андрей, отворачивая глаза отъ этого страшнаго

зрѣлища. Онъ былъ крайне впечатлителенъ ко всякой боли, и особенно къ чужой—и ему казалось, что каждый ударъ попадаетъ въ него.

— Какъ же... Еще чего не доставало! — отвѣтилъ старикъ, продолжая спокойно ѣсть,—не нужно! Имъ полезно немного кости размять... легче головѣ станетъ. А если они еще, вдобавокъ, немного своей поганой крови изъ себя выпустятъ, то ужъ и куда какъ имъ легко сдѣлается. Оставьте ихъ въ покоѣ, они какъ собаки: погрызутся, а потомъ и начнутъ лизать другъ друга. А если-бы кто взялся ихъ разнимать, то я пари держу, что они оба набросились-бы на того.

А тѣмъ временемъ борцы, съ пѣной у рта, окровавленные, стояли на готовѣ и ждали, кто кого первый ударитъ. Но это была только одна минута, а потомъ оба, какъ по командѣ, бросились другъ на друга. Бовдуръ ударилъ еврейчика кулакомъ по рукѣ—изъ нея выпалъ хлѣбъ, но зато еврейчикъ лѣвою рукой ударилъ Бовдура по лицу. Потомъ они оба сцѣпились, и ужъ не видно было, кто кого бьетъ, толкаетъ, деретъ, калѣчитъ, пока они, наконецъ, не попадали на полъ и, не выпуская другъ друга изъ рукъ, вмѣстѣ, какъ два звѣря, заревѣли: Караулъ! Караулъ! Спасите!

На крикъ въ камеру влетѣлъ солдатъ съ плеткой въ рукѣ и, увидя на землѣ окровавленныхъ борцовъ, которые кричали и все еще не переставали драться, перевернулъ плетку „старшимъ концомъ“, т. е. взялъ ремень въ руку, и деревянной ручкой сталъ безъ разбору лупить обоихъ, куда попало.

Затрещала ручка по костямъ, запрыгала по набрякшему, напухшему тѣлу, какъ по подушкѣ, — а борцы все еще не выпускали другъ друга, все еще не переставали визжать какъ свиньи, которымъ неловкій рѣзникъ плохо вонзилъ въ грудь свой ножъ. Солдатъ разсвирѣпѣлъ, и, не говоря ни слова, началъ угощать обоихъ ударами сапогъ подъ ребра. Только этимъ способомъ ему удалось разнять ихъ. Они отпустили другъ друга и разбрелись по своимъ угламъ, но солдатъ не переставалъ ихъ бить.

— А, оборванцы! А, воры! А, разбойники!—шипѣлъ задыхаясь солдатъ.—Вы еще драться будете! Подождите, гадюки, я васъ научу!

— Я его не трогалъ!—заплакалъ еврейчикъ.—Онъ хотѣлъ у меня хлѣбъ отнять! Развѣ я у него въ займы бралъ?

— А, ты, поросенокъ нечищенный!—ревѣлъ солдатъ, и снова какъ градъ посыпались удары на спину Бовдура. Бовдуръ молчалъ, согнувшись въ дугу, пока, наконецъ, солдатъ не усталъ и пересталъ колотить.

— Га, подожди, я научу тебя у другихъ хлѣбъ отнимать! Мало тебѣ своего, обжора проклятый?—кричалъ солдатъ, идя къ дверямъ.

— Мало!—глухо и мрачно отвѣтилъ Бовдуръ.

— Что, ты еще ротъ разѣваешь?—вскипѣлъ солдатъ, издали замахиваясь плеткой.—Не будешь молчать, ты, навозъ вонючій? Вотъ подожди, если тебѣ этого мало, такъ и того не увидишь! Попостись немного! Не будешь такъ скоръ на драку! Нарочно буду просить господина вахмистра, чтобъ завтра тебѣ ничего не дали! Будешь ты у меня свистѣть, подожди! А вы здѣсь помните—обратился солдатъ къ остальнымъ арестантамъ—не давайте ему никто и понюхать чего-нибудь! Пусть, собака, знаетъ, какъ драться! А какъ только что затѣетъ, сейчасъ меня позовите, я ему покажу.

По выходѣ солдата изъ камеры въ ней воцарилось тяжелое, мрачное молчаніе. Словно что-то сдавило всѣмъ горло,—хлѣбъ никому въ ротъ не шелъ. Всѣ чувствовали, что то, что свершилось передъ ихъ глазами, ужъ черезчуръ гадко и безчеловѣчно.

Только Стебельскій, сидя на полу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ по обыкновенію спалъ, спокойно ѣлъ свой хлѣбъ, закусывая маленькими кусочками колбасы, а когда въ камерѣ наступила глухая тишина, онъ, обращаясь къ Андрею и обводя рукою кругомъ по камерѣ, сказалъ: — Homo homini lupus! *).

Андрей, блѣдный, какъ смерть, всталъ и обернулся къ Бовдуру, который, скрючившись, лежалъ въ углу дрожащій, окровавленный, синій; эта картина опять лишила его силъ,—Андрей не могъ и слова вымолвить; онъ стоялъ и смотрѣлъ съ выраженіемъ глубокаго страданія на лицѣ.

— А что, нужно тебѣ это было?—сказалъ Бовдуру старикъ Панько, снова принимаясь за ѣду.

*) Человѣкъ человѣку волкъ.

Бовдуръ молчалъ.

— Бовдуръ,—промолвилъ, наконецъ, Андрей,—если ты такъ голоденъ, то надо было сказать мнѣ, я и такъ не съѣмъ своего хлѣба. Зачѣмъ было драться, я тебѣ дамъ хлѣба, сколько хочешь...

И онъ взялъ свой хлѣбъ, отрѣзалъ отъ него небольшой кусокъ для себя, а остальное подалъ Бовдуру.

— Не нужно мнѣ твоего хлѣба! Жри самъ! Подавись имъ!— зарычалъ Бовдуръ, не поднимая глазъ, и швырнулъ поданный хлѣбъ подъ кровать. Андрей остолбенѣлъ отъ страха и удивленія и, не говоря ни слова, отступилъ назадъ. А Мытро полѣзъ подъ кровать, поднялъ хлѣбъ, обтеръ, поцѣловалъ и положилъ передъ Андреемъ.

— А тебѣ, болванъ, чего еще нужно?—сказалъ сердито Панько.—Ты чего святымъ хлѣбомъ бросаешься? Колики-бы тебѣ въ бокъ, ты чортъ какой-то!

— Пусть васъ всѣхъ черти возьмутъ,—проворчалъ Бовдуръ,—всѣхъ, и меня съ вами! Мнѣ все равно!..

Сказавъ это, онъ ударилъ кулакомъ объ полъ такъ, что гулъ пошелъ, а потомъ свернулся въ клубокъ и легъ на свое мѣсто.

X.

Долго ходилъ Андрей по камерѣ, пока, успокоился. А когда его духовныя силы возвратились къ нему, онъ старался улетѣть въ мысляхъ далеко-далеко изъ этой проклятой юдоли плача и отрицанія всего человѣческаго. Онъ переносился мыслями въ другія, лучшія мѣста, гдѣ молодыя, чистыя сердца высоко поднимали знамя человѣчности, гдѣ вырабатывались могучіе, вооруженные ряды, которые когда - нибудь — скоро!— должны были стать на борьбу за человѣческую личность, за ея святыя права, за ея вѣчныя, естественныя стремленія. Онъ переносился и туда, гдѣ билось единственное привязанное къ нему женское сердце, которое въ эту минуту, быть можетъ, обливалось кровью, горюя о его несчастьѣ. И онъ мысленно утѣшалъ свою Ганю, ободрялъ своихъ товарищей, призывалъ ихъ смѣло

держать поднятое знамя, не опускать его ни на минуту, ибо личность человѣческая страдаетъ, принижена, придавлена, забита повсюду, кругомъ!..

Онъ думалъ о своихъ стремленіяхъ, о своей любви, о своемъ несчастьѣ. И Бовдуръ съ его болью и злостью совершенно исчезъ изъ его головы.

Эхъ, голова молодая, горячая, самолюбивая! Въ святомъ своемъ рвеніи ты и не видишь, какъ самолюбивы всѣ твои мысли, всѣ твои стремленія! Вотъ и дѣло твое, хотя оно и ведетъ къ всеобщему братству и всечеловѣческому счастью—развѣ не потому оно тебѣ такъ мило, такъ дорого въ эту печальную минуту, что оно *твое* дѣло, что въ немъ сходятся всѣ *твои* мысли, желанія, убѣжденіи и цѣли, что работать и даже страдать за него доставляетъ *тебѣ* удовольствіе? Вѣдь, женщина, которую ты любишь, хоть и не связывая ее ничѣмъ, хоть и отрекаясь отъ обладанія ею, хоть и желая ей счастья съ другимъ,—вѣдь эта женщина развѣ не тѣмъ тебѣ такъ мила, что съ ней провелъ ты счастливѣйшія минуты *твоей* жизни, что поцѣлуи ея и до сихъ поръ горятъ на твоемъ лицѣ, что прикосновеніе ея нѣжной руки и до сихъ поръ отзывается въ твоихъ нервахъ? Эхъ, голова молодая, самолюбивая! Бросилъ-бы ты на время заниматься собой, потѣшать себя! Посмотрѣлъ-бы ты пристально вокругъ себя, внимательно, братскимъ, любящимъ взоромъ! Можетъ быть, ты увидалъ-бы около себя болѣе несчастныхъ, чѣмъ ты! Можетъ быть, ты увидалъ-бы такихъ, къ которымъ ни откуда не проходитъ лучъ радости даже такой, какая есть у тебя! Можетъ быть, ты увидалъ-бы такихъ, которые на это дно общественнаго гнета съ собою не принесли ничего, ничего: ни мысли ясной, ни счастливыхъ воспоминаній, ни блестящихъ, хоть и обманчивыхъ надеждъ!.. Можетъ быть, одно твое искреннее и привѣтливое слово украсило-бы ихъ долю, прекратило-бы въ ихъ сердцѣ борьбу, которая страшнѣе всего того, что ты себѣ можешь представить, разбило-бы вокругъ ихъ сердца толстый ледяной пластъ, образованный безконечнымъ безпрестаннымъ горемъ!.. Такъ ужъ дѣйствуетъ большое горе, что человѣческія сердца замыкаются, какъ сворачиваются цвѣты отъ вечерняго холода. И съ замкнутыми сердцами, съ стиснутыми устами проходятъ рядомъ несчаст-

ные, которые часто нѣсколькими словами, однимъ пожатіемъ теплой,—братской руки могли-бы избавиться отъ половины своего горя, проходятъ рядомъ—и молчатъ... Эхъ, люди, люди! Не убійцы, воры и преступники, не господа и рабы, не палачи и осужденные, не судьи и подсудимые, а бѣдные, прибитые, одурѣвшіе люди!..

Тѣмъ временемъ Бовдуръ лежалъ въ своемъ гниломъ углу, съ больнымъ, гніющимъ тѣломъ, съ разбитою душой, безъ проблеска надежды, утѣшенія, радости, — и въ головѣ его мелькали его мысли, проносились неясными картинами его воспоминанія.

Нужда сызмала, съ дѣтства... Презрѣніе, колотушки, побои... Насмѣшки дѣтей, которыя сторонились отъ него, не принимали въ свои игры... Незаконнорожденный! Подкидышъ! Бовдуръ!.. Тяжелый трудъ у недобрыхъ, чужихъ людей... Слякоть, морозы, усталость,—все это досаждаетъ только хозяина, а работника нѣтъ!.. Работникъ желѣзный, работникъ выдержитъ... долженъ... плату за это получаетъ!.. Хилый, болѣзненный, забитый, плохо оплаченный, плохо одѣтый... Безъ товарища, безъ друга... Нѣтъ, былъ товарищъ, былъ другъ, въ Борислявѣ при работѣ подружились. Искренній пріятель, вѣрный другъ, душа—человѣкъ. Ха, ха, ха!.. А позавидовалъ, позавидовалъ единственной радости,—отбилъ дѣвушку, отнялъ, женился!.. Если-бы не все шло противъ несчастнаго, то, можетъ... можетъ несчастный и несчастнымъ-бы не былъ!

Вотъ въ такихъ-то отрывочныхъ картинахъ, переплетенныхъ вполголоса произнесенными словами, проносились передъ Бовдуромъ его молодые годы. Ничего въ нихъ не было отраднаго, ничего такого, на чемъ можно-бы было отдохнуть душой, чему-бы можно было порадоваться. Но мысль летитъ дальше, переворачиваетъ прошедшее, картину за картиной, какъ человѣкъ переворачиваетъ въ книгѣ страницы, между которыми онъ вложилъ деньги и въ которыхъ онъ старается ихъ поскорѣе отыскать.

Что погнало Бовдура въ Борислявъ? Объ этомъ онъ и вспоминать не хочетъ. Это такая мысль, отъ которой холодомъ несетъ. Но скоро, скоро, кажется, онъ принужденъ будетъ и это обстоятельно припомнить. Онъ бѣжалъ и, убѣгая, еще разъ взглянулъ съ горки на пылающія... но не вечернимъ блескомъ... избы и проклялъ ихъ. И никому, ни передъ кѣмъ онъ не признался, изъ

какого села онъ бѣжалъ, хотя это происходило пять лѣтъ назадъ. Кто знаетъ, быть можетъ, онъ и самъ уже забылъ даже названіе села!..

Въ Бориславѣ онъ немного ожилъ. Работа хоть и скверная была, да все-таки платили сначала хорошо—и поѣсть можно было что-нибудь, не такъ, какъ прежде. Какъ голодный волкъ, бросался онъ на ѣду, и ѣлъ, ѣлъ безъ памяти,—проѣдалъ все, что зарабатывалъ, ходилъ чуть не голымъ, и ѣлъ, чтобы хоть разъ почувствовать себя сытымъ. Пить сначала не пилъ, ужъ потомъ началъ, когда ея у него не стало. Тогда онъ запилъ, здорово запилъ!..

Въ Бориславѣ, при работѣ, Бовдуръ и подружился, въ первый разъ въ своей жизни, съ человѣкомъ такимъ-же одинокимъ, какъ и онъ самъ. Искренній былъ человѣкъ, и Бовдуръ четыре года прожилъ съ нимъ, какъ съ роднымъ братомъ. Они работали вмѣстѣ, жили вмѣстѣ и почти никогда не разставались. Въ нуждѣ помогали другъ другу, не спрашивая: а когда отдашь? хотя, правду говоря, Бовдуръ больше бралъ, нежели давалъ. Онъ и теперь, хоть и считаетъ Семена измѣнникомъ и фальшивымъ, все-таки съ удовольствіемъ вспоминаетъ время этой дружбы. Хорошее было время, да чортъ его унесъ. А жаль, что не продолжалось дольше!

Только изъ-за дѣвушки друзья разстались. Оба полюбили одну бѣдную, измученную работницу, круглую сироту, какъ и сами, выросшую въ презрѣніи, привыкшую къ молчаливому послушанію, къ безграничной покорности, къ отреченію отъ собственной воли, отъ собственной мысли. Чудо сотворилось тогда съ Бовдуромъ. Его рѣзкая, эгоистичная, дикая натура стала еще болѣе рѣзкой и дикой при этой тихой, спокойной, послушной и доброй женщинѣ. Онъ любилъ ее, но его любовь еще сильнѣе угнетала ее, чѣмъ прежняя жизнь. Сколько ругательствъ, сколько побоевъ вытерпѣла она отъ него! Сколько слезъ пролила! Но никогда Бовдуръ не слышалъ отъ нея протестующаго слова. И это его бѣсило. Онъ мучилъ ее, чтобы разбудить въ ней силу протеста, а между тѣмъ, ея силой была — податливая, молчаливая и послушная любовь. Она, тихій ягненокъ, любила этого звѣря! И эта любовь давала ей силу сносить всѣ его, съ виду безумные, но вытекающіе изъ его натуры капризы, отплачивать ласками за побои, нѣжностью

за брань и проклятія... И какъ только онъ не называлъ ее! И сукою, и жабой, она не протестовала. Но, наконецъ, онъ почувствовалъ отвращеніе къ этой безграничной покорности и податливости, и хотя не переставалъ ее любить, но, однажды, въ приступѣ гнѣва поколотилъ ее и прогналъ отъ себя. Она ушла — къ другу, съ которымъ вскорѣ и повѣнчалась — теперь уже и ребенокъ есть...

— И она, сука, счастлива съ нимъ! — ворчалъ Бовдуръ. — Оба они — размазня! Чортъ ихъ дери! не хочу и вспоминать о нихъ!

Сколько разъ онъ давалъ зарокъ, что не будетъ вспоминать о нихъ, а они сами лѣзутъ въ голову, потому что оба они въ силу контраста сроднились съ его душой, дополняютъ ее, потому что въ его сердцѣ, подъ толстой ледяной корой, тлѣетъ еще и до сихъ поръ неугасшая искра любви къ этимъ людямъ!

А потомъ все кончилось. Все пошло шиворотъ-навыворотъ. Онъ началъ пить. Чортъ возьми! — крѣпко пилъ! Бывало, придетъ съ работы—онъ ходилъ ночью на работу—и прямо въ шинокъ. Жидъ, давай ѣсть! Хорошо. Жидъ, давай пить! И пьетъ, пока въ карманѣ находятся деньги, пока онъ въ состояніи держаться на ногахъ. А когда ноги откажутся отъ службы, онъ падаетъ на скамью и спитъ до самаго вечера, пока опять не разбудятъ на работу. Это выгодно, не нужно комнаты нанимать; — еврей днемъ не выброситъ изъ шинка,—захочетъ, чтобы и въ другой разъ пришелъ,—да, кромѣ того, собаки шинкаря ротъ оближутъ, вотъ и чисто!..

Это было единственное время, которое Бовдуръ вспоминалъ теперь съ какимъ-то пьянымъ умиленіемъ. Это время вѣчной одури, вѣчнаго похмѣлья, вѣчнаго безсвязнаго шума, представлялось ему единственно настоящимъ и всецѣло счастливымъ временемъ его жизни. Все у него было, — а, впрочемъ, чортъ знаетъ, можетъ чего и недоставало, но онъ, ей-Богу, ни о чомъ не зналъ. Никакихъ мыслей, никакихъ воспоминаній, только шумъ, шумъ, точно въ головѣ мельничное колесо гудитъ... Турррр-ррр! и все: люди, дома, солнце, небо и весь міръ кругомъ, кругомъ, кругомъ!.. Туррр-ррр!.. и больше ничего, ни на землѣ, ни въ небѣ, нигдѣ ничего!..

— Ахъ, хоть-бы еще разъ такъ, хоть денекъ, хоть минуту, Господи!—вздохнулъ Бовдуръ.—Забылъ-бы человѣкъ, а то опять все начинаетъ оживать, шевелиться!.. А если-бы такъ: встаю утромъ, а тутъ въ головѣ шумитъ, кружится: туррр! въ глазахъ мѣшается... Вижу, а не узнаю, чувствую, а не понимаю, живу, а самъ объ этомъ не знаю, — и такъ всегда, всегда! Чтобы и не пить, а вѣчно пьянымъ быть! Чтобы ужъ совсѣмъ, совсѣмъ одурѣть!..

— А если нѣтъ, такъ что? Пускай идутъ воспоминанія, пока идутъ. Клинъ клиномъ выбьемъ,—скверное, еще болѣе сквернымъ! Выхода нѣтъ... Да зачѣмъ и искать?.. А передъ концомъ разъ попробовать, да... хорошо!.. Пятьдесятъ, гульденовъ безъ двадцати крейцеровъ,—право, стоитъ!.. Да и что я потеряю!..

— А моя молодость?.. — Чортъ ее возьми! Однѣ колючки, одна крапива! Проклятье на нее!

— А они оба?.. — Чортъ ихъ возьми! Бросили! измѣнили... Нѣтъ, не хочу и вспоминать!..

— А, можетъ быть, когда-нибудь будетъ лучше?.. Нѣтъ, не надѣйся! Пустая надежда! Проклятье на надежду!

— Но онъ, — можетъ, у него отецъ, мать?.. — Ну, пусть себѣ,—у меня ихъ нѣтъ и не было!

— А можетъ... какая?.. Гм, я-бы долженъ на это обратить вниманіе... А мнѣ, что до того? Пусть идетъ за другого!

— А можетъ?..—Ну, что еще? Ничего больше!.. Охъ, какъ болитъ, какъ жжетъ, какъ щемитъ! И здѣсь, и здѣсь, и здѣсь, всюду, все тѣло!..

Была уже глухая ночь. Всѣ арестанты спали, словно придавленные бревнами. Спалъ и Андрей и не чувствовалъ отрывочныхъ рѣчей, сказанныхъ вполголоса, не чувствовалъ и не зналъ страшной муки человѣка, одичавшаго отъ горя и доведеннаго до крайней степени отчаянія. И кто знаетъ, если-бы Андрей слышалъ эти слова, если-бы подумалъ объ этой мукѣ, — можетъ быть, одно его слово могло-бы успокоить и остановить ея страшныя послѣдствія. Но Андрей въ это время спалъ спокойно возлѣ Мытра и во снѣ обнималъ свою и не свою Ганю.

XI.

Снова день, шумъ, проклятія и насмѣшки, снова бряцаніе колодки, крики, работа... Снова расхаживаетъ по камерѣ Андрей, блѣдный и больной отъ недостатка свѣжаго воздуха. Сухой кашель начинаетъ душить больную грудь, и мысли въ головѣ Андрея начинаютъ путаться. Онъ чувствуетъ страшную усталость во всемъ тѣлѣ, точно оно у него свинцомъ налито. Ахъ, отдохнуть-бы, полежать удобно, спокойно, подъ яснымъ небомъ, на чистомъ воздухѣ, въ тѣни!.. Его любовные сны блѣднѣютъ, и напрасно онъ старается вызвать ихъ въ своемъ воображеніи съ прежнею живостью. Даже лицо Гани не хочетъ появиться передъ нимъ, и передъ его закрытыми глазами мелькаютъ только дикія, уродливыя лица, съ растрепанными волосами, неумытыя, угрожающія. Онъ легъ на кровать вверхъ лицомъ, широко раскрылъ глаза и всматривался въ потолокъ, стараясь не думать, не вспоминать. Но вотъ потолокъ оживаетъ, и то уменьшается, то увеличивается, колеблется, и мало-по-малу на его буро-желтомъ фонѣ выступаютъ въ туманѣ тѣ-же отвратительныя грозящія лица, спускаются сверху, наклоняются надъ нимъ. Онъ срывается съ кровати и снова начинаетъ ходить.

— И что такое со мною случилось?—говоритъ онъ самъ къ себѣ. — Вѣдь, кажется, я не былъ склоненъ къ галюцинаціямъ! Почему-же онѣ вдругъ преслѣдуютъ меня? Или это волненіе такъ меня разстроило? Да, кажется, я и не волнуюсь особенно!.. Гм, скверно!..

А Бовдуръ тоже лежитъ въ своемъ углу и думаетъ. Вотъ, когда деньги будутъ моими, то нужно будетъ ихъ хорошо спрятать, чтобы не нашли и не отняли. И какъ могутъ отобрать, если никто не будетъ знать? Нужно будетъ прикинуться слабоумнымъ или чѣмъ-нибудь, мнѣ все равно. Придетъ время, придетъ и потѣха. А только спрятать хорошо, ну, а потомъ еще разъ можно позволить себѣ да такъ, чтобы за всѣ разы хватило! Раньше всего хлѣба, хорошаго, бѣлаго,—нѣтъ, булокъ, и много, много, чтобы наѣсться досыта. Колбасъ, мяса цѣлую кучу! А потомъ пить,—пиво, вино бутылками! И все бутылками, бутылками,

чтобы въ головѣ вѣчно шумѣло, вѣчно кружилось, чтобы ничего, ничего не вспоминалось, не думалось! Все кругомъ, все кругомъ, пока не наступитъ конецъ. А конецъ что? Одна минута! И совсѣмъ не страшно, лишь-бы только въ это время въ головѣ шумѣло и кружилось. А, впрочемъ, посмотримъ, страшно-ли будетъ,— все одно, разъ сука-мать родила!

— Но онъ такъ молодъ, такъ добръ!.. — отзывалась робко какая-то тихая мысль изъ глубины его сердца.

— Чортъ возьми!.. А я развѣ не молодъ?—отвѣтила другая мысль.—Онъ до сихъ поръ былъ счастливъ, ежедневно испытывалъ столько счастья, сколько я и за весь свой вѣкъ не испытаю! Это несправедливо, нужно помѣняться!

— А, можетъ быть, не совсѣмъ?—снова появлялась гдѣ-то въ глубинѣ робкая мысль.

— Зачѣмъ? Зачѣмъ медлить?—отрѣзала снова громкая, господствующая мысль!

— А, можетъ быть, у него отецъ, мать?..—Чортъ ихъ возьми! Пусть знаютъ, что такое горе! У меня ихъ нѣтъ и не было, а я развѣ не человѣкъ?..

Но удивительно! Хотя громкая, господствующая мысль такъ досадно старалась успокоивать Бовдура и укрѣпить его въ избранномъ намѣреніи, всетаки онъ почему-то дрожалъ всѣмъ тѣломъ, искоса поглядывая на Андрея и боязливо стискивая что-то въ рукѣ, что-то, чего онъ и самъ боялся, а, между тѣмъ, оберегалъ, какъ зеницу ока.

— Ѣсть хочется,—ворчалъ онъ,—страхъ какъ хочется ѣсть! Это онъ, проклятый, своимъ хлѣбомъ напустилъ на меня голодъ! А такимъ прикидывается добрымъ и хорошимъ! Нѣтъ, голубчикъ, не поможетъ тебѣ твоя доброта, не обманешь!..

Двери открылись и въ камеру просунулась голова стараго полицейскаго съ добродушнымъ лицомъ.

— Господинъ Темера!—промолвилъ онъ ласково.

— Темера очнулся. Ему показалось, что это голосъ его отца, тотъ самый, который онъ слышалъ давно, давно, еще въ дѣтствѣ.

Онъ подошелъ къ дверямъ и началъ смотрѣть въ лицо полицейскаго, но никакъ не могъ его узнать.

— Что, не узнаете? Ну, конечно, гдѣ тамъ,—вы еще маленькимъ были, когда я ушелъ изъ Тернополя. А мы съ вашимъ покойникомъ отцомъ сосѣдями были и пріятели такіе, что бѣда! Да будетъ, Господи, его душенькѣ легко тамъ! Но что съ вами случилось? Я своимъ ушамъ не повѣрилъ, когда сказали, что здѣсь сидитъ Темера изъ Тернополя! Какой, думаю себѣ, Темера? Вѣрно, сынъ его, что-ли! Бѣдный мальчикъ! И здѣсь васъ посадили среди такого сброда! Я ужъ просилъ господина инспектора и онъ обѣщалъ, что съ завтрашняго дня вы будете сидѣть въ сторожкѣ, я ручаюсь за васъ.

Темера горячо поблагодарилъ старика, но на лицѣ Бовдура при этихъ словахъ мелькнуло что-то, въ родѣ тревоги о томъ, что вотъ-вотъ у него выскользнетъ изъ рукъ то, что онъ уже считалъ навѣрняка своимъ.

— А можетъ быть вамъ нужно что-нибудь принести—ѣсть, пить?—спрашивалъ старикъ.—Сегодня солдата нѣтъ, вмѣсто него у меня ключи, такъ я вамъ принесу. Подождите, я сейчасъ приду, мнѣ еще нужно пойти въ канцелярію.

Старикъ заперъ дверь и заковылялъ къ канцеляріи. Андрею стало веселѣе, легче, когда онъ услышалъ эти искреннія дружелюбныя слова, когда узналъ, что и здѣсь есть добрая душа, которая дѣлаетъ для него то, что можетъ. Ахъ, какъ онъ обрадовался извѣстію, что завтра его переведутъ изъ этой норы въ сторожку! Ему казалось, что завтра онъ выйдетъ совсѣмъ на волю. Свѣтъ, воздухъ, зелень, живая природа, эти ежедневные дары Божьи, которымъ человѣкъ обыкновенно не придаетъ цѣны, не боясь ихъ утратить,—какими дорогими, какими заманчивыми были они теперь для Андрея!..

— Господинъ!—своимъ рѣзкимъ голосомъ прервалъ его мысли Бовдуръ.—Прикажите принести водки, кварту цѣлую, чтобъ раза на два хватило.

— А развѣ сюда можно принести?—спросилъ Андрей.

— А почему нѣтъ! Старикъ принесетъ!

Андрей самъ водки не пилъ, но зналъ, что для остальныхъ арестантовъ будетъ великій праздникъ, если они смогутъ выпить по стаканчику. Поэтому онъ попросилъ старика принести водки, колбасы и еще кой-чего съѣстного. Старикъ сначала колебался

принести цѣлую кварту, но когда Андрей увѣрилъ его, что будетъ наблюдать, чтобы пили понемногу, — да и что значитъ на девять душъ одна кварта водки!—старикъ согласился исполнить его волю.

Полдень. Весело разговоривая, усѣлись арестанты вокругъ принесенной водки и ѣды. Глаза ихъ выражали радость по случаю праздника, какого они ужъ давно не имѣли. Всѣ благодарили Андрея за его доброе сердце. Только Бовдуръ сидѣлъ, какъ бревно въ своемъ углу и все время слѣдилъ глазами за бутылкой. Наконецъ, онъ вскочилъ, схватилъ бутылку крѣпко, обнялъ ее обѣими руками, приложилъ ко рту и началъ тянуть.

Сначала всѣ удивленно посматривали на него, но немного спустя бросились отнимать. Однако не скоро удалось имъ это сдѣлать. Почти половину бутылки опорожнилъ за это время Бовдуръ.

— А чортъ-бы тебя взялъ, ублюдокъ мерзкій! — ругался Панько. Почему не ждешь своей очереди, а лѣзешь впередъ, какъ свинья?...

— А-а!—ревнулъ, задыхаясь, Бовдуръ.—Богъ за это заплатитъ! Это по старому, по-бориславски! Какъ будто рукою погладилъ по всѣмъ жиламъ, а въ головѣ шумитъ, бурлитъ, туррр!..

Онъ схватилъ кусокъ колбасы, бросилъ въ ротъ и шатаясь упалъ назадъ въ свой уголъ.

Долго еще шумѣли арестанты, угощаясь водкой, долго говорили про мерзкаго Бовдура; тотъ лежалъ, точно и не слышалъ ихъ разговора, и только хлопалъ глазами, равнодушно поглядывая впередъ.

— У меня гдѣ-то ножъ былъ,—спохватился Андрей, шаря по карманамъ,—да видно, потерялъ я его, что-ли! Нечѣмъ хлѣба отрѣзать. И ножъ-то ничего нестоющій, а все-таки какъ-то неудобно безъ него.

— Ищите хорошенько, сказалъ Панько,—ножъ не игла, въ камерѣ не можетъ пропасть.

Но ножа не было.

— Ну, рѣжьте вотъ моимъ, а потомъ поищемъ, — сказалъ Мытро,—можетъ быть, когда вы спали, онъ упалъ сквозь

дырку въ сѣнникъ. У насъ и это бываетъ, глядите, какіе сѣнники дырявые!

— И то правда,—сказалъ Панько,—нужно будетъ потомъ поискать.

Но всѣ арестанты такъ заговорились и заболтались за ѣдой, что потомъ легли спать, даже не вспомнивъ о ножѣ. Заснулъ и Бовдуръ. Только Андрей, который не пилъ водки, ходилъ по камерѣ, какъ-будто даже поздоровѣвшій отъ пріятной новости, извѣщающей его объ освобожденіи изъ этой гадкой норы.

— Эхъ, кабы поскорѣе и совсѣмъ быть свободнымъ!—прошепталъ онъ вздыхая.—Началась-бы новая работа, новыя стремленія, и, авось, что-нибудь и вышло-бы. Но нужно взяться хорошо, соединиться всѣмъ вмѣстѣ, не тратить зря ни времени, ни денегъ! Нужно учиться, много учиться, и не мертвечинѣ, которою засоряютъ головы въ гимназіяхъ. Увы, не много онъ испыталъ настоящей науки, но какою отъ нея вѣетъ свѣжестью! Какъ тянется къ ней душа! И почему только люди противятся ей, и съ презрѣніемъ смотрятъ на ея результаты? Потому что она не выдаетъ эти результаты за конечную, безусловную истину? Ахъ, людямъ еще до сихъ поръ нужна сила, которая съ высоты диктовала-бы: да будетъ такъ! нужны еще законы, которые устанавливали-бы начало и конецъ премудрости, за границами которой все было-бы ложно или излишне!.. Да нѣтъ, не долго ужъ будемъ ждать конца господства силы! Со всѣхъ сторонъ встаютъ живые умы и расшатываютъ эту стѣну, которая тысячи лѣтъ заграждала глаза людямъ. Если-бы поскорѣе послѣдній ударъ! Если-бы поскорѣе воля, ясная какъ день, широкая какъ свѣтъ, признающая только природу и братскую любовь!..

— Что наша муравьиная работа для такой величественной цѣли? Что для нея наши мелкія мученія, вся наша жизнь? Песчинка въ сравненіи съ горой! А все-таки гора составлена изъ песчинокъ. А все-таки отрадно хоть на песчинку быть полезнымъ въ ускореніи великаго дѣла!

— А можетъ быть всѣ эти наши думы, наши стремленія, можетъ быть, все это только одна большая ошибка, какихъ тысячи до сихъ поръ буйнымъ вихремъ прошумѣли надъ человѣчествомъ? Можетъ быть, наша работа ни на что не годится? Мо-

жетъ-быть, мы строимъ дорогу совсѣмъ не тамъ, гдѣ нужно, городъ на необитаемомъ островѣ? Можетъ быть, ближайшее поколѣніе пойдетъ совсѣмъ не туда, оставитъ насъ въ сторонѣ, какъ памятникъ безплодныхъ человѣческихъ стремленій къ ненужной цѣли? Ахъ, такая мысль терзаетъ сердце, грызетъ мозгъ! Да что-жъ, и она возможна! И на такой конецъ мы должны быть готовы, и какъ только дорога наша окажется не согласной съ естественными законами всеобщаго развитія, съ вѣчными человѣческими стремленіями къ добру и всеобщему счастью,—сейчасъ-же нужно возвратиться!..

— А пока что, нужно итти впередъ. Лишь-бы только на волю! Что можно будетъ сдѣлать, то и сдѣлаемъ. Надо только работать по совѣсти, искренно и разумно,—о прочемъ нечего заботиться!..

XII.

Настала ночь. Арестанты спятъ, тяжело дыша густымъ, затхлымъ воздухомъ. Иногда тотъ или другой закашляется долгимъ, сухимъ кашлемъ, перевернется на другой бокъ, вздохнетъ глубоко или крикнетъ сквозь сонъ. Въ камерѣ стоитъ густая темнота, потому-что и на дворѣ тучи, душно, а изъ далека доносятся далекіе удары грома.

Не спитъ только Бовдуръ. Въ его душѣ еще темнѣе, нежели въ камерѣ. Утомленныя долгимъ страданіемъ, заглушенныя водкой мысли не плывутъ уже, воспоминанія не шевелятся. Онъ сидитъ на своемъ ложѣ, въ рукахъ у него ножъ Андрея съ длиннымъ огородничьимъ лезвеемъ. Время отъ времени онъ проводитъ пальцами по лезвію, точно пробуетъ, достаточно-ли оно остро. Все тѣло его дрожитъ какою-то тревожною дрожью, обливается холоднымъ потомъ. Онъ ждетъ, пока на дворѣ и въ камерѣ совсѣмъ затихнетъ, ожидаетъ глухой полночи.

— Гремитъ... — ворчитъ Бовдуръ, — во время грома крѣпче спится. И я-бы заснулъ... Ахъ, кабы заснуть надолго, совсѣмъ!.. А кто-то сегодня здѣсь такъ заснетъ!

Эта фраза поразила его своею неожиданною рѣзкостью, онъ встрепенулся и замолкъ.

— Гм., — началъ онъ черезъ минуту снова, — какая это чертовская вещь — слова! Скажи такое глупое слово— и человѣкъ весь застынетъ, словно не вѣсть что сдѣлалъ; думаешь, такъ ничего, можно. Глаза безъ словъ ко всему страшному привыкаютъ, а ухо — сейчасъ возмущается!..

— Да что тамъ, все глупости, лишь-бы деньги! А подумаешь,—ей-богу, какъ люди глупы! Вотъ и этотъ... Столько денегъ имѣетъ, а умѣетъ-ли онъ ихъ съ толкомъ прожить? Купитъ что-нибудь и самъ не ѣстъ! Я-бы не такъ! Эхъ, я-бы еще повеселился! И повеселюсь, ей-богу, повеселюсь! А ну, можетъ-быть, уже пора?..

Онъ поднялся и сталъ прислушиваться. Сначала ничего не было слышно, а потомъ на крыльцѣ грубыми голосами заговорили полицейскіе—сторожа.

— Ну и что-жъ,—говорилъ одинъ,—не застали уже живымъ этого несчастнаго?

— Нѣтъ, въ ту минуту, когда прибѣжали, онъ былъ еще немного теплый. Да что, горло до самой кости перерѣзано!

— Господи, гудѣлъ другой,—видно, ужъ конецъ свѣта наступаетъ! Такой пошелъ скверный народъ, такъ одинъ съ другимъ враждуетъ,—дышать другъ другу не даютъ! Ну, было-ли у него сердце, такого молоденькаго...

Загремѣло, и Бовдуръ не дослышалъ послѣднихъ словъ полицейскаго. Его охватила тревога. Онъ скорчился, зубъ на зубъ не попадалъ, точно полицейскіе отгадали его замыселъ и вотъ-вотъ придутъ, свяжутъ... Онъ безсильно опустилъ руки. Ножъ упалъ на полъ. Стальной звукъ испугалъ его сильнѣе, нежели громъ. Онъ сѣлъ въ углу, съежился, зажмурилъ глаза и заткнулъ уши, чтобы никакія внѣшнія впечатлѣнія не доходили къ нему. Самъ не зная, когда и какъ, онъ задремалъ на минуту.

Вдругъ онъ очнулся и чуть не закричалъ во все горло. Ему приснилось, что онъ бредетъ по кровавой рѣкѣ; вотъ по неосторожности онъ попадаетъ на глубокое мѣсто и погружается въ крови. Живая, теплая, кипящая кровь, злорадно плескаясь вокругъ, заливаетъ его, покрываетъ все тѣло, ротъ, глаза. Онъ хо-

четъ спастись, но чувствуетъ, что кровь, точно тягучая смола, опутала его тѣло, сковала ему руки и тѣло. На этомъ онъ проснулся.

— Ахъ, какой страшный сонъ! Даже душно стало, вспотѣлъ весь! Но что такое сонъ?.. Вѣтеръ!.. Ну, не пора-ли?..

Онъ снова всталъ и долго прислушивался. Ничего не слышно, кромѣ дыханія спящихъ. Онъ наклонился и началъ шарить по полу, ища ножъ, но вдругъ, точно ошпаренный, отдернулъ руку назадъ. Онъ схватилъ было за горло стараго еврея и почувствовалъ, какъ подъ его пальцами бьется, словно живая, кровь, а гортань бѣгаетъ, точно встревоженная его прикосновеніемъ.

— А убей тебя Господь, жидюга!—заворчалъ Бовдуръ.— Такъ испугался, словно гадину какую-то рукою схватилъ. Тьфу, чортъ!

И онъ снова склонился, поискалъ и нашелъ ножъ. Потомъ онъ тихонько, на цыпочкахъ сталъ пробираться къ кровати, гдѣ спалъ Андрей. Раньше всего онъ ощупалъ его, не спитъ-ли тотъ, обнявшись съ Мытромъ и, узнавъ, что нѣтъ, смѣло взялъ Андрея за поясницу, поднялъ, какъ ребенка, кверху, и легко, неслышно положилъ на полъ

— Такъ, здѣсь лучше,—бормоталъ онъ.—Будетъ рваться— такъ чтобы другихъ не разбудилъ.

Андрей спалъ крѣпко. Только, коснувшись головою мокраго пола, онъ встрепенулся и закричалъ сквозь сонъ:—Ганя, спаси!...

Бовдуръ, думая, что Андрей очнулся, быстро нажалъ колѣномъ на грудь, лѣвою рукою схватилъ его за горло, а правою рѣзнулъ, что было силы. Андрей затрепеталъ и крикнулъ, но не громко, потому что горло было сдавлено. Кровь хлынула Бовдуру на руки. Онъ замахнулся ножемъ въ другой разъ, чувствуя, что Андрей сильно трепещетъ.

— Гдѣ деньги? Давай деньги?—шепталъ онъ надъ Андреемъ.

— Охъ!—стоналъ Андрей,—деньги... въ старостѣ... отня...

Онъ не кончилъ. Лезвее ножа въ эту минуту перерѣзало гортань, перерѣзало мясо до самыхъ костей. Кровь хлынула сильнѣе, движенія тѣла становились все слабѣе и слабѣе, наконецъ, совсѣмъ прекратились. Андрея Темеры не стало... А его мысли, его надежды пропали онѣ вмѣстѣ съ нимъ?—Нѣтъ! эти

мысли—человѣчество, и онъ, лелѣя ихъ, былъ только маленькой частью его. А человѣчество тѣмъ только и живетъ, что однѣ части его время отъ времени погибаютъ и замѣщаются другими...

А Бовдуръ стоялъ предъ нимъ на колѣняхъ, точно прибитый громомъ. Деньги отняты въ старостве, — значитъ онъ напрасно зарѣзалъ Андрея! Словно повязка, упало ослѣпленіе съ его глазъ... Что онъ сдѣлалъ?.. онъ прекратилъ жизнь этому молодому существу? Что за проклятыя чары овладѣли имъ?.. Долго, словно въ какомъ-то туманѣ, стоялъ онъ надъ трупомъ Андрея, безъ мысли, безъ движенія, точно и самъ превратился въ трупъ. Правая рука его все еще держала ножъ, а лѣвая, плавая въ крови, сжимала молодое, холодѣющее горло...

Вдругъ чья-то холодная рука коснулась его плеча, и глухой сонный голосъ сказалъ:—Ты что тутъ дѣлаешь, Бовдуръ?

Это былъ голосъ Стебельскаго, котораго разбудили стоны Андрея.

Бовдуръ ничего не отвѣтилъ, онъ не дрожалъ, не боялся...

— Что ты тутъ дѣлаешь? - спрашивалъ Стебельскій, тормоша Бовдура за голое плечо.—Чего не спишь?

Казалось, что слова Стебельскаго и прикосновеніе его холодной руки понемногу пробуждали Бовдура отъ столбняка. Онъ шевельнулся, поднялъ голову, тяжело вздохнулъ и сказалъ спокойнымъ, почти веселымъ тономъ, въ которомъ не было и слѣда недавней дикой жестокости:—Погоди, увидишь комедію.

— Какую?—тихо спросилъ Стебельскій.

— Ужъ увидишь.

Онъ всталъ, перешагнулъ черезъ трупъ, подошелъ къ дверямъ и обѣими руками, точно молотками, загрохоталъ по дверямъ, что есть силы. Этотъ грохотъ, внезапный и громкій, заглушилъ шумъ вьюги на дворѣ. Всѣ арестанты вскочили на ноги.

— Что тутъ такое? Что тутъ такое? спрашивали они всѣ, встревоженные.

— Гдѣ вы? гдѣ? Гдѣ господинъ Темера?—спрашивалъ Мытро, не чувствуя возлѣ себя Андрея.

Но Бовдуръ не слышалъ этого шума, а стоялъ возлѣ дверей и что есть мочи колотилъ кулаками.

— Да ты съ ума сошелъ, что-ли?—кричалъ Панько.—Чего стучишь? Что такое?

— Это комедія какая-то,—отвѣтилъ Стебельскій, — только неизвѣстно какая.

Изъ караульни донесся крикъ, проклятія. Это проснулся солдатъ, схватилъ фонарь и какъ былъ, въ рубашкѣ и штанахъ, побѣжалъ къ дверямъ.

— Что за черти здѣсь стучатъ?—кричалъ онъ.—Стучало-бы тебѣ по кишкамъ! Чего хочешь?

— Отвори!—крикнулъ Бовдуръ, не переставая стучать.

— Да не стихнешь ты, скотина проклятая! Смотри, отворю, такъ достанется тебѣ!

— Отвори! Слышишь?—не переставалъ кричать Бовдуръ и такъ стукнулъ кулакомъ по забитому окошечку, что оно полетѣло къ противоположной стѣнѣ.

— Ахъ ты, мерзавецъ этакій!—злился солдатъ; и поставивъ фонарь на полъ, со злобой сталъ онъ отпирать колодку, такъ какъ Бовдуръ все не переставалъ стучать. Но какъ только солдатъ немного пріотворилъ двери и наклонился, чтобы поискать фонарь, Бовдуръ растворилъ ихъ совсѣмъ и стиснутымъ кулакомъ, что есть силы, ударилъ солдата межъ глазами: тотъ перекувырнулся, упалъ безъ памяти на полъ, а фонарь изъ его рукъ выпалъ, разбился и погасъ.

— Я тебѣ, собака, говорилъ—отвори! А ты не торопишься! Ну, вотъ тебѣ!—приговаривалъ Бовдуръ, держа дверь настежь.

— Караулъ! Спасите! Разбой! Караулъ!—заревѣлъ солдатъ.

Прибѣжали полицейскіе съ фонарями.

— Ахъ ты, проклятый Бовдуръ, что ты тутъ дѣлаешь? — вскричали они, бросаясь къ нему.

— Мачку свѣчу *) этому свинтусу!—отвѣтилъ Бовдуръ спокойно.—Пусть возится немного скорѣе!

Полицейскіе, точно звѣри, бросились на Бовдура, но тотъ однимъ прыжкомъ спрятался отъ нихъ въ камеру. Толпа съ фонарями за нимъ. Но какъ только давно невиданный свѣтъ упалъ желтымъ пятномъ на середину камеры, полицейскіе остано-

*) На воровскомъ жаргонѣ—оплеуху даю.

вились, точно вкопанные, и невольно вскрикнули. Посреди камеры, истекая кровью, лежалъ трупъ Андрея, а возлѣ него, наклонившись, стоялъ на колѣняхъ Бовдуръ и мочилъ свои руки въ его крови.

— Господи, что тутъ такое?—вырвалось у всѣхъ изъ груди.

— Это я, это я сдѣлалъ,—говорилъ сквозь зубы Бовдуръ.— Не вѣрите? Вотъ ножъ, смотрите, его собственный!...

— И за что ты, разбойникъ, убилъ его?—спросилъ Панько. Но Бовдуръ не отвѣчалъ на этотъ вопросъ, точно не слышалъ или не понималъ его. Онъ стоялъ надъ трупомъ и всматривался въ его блѣдное и послѣ смерти прекрасное еще лицо. И удивительная перемѣна дѣлалась съ Бовдуромъ. Его собственныя черты, казалось, смягчались, успокоивались... Изъ глазъ исчезъ блескъ свѣтящейся гнили... Мрачныя, сердитыя складки на лицѣ выравнивались... Казалось, будто человѣческій духъ сызнова вступаетъ въ это тѣло, которое до сихъ поръ было обителью какого-то бѣса, какой-то дикой, звѣриной души. И вдругъ слезы градомъ покатились изъ глазъ Бовдура... Онъ припалъ лицомъ къ кровавому лицу Андрея и тяжело-зарыдалъ.

— Братецъ мой! Что я съ тобою сдѣлалъ! За что я тебя жизни лишилъ? Святая, ясная душенька, прости меня, звѣря! Что я сдѣлалъ, что я сдѣлалъ! Господи, что я сдѣлалъ!..

Съ минуту еще стояли арестанты и полицейскіе, словно заколдованные, надъ этой потрясающей картиной и слушали причитанія Бовдура. Но тотчасъ немного спохватились.

— Собирайся!—обратились они къ нему.—Тебѣ ужъ тутъ не мѣсто. Пора перейти на новую квартиру. Теперь не время плакать!

Бовдуръ поднялъ глаза и сердито, болѣзненно взглянулъ на нихъ.

— Проклятье на васъ, палачи!—сказалъ онъ.—Смотрите!— и онъ приложилъ руку къ зіяющей ранѣ Андрея, дѣля ее ладонью поперекъ на двѣ половины,—смотрите, вотъ это моя половина, а вотъ это ваша! Это моя, а это ваша! Не бойтесь, здѣсь я заплачу за обѣ, но тамъ есть еще Богъ, справедливый, онъ сумѣетъ распознать, какая моя половина, какая ваша!..

Брякнули желѣзные кандалы и Бовдуръ, не сопротивляясь,

далъ себя заковать въ нихъ. А тѣмъ временемъ арестанты крестились и произносили надъ трупомъ молитвы, только Мытро плакалъ въ уголку. Стебельскій сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, молчалъ-молчалъ, а потомъ, точно не своимъ голосомъ, произнесъ:

— Quidnam domine? Diem supremum obiisti? *)

Не слыша на этотъ вопросъ отвѣта, онъ обернулся къ Бовдуру и, показывая на него рукою, сказалъ:

— Pereat homo, crescat humanitas! **)

Но не будучи въ состояніи прослѣдить на лицахъ окружающихъ ни похвалы, ни упрека своей мудрости, онъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ и легъ спать.

Коломыя, 17—20 юня 1870.

*) Что господинъ? Умеръ?
**) Пусть погибнетъ человѣкъ, но пусть растетъ человѣчество.

САМЪ ВИНОВАТЪ.

САМЪ ВИНОВАТЪ.

САМЪ ВИНОВАТЪ.

I.

„Выставленная на публичную продажу земля за нумеромъ 29, собственность Мыколы Проця, стоимостью въ сто пятьдесятъ гульденовъ, вмѣстѣ со всѣми хозяйственными постройками (ихъ было всего одна хата и хлѣвчикъ для одной коровы, все вмѣстѣ подъ одной крышей изъ давно прогнившихъ досокъ) для удовлетворенія иска Мордки Шиндера въ суммѣ сорока гульденовъ. Кто дастъ больше?“

Всю эту длинную хрію прокричалъ хриплымъ голосомъ судебный приставъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ обязанности аукціонера. Послѣ этихъ словъ онъ постучалъ нѣсколько разъ молоткомъ по доскѣ, поставленной на бревнѣ, которое замѣняло собою столъ.

— Кто дастъ больше?—повторилъ онъ.—Сорокъ гульденовъ!

Кругомъ стояло нѣсколько крестьянъ въ жалкихъ свиткахъ и соломенныхъ шляпахъ, а также два-три грязныхъ еврея съ пейсами. Они разговаривали между собою, оглядываясь по двору, на которомъ происходила вся эта сцена, но на вопросъ судебнаго пристава никто не отвѣчалъ.

А въ сторонѣ, около разобраннаго забора сидѣлъ на бревнѣ самъ Мыкола Проць, высокаго роста, лѣтъ тридцатипяти, худой, какъ скелетъ, съ лицомъ, изможденнымъ отъ нужды и болѣзни. На колѣняхъ у него сидѣлъ пяти-лѣтній мальчикъ, прижимаясь

къ отцу и съ испугомъ посматривая на чужихъ людей передъ хатою. Рядомъ съ нимъ стояла его жена съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ, и запаскою *) обтирала слезы.

— Кто больше?—кричалъ приставъ, оглядываясь кругомъ. При этихъ словахъ къ нему подошелъ еврей — самъ Мордко Шиндеръ, и, прикоснувшись лѣвой рукой къ ярмолкѣ на своей головѣ, сказалъ:

— Нѣтъ, зачѣмъ, извините, давать больше? я дамъ сорокъ.

— Мордко Шиндеръ даетъ сорокъ; кто больше?.. Разъ!— спрашивалъ приставъ.

Никто не отзывался.

— Два!..

Всѣ молчали, только слышно было, какъ глухо плакала Процыха.

— Три!

Громкіе удары молотка по доскѣ были отвѣтомъ на этотъ возгласъ. Мордко Шиндеръ за свои сорокъ гульденовъ сталъ собственникомъ земли и хозяйства, оцѣненныхъ въ сто пятьдесятъ гульденовъ, а на самомъ дѣлѣ стоящихъ не менѣе двухсотъ гульденовъ золотомъ.

— Ну, ты, глупый мужикъ,—обернулся Шиндеръ къ Мыколѣ.—Не говорилъ я тебѣ: соглашайся, отдай мнѣ половину своей земли? А теперь, видишь, она вся моя!

— Богъ тебя за нашу обиду накажетъ, пьявка ты крестьянская!— крикнула Процыха, заливаясь слезами.

— За что меня Богъ накажетъ? Что, развѣ я не по правдѣ поступилъ? Пусть тебя самое Богъ накажетъ, паскудница. Сейчасъ убирайся съ моего двора!

Процыха быстро отерла слезы и хотѣла еще что-то сказать Мордкѣ, но Проць махнулъ на нее рукой и сказалъ глухимъ, надорваннымъ голосомъ:

— Оставь его въ покоѣ! Что ужъ теперь разговаривать? Ничего не подѣлаешь! Богъ насъ покаралъ, такова Его воля... Пусть будетъ такъ! Идемъ!

Онъ всталъ, взялъ мальчика за руку и пошелъ; за нимъ, обли-

*) Родъ юбки.

ваясь слезами, пошла и его жена съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ.

— Вотъ, кумъ, еще одного хозяина не стало въ громадѣ,— говорили между собою мужики на скотномъ дворѣ.

— Эхъ, видно, Господь попустилъ!

— Толкуйте—„Господь попустилъ“—сказалъ одинъ крестьянинъ, одѣтый немного лучше другихъ.—Народъ самъ виноватъ, вотъ и все!

— Эхъ, кумъ, кумъ,—отвѣтилъ первый,—не говорите такъ. Хорошо, что вамъ Господь помогаетъ, и вы не знаете горя. А бѣдный пусть будетъ самый, что ни на есть, порядочный,— все-же на двухъ одной рубашки не надѣнешь.

— Тэ-тэ-тэ,—отвѣтилъ тотъ, что побогаче,—пустая болтовня. Работать нужно больше, стараться больше!

— Ой, кумъ, развѣ бѣдный человѣкъ не работаетъ такъ, что и глаза на лобъ не разъ ему вылазятъ?.. Да что толку. Вотъ теперь мы здѣсь стоимъ, а развѣ мы знаемъ, что съ кѣмъ-нибудь изъ насъ не случится то-же, что сегодня съ Мыколой?

— Пустяки—отвѣтилъ богатый.—Не безпокойтесь, съ хорошимъ, исправнымъ человѣкомъ никогда ничего подобнаго не случится,—Такія вещи происходятъ только съ такими негодными людьми, какъ Миколка! Говорите, что хотите, а я все-таки скажу, что онъ самъ виноватъ!..

II.

Свѣтъ широкъ, а куда въ немъ дѣваться бѣдняку безпріютному?

Мыкола Проць, точно тѣнь, шелъ по селу. Жена шла за нимъ, рыдая и причитывая, какъ на похоронахъ. Былъ душный лѣтній день. Люди работали въ полѣ, и на селѣ никого не было видно. Спустя нѣкоторое время, женщина ускорила шагъ и поровнялась съ мужемъ.

— Мыкола, куда ты идешь?

— Къ Свичѣ,—отвѣтилъ тотъ мрачно.

— Боже мой, что ты говоришь?

— Ну, а куда-же теперь итти? Другого выхода нѣтъ...

— Пусть насъ Богъ сохранитъ отъ этого, Мыкола!.. Не говори такъ!.. Смотри, вотъ тутъ живетъ моя тетка, идемъ къ ней, лѣто поработаемъ, а зимой какъ-нибудь перебьемся.

— А потомъ?

— Потомъ... потомъ опять будемъ работать и, авось, какъ-нибудь проживемъ между добрыми людьми.

— Добрыми?.. Ну, ну, стоитъ между ними жить! Нѣтъ ужъ, ничего изъ этого не будетъ.

И Мыкола пошелъ дальше. Жена схватила его за руку...

— Побойся Бога, что ты хочешь сдѣлать? Вѣдь это грѣхъ большой! А меня на кого ты оставишь?.. А дѣти?..

— А если останусь, чѣмъ я тебѣ и дѣтямъ помогу? Глупая, пусти меня!

Но она не пускала, и все тащила его ко-двору тетки.

— Знаешь что,—сказалъ, наконецъ, Мыкола,—если хочешь, то иди къ теткѣ...

— А ты?

— Я не пойду,

— Почему?

— Я и одной минуты не могу прожить въ этомъ проклятомъ селѣ! Если ты меня силой удержишь, я повѣшусь. Лучше пусти.

— Но куда-же ты пойдешь?

— Пойду на заработки въ Людвиковку на лѣсопильню.

— На лѣсопильню? Господи Боже, вѣдь ты слабъ, какъ комаръ! Что ты тамъ сможешь дѣлать?

— Не бойся, что-нибудь ужъ достану. А тамъ теперь нужны работники, примутъ.

— А когда-же ты вернешься?

— Какъ только заработаю столько, чтобы выкупить свое добро у этого проклятаго еврея. Раньше не вернусь.

Она вытаращила на него удивленные глаза и тревожно посмотрѣла на него.

— Мыкола, что ты говоришь?..

— То, что слышишь.

— Но, вѣдь, это...

Она не могла окончить, въ горлѣ у нея что-то камнемъ залегло.

— Что будетъ, то будетъ. Или заработаю, или пропаду,— что мнѣ въ такой жизни! Прощай!

Онъ поцѣловалъ жену и дѣтей и медленнымъ, нетвердымъ шагомъ пошелъ дальше. Она, плача, смотрѣла ему вслѣдъ, пока онъ не исчезъ на поворотѣ за холмомъ.

III.

Прошелъ годъ съ того времени. Снова настало лѣто. Съ погожаго неба солнце сыплетъ свои горячіе лучи на высокія горы, на зеленыя болота, на заводскія постройки Людвиковской паровой лѣсопильни. Свича бурлитъ и разбивается о круглые камни; на горахъ виднѣются сосновые лѣса, объятые прозрачной синеватой мглой. Среди котловины возвышается заводъ, со всѣхъ сторонъ окруженный высоко сложенными рядами толстыхъ бревенъ, точно громадной сѣрой каменной стѣной. Изъ красной трубы идетъ дымъ, раздается пронзительный свистъ; внутри завода слышенъ бѣшенный шумъ, писк, скрипъ и лязгъ паровой машины, смѣшавшійся съ оглушающимъ шумомъ воды и крикомъ рабочихъ. А вдали на вершинахъ горъ тамъ и сямъ слышенъ стукъ топоровъ и грохотъ падающихъ громадныхъ сосенъ.

— Ура!—кричатъ дровосѣки при каждомъ паденіи лѣсного колосса, а потомъ опять начинается стукъ, у великана обрубаютъ вѣтви и по утоптанной дорогѣ спускаютъ по горѣ внизъ на рѣку, которая донесетъ его прямо къ машинѣ. День за днемъ со всѣхъ вершинъ раздается кругомъ этотъ стукъ и крикъ, день за днемъ сотни лѣсныхъ великановъ съ трескомъ спускаются по голымъ, обрывистымъ скатамъ горъ въ долину, чтобы тамъ, на водѣ ждать, пока придетъ ихъ очередь лечь подъ неумолимые желѣзные зубья паровыхъ пилъ. И день за днемъ четырнадцать сложныхъ пилъ грызутъ кости лѣсныхъ великановъ, точно четырнадцать неустанныхъ червяковъ.

Вотъ уже годъ, какъ среди дровосѣковъ работаетъ и Мыкола. Онъ сталъ еще болѣе изможденнымъ и худымъ, но сегодня онъ рубитъ съ какой-то особой энергіей, точно эта сосна—его смертельный врагъ.

— А вѣдь, сегодня послѣдній разъ, Господи, вѣдь послѣдній разъ.—думаетъ онъ, высоко замахиваясь топоромъ.

Онъ сегодня счастливъ. Въ поясѣ у него, въ безопасномъ мѣстѣ лежатъ, завернутые въ тряпку, пятьдесятъ гульденовъ, заработанныхъ въ теченіе года. Сорокъ, считаетъ Мыкола, будетъ еврею, а десять на начало для хозяйства. Сегодня вечеромъ кончится его работа, а завтра онъ отправится домой.

Дѣйствительно на другой день, ни свѣтъ, ни заря, а Мыкола Проць шагалъ ужъ далеко отъ Людвиковки. Онъ шелъ быстро, задыхаясь даже. Мысли его устремлялись въ будущее, не желая хотя-бы только на мгновенье оглянуться на прошлое, гдѣ не было ничего, кромѣ горя и горя.

— Прежде всего пойду къ еврею,—думалъ бѣдный крестьянинъ,—выкуплю поле и хату, а тогда уже къ женѣ... Пойдемъ, скажу, настало время снова стать на ноги!..

Эта мысль придавала силу его слабымъ ногамъ. Солнце стояло ужъ на закатѣ, когда онъ добрался къ своему селу. Сердце его забилось сильнѣе, когда онъ издали увидалъ свою полуразваленную хату и большую корчму на краю села. Напрягая послѣднія силы, онъ поспѣшилъ къ корчмѣ.

— Добрый вечеръ, Мордко!—крикнулъ онъ, входя въ корчму.

— Добраго здоровья! А, это вы, Мыкола?—сказалъ Мордко.—Гдѣ это вы были, что васъ такъ долго не было видно?

— Былъ на работѣ,—сказалъ Мыкола. — Слушай, Мордко, я тебѣ кое-что долженъ сказать.

— Ну, что такое?

Мыкола досталъ изъ-за пояса тряпицу, развязалъ ее и положилъ передъ евреемъ четыре десятка.

— На, видишь! Отдай мнѣ землю и хату.

— Что, что, что? — вскрикнулъ еврей и отступилъ. — Ты хочешь за сорокъ гульденовъ купить землю и хату? Ха, ха, ха!

— Не купить, а свое взять назадъ.

— Взять назадъ? О, а какъ же это—взять назадъ.

— Я отдаю тебѣ-то, что долженъ, а ты мнѣ отдай землю и хату.

— Овва! Ты, вижу, Мыкола, сталъ черезчуръ уменъ! У насъ съ тобой дѣло не сладится! Мнѣ за эту землю даютъ

триста гульденовъ. Я хочу четыреста, а тебѣ отдамъ за двѣсти пятьдесятъ. Понимаешь?..

Мыкола остолбенѣлъ отъ этихъ словъ. Еврей, видимо, испугался, потому что шмыгнулъ въ другую комнату и заперъ за собою двери. Въ корчмѣ было нѣсколько знакомыхъ крестьянъ. Они обступили Мыколу, стали съ нимъ здороваться и утѣшать его, а онъ все стоялъ, какъ столбъ, не сводя глазъ съ того мѣста, гдѣ минуту назадъ стоялъ еврей. Долго-долго простоялъ такъ бѣдный крестьянинъ, а потомъ заговорилъ къ окружающимъ.

— Люди дорбые, развѣ-жъ это можно?—спросилъ онъ глухимъ, дрожащимъ голосомъ.

— Что-же, куманекъ, подѣлаешь съ евреемъ, когда все въ его рукахъ?—сказалъ одинъ.

— И нѣтъ у меня на это никакого права?

— Нѣтъ.

— Ба!—сказалъ Мыкола и замолкъ, только крупныя, жгучія слезы покатились по его блѣдному, измученному, запыленному лицу.

— Люди добрые,—сказалъ онъ минуту спустя,—возьмите, прошу васъ, эти деньги и отдайте ихъ моей женѣ. Мнѣ они не нужны. Поклонитесь ей отъ меня и скажите, что скоро вернусь. А о томъ, что здѣсь съ евреемъ было—ни слова! Слышите, ни слова!

— Хорошо, куманекъ, хорошо.

— А теперь, прощайте!

Онъ надвинулъ шапку на голову и пошелъ. Заходящее солнце горѣло кроваво-золотымъ пламенемъ. Кровавой полосой сверкала Свича, извиваясь среди лозъ по темнозеленой равнинѣ. Шумѣла вода по камнямъ, чирикали воробьи въ лозахъ, а въ сердцѣ бѣднаго Мыколы бушевало горе.

IV.

Въ то-же время, какъ все это происходило, въ Людвиковкѣ случилось происшествіе. Въ одной корчмѣ возлѣ долины, стоящей одиноко среди поля, ночью вырѣзали всю семью арендатора. Одинъ только мальчикъ чудомъ спасся на печкѣ и потомъ разсказалъ объ убійствѣ. Людей, которые это сдѣлали, онъ не зналъ

и даже не понималъ ихъ языка. Подозрѣніе пало на двухъ итальянцевъ, работавшихъ въ Людвиковкѣ. Ихъ и арестовали. Итальянцы эти работали „при спускѣ“. Это была очень опасная работа. Одна изъ поросшихъ лѣсомъ вершинъ лежала далеко отъ рѣки; съ этой вершины нельзя было спускать срубленныя деревья, такъ-какъ кругомъ были совершенно неприступныя, заброшенныя громадными камнями дебри. А деревья на вершинѣ были какъ разъ одни изъ лучшихъ и рослыхъ. Директоръ лѣсопильни думалъ, думалъ, какимъ-бы образомъ добраться къ нимъ, и, наконецъ, придумалъ способъ. На половинѣ высоты этой горы, изъ подъ скалы вытекалъ небольшой ручеекъ, который маленькимъ потокомъ падалъ въ долину и клокоча терялся межъ скалами, чтобы ужъ подъ горой успокоиться и тихо впасть въ Свичу. Отъ этого ручья директоръ велѣлъ построить спускъ прямо къ фабрикѣ. Спускъ этотъ былъ просто небольшой водопроводъ, сложенный изъ толстыхъ деревянныхъ брусьевъ въ видѣ продолговатаго корыта. Какъ струна вытянулся онъ отъ фабрики надъ страшной, наполненной камнями, поросшей кое-гдѣ ежевикой и дикимъ бурьяномъ пропастью вплоть до самой середины противоположной горы. Со дна пропасти водопроводъ казался толстой веревкой, а устои, служащіе ему опорой, казались длинными жердочками, которые вотъ-вотъ пошатнутся и упадутъ. По этому деревянному корыту текла изъ ручья вода, съ помощью которой легче было спускать деревья съ горы къ лѣсопильнѣ. Однако, силы одной воды не достаточно было, чтобы гнать эти громадныя бревна, хотя для того, чтобы они легче скользили, у нихъ обдирали кожу. Двое рабочихъ должны были все время подталкивать эти деревья внизъ. Это дѣлалось такимъ образомъ. Крѣпко всадивъ топоръ въ одинъ конецъ бревна, рабочій ухватывался обѣими руками за топорище и, ступая по краю бруса, всѣмъ тѣломъ свѣсившись надъ страшной пропастью, волочилъ за собою по скользкому дну бревно. Не быстро дѣлалось все это да и работа была опасная, ибо стоило только топору вырваться изъ бревна, или рукамъ работника соскользнуть съ топорища и его ждала неизбѣжная смерть на днѣ страшной пропасти. Поэтому-то мѣстные рабочіе ни за что не хотѣли идти на эту работу, хотя директоръ давалъ за нее по два гульдена въ день. Только упомянутые два итальянца

янца согласились на это, и дѣйствительно, вотъ уже три мѣсяца счастливо съ этимъ справлялись. Другіе рабочіе боялись даже взглянуть на нихъ, когда они, изогнувшись, волочили бревна надъ пропастью. Правда, что при корытѣ были положены на сваяхъ доски, чтобы удобнѣе было ходить, но если-бы топоръ вырвался изъ дерева, доска все-же не спасла-бы рабочаго.

Когда Мыкола вернулся обратно въ Людвиковку, мѣсто двухъ арестованныхъ итальянцевъ было свободно.

— Господинъ директоръ,—сказалъ Мыкола, входя въ заводскую контору,—вотъ я опять у васъ и прошу работы.

— Работы?—проворчалъ директоръ. — Гмъ, хорошо. Вотъ здѣсь при спускѣ есть работа, хочешь?

— При спускѣ?—растерянно спросилъ Мыкола.

— Я тебѣ хорошо заплачу, два гульдена за день. Хочешь?

Мыкола задумался. Холодомъ повѣяло на него отъ этой мысли, но выхода не было. Да, впрочемъ, для чего ему теперь было беречься?..

— Хорошо, господинъ директоръ!—сказалъ онъ,—пойду на спускъ, пусть будетъ, что Господь дастъ!

— Что, пойдешь?—сказалъ директоръ и удивленно посмотрѣлъ на него. Онъ теперь какъ-будто самъ испугался смѣлости Мыколы.

— А, пойду!—твердо сказалъ Мыкола.

На другой день утромъ возлѣ спуска собралась цѣлая толпа рабочихъ и заводскихъ надзирателей. Хотѣли посмотрѣть, какъ справится Мыкола со своей головоломною работой. Мыкола былъ уже въ лѣсу. Оттуда слышны были крики рабочихъ, стукъ топора и трескъ падающихъ деревьевъ. Вотъ въ корыто ввалили громадное бревно. Бѣлое, очищенное отъ коры смолистое дерево сверкаетъ на солнцѣ. Вотъ и Мыкола. Онъ перекрестился, схватилъ обѣими руками большой топоръ съ длиннымъ, крѣпкимъ топорищемъ и, замахнувшись имъ, что есть силы всадилъ въ толстый конецъ бревна.

— Ну, съ Богомъ!.. Двигай!..

Мыкола схватилъ топорище, наклонился, перевѣсился надъ пропастью и при помощи другихъ рабочихъ тронулъ съ мѣста бревно.

— Потише, потише!—кричали изъ долины.

Бревно довольно легко двинулось по спуску. Мыкола шагъ за шагомъ осторожно шелъ по доскѣ. Вотъ онъ приблизился къ самому страшному мѣсту. Боязливые отворачивали глаза, не будучи

въ состояніи слѣдить за человѣкомъ, который, словно по ниткѣ, шелъ между жизнью и смертью.

— Боже, помилуй его!—шептали рабочіе.

— Интересно, пройдетъ-ли онъ?—шепталъ директоръ.

А Мыкола шелъ. Глазами онъ впился въ бревно и въ сверкающій топоръ, который, точно большой зубъ какого-то хищнаго звѣря, вцѣпился въ бѣлое блестящее бревно. Кромѣ топора и бревна, Мыкола ничего не видѣлъ, не слышалъ. Не чувствовалъ даже страха. Ему казалось только, что онъ глазами держится за бревно, и отверни онъ на минуту глаза—тутъ ему и смерть.

Но что это такое?.. Рука дрожитъ? Или топоръ сталъ выдергиваться изъ дерева? Сердце сжалось у Мыколы. Онъ почувствовалъ, что топоръ слабо вбитъ и вотъ-вотъ выскочитъ. Онъ хотѣлъ остановиться и поправить его, но что-то какъ-будто влекло его дальше. Онъ посмотрѣлъ внизъ, въ пропасть, и въ эту минуту голова его закружилась, въ глазахъ потемнѣло и одно только слово вырвалось изъ его устъ:

— Боже!..

Крикъ ужаса вырвался въ эту самую минуту изъ груди тѣхъ, которые наблюдали за этимъ на другой сторонѣ. Мыкола мелькнулъ—и полетѣлъ внизъ головой въ пропасть. На первомъ-же остромъ выступѣ голова его, точно разбитый арбузъ, разлетѣлась въ куски.

— Боже!—вскрикнули рабочіе при видѣ этого и побѣжали въ долину, хотя знали, что для бѣднаго Мыколы нѣтъ ужъ спасенія.

Его похоронили за Свичею у стѣнъ высокой горы, на зеленой, поросшей мхомъ и полевыми цвѣтами полянѣ. Съ двухъ сторонъ она окружена рѣкой, но подымается надъ нею на столько высоко, что вода никогда ее не заливаетъ. Свича брызжетъ и реветъ, словно въ безсильной ярости на свою жертву. Кругомъ высокія горы задумчиво смотрятъ и на маленькую зеленую могилку, и на огромный заводъ съ красной трубой. Въ орѣшникѣ кукуетъ кукушка, точно спрашиваетъ: „Кто тутъ? Кто тутъ?“ А чижикъ въ высокой травѣ протяжно отвѣчаетъ: „Несчастный! Несчастный!“ Только сердитая, пестрая сойка на одинокой соснѣ дразнитъ: „Самъ виноватъ! Хге! Хге!..“

Львовъ, 20 ноября 1880 г.

Слымакъ.

Слымакъ.

I.

Давно, лѣтъ около двадцати тому назадъ, въ лѣтній день на дорогѣ, ведущей изъ Дрогобыча въ Бориславъ, сошлись два молодыхъ человѣка. Не знаю, можно-ли было гдѣ-нибудь найти двухъ парней, почти однихъ лѣтъ, которые были-бы такъ непохожи другъ на друга, какъ характеромъ, такъ и своей наружностью. Одинъ, высокій, сильный и красивый, ходилъ прямо и легко, часто улыбался и затягивалъ веселыя пѣсни; его убогая, но чистая одежда и столярные инструменты въ мѣшкѣ за спиною, говорили сразу, что это столяръ, идущій искать работы въ Бориславъ, который съ недавняго времени началъ оживляться и привлекать къ себѣ все больше и больше рабочаго и вообще промышленнаго люда. Другой путникъ былъ маленькій, сгорбленный, оборванный еврейчикъ, съ почти старческимъ, безъ выраженія лицомъ, неразговорчивый и какъ-будто печальный. Его тощія ноги едва поспѣвали за здоровымъ столяромъ, а маленькіе, впавшіе глазенки безпокойно бѣгали во впадинахъ, точно испугались чего-то и хотѣли куда-нибудь спрятаться. Онъ такъ-же шелъ въ Бориславъ искать счастья, однако, не несъ съ собою никакихъ инструментовъ, никакихъ орудій труда.

— А какъ-же ты, Юдка, думаешь жить въ Бориславѣ? — спрашиваетъ столяръ.

— Какъ Богъ дастъ,—боязливо отвѣчалъ сгорбившійся Юдка.

— Да это такъ, все въ Божьихъ рукахъ,—отвѣчаетъ столяръ,—однако, у насъ говорятъ: „На Бога надѣйся, а самъ не плошай“.

— У насъ такъ не говорятъ,—коротко отвѣтилъ Юдка.

— А какъ-же у васъ говорятъ? Хотѣлъ-бы я знать!

— У насъ говорятъ: кто на Бога надѣется, того Богъ не оставитъ.

— Ха, ха, ха!—захохоталъ столяръ и махнулъ своими сильными руками.—Пускай-бы я попробовалъ не работать мѣсяцъ,—сошелъ-бы Богъ съ неба накормить меня?

— Не говори такъ, Слымакъ, не гнѣви Бога!

— Я Бога гнѣвить не хочу, но Богъ, конечно, недаромъ раздаетъ людямъ свою помощь!

И онъ сталъ размахивать сильными руками, какъ-будто собирался разбивать ими скалы.

— Если Богъ захочетъ, то и твои руки не помогутъ, Слымакъ!

— Развѣ что отнимутся, ну тогда я и самъ не хочу жить!

— И здоровы будутъ и не помогутъ!

— О, этого не будетъ!

— Посмотримъ!

— Ну, ну, посмотримъ!

Во время этого разговора оба товарища шли полемъ по безлюдной дорогѣ. До Борислава оставалось еще около полумили. Солнце стояло какъ разъ въ зенитѣ и жарило немилосердно. Слымаку давно уже хотѣлось пить, а Юдка время отъ времени жалобно посматривалъ на узелокъ, висящій у Слымака за плечами, изъ котораго къ нему доносился запахъ хлѣба и творогу. Самъ онъ не имѣлъ съ собой ни кусочка хлѣба, ни одного крейцера.

Слымакъ, наконецъ, свернулъ съ прямой дороги въ сторону, подъ круто спускающійся холмъ. Юдка остановился на поворотѣ.

— А ты, Слымакъ, куда?

— Къ колодцу, хочу воды напиться.

— А, можетъ, и отдохнуть немного?

— Ну, конечно! Солнце точно огнемъ палитъ, а въ Бориславъ и такъ придемъ во-время.

— Пусть будетъ такъ.

Сѣли у ручейка. Слымакъ напился воды, вынулъ изъ узелка хлѣбъ и творогъ, и, видя, что у Юдки ничего нѣтъ съ собой, пригласилъ и его.

— Можетъ быть, тебѣ нельзя, трафное?

— Э,—сказалъ Юдка,—нашъ законъ въ крайней нуждѣ позволяетъ ѣсть и трафное.

— А такъ, безъ нужды, не позволяетъ?

— Нѣтъ, не позволяетъ.

— Ну, у васъ хорошій законъ, если его можно, смотря по надобности, растянуть такъ, какъ сапожникъ растягиваетъ кожу.

— Не говори такъ, Слымакъ, грѣхъ такъ говорить. Нашъ законъ такъ-же отъ Бога, какъ и вашъ,—сказалъ какъ-то боязливо Юдка.

Пообѣдали – и пошли дальше. Вотъ ужъ и Бориславъ. Хотя путники до сихъ поръ шли все по сухой землѣ, хотя дождя не было почти что съ недѣлю, однако, въ Бориславѣ на всѣхъ улицахъ была глубокая и топкая грязь, кругомъ сновали евреи, парни, возы и тачки. Шумъ, пѣсни, крики, пьяныя проклятья, не прекращались ни на минуту.

— Куда-же ты теперь, Юдка?

— Пойду искать гдѣ-нибудь мѣста. А ты куда?

— Я здѣсь уговорился при постройкѣ дома, вотъ того,—видишь? Я долженъ тамъ сдѣлать двери, рамы и всю столярную работу. Ну, будь здоровъ!

— Будь здоровъ, Слымакъ! А знаешь что? Если тебѣ когда-нибудь понадобится что-нибудь, а я смогу,—знаешь, я не такой еврей,—приходи ко мнѣ! Я тебя не забуду!

— Я къ тебѣ? Ха, ха, ха?—захохоталъ Слымакъ.—А какъ-же ты мнѣ поможешь, когда ты самъ голъ!

— Кто знаетъ, Слымакъ, кто знаетъ, что кому Богъ назначилъ. Еще разъ говорю, приходи,—Юдка тебя не забудетъ.

И они разошлись.

II.

Прошло десять лѣтъ. На главной бориславской улицѣ только что открылся новый шинокъ. Шинокъ стоялъ на углу двухъ улицъ на очень хорошемъ мѣстѣ, хотя почти на аршинъ ниже уровня улицы, такъ что, чтобы подойти къ дверямъ, нужно было спуститься по ступенькамъ внизъ. Рабочіе день и ночь наполняли громадную, грязную и сырую комнату; пѣсни, крики и ссоры, не утихали тамъ ни на минуту, и сквозь вѣчно раскрытыя окна глухимъ шумомъ разносились оттуда по Бориславу. Надъ дверями шинка была прибита доска, выкрашенная чернымъ, а на ней огненно-красными буквами было написано: „Bier-und Branntwein-Ausschank des Judas Maultrommer“. Въ шинкѣ между пьяными рабочими вертѣлся, какъ пискарь, сгорбившійся, хотя и не очень-то мизерный еврей. Это былъ Юдка. За прилавкомъ стояла противная, но богато одѣтая еврейка, обыкновенно съ однимъ или двумя дѣтьми на рукахъ; это была его жена.

Вечеръ. Рабочіе толпою высыпали съ работы и разсѣялись въ разныя стороны, а большею частью по шинкамъ. У Юдки полно, точно набито. Но кто этотъ печальный, изможденный человѣкъ, который съ опущенною головою протискивается сквозь толпу къ прилавку? Блѣдное, изможденное лицо свидѣтельствуетъ о недавно перенесенной болѣзни. Въ рукахъ у него двѣ клюки, которыми онъ поддерживаетъ себя, безпомощно волоча больныя, исхудалыя ноги. Вотъ онъ съ большимъ трудомъ добрался до прилавка, остановился и началъ осматриваться.

— Кого вамъ нужно?—спросила еврейка.

— Юдку.

— Юдку? А на что вамъ Юдка? Хотите водки, такъ я вамъ дамъ и сама. А въ долгъ и Юдка не дастъ.

— Нѣтъ, я не хочу водки, я-бы хотѣлъ поговорить съ Юдкой.

— Поговорить?—спросила протяжно еврейка и съ презрѣніемъ смѣрила глазами этого жалкаго, оборваннаго проходимца.— Что вамъ нужно ему сказать?—Скажите мнѣ, я ему скажу.

— Нѣтъ, я-бы хотѣлъ ему самому. А вотъ и онъ!—И

проходимецъ обернулся къ Юдкѣ, который въ это время подходилъ къ прилавку со стаканами и рюмками въ рукахъ.

— Der Goj will schmissen mit dir *)—сказала еврейка Юдкѣ. Тотъ обернулся и нѣкоторое время смотрѣлъ на оборванца, очевидно, не узнавая его.

— Вы хотѣли со мной поговорить? Ну говорите, что вамъ нужно?

— Вы не узнаете меня, Юдка?

— Нѣтъ, не могу узнать,—сказалъ Юдка, еще разъ взглянувъ на него.

— Правда, давненько это происходило, когда мы оба, еще молодые, шли въ Бориславъ, помните?

— А, Слымакъ! О, какой я забывчивый! Какъ-же не помнить! Ну, что слышно, Слымакъ?

— Плохо, Юдка. Вокругъ меня горе.

— Вокругъ меня хорошо,—слава Богу,—отвѣтилъ Юдка.

— Вижу, вижу,—печально отвѣтилъ Слымакъ, покачивая головой.

— Знаете что, Слымакъ, у меня теперь нѣтъ времени разговаривать съ вами. Сядьте здѣсь на лавкѣ,... Malky, gib ejm a güt Bromfen, ün an Umbassen, haöorst du mech? **) А потомъ, какъ будетъ свободнѣе, то поболтаемъ. Хорошо?

— Да хорошо, сказалъ Слымакъ и сѣлъ въ углу возлѣ прилавка.

Было уже далеко за полночь, когда въ шинкѣ порѣдѣло и притихло, и Юдка сталъ немного болѣе свободенъ. Онъ разбудилъ Слымака, который въ это время среди шума и духоты спалъ на лавкѣ.

— Ну, Слымакъ, разскажи, что тамъ у тебя слышно?

— Видите что,—неохотно сказалъ Слымакъ.—Вотъ чего я добился за десять лѣтъ. Жена запила и умерла, спустила все, что у меня было. Я самъ заболѣлъ, ноги у меня отнялись. Что теперь дѣлать? На столярную работу не принимаютъ, тамъ нужно стоять, бѣгать, а я не гожусь на это. На шахту то-же. Что дѣлать? Руки здоровыя, а приходится, видно, заживо пропадать.

---

*) Этотъ человѣкъ хочетъ говорить съ тобой.

**) Малка, дай ему хорошей водки и закуску, слышишь?

— А, видишь, Слымакъ, развѣ я тебѣ не говорилъ, что Бога не нужно учить, какъ надо покарать человѣка. У Бога на все найдется способъ.

— Охъ, вижу теперь!—вздохнулъ Слымакъ.—Сколько я за это время вытерпѣлъ, Боже единый! Смотри, сѣдѣю!

— Ну, а что-жъ теперь будетъ?

— Развѣ я знаю, что будетъ. Я пришелъ къ вамъ, Юдка. Знаете, вы тогда говорили: приди! Пока я могъ заработать, то думаю, заработаю. А теперь довольно. Да, впрочемъ, не такъ, чтобы совсѣмъ довольно: руки здоровыя и прочее то-же, а только ноги, вотъ бѣда!

— Да чѣмъ я могу помочь вашимъ ногамъ?

— Э, моимъ ногамъ никто ужъ не поможетъ, развѣ только могила,—съ жалкою улыбкой произнесъ Слымакъ.—Но, можетъ быть, вы-бы нашли для меня какую-нибудь работу.

— Работу? Гм?..—сказалъ Юдко и задумался.—Для тебя работу? Это трудно, бѣдный Слымакъ! Но что подѣлаешь, обѣщалъ человѣкъ, такъ нужно какъ-нибудь подумать. Ну, знаешь, Слымакъ, ложись себѣ здѣсь на лавочкѣ. Malky gib ejm a schmutsiq Lalech ünter'n Korp *). Переночуй, а завтра посмотримъ!

Съ этими словами Юдка пошелъ спать, а Слымакъ, вздохнувъ и помолившись Богу, легъ на скамью, подложивъ подъ голову грязную дерюгу, которую принесла ему еврейка. Вскорѣ онъ заснулъ.

На другой день утромъ Юдка долго совѣщался со своей Малкой, бѣгалъ куда-то къ сосѣдямъ, а потомъ, около полудня позвалъ Слымака къ себѣ въ спальню, заваленную перинами и почти совершенно темную.

— Знаешь что, Слымакъ, есть для тебя работа.

— Какая?

— Легкая работа, столярная. У тебя есть какіе-нибудь инструменты?

— Да, кое-что есть: пара струговъ, буравчикъ и топоръ.

— Ну, хорошо. Буравчикъ можешь продать, буравчика не нужно. Нуженъ только стругъ, топоръ и пила.

---

*) Малка, дай ему грязную дерюжку подъ голову.

— А что же это за работа только со стругомъ, топоромъ и пилкой?

— Легкая работа, Слымаку. Будешь стругать ручки къ разнымъ вещамъ, колышки, такъ вообще всякую мелочь. Даже верстака столярнаго не нужно, можно на бочарномъ; будешь себѣ сидѣть да все свою работу дѣлать.

— А почемъ? Сколько заплатите?

— Заплатите, Слымаку? За что тутъ платить? Слушай, что я тебѣ скажу! У тебя нѣтъ квартиры, правда?

— Нѣтъ.

— Ну, я тебѣ дамъ квартиру, вотъ здѣсь, на дворѣ. Тихо тебѣ будетъ, спокойно, только сиди себѣ и работай. Слышишь? А ѣсть тоже будетъ что, и стружки твои; конечно, стружки! толстыя щепки—мнѣ. Ну, а какія-нибудь тряпки есть у тебя, а?

— Да, кое-что есть.

— Ну, это хорошо. Когда нужно будетъ, такъ и это найдется. Дерюжку дамъ на постель, ну, двѣ пачки табаку въ недѣлю и каждую субботу по шкалику водки. Согласенъ, Слымакъ?

— Да что дѣлать, пусть и такъ будетъ,—сказалъ мрачно Слымакъ и опустилъ голову съ такимъ печальнымъ выраженіемъ, точно ему на шею надѣли тяжелое ярмо, изъ котораго ужъ никакая сила не въ состояніи его освободить.

III.

Снова минуло десять лѣтъ. Пріѣздъ цесаря лѣтомъ 1880 года собралъ въ Борислявъ тысячи народа со всей лежащей у горъ окрестности. Пошелъ и я. Утромъ погода была прекрасная, весело разговаривая, шелъ я съ кучкой знакомыхъ крестьянъ, любуясь чудными окрестностями и густыми овсяными копнами, которыя, точно звѣзды на небѣ, виднѣлись кругомъ на поляхъ. Однако, недалеко отъ Борислава насъ захватилъ дождь, густой, пронизывающій, такъ что, когда мы дошли до Борислава, мы всѣ промокли до послѣдней нитки, а особенно дрожалъ отъ холода я, такъ какъ собрался въ дорогу въ одной только блузѣ изъ сѣраго полотна. Понятно поэтому, что при такихъ сквернымъ

условіяхъ совсѣмъ не до того было, чтобы заглядываться на вѣнки, на тріумфальныя ворота съ надписями, на тысячи флаговъ и тысячи празднично-разодѣтыхъ евреевъ, которые, несмотря на непогоду, густыми толпами сновали по улицѣ, гордо улыбаясь и ропща на Бога, который испортилъ имъ „ихъ праздникъ“, стоившій такъ дорого. Я и мои товарищи не долго шатались по грязнымъ улицамъ; холодъ и дождь принудили насъ скорѣе поискать сухого пристанища. Мы вошли въ первый шинокъ, сейчасъ же за тріумфальными воротами. Это былъ шинокъ Юдки Маультроммеля.

Некрасивая, какъ ночь, сморщенная еврейка стояла за прилавкомъ, хотя сегодня по случаю праздника никого кромѣ насъ не было въ шинкѣ. По шинку расхаживалъ подошедшій еврей съ славнымъ брюшкомъ, въ атласномъ кафтанѣ, опоясанномъ праздничнымъ шелковымъ поясомъ, съ „штрамеле“ на головѣ. На его гладкомъ, лоснящемся, хотя и желтомъ лицѣ виднѣлось спокойствіе и удовлетвореніе. Это былъ Юдка.

Я обогрѣлся немного и вышелъ во дворъ. Къ нему со всѣхъ сторонъ прилегали глухія стѣны сосѣднихъ домовъ и сараевъ, испачканныхъ желтой глиной. Дворъ былъ похожъ на большую клѣтку, грязную, запущенную, гнилую и вонючую до нельзя. Посрединѣ стояла большая куча мусору и всякихъ нечистотъ. Направо, въ углу возлѣ шинка, и находился узенькій проходъ на улицу, черезъ который потокомъ текла вода на низкій, точно яма, дворъ. На другомъ концѣ выходъ ей былъ отчасти загражденъ. Тамъ, прижатый къ глухой стѣнѣ какого-то длинаго строенія, стоялъ не то сарай, не то будка съ прогнившей крышей и черными, некрашенными, во многихъ мѣстахъ дырявыми стѣнами. Между шинкомъ и будкой находился только узенькій проходъ для воды, но набѣгающій потокъ не могъ вмѣститься въ немъ и залилъ почти всю половину двора широкимъ озеромъ грязной, бурой воды. Особенно возлѣ будки, какъ самаго низкаго мѣста во всемъ дворѣ, накопилось больше чѣмъ гдѣ-либо воды, и большой потокъ ея пробирался, сквозь щелки въ потрескавшихся дверяхъ и подъ прогнившимъ порогомъ, внутрь. Единственное узенькое окошко, съ выбитыми съ давнихъ поръ стеклами, было заклеено пожелтѣвшей отъ солнца и дождя бумагой. Въ будкѣ было тихо,

какъ въ гробу. Дождь то шелъ, то опять переставалъ. Съ улицы въ эту клѣтку долеталъ глухой крикъ и шумъ; но рѣшительно ничто на этомъ отвратительномъ дворѣ не показывало, что сегодня въ Борославѣ праздникъ, что все это жилище принарядилось сегодня по-праздничному, чтобы привѣтствовать достойнѣйшаго гостя. Старая, гнилая и мерзкая будничность царила здѣсь спокойно и ненарушимо.

Съ минуту стоялъ я подъ навѣсомъ, осматриваясь кругомъ, когда вдругъ я замѣтилъ, что съ правой стороны, черезъ узкій перелазъ продвинулась небольшая, лѣтъ восьми дѣвочка и робко, вопросительно посмотрѣла на меня.

— Чего тебѣ, дѣвочка?—спросилъ я.

— Я пришла къ дѣдушкѣ.

— Къ какому дѣдушкѣ?

— А вотъ здѣсь,—она показала на развалившуюся будку—тутъ дѣдушка Слымакъ. Онъ мнѣ не дѣдушка. Я его называю такъ только. Я пришла узкать, что съ нимъ. Не знаете, онъ здѣсь?

— Не знаю, дѣвочка. А онъ выходитъ куда-нибудь?

— Нѣтъ, не выходитъ. Но дѣдушка говорилъ позавчера, когда я у него была, что Юдка его хочетъ удалить.

— Удалить? За что же?

— Да, видите, дѣдушка уже старъ, не можетъ работать.

— А что же онъ тутъ дѣлаетъ?

— Да вотъ: ручки, колышки. Сколько помню, онъ все это дѣлаетъ; мамуня говорила, что уже лѣтъ десять.

— А ты вчера не была у него?

— Да не была, потому что моя мамуня тоже была больна,—такъ я должна была сидѣть возлѣ нея. Только сегодня ей стало немного легче, такъ я отпросилась къ дѣдушкѣ. И мамуня говорила, чтобы я пошла, можетъ, дѣдушкѣ нужно что-нибудь принести или что, потому что у дѣдушки болятъ ноги и онъ не можетъ выйти. А если не нужно ничего, то чтобы сейчасъ вернулась.

— Ну, хорошо, такъ иди, посмотри.

Дѣвочка пустилась идти, но остановилась, увидѣвъ передъ дверьми громадную лужу.

— Ой-ой-ой, какъ тутъ перейти? Смотрите, сколько воды—какъ рѣка!

— Постой, я тебя перенесу,—сказалъ я, и, взявъ дѣвочку на руки, вступилъ въ лужу. Бредя чуть не по колѣни въ водѣ, я дошелъ до дверей и отворилъ ихъ. Страшная картина представилась нашимъ глазамъ. Будка вся стояла въ водѣ. Кругомъ черныя, голыя стѣны, сквозь которыя тамъ и сямъ просвѣчивалъ сѣрый дневной свѣтъ. Возлѣ дверей стоялъ старый бочарный верстакъ, на немъ стругъ, пила, топоръ и куча недостроганныхъ кусковъ досокъ. А въ углу, также почти совсѣмъ въ водѣ, высокая куча перегнившихъ въ навозѣ стружекъ, а на этой кучѣ, зарытый до половины въ этомъ навозѣ, еле покрытый старыми черными тряпками, лежалъ человѣкъ, синій, тощій какъ щепка, съ выраженіемъ страшной боли и какой-то грусти на сморщенномъ лицѣ. Это былъ Слымакъ, или, вѣрнѣе сказать, только трупъ Слымака!.. Холодомъ повѣяло на меня. Десять лѣтъ въ такомъ аду! И здѣсь жилъ человѣкъ! — вертѣлись отрывочныя мысли въ моей головѣ. А дѣвочка тѣмъ временемъ бросилась будить старика, но увидѣвъ, что дѣдушка холодный и какой-то страшный, громко вскрикнула и бросилась на дворъ. Вышелъ и я за ней. Но крикъ дѣвочки никого не привлекъ къ трупу.

Въ ту же минуту, тѣсно сбитыя толпы народа подняли на улицѣ оглушающій крикъ:

— Виватъ! Да здравствуетъ нашъ отецъ! Да здравствуетъ!

Это означало, что достойнѣйшій гость находился на улицахъ Борислава.

Небо прояснилось, очистилось отъ бурыхъ тучъ и бросило ихъ въ уголъ, словно жалкія нищенскія лохмотья, чтобы вмѣсто нихъ показать свое голубое, праздничное платье.

Виватъ! виватъ!—гудѣло по всему Бориславу, гудѣло изъ тысячи устъ, а старикъ Слымакъ въ это время безгласно, печально, лежалъ въ своей гнилой берлогѣ, въ этой отвратительной скорлупѣ, въ которую его забросила человѣческая жадность и изъ которой его освободила только послѣдняя доброжелательница—смерть.

Львовъ, въ январѣ 1881 г.

ХОРОШІЙ ЗАРАБОТОКЪ.

ХОРОШИЙ ЗАРАБОТОКЪ.

ХОРОШІЙ ЗАРАБОТОКЪ.

Я бѣденъ. Земли у меня нѣтъ ни ломтика,—всего имущества у меня хата, да и та ветхая. А тутъ жена, дѣтокъ двое,—дай имъ Богъ здоровья; нужно чѣмъ-нибудь жить, нужно какъ-нибудь на свѣтѣ держаться. Два мальчика у меня—одинъ—четырнадцати, а другой — двѣнадцати лѣтъ — пастухами у добрыхъ людей, и за это они получаютъ пищу и кой-какую одеженку. А жена прядетъ—тоже кое-что заработаетъ. Ну, а у меня, старика, какой заработокъ? Схожу въ срубленный лѣсъ, нарѣжу березовыхъ прутьевъ и сдѣлаю метелокъ, а въ понедѣльникъ возьмемъ съ женою по связкѣ на плечи да на базаръ въ Дрогобычъ. Небольшой отъ этого и заработокъ,—по три, четыре крейцера за метлу,—да еще нужно помѣщику за прутья заплатить, ну, такъ не много и останется. Но что подѣлаешь,—нужно зарабатывать, нужно какъ-нибудь перебиваться.

Да и что за жизнь у насъ! Картошка да борщъ, иногда какая-нибудь крупа, да хлѣбъ, какой случится: ржаной, такъ ржаной, а если ячменный или овсяный, то и за это Бога благодаримъ. Лѣтомъ еще полъ-бѣды. Можно кое-что заработать: то на пасѣкѣ поработаешь, то въ саду постережешь, возлѣ сѣна или сноповъ поработаешь, а нѣтъ, такъ съ сачкомъ пойдешь на рѣчку, рыбу какую-нибудь поймаешь, или на разсвѣтѣ грибковъ разныхъ изъ лѣса нанесешь,—ну, а зимою всего этого нѣтъ. Что

за лѣто заработаешь, тѣмъ и перебиваемся, а иногда просто пухнемъ съ голоду.

Ну, видите, а еще нашелся добрый человѣкъ, который позавидовалъ и нашимъ достаткамъ! Дескать, много у тебя добра, старикъ, растолстѣешь черезчуръ, разгуляешься! Такъ вотъ на тебѣ! И такое устроилъ, что Господи, твоя воля!

Слушайте, какъ это было.

Иду я однажды по городу съ палкой на плечахъ, на которой висятъ связанныя вмѣстѣ метлы, иду и оглядываюсь кругомъ, не позоветъ-ли кто и спроситъ: „Эй, а почемъ метлы?“ — А народу много кругомъ,—понятно, день торговый. Оглядываюсь, вижу, идетъ сзади меня какой-то господинъ, горбатый, съ головой какъ у совы, а глаза у него сѣрые, и недобрые, какъ у лягушки. Идетъ и все на меня посматриваетъ. Я остановился, думаю, можетъ, чего-нибудь хочетъ, а онъ ничего,—тоже сталъ и смотритъ въ другую сторону, точно ему дѣла нѣтъ до меня. Иду я дальше, онъ снова за мною. Мнѣ сдѣлалось какъ-то нехорошо.—А, отвяжись ты, бѣда, отъ меня! – думаю себѣ,—что это такое?—Когда тутъ еврейка сбоку кричитъ:

— Эй, почемъ метлы?

— По пяти,—говорю.

— Нѣтъ, какъ по пяти? На-те вамъ три.

— Давай четыре!

— Нѣтъ, три.

— Нѣтъ, четыре.

Сторговались мы за три съ половиною крейцера. Я свою вязанку съ плечъ, развязываю спокойно, даю еврейкѣ метлу, — какъ вдругъ и горбатый господинъ ко мнѣ.

— Почемъ метелки продаете?—спрашиваетъ меня.

— По пяти крейцеровъ, господинъ,—говорю,—купите, метелки хорошія.

Онъ взялъ одну, попробовалъ...

— Такъ, такъ,—говоритъ,—нечего сказать, хорошія. А вы откуда?

— Изъ Монастырця.

— Такъ, такъ, изъ Монастырця. А вы часто метелки продаете?

— Нѣтъ, не часто. Разъ въ недѣлю, по понедѣльникамъ.

— Ага, ага, каждый понедѣльникъ! А много такъ, въ одинъ понедѣльникъ продаете?

— Какъ случится, иногда я и жена распродаемъ все, что вынесемъ, а иногда и нѣтъ.

— Гм., такъ вы и съ женою! Оба, значитъ, по такой связкѣ выносите?

— Да, такъ. Иногда по такому, иногда и по большему.

— Ага, ага! А много за недѣлю можете метелокъ сдѣлать?

— Да столько, сколько потребуется. Лѣтомъ продается меньше, такъ меньше и дѣлаемъ. А осенью и зимой больше этого товара идетъ.

— Такъ, такъ, разумѣется! Потому, видите-ли, я поставщикъ въ цесарскіе магазины, то мнѣ нужно было бы такихъ метелокъ много, такъ штукъ сто. Могли-бы вы на той недѣлѣ сдѣлать мнѣ сто метелокъ?

Я подумалъ немного и говорю: — Почему нѣтъ, сдѣлаю. А куда вамъ принести?

— Вотъ сюда,—говоритъ господинъ, и показалъ на одинъ домъ.—Но помните, принесите. Я вамъ сейчасъ и заплачу. А почемъ, говорите, одна?

— Да ужъ если вы столько берете сразу, то я спущу дешевле, и по четыре.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не нужно, не спускайте! Я заплачу и по пяти!

— Дай Богъ вамъ здоровья!

— Ну, ну, будьте здоровы! Только помните, отъ сегодняшняго дня черезъ недѣлю приходите!

Съ этими словами господинъ шмыгнулъ куда-то, а я остался.— Вотъ такъ, думаю,—какой добрый господинъ, даже не торгуется, а на такую сумму заказываетъ метелокъ! Да, вѣдь, это будетъ цѣлыхъ пять гульденовъ, Господи! А я, прости Господи, уже началъ было худое о немъ думать, когда онъ вотъ такъ шагъ за шагомъ ходилъ за мною. Ну, дай ему, Господи, долгой жизни! Хоть разъ хорошо заработаю!

Быстро бросился я за своею старухой. Распродали мы свой товаръ, купили соли, спичекъ, чего тамъ еще было нужно и

домой. Говорю я старухѣ, что вотъ такъ и такъ—заработокъ хорошій попался, будетъ чѣмъ и подати заплатить, да еще и для нея на зиму подмога будетъ. Она тоже обрадовалась.

— Нужно будетъ—говоритъ—взяться обоимъ, а то ты одинъ за недѣлю не сдѣлаешь всей работы. Такъ я ужъ свое все отложу!

Хорошо. Такъ разговаривая, шли мы чуть не бѣгомъ домой, чтобы, видите, времени не потерять.

Въ тотъ же день мы набросились на работу, какъ на горячій борщъ. Прутьевъ нанесли цѣлую скирду,—фабрика въ хатѣ! Я вѣтки обламываю, старуха листья обрываетъ, такъ что кожа съ ладони слѣзаетъ, потомъ я толстые концы ножикомъ отрѣзаю, складываю, вяжу, кипитъ работа. Пришло воскресенье—цѣлая сотня метелъ готова и въ связки по двадцати пяти штукъ связана. Такъ уже и прилажено, что каждый изъ насъ беретъ по двѣ такихъ связки: веревка черезъ плечо, одна вязанка на груди, а другая на плечахъ виситъ. Въ понедѣльникъ беремъ мы по доброй палкѣ въ руки, связки на себя—маршъ въ городъ! Жара такая, что Боже упаси! Потъ такъ ручьемъ и льется, въ горлѣ пересохло, ну, да что подѣлаешь! Зарабатывать, такъ зарабатывать.

Приходимъ въ городъ, всѣ евреи на насъ глаза вытаращили. Что это,—не видали еще, чтобы кто когда-нибудь такія большія вязанки несъ.

— Слушайте, эй,—насмѣхались они,—гдѣ вы лошадей продали, что сами повозку прутьевъ тащите?

— Эй, эй,—кричатъ другіе,—а у кого это вы березовый лѣсокъ купили? Или вы на продажу лѣсокъ березы съ бабою въ городъ принесли? Сколько хотите за лѣсокъ березы?

А мы ничего. Еле дышимъ, а идемъ, глаза на лобъ выскакиваютъ. Кое-какъ добрались до того дома, гдѣ господинъ велѣлъ ожидать. Пришли мы къ крыльцу и бухъ вязанками на землю, и сами какъ мертвые попадали на нихъ—задыхаемся такъ, что даже языки вытянули. Нѣтъ, нѣтъ, какъ вдругъ окно скрипъ,—нашъ господинъ выглядываетъ.

— Ага,—говоритъ,—это вы?

— Да, это я съ метлами.

— Хорошо, я сейчасъ къ вамъ выйду.

Заперъ окно. Мы ждемъ. Наконецъ, онъ вышелъ.

— Ну что-жъ вы, принесли метелки?

— Такъ, сто, какъ вы велѣли.

— Ага, ага, это хорошо. Но, знаете что,—я ихъ теперь не возьму, пусть онѣ у васъ побудутъ нѣкоторое время, а то можете ихъ и продать... А когда мнѣ понадобятся, я вамъ передамъ. А теперь вотъ вамъ эта записка, покажите ее войту, онъ ужъ вамъ скажетъ, что вы должны сдѣлать.

— Ба, какъ же это?—говорю я.—Вѣдь, вы заказали, а теперь не берете?

— Нѣтъ, не беру,—говоритъ онъ ласково,—потому что мнѣ теперь не нужно. Но вы не бойтесь, я о васъ не забуду. Вотъ вамъ эта записка, возьмите!

— На что мнѣ ваша записка? Что я съ нею сдѣлаю?

— Возьмите, возьмите,—говоритъ онъ.—А впрочемъ, если не хотите, то какъ угодно. А теперь идите себѣ съ Богомъ!

Я уже, правду говоря, хотѣлъ распустить свой языкъ, когда онъ вдругъ повернулся и шасть назадъ въ домъ. Мы остались, точно насъ водою окатили. А потомъ, что дѣлать, забрали метлы и пошли на базаръ, чтобы хоть что-нибудь распродать.

Недѣлю спустя зоветъ меня войтъ.—Что за бѣда?—Думаю себѣ. Прихожу, а войтъ смѣется и говоритъ.

— Ну, дѣдушка Панько (меня всѣ зовутъ дѣдушкой, хотя я не такъ еще и старъ), у меня для тебя хорошая вѣсточка!

— Какая вѣсточка?—говорю я удивляясь.

— А вотъ какая, смотри!—и вынулъ бумагу, ту самую, которую мнѣ тотъ господинъ тогда давалъ, развернулъ ее и сталъ читать что-то такое, изъ чего я ничего не понялъ, кромѣ своего собственнаго имени.

— Да что тутъ такое сказано?—спрашиваю.

— Сказано, дѣдушка, что ты большой богачъ, по сто метелокъ еженедѣльно продаешь, деньги лопатой загребаешь, и велѣно поставить тебѣ вотъ эту пьявку.

— Какую пьявку?—спрашиваю я, не вѣря своимъ ушамъ.

— Вотъ этотъ листочекъ, голубчикъ.

— Листочекъ? Да какой листочекъ? Для кого?

— Эй, дѣдушка! Не притворяйся глухимъ, слышишь, вѣдь!

Конечно не для меня, а для тебя! Долженъ платить промысловаго налога пять гульденовъ ежегодно.

— Пять гульденовъ ежегодно? Господи! Да за что?

— За метлы! Слышишь, господинъ податной инспекторъ записалъ тебя и говоритъ, что ты по сто метелъ въ недѣлю продаешь.

Я остолбенѣлъ, какъ тотъ Симеонъ Столпникъ, который, говорятъ, пятьдесятъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ какъ столпъ стоялъ.

— Господинъ войтъ, говорю я немного погодя, — я не буду платить.

— Обязанъ!

— Нѣтъ, не буду!... Что вы мнѣ сдѣлаете? Что голый за пазуху спрячетъ? Вѣдь вы знаете, что на метлахъ я и за цѣлый годъ еле-еле пять гульденовъ заработаю.

— Что мнѣ за дѣло? Господинъ податной инспекторъ долженъ это лучше знать! — говоритъ войтъ. — Мое дѣло получить подать, а не хочешь платить, то я экзекутора пришлю.

— Овва, посылайте, хоть сейчасъ! У меня экзекуторъ издохнетъ раньше, чѣмъ что-нибудь найдетъ.

— Ну такъ продадимъ хату и огородъ, а васъ на всѣ четыре стороны. Цесарское не должно пропасть!

Я застоналъ, словно меня ножемъ ударили.

— А, видишь, — говоритъ войтъ. — Ну, что, будешь платить?

— Буду,—говорю, а самъ все свое думаю.

Прошло три года. Я не платилъ ни крейцера. Когда приходила экзекуція, то мы съ бабою прятались въ лозѣ, словно отъ татаръ, а хату запирали. Экзекуторы придутъ, постучатъ, выругаются и отправятся дальше. Два раза хотѣли насильно забраться въ хату, но оба раза добрые люди отпросили. Но на четвертый годъ сорвалось. Ни просьбы, ни плачъ не помогли. Недоимокъ на мнѣ накопилось что-то гульденовъ двадцать. Приказали изъ города сейчасъ же заплатить деньги, а если нѣтъ, то хату пустить съ публичнаго торгу. Я уже не убѣгалъ никуда, вижу, что ничто не поможетъ. Ну, да что? Назначили аукціонъ, оцѣнили все мое добро ровно въ двадцать гульденовъ. Наступаетъ этотъ день, барабанятъ, зовутъ покупателей... „Кто

дастъ больше"?—Эхъ, когда никто и столько не даетъ. Десять.... двѣнадцать... еле-еле вытащили на пятнадцать, и за это и продали. А я въ хохотъ, и говорю войту:

— А видите, я васъ провелъ! Развѣ я вамъ не говорилъ, что голаго не ограбишь!

А войтъ ко мнѣ: — Пусть тебя, дѣдушка, чортъ возьметъ!.. На какія штуки пустился!

Нашу хату купилъ еврей Іона на хлѣвъ для телятъ, а мы съ бабою, какъ видите, теперь нанимаемъ квартиру. Снова по старому живемъ, пока Богъ вѣку дастъ. Она прядетъ, мальчики чужую скотину пасутъ, а я метлы дѣлаю, и кое-какъ живемъ и безъ налога.

МУЖИЦКАЯ РАСПРАВА

МУЖИЦКАЯ РАСПРАВА.

МУЗЕЙНАЯ РАСПРАВА.

Мужицкая расправа.

I.

Э, что вы, молодые яндрусы *), толкуете!... По городу тротуарами ходятъ да лапти треплютъ **)—велика штука! А поймаютъ хатраки ***), то тоже что? Приведутъ въ участокъ, ударятъ тамъ или не ударятъ, и конецъ. Вотъ бы вамъ... Да куда вамъ! Отъ одного разсказа по спинѣ мурашки забѣгаютъ. Развѣ вы знаете, что такое мужицкая расправа? Вотъ бы этакому бѣлоручкѣ въ мужицкія руки попасться! Узналъ бы, почемъ перецъ.

Я о себѣ не говорю. Были такіе, что еще и похуже моего видали. Но и я кое-что видѣлъ. Ну, да что, такая ужъ, видно, человѣку линія вышла. Или отъ судьбы, или отъ злыхъ людей— кто его знаетъ? Ужъ такова моя жизнь. Вотъ уже двадцатый годъ въ тюрьмѣ сижу, а вы какъ думаете, что это пальцемъ кивнуть? А выпустятъ, я опять долженъ буду по прежнему—по чужимъ амбарамъ шарить. Долженъ буду, такъ какъ что же мнѣ дѣлать, чѣмъ жить? Ремесла я никакого не знаю, земли нѣтъ, на работу меня никто не принимаетъ, только одно и остается, что бухацкая ****) компанія. А это тоже быстрый конь — день

---

*) На воровскомъ жаргонѣ—воръ.
**) Кошельки изъ кармановъ тащатъ.
***) Полицейскіе.
****) Воровская.

поѣдешь, а потомъ упадешь, и опять сюда. Да еще если сюда, то ничего. Приходилось не разъ и солоно и горько, а особенно, когда мужикамъ въ руки попадешься. Тогда ужъ проси не проси, плачь не плачь,—ничто не поможетъ.

Вотъ какъ-то разъ я въ одномъ селѣ—въ какомъ и гдѣ, вамъ знать незачѣмъ—обработалъ одного богатаго мужика. Работы было достаточно. Амбаръ былъ полонъ всякаго добра. Мы этого не ждали, пришли съ голыми руками. Одинъ изъ насъ, родомъ изъ того-же села, показывалъ намъ дорогу. Трое насъ было въ этомъ дѣлѣ: забрали мы, что могли, что было легче вынести, подѣлились да давай Богъ ноги! Вдругъ, бросились мужики, напали на слѣдъ—ужъ какъ и куда, это вамъ также не интересно знать—да за мной! Въ трехъ миляхъ отъ села поймали.

Наступала осень. Съ полей еще свозили овесъ, начинали копать картофель. Народу въ поляхъ было не много. Погода хорошая, солнышко припекаетъ. Связали мнѣ руки назадъ, трое гонятъ меня по большой дорогѣ.

Нагоняемъ солевозовъ съ кладью.

— Дай Боже!

— Дай Боже!

— А куда это вы пріятеля ведете? — показываютъ они на меня.

— Хорошій человѣкъ,—говорятъ мои хозяева—амбарный.

— А, такъ! Ну, не мѣшало бы ему дать на память, — говоритъ одинъ изъ солевозовъ.

— Это, конечно, безъ этого не будетъ.

— А, можетъ, позволите намъ и отъ себя кое-что прибавить.

— Какъ ваша милость хочетъ,—отвѣчаютъ мои, смѣясь.

Одинъ изъ нихъ, который шелъ у самаго послѣдняго воза, говоритъ ко мнѣ:

— А ну-ка, миленькій, остановись!

Я остановился. Онъ подкачалъ мнѣ штаны немного повыше колѣнъ и подвязалъ ихъ веревочками.

— Ну, теперь трогай!—сказалъ онъ и пустилъ меня впереди себя мимо повозки. Едва я сдѣлалъ пару шаговъ, какъ вдругъ точно змѣя впилась въ обѣ ноги. Солевозъ, что есть мочи хлестнулъ меня кнутомъ по ногамъ, такъ что я подскочилъ отъ боли.

— Скачи, голубчикъ! — крикнулъ солевозъ, и засмѣялся, а всѣ за нимъ. Проволочный кнутъ, вдобавокъ еще съ узлами, рѣзалъ мое тѣло, какъ острый ножъ!... А узлы словно пьявки впивались въ мясо... Я скорѣе къ другому возу, — другой солевозъ такъ-же. Я мимо третьяго — этотъ тоже. Шесть ихъ было, и пока я минулъ всѣ возы, мои ноги были порѣзаны точно ножами, а кровь заливала слѣды. Эхъ, запомнилъ я этихъ солевозовъ, узналъ я потомъ, въ какомъ селѣ такіе ловкачи родились, и ужъ напомнилъ я имъ о себѣ!... А мои хозяева въ хохотъ и похваливаютъ солевозчиковъ, что они такъ удачно придумали.

— О, мы съ такими господами умѣемъ обходиться!—хвастался одинъ.—Видите, худого ему ничего не будетъ, а помнить будетъ. Ха, ха, ха, ха!...

II.

Еще за долго до вечера пришли мы въ село. Ведутъ меня къ войту. Приходимъ,—нѣтъ дома, въ поле поѣхалъ. Только жена войта чего-то въ сѣняхъ вертится. Посмотрѣла на меня— и ни слова.

— А не знаете, кума,—говорятъ мои проводники—гдѣ бы его тутъ помѣстить?

— Откуда мнѣ знать? Гдѣ?... Помѣщайте гдѣ хотите, лишь бы не здѣсь. На что мнѣ эти хлопоты?

А я стою и взглядомъ прошу, чтобы сжалилась... Я зналъ, что, если она не оставитъ меня, то придется ночевать мнѣ у того, у кого я побывалъ въ гостяхъ. Ну, а тамъ-то ужъ, навѣрно, добра мнѣ не будетъ.

Тѣмъ временемъ пошла вѣсть по селу: привели вора! Сейчасъ всѣ, кто только былъ дома, бѣгутъ. Влѣзли на плетень, смотрятъ, одни ругаются, другіе грозятъ, третьи такъ стоятъ. Тутъ вдругъ и мой хозяинъ, тотъ, у котораго пропажа случилась, протискивается, приходитъ. Высокій, крѣпкій, лицо красное, какъ у палача. Приблизился, посмотрѣлъ на меня...

— А, это ты? Ну, будемъ знакомы.

Я молчу.

— Кумъ, — говоритъ онъ къ одному изъ тѣхъ, что меня привели, — ведите его ко мнѣ, у меня ему наиболѣе безопасно будетъ. Я ужъ его постерегу.

— Вѣрно, ведите его туда, тамъ безопаснѣе,—сказала жена войта, стоя у дверей.—А какъ только мужъ придетъ, такъ ужъ я ему скажу, онъ навѣдается.

Повели меня. А мой хозяинъ идетъ впереди и словно скрипитъ отъ злости. Потомъ повернулъ къ забору и выломалъ колъ.

— Сюда его!—крикнулъ онъ, поворачивая къ своему двору, и пуская меня впередъ. А когда я проходилъ мимо него, онъ замахнулся на меня. Такъ бы, вѣрно, на мѣстѣ и уложилъ, если бъ его не удержали.

—Нѣтъ, кумъ—сказалъ одинъ,—такъ нельзя! Убьете, такъ еще подъ судъ попадете.

— Какъ, я?—крикнулъ онъ. — За такого разбойника? Да такого не грѣхъ и убить.

— Нѣтъ, кумъ, такъ нельзя. Поучить можно, чтобы въ другой разъ не былъ слишкомъ падокъ до чужого, а убить—нѣтъ. Онъ на вашей отвѣтственности.

— Ужъ я его поучу такъ, что будетъ до вѣчнаго суда помнить!—крикнулъ хозяинъ и, приблизившись ко мнѣ, ударилъ кулакомъ въ переносицу. Я какъ снопъ повалился на землю, въ глазахъ потемнѣло, я потерялъ сознаніе...

III.

Очнулся я. Солнце на закатѣ. Я сижу на завалинкѣ, рубашка на мнѣ мокрая: видно, что меня водою отливали. Лицо распухло, но боли не чувствую никакой, все тѣло словно закоченѣло. Въ хатѣ шумъ. Нѣсколько человѣкъ сидятъ подъ навѣсомъ, нѣсколько на перелазѣ. Разговариваютъ и на меня поглядываютъ.

— Начальникъ! Начальникъ!—послышался шумъ.

Одинъ бросился открывать калитку.

Пришелъ войтъ, маленькій, толстенькій, добродушный съ виду человѣкъ. Походка мелкая. Въ рукахъ толстая, какъ цѣпъ, черешневая палка. Подходитъ ко мнѣ.

— А что, миленькій, поймали? А что видишь! Нужно тебѣ было это? А теперь обществу бѣда, нужно тебя сторожить, пока не придетъ случай отправить въ судъ. Теперь пора рабочая, сыночекъ, нѣтъ времени.

— Господинъ войтъ,—осмѣлился я, — позвольте это время у васъ перебыть.

— О, о, о, — воскликнулъ войтъ,—нельзя, миленькій, нельзя у меня! Здѣсь кумъ Матвѣй не сдѣлаетъ тебѣ худого, не бойся, побережетъ тебя. Побудь здѣсь, сыночекъ, денекъ — другой до воскресенья, а тамъ ужъ кумъ Матвѣй съ понятымъ отвезетъ тебя въ городъ.

Это было въ четвергъ, значитъ, два дня еще,—подумалъ я. Ну, что дѣлать, нужно терпѣть.

— Ну, а теперь, сыночекъ, встань, если я съ тобой говорю,—говоритъ войтъ.

Я всталъ.

- Иди сюда.

Я вышелъ на середину.

— Ложись, голубчикъ!

Я уставился на него.

— Ну что-жъ, миленькій, не слышишь, что говорю? Ложись! Я начальникъ общества, ручаюсь за тебя, но имѣю право дать тебѣ пять палокъ, не болѣе.

Я не слышалъ о такомъ правѣ, но что было дѣлать...

— Кумъ понятой, а ну-ко, возьмите вотъ эту черешенку да дайте ему то, что ему по праву слѣдуетъ!—сказалъ войтъ, и, отсчитавши пять, собрался уходить.—А вы, кумъ Матвѣй, стерегите его и смотрите, чтобы съ нимъ ничего не случилось. Общество должно его доставить къ суду живымъ... Помните, чтобы живъ остался! — сказалъ онъ усмѣхаясь и напирая особенно на слово „живъ“.—Я завтра утромъ навѣдаюсь. Оставайтесь здоровы!

IV.

Пока понятой заковывалъ меня въ кандалы, стемнѣло. Матвѣй стоялъ сбоку, какъ палачъ надъ душою, и ждалъ только, когда понятой уйдетъ. Дождался.

— Ну, что, миленькій, теперь мы вдвоемъ, правда?—процѣдилъ онъ сквозь зубы, держась за кандалы, которыми я былъ скованъ по рукамъ и ногамъ. Вдругъ онъ дернулъ за кандалы, я повалился вверхъ лицомъ и ударился головою о-земь.

— О, ты, я вижу, пьянъ!—насмѣхался онъ.—А я хотѣлъ просить тебя на ужинъ. Ну, вставай, идемъ!

Я всталъ и онъ поволокъ меня къ хатѣ.

Въ печи горѣлъ огонь. Жена сновала по хатѣ, готовя ужинъ. Въ уголкѣ сидѣла старая баба, мать хозяйки. Обѣ женщины были блѣдны и дрожали, увидѣвъ меня. Онѣ не осмѣливались взглядывать на меня, а если и взглядывали, то смотрѣли такъ печально, такъ печально...

Матвѣй посадилъ меня на скамью, а самъ сѣлъ въ концѣ стола, сопя, словно кузнечный мѣхъ. Вдругъ онъ сорвался съ мѣста и, стукнувъ рукою о столъ, крикнулъ:

— Нѣтъ, я его живымъ не отпущу. Пусть будетъ, что будетъ, а такого разбойника я не выпущу живымъ изъ своей хаты.

Женщины, точно по командѣ. громко заплакали.

— Матвѣй! Сыночекъ! Богъ съ тобой! Вѣдь, пропажа вернулась. А ты хочешь такой грѣхъ на душу взять! Побойся Бога!

— А онъ боялся Бога, когда подкапывался подъ амбаръ?

— Да ужъ, какъ тамъ онъ... Пусть онъ самъ съ Богомъ считается!

— Нѣтъ, я это такъ не оставлю! Я ему раньше всѣ ребра пересчитаю. Иди-ка, голубчикъ, сюда!

И онъ снова ухватилъ меня за кандалы, поднялъ со скамьи и бросилъ на землю. Затѣмъ, ставъ сапогомъ на грудь, онъ такъ скрутилъ кандалы, что я свернулся въ клубокъ, даже поясница затрещала. Въ глазахъ у меня потемнѣло. Я успѣлъ еще только замѣтить, какъ онъ намѣревался меня ударить сапогомъ по лицу. Потомъ я почувствовалъ боль въ груди, въ поясницѣ, въ боку, а потомъ пересталъ чувствовать что-либо...

V.

Я снова очнулся. Въ печи догорало, въ хатѣ было темно и тихо. Я лежалъ скорчившись подъ скамьей. Пошевелился—боль страшная. Каждая косточка, каждое мѣсто болитъ... Въ горлѣ пересохло, жжетъ. Я застоналъ.

Темная тѣнь мелькнула по хатѣ. Смотрю: желтое, сморщенное лицо склоняется надо мною; дрожащая, холодная рука движется по моему лицу.

— Ты еще живъ, сыночекъ, а?

— Живъ!.. Воды!.. простоналъ я.

Старушка подала мнѣ воды.

— Пей скорѣе, а то придетъ, достанется мнѣ! Звѣрь какой-то!.. шептала женщина.—Бѣдный ты, голубчикъ мой, бѣдный, но чѣмъ я тебѣ помогу?

— Богъ вамъ заплатитъ!—прошепталъ я.

Двери скрипнули. Старуха исчезла, какъ тѣнь, а когда вошелъ хозяинъ, она уже кашляла гдѣ-то на печи.

— А что, воръ не откликался?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сыночекъ.

— Тьфу къ чорту! Еще, если дьяволъ издохнетъ, въ самомъ дѣлѣ бѣда будетъ.

Я даже вздохнулъ свободнѣе. Вотъ, думаю, авось, смилуется и немного принуститъ цѣпь. Да гдѣ тамъ! Поворчалъ, поворчалъ, погасилъ огонь въ печи и легъ спать.

— Все равно, — слышу я только, — если живъ, то будетъ живъ и завтра, а если нѣтъ, такъ и чортъ съ нимъ!

Всю эту ночь я ни на минуту не сомкнулъ глазъ. Что я вытерпѣлъ за эти нѣсколько часовъ, того, вѣрно, хватило-бы мнѣ по частямъ и на десять лѣтъ. Я уже думалъ, что, вотъ, зальюсь кровью и просилъ Бога, чтобы послалъ мнѣ смерть. Но куда тамъ! Другому, болѣе счастливому, можетъ, Богъ и послалъ-бы ее, но не мнѣ. Да ужъ такъ ли, иначе ли, а ночь эта была, пожалуй, самая долгая и тяжкая въ моей жизни. Если бы эта женщина не дала мнѣ напиться, то ужъ, навѣрно, не выдержалъ бы. Ну да, вѣрно, такъ ужъ суждено было, чтобы я выдержалъ!..

VI.

Разсвѣло. Въ хатѣ повставали. Мой хозяинъ раньше всего ко мнѣ. Прислушивается—дышу. Даже вздохнулъ съ облегченіемъ.

— А, ты еще живъ? — вскрикнулъ онъ. — Ну, проси Бога, но ужъ, навѣрно, отъ того не отпросишься, что тебя ожидаетъ. Лишь бы до города живымъ доставить, а тамъ пусть изъ тебя хоть и духъ вонъ!

Дуракъ! Онъ себѣ свое думалъ, а я свое, и таки по-моему вышло!

Вытащилъ онъ меня изъ-подъ скамьи, раскрутилъ цѣпь — ахъ! Слава тебѣ, Господи! Въ поясницѣ легче стало, свѣтъ точно другимъ сталъ. Но на ноги стать и думать нечего. Ногами онъ вытолкалъ меня на дворъ,—на скотникъ, а женѣ велѣлъ замыть кровь въ хатѣ.

Снова сижу я на заваленкѣ. Утро холодное. Все тѣло окоченѣло, такъ что боли не чувствуешь, только въ головѣ шумитъ и въ груди колетъ, когда дышу. Потомъ затопили въ хатѣ, дымъ клубомъ пошелъ, добрался до меня, глаза ѣстъ. Слезы выступили у меня, закашлялся,—молчу. Хозяинъ тѣмъ временемъ пошелъ къ скоту, корму задать, къ водопою погнать, и, проходя мимо меня, не выдержалъ, чтобы не огрѣть меня по головѣ и плечамъ веревкой. Ба, слышу, что собирается въ поле съ плугомъ,—пахать. Я немного обрадовался. Не будетъ, думаю, моего палача хоть одинъ день дома.

Какъ вдругъ слышу—шумъ. Смотрю, войтъ съ понятыми на перелазѣ. Подходитъ, осматриваетъ меня и улыбается.

— А что, миленькій, хорошо здѣсь за тобой ухаживали?

Я еле дышу и весь въ крови.

— Чего же ты не говоришь, родненькій? Говори, не бойся, я тебѣ ничего не скажу.

— Господинъ... войтъ, — простоналъ я, — второй... такой ночи я... не выдержу.

— Не выдержишь, душечка? — насмѣхался войтъ. — Нѣтъ, не бойся, выдержишь. Такія какъ ты умѣютъ выдерживать. Ну, а теперь, миленькій, ты знаешь, что тебѣ отъ меня слѣдуетъ?

Я вытаращилъ на него глаза.

— О, короткая же у тебя память, голубчикъ! А ну-ка, встань да растянись, пожалуйста! Я имѣю право дать тебѣ на завтракъ пять палокъ, не больше. Господинъ понятой, а ну-ка, возьмите вотъ эту черешенку, да хорошенько его!

— А вы, кумъ,—сказалъ войтъ къ моему хозяину, который какъ разъ подошелъ въ это время, — должны будете завтра же съ полудня отправиться съ нимъ въ городъ. Поѣдете вы, вотъ кумъ понятой, я, ну, и арестантъ.

Значитъ, завтра! Мой хозяинъ посмотрѣлъ на меня такъ дико и злобно, точно у него изъ рукъ вырывается какой-нибудь смертельный врагъ, а онъ не можетъ сейчасъ же задушить его. А я снова оцѣпенѣлъ весь, когда подумалъ, что еще ночь придется провести у этого человѣка безъ сердца. Да за что такая мука? По правдѣ сказать, мы, можетъ быть, забрали гульденовъ на сто, не больше, да и изъ этого большая часть вернулась. А мужикъ былъ богатый! У него въ амбарѣ — лишь бы руки, такъ можно было бы и не такъ еще поживиться!..

VII.

— Кумъ понятой останется здѣсь, чтобы постеречь арестанта,— сказалъ уходя войтъ.

Понятой осмотрѣлъ цѣпь и колодку, а потомъ сѣлъ на порогѣ, разговаривая то съ хозяиномъ, то съ хозяйкой, то со старухою. Хозяинъ вытащилъ плугъ изъ сарая, вынесъ ярмо, потомъ пошелъ къ быкамъ. За это время жена уже и обѣдъ сварила и зоветъ его въ хату.

А я такъ ѣсть хочу, такъ у меня все болитъ, что бѣда! А, вдобавокъ, на заваленкѣ, въ тѣни холодно какъ-то, хоть солнышко ужъ высоко-высоко поднялось. Вылѣзъ я на солнце, сѣлъ на камень, и смотрю на сѣни. Слышу: ложками стучатъ, разговариваютъ, просятъ понятого къ обѣду.

— Съ Богомъ, пусть Богъ благословитъ!—отвѣчаетъ понятой (онъ сидитъ на порогѣ, ко мнѣ спиной).—Я,—говоритъ,— кое-что перекусилъ, а скоро жена принесетъ мнѣ обѣдать.

Обо мнѣ и думать забыли. А тутъ борщъ забѣленный такъ

славно запахъ, такъ запахъ!.. Господи, кажется, годъ жизни отдалъ бы за одну тарелку!

Пообѣдали. Хозяинъ отправился за волами. Смотрю, а старуха украдкой несетъ мнѣ миску борща.

— А что—говоритъ—бѣдняжечка, о тебѣ всѣ забыли? На, сиротинушка, хлебни, поддержи силушки. Да поскорѣе, чтобы тотъ иродъ не увидалъ!

— Пусть вамъ Богъ, бабуся, сторицей воздастъ! — сказалъ я и взялъ миску. Руки у меня тряслись, но и подъ старухой колѣни сгибались отъ страха. Да куда тамъ! Только что я немного хлебнулъ, какъ тутъ „иродъ“ подходитъ. Какъ увидѣлъ, такъ, точно искра, вспыхнулъ.

— Что,—крикнулъ онъ,—вы еще тутъ моимъ добромъ воровъ кормите? Смолы ему горячей!..

И съ этимъ словомъ выхватилъ у меня миску и швырнулъ ею въ старуху; счастье, что не попалъ: миска разбилась на мелкіе черепки. Старуха убѣжала, а онъ ко мнѣ.

— Хоть бы ты съ голоду издохъ, такъ и тогда бъ ты ничего у меня не получилъ. Вотъ отсохни у меня рука, если не такъ!

— Однако, кумъ, такъ нельзя!—промолвилъ понятой.

— Что? Мнѣ войтъ приказалъ стеречь его, но кормить меня никто не заставитъ. На это нѣтъ никакого права.

И онъ отправился къ воламъ. Проходя мимо меня, онъ еще разъ изо всей силы толкнулъ меня сапогомъ въ грудь. Я, какъ сидѣлъ на камнѣ, такъ и перекувырнулся лицомъ вверхъ и не помню, что потомъ со мною было. Помню только, что сразу у меня духъ захватило, словно бы кто перевязалъ горло веревкой. А когда очнулся, то уже былъ на другомъ мѣстѣ, облитый водою, а возлѣ меня возились старуха и понятой. При дыханіи въ груди страшно кололо. Видите, кость сломалась,—до сихъ поръ болтается.

VIII.

Солнце высоко поднялось, былъ полдень, жарило точно огнемъ. Понятой пошелъ подъ навѣсъ и, съѣвъ обѣдъ, который принесла ему жена, сѣлъ на колоду и мало-по-малу задремалъ. Хозяйка

возилась въ хатѣ, а старуха, точно насѣдка, ходила сюда и туда.

— Эй, бабуся,—говорю я къ ней — дай вамъ Богъ вѣкъ долгій, дайте чего-нибудь перехватить!

— Боюсь я, сыночекъ.

— Не бойтесь! Понятой не запретитъ, а „онъ“ уѣхалъ.

Старуха подумала, а потомъ пошла въ хату, поторговалась немного съ хозяйкой и вынесла мнѣ миску борща, ломоть хлѣба, каши съ молокомъ, такъ что я, слава Богу, немного подкрѣпился. Господи—думаю про себя—если бы какъ-нибудь убѣжать.

Старуха вынесла прялку на заваленку, сѣла и прядетъ. Понятой началъ съ нею какъ-то лѣниво разговаривать о чемъ-то. Жара невыносимая.

— Эй, господинъ понятой!—стону я.—Сжальтесь надо мною. Смотрите, какъ солнце печетъ, а я такъ измученъ, избитъ! Позвольте мнѣ отдохнуть немного вонъ тамъ, въ ригѣ. И такъ, когда хозяинъ пріѣдетъ, то мнѣ ночью не будетъ сна.

— Охъ, такъ, такъ!—прибавила старуха.—Ужъ какъ онъ надъ нимъ въ эту ночь издѣвался, сохрани Боже! Я не знаю, какъ сирота и выдержалъ.

Понятой колебался.

— А не сбѣжишь ты, сударь?

— Побойтесь Бога, да какъ мнѣ убѣжать? Я и шага не могу сдѣлать! Кабы только живымъ въ городъ пріѣхать да въ больницу попасть. Да еще и цѣпь на мнѣ такая тяжелая. Хоть бы немного отдохнуть на гумнѣ, на соломѣ.

— Позвольте ему, позвольте, господинъ понятой—сказала старуха.—Тамъ есть солома еще съ третьяго дня и дерюга и тулупъ, которымъ хозяинъ накрывался, когда ночевалъ на гумнѣ. А если двери отворить, то отсюда его видно будетъ. Да и куда ему тамъ бѣжать?

— Ну, по мнѣ, иди полежи, сказалъ понятой и подкатилъ свою колоду такъ, что каждую минуту могъ меня видѣть.

— Слава тебѣ, Господи!—подумалъ я, и полѣзъ на четвереньках на гумно. Легъ, прикрылся тулупомъ,—ахъ, какъ мнѣ легко сдѣлалось! Какую-то новую силу почувствовалъ я въ себѣ, какую-то бѣшенную отвагу. Лежу лицомъ вверхъ, смотрю. Закрома

полны снопов, до самых балок наложено. А надъ балками нѣтъ ничего, такъ что можно пролѣзть. Лишь бы добраться туда,—думаю себѣ,—а тамъ ужъ пустяки. Продралъ бы уголокъ да внизъ по крышѣ, да въ огородъ за ригу, а тамъ... мнѣ, впрочемъ, и думать не хотѣлось, что будетъ „тамъ", лишь бы отсюда выбраться. Смотрю дальше. Понятой клюетъ носомъ, старуха прядетъ на заваленкѣ. Если бы я тихонько сдѣлалъ свое дѣло, не услыхали бы, а пока спохватятся, то, вѣрно, достаточно времени уйдетъ. Да вотъ, желѣзныя путы, которыми скованы моя правая рука съ лѣвой ногой! Что съ ними дѣлать? А попробовать—думаю—не удастся ли ихъ съ руки стащить. Двинулъ я разокъ—нѣтъ. Еще разъ не идетъ, хотя немного и поддается. Э—думаю себѣ,—хоть бы и шкуру пришлось содрать съ руки, все пустяки! Но пока что, я еще побаиваюсь: а вдругъ понятой придетъ посмотрѣть! Думаю себѣ: подождать бы еще! Пока что, нужно накрутить тоненькія полоски сѣна, а потомъ обмотать ими путы, чтобы не бряцало. Сѣно лежало въ углу; досталъ я его порядочный клокъ, и, держа руки подъ тулупомъ, кручу, а самъ оглядываюсь на всѣ стороны. Вдругъ смотрю, мой понятой вскочилъ, оглянулся, идетъ ко мнѣ.

— А что ты, ворюга, спишь?

— Дремлю.

Пришелъ, посмотрѣлъ на меня — и пошелъ на свою колоду.

IX.

— Теперь пора!—подумалъ я и послюнилъ скованную руку, чтобы желѣзо легче съ нея соскользнуло. Какъ двинулъ, оно такъ и соскочило, хоть кости на ладони захрустѣли. Ну, слава тебѣ, Господи, что рука свободна! Скоренько я обмоталъ сѣномъ путы, привязалъ ихъ къ ногѣ, а сверху натянулъ штанину. Теперь бы на балки! Оглянулся: понятой дремлетъ подъ навѣсомъ, старуха прядетъ. Хорошо! Легонько-легонько выползъ я изъ-подъ тулупа, но такъ, чтобы онъ оставался лежать такъ же, какъ и раньше, и чтобъ издали могло казаться, что я лежу на мѣстѣ. А какъ только вылѣзъ изъ-подъ тулупа, шасть въ уголъ,

гдѣ меня изъ подъ навѣса ужъ не видно было, а оттуда вверхъ по столбу на балку. Тяжело было, но страхъ придалъ силы,— выкарабкался я! Ну, а съ балки ужъ не трудно было добраться и до крыши. Разъ два, вытащилъ изъ крыши нѣсколько клоковъ соломы, перегрызая связки зубами, и сквозь это отверстіе протиснулся наружу. Боже, какимъ прекраснымъ показался мнѣ свѣтъ, когда избитый, измученный, дрожащій, выдвинулъ я голову изъ подъ крыши, точно щуръ изъ муки. Дальше, дальше! Внизъ по крышѣ, да въ садъ, да внизъ садомъ къ рѣкѣ!.. Рѣка не широкая, но глубокая, спокойная. Нѣтъ времени думать—прыгъ въ воду! А за водою луга, далѣе—лозовые кусты, ольховыя рощи, а затѣмъ широчайшіе луга, усѣянные скирдами сѣна, точно звѣздами.

Бросился я, какъ стоялъ, въ воду и такъ меня эта вода освѣжила, что я мигомъ очутился на другомъ берегу, перебѣжалъ черезъ лугъ да въ лозы. Здѣсь я хозяинъ! Кто меня тутъ найдетъ! Лишь тутъ я позволилъ себѣ отдохнуть. Прислушиваюсь— ого, въ селѣ крикъ, шумъ, гвалтъ! Бѣгаютъ по саду, ищутъ, толкуютъ. Эге—думаю себѣ,—ищите теперь вѣтра въ полѣ!

Шмыгнулъ я лозами, и въ луга. Гдѣ возлѣ сѣна находились люди, тамъ я ихъ обходилъ, прячась за стогами. Луга въ этихъ мѣстахъ тянутся далеко-далеко надъ рѣкою: нѣсколькимъ помѣщикамъ принадлежатъ. Кое-гдѣ копны, кое-гдѣ уже стога, а дальше совсѣмъ пусто.

Вечерѣло. Я страшно былъ измученъ: хочется пить, все тѣло болитъ. Рѣшительно нужно было гдѣ нибудь отдохнуть. Отыскалъ я громадный стогъ на холмикѣ, надъ самою рѣкою. Стогъ былъ уже давно законченъ, покрытъ и перевязанъ крестъ-на-крестъ прутьями лозы. Я по прутьямъ вскарабкался на самую верхушку, вырылъ тамъ подъ самымъ верхомъ нору въ сѣнѣ, чтобы она могла совсѣмъ укрыть человѣка, а вырытое сѣно запихалъ внизъ подъ прутья. Тогда къ водѣ! Раздѣлся совсѣмъ, обмылъ свои тряпки отъ крови, обмылся самъ. Если бъ вы видѣли тогда мое тѣло—все синее, а красныхъ рубцовъ безчисленное множество!

Выкупался я такъ хорошо въ водѣ, пока на берегу мое тряпье не высохло, а потомъ забрался въ свое логовище. Высоко такъ, никто съ земли не нащупаетъ, и при этомъ голова засло-

нена сѣномъ, а мнѣ изъ моей норы видно далеко-далеко все, какъ на ладони. Но недолго я осматривался кругомъ. Пусто, ни живой души. Какъ заснулъ я послѣ всѣхъ этихъ невзгодъ! Два дня я не вылазилъ изъ своей норы. По временамъ я чувствовалъ себя такимъ слабымъ, что почти ни рукой, ни ногой не могъ пошевелить и ужъ ждалъ смерти,—но потомъ опять охватывала меня какая-то новая сила и я опять начиналъ раздумывать о томъ, что дѣлать дальше.

X.

Что же дальше? Пролежалъ я этакъ двое сутокъ, не шевелясь, а потомъ – ужъ не въ моготу: голодъ, жажда. Подумалъ я, дождался вечера, и долой изъ норы, и, конечно, къ тому самому селу! Тамъ у меня знакомый былъ,—я къ нему. Поѣлъ, подкрѣпился, и таки въ ту же ночь мы отправились къ тому самому мужику въ амбаръ. Ну, ужъ и обчистили мы его,—вѣрно, не пожалуется на насъ! Я такъ былъ на него золъ, что, не будучи въ состояніи взять съ собою два тулупа, порѣзалъ ихъ на кусочки.

Потомъ ужъ я не разъ справлялся у тамошнихъ: а что тамъ мой хозяинъ подѣлываетъ? Смѣялись. Говорятъ, что сразу на старуху было напалъ, чуть не убилъ, говорилъ что это она выпустила вора. А какъ пообчистили его немножко, такъ притихъ. Все—говорятъ—боится, чтобы его не подожгли.

— Дуракъ, дуракъ!—говорю я. Передайте ему, чтобъ не боялся. Я не такъ глупъ, какъ онъ, чтобы воровалъ и въ то же время печать*) по себѣ оставлялъ. За поджогъ наказаніе большое, а поживиться нечѣмъ. Вы ему скажите, чтобъ онъ снова свой амбаръ набилъ всякимъ добромъ, а ужъ я какъ-нибудь по старому знакомству навѣдаюсь къ нему!

Львовъ, сентябрь 1881 г.

*) На воровскомъ жаргонѣ—слѣдъ, знакъ, измѣна.

ИСТОРІЯ МОЕЙ СОЛОМОРѢЗКИ.

ИСТОРІЯ МОЕЙ СОЛОМОРѢЗКИ.

(Посвящаю вѣрному другу К. Бандривскому).

Ужъ какъ мнѣ надоѣло готовить эту сѣчку на нашемъ простомъ ручномъ станкѣ, — просто сказать не могу! Бывало, какъ приходитъ зима, такъ человѣкъ этой сѣчки боится больше, нежели лѣтомъ косьбы. Въ долгія зимнія утра стоишь, бывало, въ морозъ, на гумнѣ, смотришь на огонь, чтобы несчастья не надѣлать, каждую минуту ножъ заправляешь и такъ давишь и тянешь, что у тебя все нутро изсохнетъ прежде, чѣмъ ты этой сѣчки хоть немножко выжмешь. А много-ли ея нужно было! Ровно столько, чтобы лошадямъ на день хватило; про коровъ да быковъ и мысли не было. И потомъ, какъ подросли мои мальчики — снова бѣда. Наработается за день, умается, — куда ему вечеромъ къ станку становиться. Легъ-бы и спалъ, а не ножомъ тянуть! Ужъ такъ я мучился, что, знаете, противно даже стало.

Какъ вдругъ слышу, говорятъ люди,—появились такіе станки, что машиною рѣжутъ сѣчку: и мелко — какъ макъ, и легко, и скоро. На этомъ станкѣ три человѣка мѣрокъ пятьдесятъ мелкой сѣчки за день нарѣжутъ! Я сразу и вѣрить не хотѣлъ. Кто-бы тамъ—думаю, заботился о бѣдномъ мужикѣ, кто-бы думалъ о томъ, какъ горько приходится ему эта сѣчка и даже машину для него выдумывалъ! Узнаю я потомъ отъ одного, другого, третьяго — таки правда! Говорятъ, что ужъ есть такая машина: и батюшка купилъ, и помѣщикъ. Говорятъ люди, что

видѣли собственными глазами и нахвалиться не могутъ. — А — подумалъ я, — слава тебѣ, Господи! Ужъ тамъ пусть будетъ, что будетъ; послѣднюю, не дай Господи, корову продамъ, а соберу деньжонокъ на эту машину! Но гдѣ ее достать? Въ нашемъ селѣ не отъ кого узнать. Батюшка съ обществомъ въ ссорѣ изъ-за того, что не хотятъ выбрать его въ совѣтъ; учитель такой, что и самъ мало знаетъ; а больше спросить не у кого. Снова разспрашиваю на ярмаркахъ у крестьянъ да все выбираю людей изъ другихъ деревень, чтобы въ нашемъ селѣ никто и не узналъ объ этомъ. Потому, видите, у насъ народъ странный такой, смѣяться станутъ. А тутъ еще — думаю, и самъ я не видалъ, какой такой станокъ, какъ онъ работаетъ; а что, если окажется, что все пустяки, и я опростоволосюсь; засмѣютъ такъ, что и девятью водами не смоешь. Да еще меня! Меня давно ужъ люди прозвали „деревяннымъ философомъ“ за то, что въ свободное время люблю что-нибудь смастерить. Какую легкую руку далъ мнѣ Господь къ мастерству: что глазами увижу, то руками сдѣлаю! Вотъ, напр., видалъ я на круподернѣ въ городѣ жернова, которыми крупы дерутъ; присмотрѣлся хорошенько, а потомъ какъ сталъ возиться у себя дома, какъ началъ столярничать, такъ и смастерилъ себѣ такіе же жернова. И подите-ка — какъ славно мелютъ! И какъ же, Господи, твоя воля, смѣялись надо мною сосѣди за эти жернова! Нельзя было на селѣ показаться; все спрашиваютъ: „А что, кумъ, жернова цѣлы?“ Такой ужъ, скажу вамъ, странный народъ! Но, несмотря на это, теперь ходятъ ко мнѣ на моихъ жерновахъ молоть и не нахвалятся. А вотъ еще съ мельничкой, что хлѣбъ вѣетъ... Возился я съ ней чуть не мѣсяцъ. Сосѣди, бывало, — зимой это дѣло было — сойдутся въ моей хатѣ, усядутся, гуторятъ и смотрятъ, какъ я эти дощечки складываю, разбираю, примѣриваю, отрѣзываю, отстругиваю. Конечно, человѣкъ я не ученый, а такъ себѣ, самоучка, безъ хорошаго инструмента, безъ всего — ну и смѣются надо мною, а то и прямо скажутъ: „Бросили-бы вы эту возню, пустую вы работу затѣяли!“ А я ничего, дѣлаю свое и такую мельничку соорудилъ, какъ рука правая! И тѣ, что смѣялись, ко мнѣ же идутъ хлѣбъ вѣять. А между тѣмъ, я все-таки у нихъ „деревянный философъ!“

Я, конечно, мало обращаю вниманія на то, что надо мной

смѣются,—однако, все-таки, видите, человѣкъ не дерево: слово да насмѣшка донимаютъ таки. Смѣхъ мнѣ этотъ поперекъ горла сталъ. Такъ что я подумалъ себѣ: нѣтъ, о станкѣ никому не скажу до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ у меня вотъ тутъ на гумнѣ и пока самъ не испытаю, какая сила въ немъ.

Какъ-бы тамъ ни было, прошло мѣсяца два, пока я раздобылъ немного денегъ, а въ это время все развѣдываю среди разныхъ людей,—не продается ли гдѣ такой станокъ! Вотъ однажды,—дѣло было подъ осень,—слышу я отъ одного еврея, что гдѣ-то въ Самборѣ есть какая-то еврейка, у которой мужъ былъ управляющимъ какихъ-то имѣній. Такъ вотъ онъ гдѣ-то раздобылъ, неизвѣстно зачѣмъ, такой станокъ. А теперь еврей умеръ, еврейка продала-бы станокъ за дешевую цѣну. Услышалъ я это и обрадовался, словно ни вѣсть чему. Сейчасъ же, въ нѣсколько дней, собрался, взялъ съ собой всѣ свои деньги, приказалъ запречь лошадей и ѣду въ Самборъ. А дома никто, даже сыновья мои, не знаютъ о моемъ намѣреніи.

Пріѣхалъ я, добрался я до этой еврейки... Такъ и такъ, говорю, купилъ-бы станокъ, если у васъ продается.

— Охъ, — говоритъ еврейка, — есть, но разобранный, разбросанный...

— Да я соберу,—говорю я, а самъ такъ и дрожу,—что если вдругъ не сумѣю! Вѣдь сколько живу, а не видалъ такого инструмента.

— Ну такъ идите за мною!

Пошли мы, полѣзли на чердакъ, а тамъ хламу всякаго, не приведи Господи! Стала она рыться, вытащила какія-то деревянныя подножки, какой-то ящикъ желѣзный съ зубчатымъ валомъ, какое-то колесо, какіе-то кривые ножи и все это положила въ кучу передо мной.

Я сталъ надъ этимъ, какъ дуракъ передъ заборомъ... Но, думаю себѣ, не показаться-бы глупцомъ передъ еврейкою,—нужно хоть видъ сдѣлать, что человѣкъ кое-что понимаетъ...

— А гайки гдѣ?—спросилъ я наугадъ.

— Ой, гдѣ-то затерялись!—сказала еврейка и снова кинулась искать. А я такъ даже вздохнулъ. Значитъ гайки нужны! Спустя минуту, еврейка на самомъ дѣлѣ подала мнѣ нѣсколько гаекъ и ключъ.

— Ну, теперь все! — сказала она. — Вы, видно, знаете въ этомъ толкъ? Посмотрите сами, какая ему цѣна?

— Небольшая, — сказалъ я, съ видомъ знатока оглянувъ станокъ. Старинный очень, тяжело идти будетъ!

— Ну, за то я вамъ дешево отдамъ, сказала еврейка. — Дадите тридцать гульденовъ.

— Слава тебѣ, Господи,—подумалъ я себѣ.

Я полагалъ, что нужно будетъ дать пятьдесятъ, а она только тридцать проситъ. Ну, да авось еще сколько-нибудь спуститъ. И говорю еврейкѣ:—Да что вы говорите, тридцать гульденовъ. Да и теперь новую за такія деньги достанешь!.. Я вамъ дамъ пятнадцать.

— Ой, слишкомъ вы мало даете, хозяинъ, — застонала еврейка.—Дайте двадцать пять!

Наконецъ, мы сошлись на двадцати. А станокъ я уже и не берусь складывать. Самъ прямо дрожу; а что, думаю, если и дома сложить не сумѣю и такую сумму даромъ выброшу! А потомъ думаю:—Нѣтъ, пусть будетъ, что будетъ, а я долженъ на своемъ поставить!

Забралъ я все это на возъ: мелочь сложилъ въ мѣшокъ, а подставку обложилъ соломой, накрылъ дерюжкой — стоитъ она, растопырившись, совсѣмъ такъ, какъ еслибы человѣкъ лежалъ на возу и колѣни кверху задралъ. Сладилъ все, ѣду. Слава Тебѣ, Господи, думаю себѣ, что въ село только ночью пріѣду. Можетъ быть и до хаты доѣду, и никто меня не замѣтитъ. Ѣду я, ѣду, оставляя село за селомъ, и все дрожу, что вотъ-вотъ встрѣтится знакомый и спроситъ, что я везу. Ужъ и самъ не знаю, что это со мною стало и чего я такъ боялся. Словно краденное везу. Такъ ужъ у насъ: засмѣютъ человѣка за то, чего сами не понимаютъ. Вотъ почему и радъ-бы иной что-либо хорошее сдѣлать, да не начнетъ, — боится людей, словно онъ ни вѣсть какое лихое дѣло задумалъ.

Наконецъ, приблизился я къ своему селу. Смерклось. Я еще постоялъ немного за селомъ, у корчмы, чтобы совсѣмъ стемнѣло, а потомъ ѣду. Глядь, а на мою бѣду, какъ только я къ селу, а тутъ мѣсяцъ выходитъ да такой полный, круглолицый, словно-бы нигдѣ ничего не случилось. Вотъ, вы видите меня; я не такой

человѣкъ, чтобы зря разсердиться; но этотъ мѣсяцъ едва не вывелъ меня изъ терпѣнія, чуть не выругалъ я его, бѣднаго, площадными словами. Правду сказать, я совсѣмъ его не ожидалъ, а тутъ вдругъ такъ свѣтло сдѣлалось, словно день наступилъ! На моемъ возу уже издали что-то виднѣется, словно вотъ сани опрокинутся, и каждый разъ, что возъ наскочитъ на камень, оно во всѣ стороны качается. А тутъ еще собаки—въ нашемъ селѣ, что домъ, то и собака — почуявъ, что кто-то ѣдетъ, гурьбою вылетѣли на дорогу,—пристаютъ такъ, что землю подъ собою грызутъ, съ музыкою меня провожаютъ! Но слава Богу и за то, что ни одного человѣка ужъ нѣтъ на улицѣ, не будутъ спрашивать, что я везу...

Нѣтъ, ужъ если лихая бѣда за тебя возьмется, то и конемъ ее не объѣдешь!.. Подъѣзжаю къ церкви, смотрю, посреди дороги кто-то стоитъ, глядитъ.— Тьфу ты, бѣсъ!—подумалъ я.—Проклятыя собаки разбудили сторожа, сейчасъ начнетъ спрашивать. Такъ и есть! Какъ только мы поровнялись, а онъ ко мнѣ.

— Это вы, дяденька?

Я сейчасъ же по голосу узналъ, что это дуракъ Савка, моего сосѣда сынъ.

Ну, нашли кого на стражу поставить!

— А, конечно, я—говорю.

— А откуда это вы такъ поздно ѣдете, что всѣхъ собакъ разбудили?

— Жалко—говорю,—собаки и тебя разбудили.

— Вѣрно! А мнѣ какъ разъ начало сниться, что воры церковь обкрадываютъ. Вскакиваю, а это вы! Да откуда ѣдете?

Что сказать дураку? Развѣ онъ поймётъ что-нибудь?

— Изъ Грайгоры,—говорю.

— А что хорошаго везете?

— Охъ, не спрашивай,— говорю я, словно испугавшись. Разсердился я, что онъ стоитъ какъ столбъ и выпытываетъ у меня.

— Да скажите! Я, ей-богу, никому не скажу!

— Не скажешь?

— Убей меня Богъ, не скажу!

— Ну,—говорю я, оглядываясь и шепотомъ—я убилъ еврея съ деньгами и везу его домой закопать подъ домомъ.

— Ой!—вскрикнулъ испуганный Савка.—А зачѣмъ?

— На счастье, глупый Савка, чтобы дома всегда деньги водились.

Съ тѣмъ я и поѣхалъ, замѣтивъ, что мой Савка прямо горитъ отъ нетерпѣнія и любопытства. Оглянулся назадъ, а мой Савка бѣжитъ вдоль забора вслѣдъ за мною. Бѣжитъ и бѣжитъ. А до моей хаты уже недалеко; заѣхалъ я, отворилъ плетень на выгонъ, потомъ отворилъ ригу, заѣхалъ на токъ, выпрягъ лошадей, а возъ оставляю на току. Взглянулъ, а мой Савка трясется подъ плетнемъ и глазами слѣдитъ за тѣмъ, что я буду дѣлать. А я ничего, словно и не вижу его. Поставилъ лошадей, задалъ корму, да и въ хату.

Поужиналъ я, легъ спать, и ни о чемъ не думаю. На другой день проснулся я до свѣта да къ станку. И мальчика взялъ съ собою. Сейчасъ мы круть-верть, что къ чему приходится, примѣриваемъ, пробуемъ... Слава тебѣ, Господи, все у насъ какъ по маслу идетъ! Въ полчаса и сложили и попробовали—рѣжетъ такъ, что ну! Я словно на свѣтъ народился, значитъ не даромъ деньги отдалъ! А мальчикъ такъ даже въ ладоши хлопаетъ, налюбоваться не можетъ машиною. Въ минуту мы цѣлую кучу соломы для пробы нарѣзали, возъ выкатили, и въ хату. Благодать!

Только что мы сѣли обѣдать, какъ вдругъ собака залаяла. Посмотрѣлъ въ окно—го-го-го!... И войтъ, и понятой, и писарь, и человѣкъ пять крестьянъ съ палками. Въ хату не идутъ, а стали около одного угла моей хаты, роютъ, щупаютъ, ищутъ... Что за причина?—думаю себѣ. Чего имъ нужно? Хочу выйти изъ хаты—какъ вдругъ изъ-за дверей слышу голосъ десятника: нельзя! Сидите въ хатѣ!.. Что за бѣда?.. Сижу я. Обошли кругомъ хату, обпачкались по колѣни, потомъ пошли въ сарай, вокругъ клѣти, кругомъ риги. А я ума не приложу: что за несчастье? Спятили люди или, можетъ, грабежъ какой? Наконецъ, они входятъ въ хату.

— Десятники!—говоритъ войтъ, ни привѣтствуя, ни здороваясь—станьте около него! Убѣжитъ,—вы будете въ отвѣтѣ!

Я сталъ, вытаращилъ глаза, а тутъ десятники, какъ апостолы, около меня.

— Господинъ войтъ,—говорю я,—что это значитъ?

— Гм, гм,—покряхтѣлъ войтъ, усаживаясь на скамьѣ и колотя палочкою по землѣ. Ужъ это мое дѣло. Вы должны молчать и отвѣчать.

— Молчать и отвѣчать?—удивлялся я.—Какъ же я отвѣчу, если буду молчать?

— Гм, гм!—покряхтѣлъ снова войтъ.—А скажите раньше всего, какъ васъ зовутъ?

— Я? Развѣ вы не знаете? Развѣ я изъ другой деревни или что?

— Отвѣчайте!.. Кто тутъ старшій въ селѣ: я или вы?

Въ своей хатѣ я старше всѣхъ! —вскрикнулъ я разозлившись. Это что за разбой! Я ни передъ кѣмъ ни въ чемъ не виновенъ, а тутъ вдругъ на меня нападаютъ! Господинъ войтъ, я на васъ жалобу подамъ!..

— Хе-хе-хе!—смѣялся войтъ, а поглядите-ка, какъ держитъ себя!.. Ни передъ кѣмъ ни въ чемъ невиновенъ! Ну, ну, давай Боже! сейчасъ посмотримъ. А скажи-ка мнѣ, невинный человѣкъ, куда ты дѣвалъ убитаго еврея, котораго ты вчера ночью везъ?

— У меня словно повязка съ глазъ упала. Какъ засмѣюсь я, какъ зальюсь смѣхомъ! Будь я проклятъ, если я когда-нибудь со дня своего рожденія такъ хохоталъ! Еле-еле, говорю вамъ, не качался отъ смѣха.

Войтъ сталъ, словно теленокъ, упершійся въ новыя ворота. Но сейчасъ же опять озлился.

— Кумъ, я тебѣ добромъ говорю, не смѣйся; признайся во всемъ, тогда я позабочусь, чтобы тебя высокій судъ не повѣсилъ, чтобы оставилъ тебѣ жизнь. Не отпирайся, если не хочешь дрыгать ногами на висѣлицѣ.

Я еще пуще захохоталъ, даже руками за животъ ухватился. Это вывело войта изъ терпѣнія.

— Вяжите его!—крикнулъ онъ десятникамъ.

— Однако, господинъ войтъ!—сказалъ я, придя немного въ себя,—постойте, я вамъ во всемъ признаюсь, и даже милости вашей на судѣ просить не буду. Чѣмъ быть повѣшеннымъ за одну ногу, такъ лучше за обѣ!

— Признаешься?

— Ну,—разумѣется!

— Ну, гдѣ же этотъ убитый еврей?.. Еще не закопалъ его подъ уголъ?

Нѣтъ, нѣтъ!

— Ну, такъ гдѣ же онъ?

— Лежитъ въ ригѣ.

— Иди, покажи намъ!

Взялъ я ключъ, идемъ. Смотрю, а около риги стража. Ну, слава тебѣ, Господи!—и Савка тутъ!—Тѣмъ лучше. А народу собралось полный хлѣвъ. Значитъ, все село уже обошла вѣсть, что „деревянный философъ“ еврея убилъ и подъ уголъ дома закопать хотѣлъ. Я иду посреди всей этой толпы и усмѣхаюсь, а кругомъ крестьяне: шу, шу, шу!.. „смотрите, молъ, вѣшать его будутъ, а ему все нипочемъ! Сказано, „деревянный философъ!“

Подошелъ я къ дверямъ, а десятники все вокругъ меня! Отворилъ...

— Ну, прошу, панъ войтъ, вотъ убитый еврей!

— Войтъ посмотрѣлъ и вытаращилъ глаза.

— А-а-аа! Это что?

— То самое, что вчера ночью везъ.

Станокъ для рѣзки сѣчки!

Какъ захохочетъ весь столпившійся въ сараѣ народъ, такъ, вѣрно, на небѣ слышенъ былъ этотъ хохотъ. И десятники, и понятые—всѣ хохотали; даже войтъ улыбнулся и сталъ извиняться за эту оказію и за то, что повѣрилъ глупому Савкѣ. Смѣхъ на все село. А станокъ я въ тотъ же день попробовалъ,—пять кулей соломы нарѣзалъ! Вотъ такъ-то я и станокъ пріобрѣлъ и надо всею деревней насмѣялся!

23 Сентября 1881 г.

ЦЫГАНЫ.

ЦЫГАНЫ.

I.

Убогое горное село Ластовки расположилось у верховьевъ Стрыя, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ послѣ своей большой излучины подъ Турку поворачиваетъ къ Синеводску, извиваясь между горъ и лѣсовъ. Въ этомъ небольшомъ заброшенномъ селѣ среди лѣсовъ и дебрей прячутся разбросанныя, убогія хатки бойковъ *). Ниже села, за отрѣзкомъ чернаго лѣса, достигающаго самаго берега рѣки, надъ Стрыемъ торчитъ высокая скала. Отвѣсной стѣной громоздится она надъ самымъ поворотомъ рѣки, а вершиной, зеленой отъ мху и папоротниковъ, высится надъ окрестными горами. Лѣтомъ Стрый плещется объ ея основаніе, но осенью онъ грозно реветъ и пѣнится, заливая узкую тропинку, вьющуюся подъ скалою вдоль его берега. А кругомъ расположились горы, покрытыя чернымъ сосновымъ лѣсомъ; только кой-гдѣ верхушки ихъ свѣтятся безлѣсными полянами, которыя кажутся сѣрозелеными пятнами на темномъ фонѣ. Пусто и жутко въ осенній день у скалы— только волны Стрыя ревутъ и разбиваются объ острые камни.

Пусто и жутко было также въ душѣ стражника, который въ осенній слякотный день, въ плащѣ и шляпѣ, съ пѣтушьимъ перомъ, съ ружьемъ за плечами, шелъ тропинкою надъ рѣкой и внимательно озирался кругомъ. Нигдѣ ни живой души, ни голосу людского, и если-бъ не утоптанная тропинка надъ рѣкой, то можно было бы подумать, что здѣсь, въ этой дикой лѣсной котловинѣ, не ступала еще человѣческая нога отъ сотворенія міра.

*) Карпатскіе горцы-малороссы.

— Тьфу ты, собачья служба!—ворчалъ стражникъ, обтирая платкомъ усы, съ которыхъ капала дождевая вода.—Лазь да лазь, какъ проклятый, по этимъ чертовскимъ вертепамъ, и все попусту. Эти мерзавцы бойки боятся стражника, какъ чорта; всякій, какъ только гдѣ встрѣтитъ, обходитъ его на тысячу шаговъ. Такъ и кажется, что каждый изъ нихъ только-что что-нибудь укралъ или убилъ кого-нибудь. А если ужъ кого поймаешь, то скорѣе что-нибудь узнаешь отъ этой скалы, нежели отъ него. Чортъ бы побралъ этотъ скверный, глупый народъ. Такъ ворча, приближался стражникъ къ скалѣ и поминутно поглядывалъ на Стрый, который сердито разбивалъ свои волны о камни, какъ-будто и самъ злился на этихъ дикихъ, тупыхъ бойковъ.

— О, сколько воды!—продолжалъ ворчать стражникъ.—Какъ бы только она не залила тропинки да мостковъ не снесла, не добраться тогда мнѣ сегодня до этихъ чортовыхъ Ластовокъ, хотя до нихъ ужъ рукой подать. Въ этихъ горахъ мнѣ совсѣмъ нѣтъ счастья, хоть сядь да плачь! Вотъ ужъ четвертый разъ обхожу эти вертепы и ни разу еще мнѣ не посчастливилось поймать вора или разбойника. А между тѣмъ стоитъ только взглянуть, чтобы убѣдиться, что воровъ и разбойниковъ здѣсь должно быть изрядное количество и, что хуже всего, даже какого-нибудь несчастнаго бродягу или старика-нищаго не пришлось мнѣ до сихъ поръ арестовать. Какъ-будто сговорились не попадаться мнѣ на глаза. А другой пойдетъ, такъ каждый разъ этихъ бродягъ, нищихъ да цыганъ пригонитъ цѣлую ораву, полную тюрьму набьетъ. А я хоть бы тебѣ одного привелъ! Чортъ бы побралъ такое счастье — и только!..

И стражникъ сердито смотрѣлъ впередъ. Онъ стоялъ ужъ передъ самой скалой. Тропинка поднималась тутъ немного въ гору и какъ-бы шла по каменной заваленкѣ, то приближаясь къ отвѣсной каменной стѣнѣ, то опять опускаясь чуть-чуть не къ самой водѣ. Еще издали стражникъ увидѣлъ, что сейчасъ-же на первомъ такомъ спускѣ тропинка была залита мутной, пѣнистой водой.

— Вотъ тебѣ разъ!—крикнулъ онъ раздраженно,—опять помѣха! Придется обойти вокругъ этого препятствія, полчаса карабкаться по кустамъ и разсѣлинамъ, а за это время я могъ

бы уже быть въ Ластовкахъ. А пусть тебя громы небесные побьютъ съ такими порядками!

И скользя въ своихъ тяжелыхъ сапогахъ по мокрому мху, стражникъ повернулъ направо, межъ пнями, подъ гору, чтобъ обойти скалу. Нечаянно какъ-то онъ бросилъ взглядъ въ сторону—и остановился. Что за чортъ! Ему показалось, что изъ скалы легонькими клубами выползалъ дымъ, который, словно испугавшись чего-то, быстро расплывался и исчезалъ въ воздухѣ. Сразу стражникъ своимъ глазамъ не повѣрилъ. Но когда онъ остановился и вглядѣлся внимательнѣе, то увидѣлъ, что дѣйствительно, изъ-за острыхъ зубовъ скалы, какъ-будто изъ самой средины ея толщи, выходилъ дымъ. Можетъ-ли это быть? Стражникъ былъ не трусъ, а все-таки у него дрожь по тѣлу пробѣжала, ибо онъ никоимъ образомъ не могъ постигнуть, что бы это могло быть. Наконецъ, онъ бросилъ размышлять.

— Вѣрно, гдѣ-то дровосѣки огонь разводятъ. А, можетъ быть, воры? Что бы тутъ дровосѣки дѣлали? Пойду, взгляну.

И онъ съ трудомъ началъ взбираться по скользкимъ скаламъ туда, гдѣ, словно великанъ, торчала высокая каменная стѣна. Сначала онъ ничего не могъ разглядѣть. Наступали уже сумерки; тѣнь отъ скалы густымъ туманомъ покрывала именно то мѣсто, откуда выходилъ дымъ. Напрасно стражникъ напрягалъ взоръ и слухъ—ни увидать, ни услышать нельзя было ничего, кромѣ бѣшенаго рокота прибывающей подъ скалою рѣки да осенняго протяжнаго стона лѣса.

— Эй, кто тамъ? Откликайтесь!—крикнулъ стражникъ, но только голосъ его мрачно прозвучалъ среди скалъ, да противоположная гора повторила конецъ его оклика: „айтесь“. Тогда стражникъ началъ карабкаться еще дальше. На небольшой площадкѣ межъ камней видны были поломанные сухіе сучья, какія-то еще свѣжія кости и даже куски полусгнившихъ тряпокъ. Ну, конечно, это слѣдъ человѣка! — подумалъ стражникъ. Присмотрѣвшись ближе, онъ увидѣлъ едва замѣтную тропинку, которая змѣйкой выползала изъ камней, тянулась потомъ поперекъ площадки и терялась въ тѣни, подъ отвѣсною стѣною, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, откуда выходилъ дымъ. И только, приблизившись шага на два, стражникъ увидалъ выдолбленную въ скалѣ небольшую

дыру, заткнутую обгорѣлымъ сосновымъ бревномъ. Богъ вѣсть отчего, сердце стражника вдругъ какъ-то неспокойно забилось въ груди. Схвативъ обѣими руками карабинъ, какъ-будто готовясь къ нападенію, онъ сталъ осторожно приближаться. Тишь внутри темной ямы еще сильнѣе тревожила его и въ душѣ онъ началъ сердиться на себя за то, что за минуту крикнулъ было такъ громко и выдалъ свое приближеніе. Кто знаетъ, можетъ быть, врагъ, предупрежденный его крикомъ, уже наблюдаетъ за нимъ изъ какой-нибудь скрытой засады? Но вернуться было, можетъ быть, еще опаснѣе, и онъ пошелъ дальше. Наконецъ, онъ остановился предъ самой пещерою, осмотрѣлъ саблю и патронташъ, а потомъ сразу толкнулъ штыкомъ бревно и очистилъ входъ въ пещеру. Дымъ клубами бросился ему въ лицо, но за дымомъ ничего не было видно. Чтобъ заглянуть внутрь пещеры, онъ долженъ былъ нагнуться. Только когда дымъ немного разсѣялся, стражникъ увидѣлъ внутренность высѣченной въ скалѣ пещеры. Сѣрыя каменныя стѣны сходились въ горѣ какъ бы сводомъ. Влага такъ и висѣла на нихъ зеленоватыми каплями. Внизу, въ каменномъ полу, посреди пещеры была выдолблена небольшая яма, въ которой тлѣлъ огонь, прикрытый полусгнившимъ, сильно дымившимся бревномъ. Вокругъ огня сидѣло нѣсколько человѣкъ, дѣтей и взрослыхъ, едва прикрытыхъ грязными лохмотьями. Лицъ ихъ стражникъ не могъ еще разглядѣть, онъ видѣлъ только, какъ нѣсколько паръ черныхъ, испуганныхъ глазъ съ тревогою уставились въ него.

— Кто вы? крикнулъ онъ грозно.

— Цыганы, господинъ! — отозвался грубый, но смирный голосъ.

— А что вы тутъ дѣлаете?

— Бѣдствуемъ, господинъ!

Стражникъ еле-еле протиснулся внутрь пещеры и началъ оглядывать жилище и людей. Въ одномъ углу на маленькомъ возочкѣ лежали кузнечныя принадлежности: мѣхъ, наковальня и молоты; въ другомъ — кучка сухихъ сучьевъ для топлива. На сучьяхъ развѣшано было какое-то грязное бѣлье. Посреди пещеры, недалеко отъ огня, находилась постель всей семьи — куль на половину сгнившей соломы, разложенной на камнѣ, да куча

сухого мху и листьевъ. Только на одномъ концѣ этой постели, на самомъ почетномъ мѣстѣ, лежала невыдѣланная конская шкура, которою ночью прикрывался старый ромъ *).

— А сколько васъ здѣсь? снова грозно спросилъ стражникъ, оборачиваясь къ огню.

— Пятеро, господинъ, пятеро, — отвѣтилъ цыганъ и всталъ, весь дрожа отъ холода. Остальные цыганы также повставали. Кромѣ старика, была тутъ еще цыганка, парень и двое маленькихъ, совсѣмъ голыхъ цыганятъ. Всѣ они посинѣли отъ холода и казались распухшими—должно быть, съ голоду.

— Чѣмъ же вы тутъ живете, бродяги?—продолжалъ стражникъ.

— Милостью Божьей, господинъ, милостью Божьей. Вотъ кобыла у насъ издохла недавно, такъ еще до сегодняшняго дня было мясо.

— А давно вы тутъ?

— Двѣ недѣли, господинъ.

Стражника почему-то злили эти слишкомъ покорные отвѣты стараго цыгана. Въ его плаксивомъ голосѣ, въ этомъ ежеминутно повторяемомъ „господинъ“ — стражникъ видѣлъ скрытую насмѣшку надъ своей властью.

— А много крадете по селамъ?—спрашивалъ онъ дальше.

— Нѣтъ, господинъ, мы не крадемъ ничего. Ромъ Пайкушъ не крадетъ. Ромъ Пайкушъ, пока въ состояніи, живетъ трудомъ своихъ рукъ. Но теперь, когда кобыла пала, мы не можемъ двинуться дальше. Мы должны пробыть здѣсь, пока немного не распогодится.

— Пока новаго коня не украдете!—передразнивалъ стражникъ.—Ну-ка, собирайтесь, маршъ со мною.

— Куда, господинъ?—спросилъ старый цыганъ дрожащимъ голосомъ.

— Не спрашивай. Собирайся съ своимъ поганымъ отродьемъ—пойдемъ въ село. А тамъ ужъ увидимъ, что съ вами дѣлать.

Старый цыганъ стоялъ остолбенѣлый, въ то время какъ ста-

*) Цыгане называютъ себя ромами.

рая цыганка, словно камень съ неба, бросилась стражнику въ ноги и заревѣла, какъ будто ее кто рѣзать хотѣлъ.

— Ой, господинъ! Голубчикъ нашъ! Что тебѣ сдѣлалъ старый Пайкушъ, что тебѣ сдѣлали бѣдные ромы, что хочешь насъ въ такой холодъ выгнать на улицу? Погляди только — моя мелюзга совсѣмъ голешенька, да и мы сами не выдержимъ такой стужи. Сжалься, господинъ, сжалься, не гони насъ никуда. Пусть бѣдные ромы поживутъ еще на свѣтѣ Божьемъ!

— Будешь ты молчать, чучело! крикнулъ на нее стражникъ и оттолкнулъ старую цыганку.—Сейчасъ мнѣ собирайтесь!

Но тутъ вся семья, маленькіе и большіе, съ визгомъ и плачемъ бросились стражнику въ ноги и начали просить и умолять его, чтобъ онъ оставилъ ихъ въ каменной хатѣ. Тѣмъ временемъ стражникъ и самъ раздумывалъ, что ему дѣлать. Село далеко, дорога неровная, безлюдная, приближается ночь, тяжело ему будетъ одному препроводить въ село всю эту ораву.

Онъ быстро передумалъ.

— Ну,—сказалъ онъ,— чего ревете, глупые цыганы? Не бойтесь, авось не съѣмъ васъ живьемъ. Пусть будетъ по вашему—оставайтесь тутъ! Но слушай, старый, пока я вернусь, не смѣй мнѣ отсюда трогаться!

Старый цыганъ стоялъ, какъ столбъ. Удивленными, испуганными глазами глядѣлъ онъ на стражника, почуявъ въ его словахъ какую-то новую бѣду.

— Ну, чего-жъ ты такъ уставился на меня, чего хлопаешь глазами, какъ баранъ? — крикнулъ стражникъ. — Слышишь или нѣтъ, что я тебѣ говорю? Не смѣй трогаться отсюда, пока я на обратномъ пути не приду сюда, а то бѣда тебѣ!

Старый цыганъ все еще стоялъ, словно окаменѣлый. Только цыганка, низко кланяясь, сказала стражнику: — хорошо, господинъ, хорошо!—стражникъ еще разъ оглядѣлъ пещеру, сплюнулъ съ отвращеніемъ—и вышелъ.

— Бродяги проклятые!—ворчалъ онъ, съ трудомъ сходя со скалы.—Вотъ куда ихъ занесло! Однако я ихъ отыскалъ. Ну авось хоть теперь какой нибудь „бельобунгъ *) будетъ!

---

*) Награда.

II.

Ластовскій войтъ, какъ и всякій бойко, былъ неграмотенъ, покоренъ и угодливъ съ властями, а съ подчиненными упрямъ тѣмъ безсмысленнымъ упорствомъ, которымъ отличаются люди съ ограниченнымъ умомъ. Стражники рѣдко заходили въ это село,— поэтому каждое появленіе стражника вызывало въ селѣ настоящій переполохъ. Люди эти, выросшіе въ горахъ да лѣсахъ, считали должность войта тяжелымъ бременемъ, главнымъ образомъ, потому, что войтъ каждый разъ обязанъ былъ являться передъ разными наѣзжающими въ село господами, долженъ былъ отвѣчать на ихъ вопросы, исполнять ихъ приказанія. Кого въ громадѣ разъ насильно „посадили войтомъ“, тотъ обыкновенно оставался на этомъ посту нѣсколько, иногда болѣе десятка, лѣтъ, пока только могъ держаться на ногахъ, потому что безъ крайней необходимости другой никто не рѣшался взять на себя эту страшную обязанность.

Нашъ войтъ былъ только недавно выбранъ, поэтому онъ не совсѣмъ еще освоился съ господами. Онъ немало испугался, когда стражникъ позднимъ вечеромъ вошелъ въ его хату. Но еще больше онъ испугался, когда прибывшій стражникъ разсказалъ ему о цыганахъ. Правда, войтъ зналъ, что цыгане живутъ въ скалахъ; слѣдовательно, не самыхъ цыганъ онъ испугался. Испугался онъ того, что стражникъ таки и тамъ открылъ ихъ и что теперь, вѣрно, и его вмѣстѣ съ цыганами будутъ таскать въ Подбужъ.

— Ну, а вы знаете объ этихъ цыганахъ? — спрашивалъ стражникъ войта.

— Да какъ-будто знаю.

— Что-жъ они, крадутъ?

— Да, вѣроятно, не безъ того. Гдѣ-жъ цыгану выдержать безъ этого! Только старый временами что-то стучитъ молотомъ, какъ-будто работаетъ. Но такая ужъ его цыганская работа...

— Я такъ и зналъ!—проворчалъ стражникъ—Ну, войтъ, на васъ лежитъ отвѣтственность за нихъ.

— На мнѣ!—крикнулъ перепуганный войтъ.—Если они что украдутъ, то я за это долженъ отвѣчать?

— Да. Отвѣтите за все, что произойдетъ въ предѣлахъ

вашего села. У васъ долженъ быть порядокъ. Такой цыганской голытьбы нельзя оставлять безъ призора.

— Ну, а что же мнѣ съ ними дѣлать? Взять ихъ на веревку, что-ли?

— Гдѣ только встрѣтите въ селѣ, сейчасъ ихъ арестовать и отдать въ руки стражниковъ.

— Э, господинъ, да, вѣдь, вельможные „стражники“ такъ рѣдко къ намъ заглядываютъ. А тутъ, если-бъ я одного арестовалъ, то другіе подожгутъ меня.

— Подожгутъ!—крикнулъ стражникъ.—Такъ вотъ они каковы? Подождите, приберемъ ихъ къ рукамъ. Войтъ, поберегите мнѣ этихъ цыганъ, пока я вернусь изъ обхода. Я ихъ заберу съ собой въ Подбужъ.

— А когда же вы вернетесь?

— Завтра и не позже, какъ послѣзавтра.

— Хорошо, я велю ихъ стеречь,—отвѣтилъ войтъ, низко кланяясь стражнику.

Поѣвъ молока и свѣжаго овечьяго сыру, стражникъ легъ на скамьѣ, завернулся въ плащъ и заснулъ. А тѣмъ временемъ войтъ не спалъ, хоть и лежалъ въ постели.

— Какой дьяволъ принесъ этого стражника,—думалъ онъ,—что откопалъ цыганъ въ такой дырѣ, гдѣ ихъ до сихъ поръ никакое начальство не замѣчало? И что теперь съ ними дѣлать? Положимъ, я ихъ арестую и препровожу въ село, то что изъ того, что стражникъ заберетъ ихъ въ Подбужъ? Посидятъ подъ арестомъ пару дней, а потомъ выйдутъ на волю—и, конечно, опять направятся въ Ластовки. Имъ ничего не стоитъ обокрасть или поджечь меня. Что цыгану? Стражникъ далеко, а цыганъ бродяжничаетъ множество: стоитъ одну только шайку задѣть, то всѣ тебѣ враги. Охъ, жизнь моя горькая! Тьфу на твою голову! Развѣ вотъ я что сдѣлаю! Да, да, это будетъ самое наилучшее! Если цыгане убѣгутъ, то что мнѣ стражникъ сдѣлаетъ? Могутъ же они удрать еще въ эту ночь, прежде чѣмъ я узналъ отъ стражника, что ихъ нужно арестовать. Это будетъ самое лучшее, безусловно самое лучшее!..

И съ этой мыслью войтъ заснулъ ужъ около полуночи.

Между тѣмъ стражникъ, несмотря на то, что спалъ на

твердой скамьѣ, видѣлъ очень пріятные сны—„бельобунгъ“, денежную награду и переходъ въ лучшія мѣста, въ Подолію, на русскую границу, гдѣ легко можно „устроить“ выгодную контрабанду и повышеніе, и добычу. Этотъ сонъ придалъ ему еще больше охоты и увѣренности. На другой день онъ раненько всталъ, собрался и, еще разъ строго наказавъ войту стеречь цыганъ, спѣшно отправился въ дальнѣйшій путь, чтобъ еще сегодня дойти до предѣла своего обхода, а завтра вернуться назадъ въ Ластовки.

Тотчасъ по его уходѣ, войтъ намоталъ на ноги тройныя портянки, обулся въ кожаные лапти, надѣлъ на себя тулупъ и баранью шапку, перевѣсилъ черезъ плечо мѣшокъ съ „цесарскимъ орломъ“ и вложилъ въ него пару овсяныхъ хлѣбовъ и кусокъ овечьяго сыру. Приготовившись такимъ образомъ, не говоря никому ничего, пустился онъ въ дорогу къ скалѣ.

— Добрый день вамъ, Пайкушъ,—сказалъ онъ, входя въ пещеру.

— Добраго вамъ здоровья, господинъ войтъ, — отвѣтилъ старый цыганъ.

— А что здѣсь у васъ новаго слышно?—спросилъ войтъ, по бойковскому обычаю не приступая прямо къ дѣлу.

— Скверно, господинъ войтъ! Былъ тутъ у насъ вчера „кокорудза“ *), хотѣлъ вести насъ въ село.

— Въ село? Э, онъ васъ, милые, хотѣлъ вести въ Подбужъ, въ тюрьму.

— За что?

— Развѣ я знаю, за что? Должно быть, ему въ другихъ селахъ очень наговорили о васъ. Не даромъ же онъ васъ такъ разыскивалъ, что даже тутъ пронюхалъ.

— Ой-ой-ой, Божечку нашъ, Божечку,—гуртомъ завыли цыгане,—что-жъ намъ теперь дѣлать?

— Что-жъ я вамъ, бѣдняги, посовѣтую?—сказалъ войтъ.— Онъ мнѣ велѣлъ стеречь васъ, пока самъ не вернется, и тогда отдать ему васъ въ руки.

— И вы хотите насъ теперь арестовать?—сказалъ спокойно, но съ скрытой въ голосѣ угрозой старый цыганъ.

*) На воровскомъ жаргонѣ—стражникъ.

— Богъ съ вами, Пайкушъ!—сказалъ войтъ.—Что-жъ это я васъ отъ сегодняшняго дня знаю, что-ли? Я тотчасъ сказалъ стражнику, что цыганъ—вѣтеръ въ полѣ: вотъ онъ тутъ, вотъ его нѣтъ. Кто его на привязь возьметъ? Вотъ знаете что, тутъ есть немного хлѣба и сыру, возьмите это отъ меня и идите, куда хотите, чтобъ я о васъ и не слышалъ ничего. Не хочу вамъ приносить хлопотъ, но и самъ не хочу черезъ васъ въ бѣду попасть. Понимаете?

— Понимаемъ, господинъ войтъ, понимаемъ! Пусть вамъ Богъ святой заплатитъ!—сказалъ цыганъ, кланяясь, а за нимъ начала кланяться вся его семья. Положивъ на каменномъ полу хлѣбъ и сыръ, войтъ торопливо пошелъ назадъ въ село, стараясь остаться никѣмъ незамѣченнымъ. А въ душѣ онъ смѣялся надъ тѣмъ, какъ будетъ злиться стражникъ, если завтра придетъ, а цыганъ ужъ и слѣдъ простылъ.

III.

Правду говорятъ, что горная осень стоитъ хорошей зимы въ долинахъ. Едва только нашъ стражникъ вышелъ за противоположную границу Ластовокъ, едва только войтъ, совершивъ свою политичную миссію, вернулся обратно въ село, какъ высокая вершина Пирашки, торчащая вверхъ въ видѣ величественнаго трезубца, покрылась густой мглой, или, какъ говорятъ, „задымилась“. Громадными клубами катилась эта мгла внизъ, гонимая сильнымъ свистящимъ вѣтромъ. Въ полчаса ужъ все исчезло въ вихряхъ и клубахъ снѣжнаго урагана, который со всѣхъ сторонъ билъ въ глаза и слѣпилъ пѣшехода, заметая у него подъ ногами тропинку.

Ругаясь и поминутно отплевываясь, боролся стражникъ съ мятелью и упрямо шелъ впередъ. Уже недалеко было село, до котораго онъ разсчитывалъ добраться къ ночи—крайній пунктъ его обхода. Оставалось еще только перейти по мостику на другой берегъ рѣки. Но этотъ былъ очень опасенъ. Рѣка какъ бѣшеная шумѣла подъ мостикомъ, а вверху бушевалъ вѣтеръ, словно руками дергая за перила. Мостикъ былъ скользкій отъ снѣга, а

вѣтеръ слѣпилъ глаза. Уже недалеко отъ берега стражникъ поскользнулся и упалъ въ воду. Вода была неглубока, но страшно быстра. Въ одну минуту теченіе сорвало съ плеча стражника карабинъ, а съ головы шапку съ пѣтушьимъ перомъ. Большой камень-круглякъ, который вода катила по дну, ударился объ его ноги и свалилъ его. Съ большимъ усиліемъ стражникъ выкарабкался на берегъ. Онъ вымокъ до послѣдней ниточки, промерзъ и испугался. Чтобы согрѣться, бѣдняга во весь духъ пустился бѣжать въ село, къ знакомому священнику. Но какъ это ни было близко, всетаки, пока онъ добѣжалъ до хаты, мокрая одежда на немъ затвердѣла отъ мороза, какъ кость, и голосъ замеръ въ его груди. Правда, у священника стали растирать его, согрѣвать. Эта помощь и желѣзное здоровье стражника сдѣлали то, что онъ обошелся безъ тяжкой болѣзни, но все-таки долженъ былъ пролежать въ постели цѣлую недѣлю въ сильной горячкѣ. Всю эту недѣлю шелъ снѣгъ, свисталъ вѣтеръ, трещалъ морозъ, такъ что даже здоровому человѣку не впору было пускаться въ горахъ въ дорогу изъ одного села въ другое. Наконецъ, черезъ недѣлю вѣтеръ стихъ, распогодилось, но морозъ сталъ еще крѣпче. Стражникъ не хотѣлъ мѣшкать далѣе, но священникъ не рѣшался отпустить его, еще полубольного, отъ себя пѣшкомъ. Онъ велѣлъ запречь сани и отвезти его въ Подбужъ, куда еще раньше далъ знать о случившемся съ нимъ.

Когда стражникъ проѣзжалъ черезъ Ластовки, онъ вспомнилъ о цыганахъ, о которыхъ во время своей болѣзни совсѣмъ было забылъ. Онъ велѣлъ возницѣ остановиться противъ хаты войта, вызвалъ его и спросилъ:

— А что вы сдѣлали съ цыганами?

— Да что жъ было съ ними дѣлать,—отвѣтилъ войтъ, почесывая свою косматую голову,—если мы ихъ ужъ не застали?

— Какъ—не застали?

— А такъ. Какъ только вы отъ меня ушли, я сейчасъ же собрался и пошелъ, чтобы арестовать ихъ и доставить въ село. Но въ скалѣ я никого не засталъ. Видно, испугались и въ ту же ночь сбѣжали.

— Экія бестіи! — крикнулъ стражникъ.—Подождите лишь, я еще васъ гдѣ-нибудь накрою.

Войтъ поклонился, а въ душѣ только усмѣхался, что ему удалось такъ ловко избавиться отъ бѣды. А стражникъ, злой и раздраженный, завернулся въ свой плащъ и въ тяжелый бараній тулупъ, который далъ ему въ дорогу священникъ, и велѣлъ ѣхать дальше.

IV.

Стрый съежился отъ мороза. Внизу подъ скалою переѣздъ былъ свободенъ, а такъ какъ дорога эта была самая близкая, то стражникъ велѣлъ везти себя по ней. Только что выѣхали за лѣсъ, черной стѣной отдѣляющій Ластовки отъ остального міра, какъ глаза стражника съ какой-то тревогою устремились въ великана-скалу, который такъ невдалекѣ вынырнулъ передъ нимъ. Вершина скалы не была покрыта снѣгомъ, такъ какъ вѣтеръ смелъ оттуда этотъ зимній пухъ и разметалъ его по нижнимъ уступамъ. Екнуло что-то въ сердцѣ стражника, когда онъ увидалъ всю вершину скалы покрытой воронами, галками и другими хищными птицами, которыя то сидѣли, то носились цѣлыми тучами кругомъ, и своимъ зловѣщимъ крикомъ и шумомъ наполняли воздухъ.

Но что это? Изъ темноватой разсѣлины въ горѣ, глубоко засыпанной снѣгомъ, такъ же, какъ восемь дней назадъ, вьются едва видные клубочки блѣдно-синеватаго дыма. Нѣсколько минутъ стражникъ сомнѣвался, правда-ли это или ему это такъ только послѣ болѣзни кажется, но его возница увѣрилъ его, что дымъ въ самомъ дѣлѣ выходитъ изъ скалы. Неужто тамъ еще кто-нибудь есть? Стражникъ задрожалъ отъ нетерпѣливаго желанія узнать, что это значитъ. Они ужъ приблизились къ скалѣ. Тропинка, ведшая въ гору, была засыпана снѣгомъ и ни одного слѣда человѣческой ноги не было видно на его бѣлой скатерти. Только галки да вороны при ихъ приближеніи подняли еще большій шумъ.

— Недобрый это знакъ, что столько птицъ сюда налетѣло,— сказалъ возница.—Не случилось-ли тутъ какого-нибудь несчастья? Эта проклятая птица тотчасъ почуетъ.

Стражникъ, не говоря ни слова, сбросилъ съ себя тулупъ и даже плащъ, чтобъ ему легче было вскарабкаться на скалу;

возница выломалъ пару дубинокъ для опоры—и, помогая одинъ другому, съ большимъ трудомъ вскарабкались они на верхнюю площадку. Галки съ крикомъ носились тутъ надъ ихъ головами, словно желая отстоять свою вѣрную добычу.

Входъ въ пещеру былъ, какъ и раньше, заваленъ бревномъ и заткнутъ мхомъ,—только черезъ маленькую трещину вверху вырывался дымъ. Оттолкнули колоду и вошли. Въ пещерѣ было тихо и темно. Только черезъ нѣкоторое время глаза ихъ настолько привыкли къ темнотѣ, что могли разглядѣть посреди пещеры какую-то черную безформенную массу. Это были сбившіеся въ кучу цыгане, покрытые мхомъ и листьями—и мертвые, повидимому, ужъ нѣсколько дней. На кострѣ дымилось еще послѣднее дотлѣвающее бревно.

Что было причиной ихъ смерти? Голодъ? Холодъ? А, можетъ, угаръ отъ спертаго дыма? Тѣла ихъ были синія, окостенѣлыя, смерзшіяся. Разрывая кучу, стражникъ увидѣлъ, что подъ старымъ цыганомъ не было уже невыдѣланной конской шкуры, на которой онъ спалъ; недогрызанные куски этой шкуры нашлись... въ рукахъ дѣтей.

Долго стояли стражникъ и возница надъ покойниками нѣмые, пораженные, охваченные испугомъ и жалостью. Можетъ быть, передъ ихъ душою встали долгіе дни и ночи мучительной агоніи этихъ несчастныхъ, плачъ и стоны дѣтей, безпомощность и отчаяніе стариковъ,—море нужды, горя и терпѣнія. И отъ всего этого осталось только неподвижная, безпорядочная груда труповъ...

Молча, въ подавленномъ настроеніи духа вышли, наконецъ, стражникъ и возница изъ пещеры на свѣжій воздухъ, и завалили входъ въ пещеру камнями, чтобы птицы не налетѣли къ трупамъ. Когда же потомъ они сѣли въ сани, возница перекрестился и, обернувшись къ пещерѣ, сталъ шептать молитву, а стражникъ мысленно сталъ составлять рапортъ о случившемся.

Нагуевичи, въ іюлѣ 1882, передѣлано въ 1887.

ЛѢСА И ПАСТБИЩА.

ЛЕСА И ПАСТБИЩА.

Лѣса и пастбища.

РАЗСКАЗЪ БЫВШАГО ХОДОКА.

Господи Боже, сколько крику было у насъ изъ-за этихъ лѣсовъ и пастбищъ!

Какъ изворачивались помѣщики, какъ совѣщались, подкупали инженеровъ и адвокатовъ, чтобы избавиться отъ всякихъ податей. Мудрыя головы!

Они знали, что хотя цесарь и далъ крестьянамъ волю и отмѣнилъ барщину, однако, если они не дадутъ имъ лѣсовъ и пастбищъ, то крестьянину придется или погибать или притти къ нимъ съ поклономъ. А тогда опять вернется барщина, хотя и въ другомъ нарядѣ, но для крестьянина вовсе не менѣе тяжелая, чѣмъ прежняя.

И вы думаете, что барщина не вернулась у насъ?.. Придите только да посмотрите на наше село—сами убѣдитесь. Правда, надсмотрщики и экономы съ нагайками не разъѣзжаютъ уже подъ окнами, на помѣщичьемъ дворѣ уже нѣтъ той дубовой колоды, на которой, бывало, каждую субботу производилось „всеобщее битье палками“; но поглядите-ка на мужиковъ, поговорите съ ними!.. Черные, какъ земля, изможденные; хаты ободранныя, старыя, перекошенныя... Заборовъ почти что и совсѣмъ нѣтъ, хоть лѣсъ кругомъ, какъ море; поля приходится обкапывать рвами и обсаживать деревьями. Скотина заморенная, мелкая, да и та у рѣдкаго хозяина есть. А спросите идущихъ

съ косами и серпами: куда, добрые люди, идете? то, навѣрно вамъ отвѣтятъ: На помѣщичье поле рожь жать, или: „на помѣщичій лугъ косить“. А если вы удивитесь, какъ это такъ, что они теперь идутъ къ помѣщику на работу, когда у самихъ еще ничего не сдѣлано, а тутъ солнце жжетъ, зерно осыпается—такъ они развѣ только головами покачаютъ и печально скажутъ: „что подѣлаешь? Сами мы видимъ и сердце у насъ разрывается, но что дѣлать! Задолжали мы помѣщику, а у него такое правило, что хоть громъ греми, а раньше ему отработай, а ужъ потомъ за свое принимайся. У насъ такъ каждый годъ: у помѣщика сдѣлаемъ все во-время и хорошо и чисто, а наше собственное тѣмъ временемъ пропадаетъ въ полѣ. И хитро же это нашъ помѣщикъ придумалъ! У него лѣсъ — а у насъ на дворѣ и щепочки нѣтъ безъ его вѣдома! У него пастбище — а у насъ скотъ пропалъ, а остатки бродятъ, какъ скелеты. У него поле въ исправности, чистое, а наше заросло репейникомъ да бурьяномъ,— навозу нѣтъ, нечѣмъ поле унавозить, — скотинки рабочей нѣтъ! А что и уродится на этомъ, то такъ на полѣ и пропадетъ, потому что по условію обязаны раньше помѣщику отработать. И никогда мы не можемъ поправиться, не можемъ стать на ноги, не можемъ вырваться изъ помѣщичьихъ рукъ. А помѣщикъ прижимаетъ, прижимаетъ что есть силы! теперь онъ у насъ войтомъ; какой-то прислужникъ его — писаремъ, и все общество должно плясать по ихъ дудкѣ. Бѣднаго не пуститъ изъ села ни на заработки, ни на службу, книжки не выдастъ. „Здѣсь сиди, нечего шляться—дома работай!“ А дома, конечно, дѣлать нечего,— иди къ помѣщику! А помѣщикъ даетъ по десяти крейцеровъ за день въ самую горячую пору, — и надо работать, потому что некуда дѣться! Вотъ такъ-то онъ и забралъ насъ въ руки и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе затягиваетъ узелъ. Скажите сами— нужна ли еще послѣ этого барщина? Мнѣ кажется, что прежняя барщина съ палками и экономами не была такъ тяжела, какъ нынѣшняя.

А теперь послушайте, какъ онъ устроилъ, чтобы выгнать насъ изъ нашихъ хатъ и забрать насъ въ свои руки. Я самъ былъ при этомъ,—такъ могу вамъ сказать правду и каждое слово подтвердить присягой. Вотъ слушайте!

Началось наше несчастье со временъ переписи,—знаете, что была въ 59-мъ году. До того времени жили мы съ помѣщикомъ въ добромъ согласіи. Онъ боялся насъ трогать, потому, тогда помѣщики еще были напуганы мазурской рѣзней. А мы его тоже, конечно, не трогали: пастбище у насъ было, лѣсомъ мы пользовались такъ же, какъ и наши отцы, и все считали, что это лѣсъ общественный—даже лѣсничаго на общественный счетъ держали. А тутъ вдругъ—перепись. Знаете ли, народъ темный, не знаетъ, что къ чему—перепугался. Нашъ мужикъ все боится, чтобы податей не прибавили. Такъ и тогда: записывать будутъ не только людей, а и скотъ тоже! Ужъ это не даромъ.

Вотъ разъ въ воскресенье послѣ обѣдни выходятъ, по обыкновенію, люди изъ церкви, располагаются на площади совѣтъ держать. Тутъ и войтъ читаетъ какіе-то приказы, другіе про урожай говорятъ... Какъ вдругъ—помѣщикъ... Такъ и такъ, господа громада, важное дѣло, перепись. Я вашъ другъ, я теперь такой же мужикъ, какъ и вы. Знаете, цесарь поровнялъ насъ всѣхъ, теперь уже нѣтъ господъ... — Ну, говоря просто, сталъ намъ лазаря пѣть. Мы и разинули рты отъ удивленья, что въ первый разъ слышимъ отъ нашего помѣщика человѣческое слово! — „Такъ и такъ“—говоритъ онъ далѣе—важное дѣло, перепись. — Будьте такъ добры, прошу васъ къ себѣ, мнѣ нужно кое-что важное сказать: относительно того, какъ вамъ поступать нужно при переписи“... И пошелъ впередъ ко двору. А мы всѣ, сколько насъ было, лавой двинулись за нимъ. Вошли во дворъ. Онъ сталъ на крылечкѣ, оглянулъ насъ, а потомъ вызвалъ нѣсколько стариковъ къ себѣ и пошелъ съ ними въ комнату. Стоимъ мы, ожидаемъ. Возвращаются наши старики. — „Ну, ну, что баринъ говорилъ, что за дѣло такое?..“ А старики наши головами качаютъ, и все мурлычатъ: „Такъ-то такъ, правда и есть!“ А потомъ къ намъ: „Идемъ въ деревню, чего тутъ шумъ подняли на барскомъ дворѣ? Развѣ здѣсь вамъ мѣсто для сходокъ?..“ Пошли мы.

— Знаете, люди добрые, господа громада, — заговорили наши старики, когда мы снова стали на площади — завтра къ намъ должны прибыть на перепись. Вотъ баринъ нашъ, дай Господи ему здоровья, велѣлъ намъ предупредить громаду. Смотрите, говоритъ, за скотомъ! Они записываютъ скотъ и на-

ложатъ на васъ съ каждой штуки по гульдену подати. А если скажете, что пасете въ лѣсу, то будете и за лѣсъ платить двойную подать: разъ за лѣсъ, а другой разъ за то, что пасете. Баринъ совѣтуетъ сдѣлать такъ: раньше всего не говорить, что мы пасемъ въ лѣсу, а потомъ запрятать часть скотины въ лѣсу на завтрашній день и при переписи показывать меньше скота, нежели у насъ есть. Такъ, говоритъ, дѣлаютъ и по другимъ селамъ. А лѣсъ, говоритъ, какъ былъ вашимъ, такъ и останется, потому что перепись не касается земель.

Судили, рядили и порѣшили послушаться помѣщика. Вотъ дураки! Если у кого было штукъ пять скота,—онъ три въ лѣсъ, а двѣ оставляетъ, чтобъ показать; у кого десять— онъ семь въ лѣсъ, а три оставляетъ. Цѣлый гуртъ скота со всего села загнали въ лѣсъ, въ самую чащу и спокойно ждемъ перепись. Такъ ужъ тяжело приходятся человѣку эти подати, что мы не поколебались обмануть, лишь бы выпутаться изъ бѣды!

На другой день, такъ около обѣденнаго времени, наступила перепись на селѣ. Записываютъ. Ну, мы всѣ держимся того, на чемъ порѣшили: показываемъ какъ можно меньше скота, открещиваемся отъ пастбищъ въ лѣсу и радуемся, что дѣло идетъ такъ гладко. Наконецъ, дошла перепись до помѣщика. Кое-кто изъ любопытства пошелъ за ней. Спустя немного времени, прибѣгаютъ въ село задыхающіеся, испуганные.

— Что мы надѣлали?—кричатъ они.—Здѣсь что-то не такъ, что-то неладно! Не подвелъ ли насъ помѣщикъ! Онъ записалъ не только весь свой скотъ, но и нашъ, который мы спрятали въ лѣсу, и комиссія поѣхала туда!

Мы обомлѣли, услыхавъ такія слова. Сейчасъ же собрались вмѣстѣ и побѣжали въ лѣсъ. Комиссіи уже не было. Спрашиваемъ пастуховъ: были, говорятъ, господа и нашъ помѣщикъ, что-то писали, считали скотину, но насъ ни о чемъ не спрашивали. Мы въ село. Говорятъ намъ, что комиссія ужъ выѣхала со двора другой дорогой. Тронулись мы за нею, догнали уже въ другомъ селѣ. Такъ и такъ—говоримъ — господа считали въ лѣсу нашу скотину.

— Какъ же она ваша, если вы сами говорили, что больше скота у васъ нѣтъ, а въ лѣсу вы не пасете?

— Мы такъ и говорили,—насъ помѣщикъ научилъ.

— Такъ чего же вамъ теперь нужно? Чтобы мы другую перепись у васъ сдѣлали, что-ли? Оставайтесь здоровы!.. Что посѣяли, то жните. Что написано, то пропало. А, впрочемъ, нѣтъ; вы можете апеляцію подать, но на-передъ вамъ говоримъ, что апеляція вамъ не поможетъ, а только еще и сами подъ судъ попадете за то, что обманули цесарскую комиссію.

Съ тѣмъ мы и вернулись. Пропало,—сказали мы,—посмотримъ, что изъ этого будетъ.

Ждемъ годъ, другой— нѣтъ ничего. Помѣщикъ опять съ нами въ мирѣ, только, если упомянешь о переписи, то усмѣхнется и скажетъ: „Э, шутка да и только!“

Наконецъ, на третій годъ слышимъ—какая-то комиссія ѣдетъ въ село пастбище межевать.

— Тьфу ты, бѣсъ!—думаемъ—это что такое? Зачѣмъ?.. Почему?.. Пастбище испоконъ вѣковъ наше, зачѣмъ его межевать? Правда, мы въ послѣднее время одинъ кусокъ подѣлили между собою и вспахали; думаемъ себѣ: можетъ, то пріѣхали, чтобы измѣрить — сколько мы вспахали и сколько еще осталось.

Пріѣхала комиссія. Пообѣдали, а потомъ на пастбище. Разложили карту, помѣщикъ самъ съ ними ходитъ и показываетъ: вотъ отсюда тянется и до сихъ поръ, а это они вспахали.

Подошли мы къ этой комиссіи, кланяемся издали, потомъ приступаемъ ближе, опять кланяемся, а комиссія и вниманія на насъ не обращаетъ. Потомъ войтъ набрался храбрости и говоритъ:

— Это, извините, наше пастбище, зачѣмъ вы его мѣрите и и межуете?

— А ты кто такой?—спрашиваютъ господа.

— Я войтъ.

— Ну, и хорошо, — отвѣтили они, и продолжаютъ дѣлать свое дѣло.

Вспаханный кусокъ отмежевали отдѣльно, а остальное тоже отмѣтили вѣхами. Мы съ войтомъ ходимъ за ними и смотримъ, но, что они говорятъ, не понимаемъ, потому что лопочутъ по-нѣмецки. Потомъ окончили и садятся въ бричку. Войтъ за ними, не отстаетъ и все старается узнать, въ чемъ дѣло. Тогда одинъ господинъ встаетъ и обращается къ намъ.

— Вы, люди добрые, видѣли, какъ комиссія мѣрила пастбище?

— Видѣли,—говоримъ.

— А видѣли, какъ вѣхи вбивали?

— И это видали.

— И знаете, что вонъ тамъ—показалъ онъ на вспаханный кусокъ,—то ваше, общественное, а вотъ это помѣщичье?

— Га, что, какъ?—вскрикнули мы, какъ опаренные, и къ комиссіи: комиссіи и слѣдъ простылъ.

На другой день гонятъ наши пастухи скотину на пастбище, а тамъ помѣщичьи слуги. „Маршъ отсюда, это помѣщичье пастбище, не смѣйте и ногой ступить!“ Пастухи погнали скотину въ другую сторону, въ лѣсъ, а тамъ помѣщичьи лѣсничіе и гайдуки: „Маршъ отсюда, лѣсъ помѣщичій, не смѣй за ровъ и ногою вступить!“

Пастухи, понятно, дѣти—въ плачъ; гонятъ скотину обратно домой. Гвалтъ, крикъ начался такой, словно кто-нибудь село поджегъ со всѣхъ четырехъ сторонъ.

Что тутъ дѣлать? Бабы кричатъ: „мы съ кочергами пойдемъ и тѣмъ барскимъ слугамъ головы проломимъ!“ Но люди постарше, кое-какъ успокоили ихъ и сейчасъ же выбрали нѣсколько человѣкъ, для отправки прямо во Львовъ, къ адвокату, посовѣтоваться. Выбрали и меня. Поѣхали мы, нашли адвоката, русина, заслуженнаго, говорятъ, и честнаго. Пришли къ нему, разсказываемъ: такъ было дѣло и такъ. „Что-жъ—говоритъ,— затѣемъ процессъ. Достаньте свидѣтелей, документы и денегъ, а пока сидите спокойно, потому что всякое насиліе только помѣшаетъ дѣлу“.

— А какъ же, господинъ—говоримъ мы,—какъ намъ сидѣть спокойно, если намъ некуда скотину выгнать? Вѣдь, безъ корму скотъ погибнетъ.

— Гм,—говоритъ адвокатъ,—что же я вамъ могу тутъ посовѣтовать? Вотъ какъ выиграемъ процессъ, то помѣщикъ долженъ будетъ вамъ возвратить всѣ убытки, а теперь дѣлайте, какъ знаете сами.

Съ тѣмъ мы и пошли. Начался процессъ. Сколько мы на него денегъ издержали — одинъ Богъ вѣдаетъ. На одного адвоката да на пошлины пришлось истратить свыше семисотъ гульденовъ. Громада тянула изъ себя послѣднее, какъ ни трудно это

приходилось ей, потому что лѣсъ и пастбище остались въ помѣщичьихъ рукахъ, и мы принуждены были большую половину скота немедленно продать за полцѣны, такъ какъ у насъ нечѣмъ было кормить его.

Остатокъ скота бродилъ—и по сію пору бродитъ—то по гусинымъ лужкамъ, то по паровому полю, то по огородамъ. Сады наши завяли, пасѣки пропали, а скотина!—только и осталось отъ нея, что кожа да кости.

Семь лѣтъ тянулся нашъ процессъ, и это время было для насъ такимъ, какъ если-бы кто семь лѣтъ изъ насъ жилы тянулъ. Извелись мы за это время, а къ помѣщику ни-ни. Онъ къ намъ—тоже. Ужъ въ какихъ мы только судахъ, какихъ инстанціяхъ не бывали! И въ округѣ, и въ губерніи, и въ министерствѣ и Богъ вѣдаетъ гдѣ. Въ одномъ мѣстѣ проиграемъ — аппелируемъ; въ другомъ выиграемъ — помѣщикъ аппелируетъ, а конца все нѣтъ и нѣтъ. Наконецъ—слава тебѣ, Господи!—дождались мы! Приходитъ урядникъ, приноситъ намъ резолюцію изъ самаго главнаго министерства. Такъ и такъ, чтобы покончить споръ между громадою и помѣщикомъ, назначается губернская комиссія, которая на спорномъ мѣстѣ должна все разсмотрѣть, провѣрить документы, выслушать свидѣтелей и постановить окончательную резолюцію. Поэтому обѣ стороны обязываются такого-то числа быть на спорномъ мѣстѣ со всѣми своими доказательствами. Рѣшеніе этой комиссіи будетъ безъ аппеляціи утверждено и приведено въ исполненіе. Ну, слава тебѣ, Господи! подумали мы. Теперь, вѣрно, будетъ наша правда, если комиссія должна на мѣстѣ разсудить. Тутъ каждый будетъ имѣть возможность сказать то, что знаетъ, каждаго выслушаютъ, а въ такомъ случаѣ должны же они признать, что правда на нашей сторонѣ.

Нашъ помѣщикъ, получивъ такую же резолюцію, очень присмирѣлъ и носъ повѣсилъ, но потомъ, видно, что-то надумалъ, сѣлъ въ бричку и отправился въ Львовъ. Куда онъ ѣздилъ—неизвѣстно, но два нашихъ мужика, бывшихъ тогда въ Львовѣ, разсказывали потомъ, что видѣли, какъ онъ шлялся по городу съ нашимъ адвокатомъ. Разумѣется, разузнали объ этомъ уже тогда, когда всему былъ конецъ! Достаточно того, что, спустя два-три дня, пріѣхалъ нашъ помѣщикъ изъ Львова немного болѣе

веселый и даже радостный. Удивляемся, но не знаемъ, что это должно означать.

Навѣдались и мы къ своему адвокату. Обрадовался очень. „Выиграемъ дѣло“,—говоритъ. „Я самъ“,—говоритъ,—предстану съ вами передъ комиссіей. Но за день передъ этимъ пріѣзжайте сюда, ко мнѣ: войтъ, уполномоченные, свидѣтели, привезите съ собою какіе у васъ есть документы — нужно пересмотрѣть, посовѣтоваться. Знаете, какъ передъ битвой готовятся, такъ намъ нужно подготовить себя. Пріѣзжайте пораньше, я скажу каждому, что кому нужно говорить (потому, видите, дѣло запутанное), а въ полдень сядемъ и поѣдемъ въ село, чтобы въ назначенный срокъ быть на спорномъ мѣстѣ“.

Послушались мы его совѣта, еще и благодаримъ. Собрались: войтъ, два уполномоченныхъ и три самыхъ старыхъ хозяина въ селѣ въ качествѣ свидѣтелей, собрали всѣ старые документы, какіе у кого были, и, за день передъ пріѣздомъ комиссіи, отправились въ полночь въ Львовъ. Рано утромъ приходимъ къ адвокату—дома нѣтъ, куда-то вышелъ, но сейчасъ придетъ, просилъ подождать. Ждемъ мы, ждемъ — нѣтъ адвоката. Ужъ десять, одиннадцать, двѣнадцать часовъ — нѣтъ. Проголодались мы и пошли къ возамъ, чтобы что-нибудь перекусить. Прибѣгаемъ черезъ короткое время — нѣтъ еще адвоката. Что за несчастье? Ужъ первый, второй, наконецъ, третій часъ — тутъ ужъ пора намъ ѣхать домой, чтобы къ вечеру пріѣхать, а его нѣтъ. Наконецъ, такъ около четырехъ—идетъ.

— Ахъ, извините,—говоритъ—очень васъ прошу, извините, господа, но, право, не я виновенъ, что такъ опоздалъ: былъ въ судѣ, на разборѣ, защита затянулась до сихъ поръ. Но ничего, мы еще успѣемъ все сдѣлать, какъ слѣдуетъ. Прошу въ комнату!

— А можетъ, мы-бы сейчасъ поѣхали въ село, — сказалъ я.—Вы-бы тамъ пересмотрѣли документы и научили насъ, что говорить.

— Э, нечего торопиться,—сказалъ онъ,—успѣемъ пріѣхать, а пересмотръ документовъ не долго насъ задержитъ.

Пошли мы съ нимъ въ его кабинетъ и усѣлись. Документовъ нанесли цѣлую охапку. Началъ это онъ читать: читаетъ, читаетъ, медленно, внимательно, иногда спроситъ у насъ что-нибудь, мы

отвѣчаемъ, онъ снова читаетъ, а тутъ ужъ проходитъ полчаса, часъ, наконецъ другой—онъ ничего. Мы сидимъ какъ на иголкахъ, вертимся, потѣемъ, а онъ все насъ разспрашиваетъ, все документы читаетъ, мурлычитъ — отвратительная минута!.. Ужъ мы сколько разъ намекали: пора-бы ѣхать. А онъ все свое: сейчасъ, сейчасъ, и опять читаетъ. Пробилъ ужъ шестой часъ, когда онъ дочиталъ. Ну, думаемъ, слава тебѣ, Господи, конецъ этому чтенію, поѣдемъ! Эге, какъ-бы не такъ! Какъ начнетъ нашъ адвокатъ толковать намъ весь процессъ отъ начала, пространно, подробно, словно мы совсѣмъ ничего и не знаемъ. Говоритъ, говоритъ, а мы чуть изъ себя не выходимъ, — чуть не плюнули мы ему въ глаза и не пошли, да глядь—конецъ! Потомъ сталъ насъ учить, какъ мы должны говорить передъ комиссіей, и правда, хитро научилъ! Такимъ яснымъ стало для насъ все дѣло, такъ хорошо каждый зналъ, что ему дѣлать, что любо!.. Жаль только, что когда это ученье окончилось, пробило девять часовъ. Смеркалось совсѣмъ. Онъ какъ будто только теперь спохватился, а тутъ еще гремѣть начало.

— Ай-ай, а это что такое?.. вечеръ уже?.. — сказалъ онъ, озираясь.

— Да, вечеръ же, — отвѣтили мы, словно осужденные на смерть.

— Что же теперь дѣлать?.. Какъ ѣхать?..

— Развѣ я знаю? — отвѣтилъ я. — Теперь тяжело ѣхать, дорога скверная и даль порядочная, лѣсами!..

— Сами не знаемъ, что дѣлать! — сказали наши.

— А въ которомъ часу должна завтра пріѣхать комиссія?

— Къ десяти утра.

— Къ десяти? Э, пустяки-переночуйте вы здѣсь, а завтра ранехонько встанемъ и покатимъ въ село такъ, что чертямъ тошно станетъ. Къ восьми тамъ будемъ. Вотъ идите, сейчасъ возлѣ моего дома шинокъ есть, еврей порядочный, тамъ и переночуйте, а завтра, помните, не опоздайте, я буду васъ ждать.

Что дѣлать! Рады не рады пошли мы. Еврей, какъ-будто ужъ ждалъ насъ.

— Вы не отъ пана-ли адвоката?—спрашиваетъ.

— Да, да!

— Ну, ну, идите, найду для васъ мѣсто, ночуйте на здоровье!.. А, можетъ, еще чего-нибудь нужно.

— Да дайте по шкалику водки, лучше будетъ спаться.

Выпили мы, легли въ добрый часъ и сейчасъ же заснули, какъ убитые. Долго-ли мы такъ спали — одинъ Богъ вѣдаетъ. Просыпаюсь — день бѣлый. Схватываюсь, къ окну, гляжу на солнце — ужъ далеко за полдень. Оглядываюсь — всѣ наши спятъ, какъ мертвые. Господи Боже, что это такое? Сонъ-ли это или наяву? Крикнулъ я, что есть мочи—нѣтъ, это не сонъ! Спохватились и они, тоже къ окну. Что такое?.. Полдень уже?.. Неужели мы такъ долго спали? Ой, горе наше горькое! Мечемся мы, словно пискари посоленные, кости ноютъ, словно изломанныя!.. Зовемъ еврея: сколько вамъ за ночлегъ слѣдуетъ? — Немного, всего шесть гульденовъ.—Какъ? что? Какимъ образомъ?— А онъ, злодѣй, видя, что намъ некогда, что мы мечемся и почти губы грыземъ отъ нетерпѣнія, сталъ себѣ въ дверяхъ и только усмѣхается, поглаживая бороду.—Такъ у меня всѣ гости платятъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ стали торговаться съ нимъ, но куда тамъ!—слова не даетъ сказать. Швырнули мы ему денегъ, сколько онъ хотѣлъ, и скорѣй къ адвокату. Прибѣгаемъ — нѣтъ дома, утромъ ждалъ-ждалъ насъ, а потомъ одинъ уѣхалъ, велѣлъ, чтобы мы какъ можно скорѣе спѣшили за нимъ. А документы наши?

— Документы оставилъ, вотъ вамъ ваши документы!—Вотъ такъ штука! Поѣхалъ, а документовъ не взялъ. Господи милосердный, что съ нами тогда дѣлалось — вспомнить страшно! Что если, думаемъ себѣ, тамъ ужъ безъ насъ дѣло разсудили и общество проиграло, что намъ скажутъ люди?.. Какая бѣда ожидаетъ насъ впереди?.. Мы словно заранѣе видѣли то, что насъ ожидало, да и не трудно ужъ было тогда видѣть!

Покатили мы домой да не прямо въ село, а на пастбище. Нѣтъ никого. Въ лѣсъ. Нѣтъ никого. А тутъ ужъ вечеръ наступаетъ. Мы къ помѣщичьему двору,—во дворѣ пѣсни, смѣхъ, угощеніе, музыка—помѣщикъ комиссію угощаетъ. Глядимъ мы и адвокатъ нашъ тамъ, красный, веселый, разговорчивый. Сколько въ ту минуту на него проклятій посыпалось,—вѣрно, онъ въ своей жизни столько рюмокъ вина не выпилъ! Мы прямо одеревенѣли, не го-

воримъ ничего, не разспрашиваемъ—и зачѣмъ? Сами знаемъ, что настала бѣда.

Стали мы, какъ пни на крылечкѣ, стоимъ, ждемъ, а сами не знаемъ, кого и зачѣмъ. Господа какъ-то увидали насъ, подняли хохотъ въ комнатѣ, но къ намъ не выходитъ никто. Слуги проходятъ мимо насъ и также смѣются, шутятъ, толкаютъ насъ, но къ намъ ни слова. Собаки приходятъ, обнюхиваютъ насъ, одна-другая зарычитъ, а другіе и такъ, тихонько отойдутъ. А мы ничего, стоимъ, какъ мертвые. Ужъ смерклось, въ комнатахъ зажгли огонь, мужчины и дамы стали пѣсни пѣть, на дворѣ дождь сталъ накрапывать, а мы все стоимъ на крылечкѣ съ глазами, устремленными въ свѣтлыя стекла, съ дрожью въ тѣлѣ и отчаяніемъ въ груди.

Вотъ, наконецъ, ужъ поздно ночью, отворились двери и стали одинъ за другимъ выходить господа къ своимъ бричкамъ. Раньше всѣхъ вышли господа изъ комиссіи. Проходя мимо насъ, самый толстый изъ нихъ остановился, посмотрѣлъ на насъ грозно и говоритъ:

— Вы кто такіе?

— Здѣшніе мы.

— Чего вамъ нужно?

— Что съ нашимъ процессомъ сталось?

— Съ вашимъ процессомъ? Такъ вы только теперь приходите объ этомъ спрашивать? Пьяницы мерзкіе! Пастбища вамъ нужно?.. Лѣса?.. А сумы не хотите? Идите же домой и не смѣйте объ этомъ и думать! Прошли времена, когда васъ отъ добра во всѣ стороны распирало!..

Вся комиссія захохотала, сѣла на брички и отправилась. Послѣ комиссіи вышелъ нашъ адвокатъ, крадучись, какъ воръ, смущенный, точно пьяный.

— Га, вы тутъ, вы тутъ?—лепеталъ онъ.—Ждалъ васъ, ей Богу ждалъ, чего вы не пришли?

— А много вамъ нашъ помѣщикъ заплатилъ, чтобы вы насъ задержали въ городѣ, пока тутъ комиссія рѣшитъ такъ, какъ онъ хотѣлъ?

— Что?!. Какъ?.. га! клянусь честью!.. лепеталъ онъ, садясь на бричку, и покатилъ, что есть духу со двора.

— Чтобъ ты себѣ голову сломилъ!—пожелали мы ему вслѣдъ. Но напрасно: не сломалъ головы, собака!

Наконецъ, и помѣщикъ нашъ появился, точно выросъ, передъ нами. Стоитъ, покачиваясь у открытыхъ дверей.

— Э-э-э,—говоритъ онъ съ пьянымъ хохотомъ,—господа громада, обыватели, граждане, уполномоченные! А что слышно?.. Какъ процессецъ идетъ?. Хорошо, хорошо!.. Ну подождите-ка, буду я васъ уму-разуму учить!.. Будете плясать, такъ, какъ я того захочу!.. Я вамъ покажу себя,—будете вы меня помнить!..

И сдержалъ слово! Такъ всѣхъ скрутилъ, что и дохнуть нельзя! Правда, общество не сразу поддалось. Подали мы апеляцію, но апеляцію отклонили. Тогда мы рѣшили силою защитить свое право, но еще больше напортили себѣ. Женщины, дѣти, старики—всѣ вмѣстѣ хлынули изъ села, чтобы не дать помѣщику занять пастбища. Онъ вызвалъ войска. Мы попадали передъ войскомъ на колѣни, крича: „Разстрѣляйте насъ, а мы отъ этой земли не отступимся, она наша!“ Но войско не стрѣляло и не рубило, а только, раздѣлившись на двѣ роты,—маршъ черезъ хлѣба, и заборы въ село. Пришлось намъ вернуться. Два мѣсяца стояли солдаты въ селѣ, все что было лучшаго изъ скота—повырѣзали и съѣли, раззорили насъ, а когда выѣхали, то помѣщикъ могъ быть спокойнымъ: общество было разбито и раззорено до-чиста и само должно было отдаться ему въ руки.

Вотъ такова-то наша доля. Будетъ ли когда-нибудь лучше, придется ли намъ хоть при смерти вздохнуть свободно, Господь вѣдаетъ. А помѣщикъ чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе опутываетъ насъ своими сѣтями. Завелъ пять трактировъ въ селѣ, школы нѣтъ, священника выбралъ такого, который держитъ его сторону, а намъ не съ кѣмъ посовѣтоваться, работаемъ какъ волы, и даже и для дѣтей своихъ не ожидаемъ лучшей доли...

Май 1883 г.

ДОВБАНЮКЪ.

ДОВБАНЮКЪ.

I.

Его прозвали Довбанюкомъ, за то, что онъ носилъ господскіе, безъ сборокъ *), штаны. Настоящая же фамилія его была Городыськый. Шляхтичъ онъ былъ, правда, не Богъ вѣсть какой, изъ захудалыхъ, но спѣси шляхетской у него было столько, что хоть и графу бы впору. Бывало, идетъ по улицѣ ободранный, полотняные штаны два года не стираны, грязный по колѣни,—кто не зналъ бы его, такъ далъ бы кусокъ хлѣба, какъ нищему,—а встрѣтится съ крестьяниномъ—надуется, словно индюкъ, задеретъ носъ, словно бы звѣзды считаетъ, да претъ прямо на него, ни на что не глядя. И попробуй-ка кто не обойти его или возомъ за штаны задѣть, такъ обругаетъ, что своихъ позабудешь!

Ахъ ты мужикъ! Ахъ, холопъ! Ахъ, разбойникъ! Не видишь ты, что я иду, не можешь дать дорогу?

Свои ужъ знали его спѣсь,—такъ только усмѣхнутся, бывало, и скажутъ:

— Ну, ну, панъ Городыськый (если-бъ не сказали „панъ“, то, сохрани Матерь Божья,—смертельно обидится), въ этотъ разъ я нечаянно!

И Городыськый гордо кивнетъ головой въ знакъ того, что перемѣнилъ гнѣвъ на милость, зашлепаетъ по улицѣ дальше. Но если попадался незнакомый человѣкъ, изъ чужого села, то такой

*) По-украински довбані, откуда прозвище—довбанюкъ.

иногда остановится, слушаетъ—слушаетъ ругань Довбанюка, а потомъ увидитъ, что человѣчекъ совсѣмъ не стоющій, да и начнетъ надъ нимъ издѣваться.

— Ба, а чего-жъ это панъ въ каретѣ четвернею не ѣдетъ, а пѣшкомъ по болоту тащится?

— Подожди-ка ты, подожди,—вскрикнетъ въ отвѣтъ Довбанюкъ,—придетъ еще время, когда мы, шляхта, на васъ, хамахъ, ѣздить станемъ!

— Еще, чего добраго, Богъ по вашему сдѣлаетъ?—смѣется человѣкъ, а Довбанюкъ еще больше свирѣпѣетъ.

— Пахать вами будемъ, да! А бабами вашими боронить,—знай ты это! Ты думаешь—я шучу? Подожди только, черезъ два года Польша возродится, увидишь!

Услыхавъ такую рѣчь, крестьянинъ быстро перестаетъ смѣяться, съ какимъ-то страхомъ взглядываетъ на Довбанюка, потомъ плюетъ изо всей силы и молча идетъ своей дорогой. А Довбанюкъ также сплюнетъ да ворчитъ подъ носомъ!

— Вотъ хамы! Какъ распустились! Забыли уже дисциплину, совсѣмъ забыли! Но подождите-ка, будетъ этому конецъ, узнаете вы, что шляхтичъ не мужикъ. Пусть только Польша возродится!

Очень часто онъ, бѣдняга, вспоминалъ эту покойницу Польшу. Богъ его вѣдаетъ, что ему казалось: груши, что-ли, тогда на вербахъ будутъ расти или съ калачами туча съ неба свалится? Одно только было для него несомѣннымъ, что тогда и самому плохонькому шляхтичу ежедневно масленица будетъ. А тутъ у него, у бѣдняги, что ни день, то страстная пятница. Тяжелый крестьянскій трудъ, видите, былъ ему не по вкусу, своего имущества только и всего, что на немъ; ну, а ѣсть нужно. Садъ постеречь, на пасѣкѣ за роемъ присмотрѣть, хотя пчелъ онъ очень боялся и въ пчеловодствѣ ничего не понималъ; иногда у хлѣба возлѣ жницъ постоять, или зимою щепокъ наколоть да хлѣбъ провѣять на вѣялкѣ—вотъ вся его и работа была. А не позоветъ его никто на работу—онъ лѣтомъ плетется въ лѣсъ по грибы, наберетъ цѣлую кучу, разведетъ гдѣ-нибудь огонекъ да жаритъ и ѣстъ. А зимою онъ съ пустыми руками тащится изъ хаты въ хату, посидитъ, посопитъ, поговоритъ, дадутъ что-нибудь—перекуситъ, а нѣтъ—дальше плетется.

Было въ нашемъ селѣ нѣсколько богатыхъ шляхтичей, однофамильцы Довбанюка, все Городыськые, хоть и не родственники ему. Эти всегда заботились о немъ. Лѣтомъ на работу приглашаютъ да и зимой не забываютъ. Не знаю, былъ ли у нихъ уговоръ, что-ли, только, когда Довбанюкъ не жилъ и не ѣлъ у нихъ, они давали ему регулярно по гарнцу ячменной муки въ недѣлю. Вотъ ужъ, бывало, у насъ, у дѣтей смѣху-то! Какъ только наступаетъ вечеръ въ субботу, мой Довбанюкъ, не говоря ни слова, беретъ мѣшочекъ за ремень да въ село. А мы, также ничего не говоря, да за нимъ.

— А вы куда, колодачики? *) (Всѣхъ дѣтей онъ звалъ колодачиками).

— Да такъ себѣ! Идемъ послушать, откуда собаки лаютъ.

— Дамъ я вамъ собакъ!

И онъ грозилъ намъ пальцемъ. Очень ужъ, видите, онъ не любилъ, чтобъ за нимъ смотрѣли, что онъ дѣлаетъ или куда ходитъ. А намъ только этого и нужно. Намъ хотя бы въ конецъ села пробѣжаться, чтобъ только Довбанюка подразнить. И какъ ужъ онъ ни изворачивался; черезъ заборы скакалъ, въ кукурузѣ да въ коноплѣ прятался, чтобъ только провести насъ, чтобы мы не узнали, въ какую онъ хату заходитъ. Да куда спрячешься отъ четырехъ паръ всевидящихъ дѣтскихъ глазъ! Куда онъ, туда и мы за нимъ, и все кричимъ:

— Панъ Городыськый, гепъ — гепъ! Панъ Городыськый, гепъ—гепъ!

— Ну, ну,—ворчитъ онъ изъ конопли,—гепну я тебя, не уйди ты только съ глазъ моихъ!

Но когда онъ ужъ достанетъ свой гарнецъ муки, то выходитъ изъ хаты и прямо на улицу. Тогда онъ и не думаетъ уже скакать черезъ заборы. Идетъ по самой серединѣ дороги— и Боже упаси подступиться къ нему!—Да прямо къ нашей хатѣ. Съ моимъ отцомъ онъ давно былъ знакомъ, стерегъ у насъ пасѣку, садъ. И вообще во время безработицы, которое иногда выпадало у него, онъ жилъ у насъ. „Тутъ мое пристанище, пока не прогоните“ — говоритъ онъ, бывало. И сундучекъ его съ тряпьемъ стоялъ у насъ въ

*) Большой ножъ съ деревянной рукояткой.

амбарѣ. Даже горшечекъ его и желѣзная ложка были въ этомъ сундучкѣ. Въ этомъ горшкѣ онъ ежедневно варилъ себѣ изъ той муки лемишку *). Сваритъ, бывало, водой разведетъ да хлебаетъ. Мама не вытерпитъ, вольетъ ему немного молока въ его жижицу, а онъ отвернется, и какъ будто не видитъ, чтобъ не пришлось благодарить. Не любилъ онъ, видите, показывать виду, что кто-нибудь оказываетъ ему благодѣяніе, а ужъ попросить кого о чемъ-нибудь—скорѣе съ голоду пропадетъ!—„Вотъ,—говоритъ, бывало, мама, — шляхетская манера!“ Но говорила это мама совершенно равнодушно—она привыкла къ старому Довбанюку.

Такъ вотъ послушайте, какая на старости лѣтъ въ старую голову дурь забралась. Случилось это въ воскресенье, приблизительно передъ Петровымъ днемъ въ тотъ годъ, когда произошло польское возстаніе въ Варшавѣ. Газетъ у насъ тогда никакихъ не было, а такъ только ходили въ народѣ глухія вѣсти, что „поляки придутъ, крестьянъ будутъ рѣзать“ или что, по меньшей мѣрѣ, „барщину возстановятъ“. Крестьяне очень пригорюнились, а шляхтичи, словно на дрождяхъ, росли. А село наше, видите, смѣшанное: большая половина—крестьяне, а меньшая шляхта. Что до нашего Довбанюка, то онъ не разъ и сквозь сонъ кричалъ: „Подождите-ка вы, хамы, скоро Польша возродится! Мы вамъ!“

Съ самой весны ходилъ онъ, словно угорѣлый. На работу, хоть рѣжь его, ни на какую не пойдетъ, а хоть бы и пошелъ, то какая съ него работа! Пусть рои летятъ, куда имъ Богъ укажетъ, пусть воробьи черешни объѣдаютъ, пусть пастухи всѣ заборы на костры поломаютъ, пусть ястребъ всѣхъ гусенятъ передушитъ—онъ ничего не видитъ и не слышитъ. Скоро, вѣдь, Польша возродится! Неудивительно поэтому, что пока что, а нашъ Довбанюкъ изрядно таки голодалъ. На его бѣду и грибы въ тотъ годъ не уродились и рыба не ловилась. Если-бъ не тотъ гарнецъ ячменной муки, что ему по субботамъ давали его однофамильцы, то Довбанюкъ, не дождавшись возрожденія Польши, умеръ-бы съ голоду. Мама прокормить его не могла, потому что у нея и своихъ дѣтей было достаточно—да и до новаго хлѣба далеко

*) Крутое вареное тѣсто.

было. Но Довбанюкъ и въ усъ не дуетъ: чѣмъ хуже кругомъ, тѣмъ больше онъ о своей Польшѣ думаетъ.

Сидимъ мы какъ-то на заваленкѣ въ полдень: отецъ, нѣсколько сосѣдей и мы, дѣти, а Довбанюкъ на порогѣ у сѣней ѣстъ лемишку, прямо изъ горшка, не разведенную. Погоревали наши хозяева о томъ, что всходы взошли поздно, а затѣмъ перешли на возстаніе, разсказываютъ, кто что на ярмаркѣ или отъ чужихъ селянъ слышалъ.

— Говорятъ, русскій одолѣваетъ,— выпалилъ одинъ.

— Кто это говоритъ? Кто смѣетъ говорить?—вскрикнулъ Довбанюкъ, сорвавшись съ порога и бросивъ въ горшокъ свою желѣзную ложку.

— Ой, панъ Городыський, плохо съ вашей Польшей! Тамъ, говорятъ, русскій повстанцевъ, какъ рыбу въ неводѣ, ловитъ, а кого изловитъ, то такое съ нимъ дѣлаетъ, что кто былъ пѣтухомъ, такъ потомъ каплуномъ сталъ.

— Дураки разсказываютъ, а еще большіе дураки слушаютъ!

— Ну, да мы собственно межъ собой тихо разговаривали, чтобъ вы не могли слышать.

Общій хохотъ. Довбанюкъ даже покраснѣлъ отъ злости, но не сказалъ ничего, только опять сѣлъ на порогъ и снова взялся за свой горшокъ съ лемишкою.

— Вотъ напрасно пана разгнѣвали, —передразниваетъ одинъ хозяинъ. —Кто знаетъ, можетъ, завтра Польша будетъ! То-то будете въ ярмѣ ходить!

— Га, въ ярмѣ такъ въ ярмѣ,—отвѣчаетъ другой.—Но я думаю, что панъ Городыський не будетъ такимъ, онъ покажетъ намъ, глупымъ мужикамъ, всю свою великую милость.

А Городыський ничего,—только сопитъ да ячменную лемишку уплетаетъ. Вдругъ собаки залаяли и съ сосѣдняго закоулка, словно козлиное блеяніе, раздался тонкій голосокъ:

— Горшки оплетать проволокой, мамо-о-о!

— Тьфу, спятилъ онъ: въ воскресенье горшки оплетать — зашумѣли сосѣди.

— Извините, завтра оплету, а сегодня ищу только, гдѣ переночевать—отозвался изъ-за забора тотъ же козлиный голосъ мастера.

— Ишь, какой хитрый! Ну, иди сюда, иди! — сказалъ отецъ и указалъ перелазъ.

Проволочниковъ у насъ въ ту пору принимали очень радушно, ибо проволочникъ та же газета — про всякую всячину разскажетъ. Бывало, какъ въ муравейникъ, полная хата людей набьется, а онъ засядетъ себѣ на скамью, и плететъ, что на языкъ навернется, а люди рты раскрываютъ да только ахаютъ. Да много и бродило этихъ проволочниковъ,—что ни нѣсколько дней—какой-нибудь новый. Ходилъ даже слухъ, что ихъ нарочно подсылали. Одни говорили, что ихъ паны подсылаютъ, чтобъ крестьянъ бунтовать, другіе—что начальство, чтобы наблюдали, не бунтуются-ли крестьяне въ самомъ дѣлѣ.

Такъ и этотъ проволочникъ. Перелѣзъ на дворъ, поздоровался съ крестьянами и сѣлъ на заваленкѣ. Отдыхаютъ крестьяне, разспрашиваютъ его о томъ, о семъ, а онъ ничего—слово—два скажетъ и опять сопитъ. Въ короткое время откуда-то по селу уже пронесся слухъ, что пришелъ проволочникъ. Немедленно нашло полдвора гостей новостей послушать. Тогда мой проволочникъ какъ пошелъ говорить! Сразу пошелъ и плелъ, чортъ знаетъ что такое; потомъ началъ ужъ чисто по-польски, да уже не про что иное, какъ только про возстаніе. Началъ разсказывать, какъ повстанцы бьютъ русскаго, какъ французъ и англичанинъ вотъ-вотъ выступятъ на помощь полякамъ, какъ и нашъ цесарь ничего не имѣетъ противъ того, чтобъ русскаго „проучить“, какъ мѣстами и крестьяне возстаютъ, а помѣщики крестьянамъ не то чтобы барщину, а всѣ лѣса и пастбища дарятъ.

— Pòjdzcie ludzie, pòjdzcie *)—говорилъ онъ.—Ojczyzna wola! Sluchajcie piosneczki! **)

Да затянулъ своимъ козлинымъ голосомъ:

Stój, wrogu, stój
Bo nie ustał bój ***)

Распѣвая, онъ подскакивалъ, вертѣлся на одной ногѣ, пома-

*) Идите, люди, идите!
**) Отчизна зоветъ! Слушайте пѣсенку.
***) Стой, врагъ, стой, Еще не кончился бой.

хивалъ въ одной рукѣ своей проволокой, а въ другой шиломъ для починки горшковъ... Люди слушали, смотрѣли, какъ на комедію, нѣкоторые смѣялись, женщины крестились. А когда проволочникъ закончилъ свою пѣсню страшными словами:

Powiesimy was po parze, *)
Czynowniki dygnitarze!

то всѣ разразились громкимъ смѣхомъ,—такъ смѣшно вертѣлся и кривлялся проволочникъ.

— Pójdzcie, luczie, pojdzcie! **) приговаривалъ онъ дальше.— Pokazcie, ze wy wierne polskie dzieci! ***)

— Да врешь ты, козлиный сынъ! — сказалъ на то добродушно-критически одинъ хозяинъ, — мы не дѣти, и не польскія!

— Проволочникъ, я иду съ тобою! раздался вдругъ рѣзкій, могучій голосъ. Всѣ оглянулись и ахнули. На порогѣ сѣнныхъ дверей стоялъ Довбанюкъ съ горшкомъ недоѣденой лемишки въ одной рукѣ, съ желѣзной ложкой въ другой и, не сводя глазъ съ проволочника, грозилъ, казалось, цѣлому свѣту.

— Я иду съ тобой, слышишь, проволочникъ!—повторилъ онъ еще разъ.—А ихъ не зови, это мужичье ничего не понимаетъ.

— Довбанюкъ!—вскрикнулъ мой отецъ, забывъ даже величать его паномъ.—Свихнулся ты, что-ли, что съ тобой?

— Молчи, хамъ, — гаркнулъ Довбанюкъ, окинувъ отца такимъ несказанно - гордымъ взглядомъ, какого я съ роду не видалъ и не увижу. И, не говоря больше ни слова, онъ повернулся, пошелъ въ амбаръ, отомкнулъ свой сундучекъ, вложилъ въ него горшочекъ, до половины полный лемишки, положилъ невытертую ложку, заперъ сундучекъ, спряталъ ключъ въ сѣняхъ и, взявъ въ руку палку, вышелъ на дворъ.

— Гурра!—привѣтствовали его люди громкимъ окликомъ.

— Вотъ казакъ, такъ казакъ!

---

*) Повѣсимъ васъ попарно,
Господа чиновники.
**) Идите люди, идите.
***) Покажите, что вы вѣрные дѣти Польши.

— Опоясался, совсѣмъ собрался!

— Хоть на возстаніе, хоть въ просо воробьевъ пугать!

Насмѣшки градомъ сыпались на голову Довбанюка. Онъ не отвѣчалъ на нихъ. Онъ взялъ проволочника подъ руку, даже не поклонился никому, и они пошли.

— Гей, музыка военная! Съ парадомъ провести пана капитана!—крикнулъ кто-то и вмигъ, откуда ни возьмись, толпа паркей съ корытами, подойниками; другіе среди нихъ съ палками—да лупъ-цупъ, трахъ-трахъ тарахъ, тарабанятъ изо всей силы! Я самъ, какъ сейчасъ помню, такъ билъ по ведру, чуть дна не вышибъ. Крикъ, гвалтъ, шумъ! А за этой шайкой другая идетъ —парни, хозяева, и ревутъ—ревутъ:

Пристань Юрку до вербунку,
Будешь істи з масломъ курку!
Будеш істи, будеш пити,
Довбеньками воші бити *).

Словомъ, съ большимъ парадомъ проводили мы Довбанюка за село. А онъ ничего,—пошелъ, даже не поблагодарилъ.

Прошли жнивья. Всякіе слухи о Довбанюкѣ смолкли—онъ точно въ воду канулъ. Ужъ надъ нимъ и смѣяться перестали. Но вотъ къ осени какъ-то опять случилось, что у насъ на заваленкѣ собралось изрядно народу. Сидятъ, разговариваютъ. Вдругъ смотримъ — тащится улицей что-то ободранное, сгорбленное, съежившееся, едва ноги за собой волочитъ. Да и ноги хороши: исцарапанныя, окровавленныя по самыя колѣни, которыя едва прикрывались остатками штановъ. Идетъ прямо къ нашему двору, приближается, снимаетъ съ головы что-то, словно лопухъ, корой повязанный... Господи, да это-жъ онъ самъ, Довбанюкъ!

— Юрку! панъ Городыськый! Вы ли это? — вскрикнуло вмѣстѣ болѣе десятка голосовъ. Но ни въ одномъ голосѣ не было и тѣни насмѣшки.

---

*) Пристань, Юрку, къ отряду,
Будешь ѣсть съ масломъ куриц\!
Будешь ѣсть, будешь пить,
Молотками вшей бить.

— Я!—коротко отвѣтилъ Довбанюкъ и, казалось, съ крайнимъ напряженіемъ своихъ силъ выпрямился и гордо прошелъ сквозь толпу обступившихъ его людей. Всѣ къ нему съ вопросами: а что? а какъ? а куда? а когда?—а онъ ни слова... въ сѣни; взялъ свой ключъ да въ амбаръ, да къ своему сундучку... Отомкнулъ и первымъ дѣломъ хвать горшокъ съ лемишкою, да за желѣзную ложку. Горшокъ и ложка были полны... плѣсени. Ему все равно! Какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ онъ все на тотъ же порогъ сѣней, соскребъ плѣсень, да какъ начнетъ ѣсть, какъ начнетъ!.. Люди обступили его кругомъ и остолбенѣли...

— Бѣдный человѣкъ! Два мѣсяца не ѣлъ ничего!

Насилу мама вырвала изъ его рукъ заплѣсневѣлую лемишку и дала ему теплаго борщу, пирога, молока. Поѣлъ онъ, пришелъ въ себя, разговорился.

— Да гдѣ-жъ вы были?

— А чортъ его знаетъ! Гдѣ-то на границѣ.

— Что-жъ вы дѣлали?

— Чортъ его знаетъ! Какіе-то дубы таскалъ. Было насъ двѣнадцать, такихъ самыхъ старыхъ дураковъ, какъ я. Привели насъ къ какому-то пану и тамъ велѣли ждать приказаній. Ждали мы, ждали, разумѣется, въ лѣсу. Пану надоѣло—онъ и говоритъ намъ: нѣтъ у васъ тутъ дѣла, таскайте дубы съ той стороны границы къ намъ. И таскали мы ихъ черезъ такіе лѣса да дебри, что Боже упаси! Это, говоритъ, нужно будетъ для войны, если она сюда придетъ. Таскать велитъ скоро, а ѣсть съ каждымъ разомъ даетъ все скупѣе. Таскали мы, таскали—взгляните какъ обносились! Наконецъ, взяли и удрали.

— Да куда-жъ вы шли такъ долго?

— А чортъ знаетъ! Главнымъ образомъ лѣсами.

— И никто вамъ ничего не говорилъ?

— Нѣтъ, никто. Я думалъ, что хоть арестуютъ да по этапу отошлютъ въ село—такъ вотъ-же не захотѣли. Пришлось самому, голому да голодному, пробираться. Господи, сколько я испыталъ, сколько испыталъ!

— Ну, а въ возстаніи были?

— А чортъ его знаетъ! Кажется, не былъ.

— Ну, а Польша возродится?—вырвалось у кого-то противъ воли.

Довбанюкъ только голову понурилъ. Молчалъ, молчалъ, наконецъ, вскочилъ, топнулъ искалѣченной ногой о землю, махнулъ желѣзной ложкой въ воздухѣ въ какомъ-то неопредѣленномъ направленіи, да какъ крикнетъ во все горло:

— А чортъ ихъ всѣхъ возьми!

Львовъ, февраль 1886 г.

ДОМАШНІЙ ПРОМЫСЕЛЪ.

ДОМАШНІЙ ПРОМЫСЕЛЪ.

Разсказъ.

Вычиталъ я въ газетахъ—я, вѣдь, немного грамотенъ — что Богъ далъ нашему краю такого хорошаго маршалка, который говоритъ: „всѣ силы положу, чтобъ только домашній промыселъ въ Галиціи поддержать. Пусть все падаетъ все пропадаетъ, а домашній промыселъ долженъ подняться". Читалъ я также, что нашъ домашній промыселъ очень хвалятъ такіе большіе господа, какъ графъ Дидушицкій, панъ Вержбицкій и другіе, что они за большія деньги скупаютъ гуцульскіе черепки, тряпье да деревянныя издѣлія, — и не только выставляютъ ихъ на показъ всему міру, но еще велятъ срисовывать ихъ и книжки о нихъ пишутъ. Ну, думаю себѣ, слава тебѣ Господи! Можетъ, хоть разъ и въ наше окно заглянетъ солнце. Авось и мнѣ улыбнется судьба. А нужно вамъ знать, что хотя я человѣкъ и зажиточный и хозяинъ съ землей, но иногда и домашнимъ промысломъ занимаюсь. Правда, промыселъ не Богъ вѣсть какой: выдѣлываю изъ дерева ложки, корыта, кропила... Это ужъ у насъ въ роду держится, отъ дѣда и прадѣда идетъ. У насъ споконъ вѣку свой лѣсокъ все березы, липы, клены да ясени—и такое ужъ у насъ положеніе, что сколько кто въ семьѣ срубитъ старыхъ деревьевъ, долженъ вдвое больше молодыхъ посадить. А среднихъ деревьевъ совсѣмъ не рубимъ.

Повторяю, промыселъ не Богъ вѣсть какой. Срублю три старыхъ дерева, матеріалу хватитъ на годъ, а то и на два. Работаю, большей частью, на заказъ, а на продажу развѣ когда въ годъ разъ вывезу остатки, что люди прямо въ хатѣ не разберутъ. Еще развѣ кропила два раза въ годъ везу въ Кальварію на храмовой праздникъ да въ Самборъ на праздникъ Богородицы, да въ Дрогобычъ на святую Тройцу. А на ярмаркахъ ложекъ моихъ нигдѣ не увидите. За ложками ко мнѣ приходятъ изъ дальнихъ деревень—и, что изготовлю,—тотчасъ расхватаютъ. Не буду хвалиться, но скажу только то, что говорятъ люди: лучше моихъ ложекъ нѣтъ—и легки, и удобны, и прочны. Не знаю, извѣстно-ли вамъ, что у насъ по селамъ каждый ложкарь имѣетъ свою особую манеру, свою форму ложекъ: одинъ дѣлаетъ такія неуклюжія, какъ лопата, другой такія изогнутыя, что, когда ѣшь, то все норовишь у самаго рта разлить, а иной опять и красиво дѣлаетъ, за то какъ-то такъ дерево изрѣжетъ, что пусть только ложка побудетъ немного на солнцѣ, или просто въ кухонной жарѣ—сейчасъ трескается. Какъ-будто и не велика штука деревянную ложку сдѣлать, а все-таки нужно имѣть способность, знать толкъ въ матеріалѣ, умѣть его, какъ слѣдуетъ, порѣзать, умѣть высушить, ну, и соотвѣтственную пропорцію при самой работѣ соблюсти. И не изъ каждаго дерева хорошая выдѣлка будетъ—нужно и дерево подобрать.

У меня, говорю, еще отъ дѣда-прадѣда этотъ промыселъ ведется. Когда я съ своимъ старшимъ сыномъ сяду ложки выдѣлывать, то въ нашей хатѣ настоящая ярмарка. Молніей вѣсть по селамъ разлетится: Яць Яремышынъ сѣлъ ложки дѣлать! И сейчасъ на другой день начинается наплывъ людей и раньше всего изъ своего села. Для этихъ—первое мѣсто и болѣе дешевая цѣна — такое ужъ издавна между нами соглашеніе; и это, видите, за то, что мнѣ мой лѣсокъ щадятъ. Въ казенномъ или въ помѣщичьемъ крадутъ, сколько кто можетъ захватить, а въ моемъ прутика не тронутъ, хоть онъ тутъ подъ носомъ. Ну, давній обычай, — и всѣ мы ужъ его держимся. А пока своихъ удовлетворю, гляди—и изъ другихъ селъ, какъ за святой водой, ждутъ своей очереди.—Для меня, кумъ, копу! *)—А для меня

*) 60 штукъ.

полкопы! — А для меня пополамъ съ Олексою копу! — Запишу всѣхъ, скажу, когда будутъ готовы — они и уходятъ себѣ. Но ужъ кто приходитъ издалека, изъ-за Днѣстра, изъ Доловъ, тѣхъ нельзя ни съ чѣмъ вырядить: ждутъ, пока не сдѣлаю столько, сколько имъ нужно. Иногда по пяти и по десяти человѣкъ ночуетъ у меня, то подъ сараемъ, то на гумнѣ въ ригѣ. А вечеромъ, понятно, нужно угостить людей, чѣмъ Богъ далъ. Мы съ сыномъ работаемъ на бочарскомъ верстакѣ; каганецъ *), бывало, горитъ, а чужіе люди размѣстятся на скамьѣ, разговариваютъ, разсказываютъ, какъ имъ живется, что у нихъ новаго, и каждый при этомъ слѣдитъ глазами за моей работой, — скоро-ли дойдетъ его очередь.

Таковъ-то былъ нашъ домашній промыселъ съ давнихъ поръ, съ тѣхъ поръ какъ люди о немъ помнятъ. Выгоды отъ него не много, потому что цѣна ложкѣ—пустякъ, а возни около нея не мало,—ну, да лишь бы человѣкъ съ людьми жилъ, встрѣчался, имѣлъ знакомыхъ, имѣлъ почетъ по чужимъ селамъ, гдѣ только ни покажется;—ну, и не безъ того, чтобы временами кое-что и въ хозяйство не перепадало.

Такъ вотъ, прочитавъ, что тамъ во Львовѣ выбранъ такой хорошій маршалокъ, что хочетъ взять на себя покровительство домашнему промыслу, я даже Бога поблагодарилъ на радостяхъ. Правда, я не могъ понять того, какимъ способомъ хочетъ маршалокъ поднять этотъ промыселъ, но меня обрадовало ужъ одно только доброе желаніе. Ужъ, думаю, такой умный и знатный человѣкъ найдетъ такіе способы, какіе намъ, простымъ мужикамъ, и не снились. А на первый разъ и то хорошо, что обратилъ на насъ вниманіе; поможетъ—не поможетъ, а хоть защититъ насъ отъ евреевъ, которые нѣсколькихъ знакомыхъ мнѣ ложкарей такъ хитро забрали въ свои руки, что бѣдняги днями и ночами всей хатой сидятъ и дѣлаютъ ложки для евреевъ по десяти крейцеровъ отъ копы. Матеріалъ еврейскій, это такъ, но за работу такой бѣдняга получаетъ такъ мало, что можетъ жить только въ тяжелой нуждѣ. Пробовали евреи и до меня добраться, да не удалось: у меня своя земля и свой матеріалъ, да и не таковъ я,

*) Плошка.

чтобъ меня поддѣть. Давали даже денегъ взаймы и въ участники напрашивались. „Давайте, говорятъ, сообща устроимъ фабрику деревянныхъ издѣлій“. И этимъ меня не взяли. „Оставьте меня въ покоѣ, — сказалъ я имъ, — ищите себѣ своихъ еврейскихъ участниковъ, а я буду по-старому свою работу дѣлать. Съ этого времени начали подкапываться подъ меня. Подбили податнаго комиссара обложить меня промысловымъ налогомъ. Но комиссаръ былъ честный человѣкъ — евреямъ на слово не повѣрилъ, заѣхалъ ко мнѣ, осмотрѣлъ мои инструменты, мой лѣсокъ, мой складъ сухого дерева, опросилъ людей, и, убѣдившись, что я занимаюсь работой только въ свободныя отъ хозяйства минуты и въ малыхъ размѣрахъ, оставилъ меня въ покоѣ, а евреевъ отправилъ ни съ чѣмъ.—Должно быть маршалокъ прежде всего позаботится о томъ. чтобъ защитить нашъ домашній промыселъ отъ такихъ непрошенныхъ опекуновъ, — подумалъ я, когда прочиталъ о пріятномъ для насъ желаніи маршалка.—Го, го,—говорю я, обрадованный, всѣмъ знакомымъ,—а увидите,—авось и изъ нашего Подгорья на всю Галицію свѣтъ разольется! Вѣдь, маршалокъ нашъ близкій сосѣдъ—изъ Стараго города! Смѣло могу сказать, что мои и моего отца ложки выкормили его. Старогородскіе всѣ споконъ вѣку только у насъ ложки покупаютъ. И ужъ внѣ всякаго сомнѣнія, что въ нашихъ корытахъ его ребенкомъ купали и нашимъ кропиломъ кропили! Ну, такъ и не удивительно, что вспомнилъ о насъ теперь, когда сдѣлался такимъ паномъ. Подождите только, какую это онъ для насъ помощь придумаетъ!

А люди слушаютъ эти рѣчи—и сами радуются.

— Ну, что-жъ, дай Богъ, чтобъ изъ нашего простого сословія произошла для всего края польза.

Нашелся въ селѣ одинъ только Ѳома невѣрный, такъ даже и звался Ѳомой Губатымъ.

— Э, говоритъ, кумъ Яцю, до сихъ поръ вамъ нечего жаловаться на свою судьбу, а на панскую помощь не надѣйтесь! Я пановъ не осуждаю, но говорю вамъ, какъ старикъ: какъ-то никогда панская милость крестьянину впрокъ не идетъ. Не даромъ старики и пословицу сложили: не мѣряй своего носа съ панами, потому что если твой будетъ длиннѣе, то его тебѣ обрѣ-

жутъ, а если будетъ короче, то тебѣ же натянутъ. Панская милость на быстромъ конѣ ѣздитъ.

— Я этого, кумъ Ѳома, не отрицаю—сказалъ я,—и всякой панской ласкѣ не поддаюсь; но думаю, что если людямъ будетъ лучше, то и мнѣ лучше будетъ, и что, вѣроятно, маршалокъ словъ на вѣтеръ не бросаетъ.

Такъ-то мы разговариваемъ о томъ, о семъ, какъ вдругъ приходитъ новый номеръ газеты, которую мы сообща съ кумомъ дьячкомъ выписываемъ. Написано тамъ что-то длинно и пространно о какихъ-то „принудительныхъ корпораціяхъ“. Что за чортъ! Читаю я, читаю, сначала ровно ничего не понимаю, а потомъ, смекаю что это о цехахъ рѣчь. Старые цехи должны быть обновлены,—изъ самой Вѣны приказъ пришелъ. Э, думаю себѣ, это не про насъ писано. Цехи—для городовъ, для ремесленниковъ, а у насъ по селамъ съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, никакихъ цеховъ не бывало и не будетъ.

Это было приблизительно на масленицѣ зимою, а такъ около средины поста беремся мы съ сыномъ за ложки. Работаемъ день работаемъ другой, третій, народу собирается съ каждымъ разомъ все больше, разговариваемъ. Какъ вдругъ является жандармъ.

— Добрый день!

— Добрый день!

— Дай, Боже, счастья!...

— Дай, Боже! Спасибо за доброе слово.

Сѣлъ онъ на скамьѣ у окна, смотритъ на нашу работу, а потомъ говоритъ:

— А что это у васъ, хозяинъ, столько людей?

— Да такъ, за ложками пришли.

— Такъ вы ложки изготовляете?

— Да, дѣлаю, временами, какъ кто закажетъ.

Взялъ онъ одну готовую ложку, осмотрѣлъ.—Хорошая работа,—говоритъ.—А гдѣ вы научились этому ремеслу?

— Нигдѣ. Это у насъ въ роду, отъ отца къ сыну переходитъ.

— А, такъ! А есть у васъ ремесленное свидѣтельство?

Я уставился въ него, извините за выраженіе, какъ теленокъ на новыя ворота.

— И чего вы такъ уставились на меня? — говоритъ жандармъ, усмѣхаясь.—Развѣ не понимаете меня, что-ли?

— Да, впрямь, не понимаю,—отвѣтилъ я.

— Какъ-такъ? Развѣ-жъ вы не знаете, что вышелъ такой законъ, чтобы никто не смѣлъ заниматься никакимъ ремесломъ, если отъ своего цеха не имѣетъ свидѣтельства?

Я былъ пораженъ этой рѣчью.

— Ремесломъ?..—пробормоталъ я.—А развѣ-жъ это ремесло?

— А что же такое?

— Э... Это домашній промыселъ.

— Ха, ха, ха!—разсмѣялся жандармъ.

— Хорошъ домашній промыселъ, если вы товаръ на продажу изготовляете. Если-бъ вы только для своего дома работали, то это былъ-бы домашній промыселъ, а у васъ ремесло.

— Но какъ-же я могу изъ цеха брать свидѣтельство, если я къ цеху не принадлежу?

— Это ничего не значитъ. Когда убѣдятся, что вы знаете дѣло, то вамъ дадутъ свидѣтельство. А пока у васъ такого свидѣтельства нѣтъ, то и работать на другихъ не имѣете права.

Съ этими словами жандармъ ушелъ, оставляя насъ словно ошпаренными.

Что тутъ дѣлать? Запрягаю лошадей, ѣду въ городъ, а сына оставляю при работѣ: нельзя-же столько чужихъ людей ни съ чѣмъ отправить. Беру съ собой на всякій случай нѣсколько гульденовъ! Ужъ по дорогѣ приходитъ мнѣ въ голову: ба, къ какому это цеху я могъ-бы принадлежать? Какой мастеръ можетъ мнѣ выдать свидѣтельство о моемъ знаніи, если въ городѣ ни одинъ ремесленникъ выдѣлкой ложекъ и кропилъ не занимается? Га, что дѣлать, размышляю я, нужно будетъ пойти ко всѣмъ, кто только занимается обработкой дерева, можетъ быть, кто-нибудь изъ нихъ дастъ мнѣ это проклятое свидѣтельство.

Пріѣхалъ я въ городъ, иду раньше всего къ знакомому колеснику. Разсказываю ему все дѣло: такъ и такъ, гдѣ тутъ искать совѣта? Тотъ сначала разсмѣялся, а потомъ, когда я разъяснилъ ему, что въ нашихъ селахъ жандармы не шутятъ, задумался.

— Что-жъ,— говоритъ онъ,—если такъ, то нужно что-ни-

будь придумать. Знаете, у насъ есть только два цеха, которые занимаются работами изъ дерева: колесники и столяры. У насъ есть тутъ одинъ плотникъ—такъ онъ присталъ къ столярамъ, и одинъ бочаръ — этотъ въ колесный цехъ включенъ. А куда-бы васъ приплести, ужъ совсѣмъ не знаю. Пойдемъ — я пойду съ вами—раньше всего къ нашему цехмейстру, поговоримъ съ нимъ, а если съ нимъ ничего нельзя будетъ сдѣлать, то пойдемъ къ столярному.

— О, вамъ Богъ заплатитъ за вашу услугу!—сказалъ я.

Мы пошли. Цехмейстеръ колесниковъ сморщилъ лобъ, зашевелилъ усами, когда я разсказалъ ему свое дѣло.

— Выдѣлка ложекъ насъ не касается,—отвѣтилъ онъ коротко.

— А кого-же касается?—спрашиваю его.

— Почемъ я знаю? Это ужъ ваше дѣло, не мое.

Ушли мы, идемъ къ столярному цехмейстеру. Этотъ лакировалъ какой-то столъ и весь былъ измазанъ терпентиномъ. Онъ попросилъ насъ сѣсть на какихъ-то доскахъ, самъ оперся о столъ и позвалъ мальчика, чтобъ тотъ сухими руками далъ ему понюхать табаку, чихнулъ раза три и, выслушавъ мою просьбу, крикнулъ:

— Тьфу, къ бѣсу! А какъ-же я вамъ дамъ свидѣтельство, что вы умѣете выдѣлывать ложки, если я самъ въ этой работѣ ничего не смыслю? Посмотрите, у меня у самого ложки купленныя.

— А куда-жъ бы обратиться за такимъ свидѣтельствомъ?

— Не знаю, мой милый. Лучше всего пойти въ староство, тамъ вамъ ужъ разъяснятъ.

Что-жъ, думаю себѣ, въ староство такъ въ староство. И впрямь въ этомъ есть смыслъ. У насъ во всякомъ дѣлѣ самое лучшее обратиться въ староство. Будь-то налогъ, заразная болѣзнь, дѣло церковное, пожаръ, школа, дорога или мостъ, жалоба на войта—со всѣмъ иди въ староство, какъ въ свой домъ.

Простившись съ моимъ знакомымъ колесникомъ, я отправляюсь, но только что я очутился на рынкѣ, направляюсь къ ратушѣ (староство въ ратушѣ), какъ тутъ мой колесникъ дернулъ меня за полу.

— Слушайте, хозяинъ, — говоритъ онъ, — а вы при своей работѣ употребляете токарный станокъ?

— Нѣтъ, не употребляю.

— А какіе-же инструменты употребляете?

— Да какіе-жъ? Кромѣ топора и пилки, развѣ стругъ, рѣзецъ да ножъ бочарный.

— Ну, такъ-бы и говорили!—воскликнулъ онъ радостно.—Въ такомъ случаѣ васъ, очевидно, нужно приписать къ бочарамъ. А такъ какъ у насъ отдѣльнаго бочарскаго цеха нѣтъ, а единственный здѣшній бочаръ принадлежитъ къ нашему цеху—такъ и вамъ придется къ намъ вступить.

— Богъ-бы вашими устами говорилъ, господинъ цехмейстеръ!—воскликнулъ я, обрадовавшись сдуру.—Значитъ, я смогу у васъ достать эту несчастную бумагу?

— Ну, это еще увидимъ. Порядокъ требуетъ, чтобы цеховой бумаги не выдавать никому, кто у цеховаго мастера не проработалъ извѣстнаго срока.

— Побойтесь Бога,—вскрикнулъ я,—господинъ цехмейстеръ! Не прикажете-жъ вы мнѣ идти теперь въ ученики къ колеснику, или къ бочару учиться выдѣлывать ложки, если и такъ никакой колесникъ, ни бочаръ ихъ изготовлять не умѣетъ?

— Ну, ну,—сказалъ цехмейстеръ, улыбаясь,—этого я вамъ не говорю, но цеховыя правила вы должны исполнить.

— Какія-жъ это правила?

— Пробную работу сдѣлать—это первое дѣло.

— Пробную работу? Какую-же я вамъ пробную работу сдѣлаю?

— А что? Каждому цеховому по полдюжины ложекъ, а мнѣ двѣ дюжины — вотъ вамъ и пробная работа будетъ.

— Ну, это бы еще можно.

— Но это еще не все. Нужно дать за приписку пять гульденовъ, на цеховое освѣщеніе другіе пять; ну, а за то, что я вамъ безъ обученія у мастера бумагу выдамъ, вы должны выложить сорокъ гульденовъ и, наконецъ, разумѣется, угощеніе для цеховыхъ братьевъ; только въ такомъ случаѣ я выдамъ вамъ бумагу; съ нею пойдете въ податное присутствіе, получите промысловое свидѣтельство, съ свидѣтельствомъ объявитесь ко мнѣ— и я внесу васъ въ списокъ цеховыхъ мастеровъ...

И выкладывалъ онъ это такъ спокойно и разсудительно, словно-бы уже приводилъ въ порядокъ на столъ угощеніе для цеховыхъ братьевъ. Злость меня взяла, не дослушалъ я его розсказней.

— Будьте здоровы, господинъ цехмейстеръ!—крикнулъ я.

— Ну, что-жъ это, куда вы?

— Домой.

— Ну, а цеховая бумага?

— Спасибо, ужъ не надобно.

— Почему?

— Потому что отнынѣ бросаю весь свой промыселъ. Знаете, господинъ цехмейстеръ, всего того, что вы мнѣ тутъ насчитали платить, я и за десять лѣтъ не заработаю, не считая уже своего матеріала. Спрячьте себѣ свою бумагу и свою цеховую честь! Обойдется цыганская свадьба безъ пирожнаго *).

И я пошелъ, надвинувъ шапку на уши, чтобы не слышать, какъ звалъ меня вдогонку цехмейстеръ.

Пріѣхавъ домой, я съ пустыми руками отправилъ чужихъ людей, говоря имъ, что ужъ не буду больше ложки дѣлать, а инструменты всѣ спряталъ въ сундучекъ, заперъ и—въ амбаръ,— пусть лежатъ до болѣе благопріятнаго времени.

Черезъ нѣсколько дней жандармъ опять заглянулъ въ домъ.

— А что, есть у васъ свидѣтельство?

Я рукой махнулъ.

— Богъ съ нимъ, говорю,—на что оно мнѣ теперь! Отнынѣ я не думаю и дотронуться къ ложкѣ, развѣ при ѣдѣ.

— Ну! запомните! Если поймаемъ васъ на продажѣ, то всѣ принадлежности заберемъ, и еще пятьдесятъ гульденовъ штрафу заплатите!

— Такъ-ли? Ну, это предостереженіе въ самомъ дѣлѣ стоитъ запомнить.

Такъ-то я разстался съ своимъ промысломъ. Почувствовалъ себя я какъ безъ рукъ. Хожу, томлюсь, а затѣмъ со скуки думаю себѣ: подожди-же ты! Напишу хоть письмо самому маршалку! И написалъ. Все ему выложилъ. Какъ нашей работы ложками его превосходительство въ дѣтствѣ ѣлъ, какъ теперь мы отъ него ждали заботы и помощи и какъ насъ вдругъ этотъ цеховой уставъ подкосилъ, — все по порядку. Выписалъ я ему также, сколько въ нашихъ краяхъ кузнецовъ, сапожниковъ, ткачей, плот-

*) Поговорка.

никовъ и другихъ ремесленниковъ черезъ эти цехи потеряли хлѣбъ, а въ концѣ, какъ вся эта исторія съ цехами только евреямъ къ выгодѣ вышла, потому что еврей такихъ разорившихся ремесленниковъ беретъ къ себѣ какъ-будто въ службу, пріобрѣтаетъ для себя промысловое свидѣтельство и заставляетъ бѣднягъ работать на себя. Еврей обогащается, а они едва дышатъ... Расписалъ я это все и послалъ во Львовъ, въ собственныя руки маршалка. Вотъ подите-жъ, — какъ послалъ, такъ и до нынѣшняго дня никакого отвѣта нѣтъ. Ну, да оно и понятное дѣло: гдѣ-бъ тамъ такому большому чиновнику отвѣтить на мараканье простого мужика! Только вотъ что меня удивляетъ: зачѣмъ въ такомъ случаѣ шумѣть такъ громко о поднятіи домашняго промысла?..

Январь, 1887 г.

МАНИПУЛЯНТКА.

Манипулянтка*).

I.

Целя проснулась рано, ровно въ половинѣ седьмого, проснулась по привычкѣ. У нея черезъ день утреннія занятія на почтѣ, гдѣ она работаетъ въ экспедиторской. Утреннія занятія начинаются въ семь часовъ и продолжаются до двухъ часовъ пополудни. Добросовѣстная и точная въ исполненіи своихъ обязанностей, какъ вообще всѣ женщины, допущенныя къ какой-нибудь общественной службѣ, Целя издавна привыкла просыпаться, нужно это или нѣтъ, въ половинѣ седьмого, и ни за что на свѣтѣ потомъ ужъ заснуть не можетъ. Нѣкоторое время вглядывалась она своими большими черными глазами въ противоположную стѣну, разрисованную синеватыми арабесками на сѣромъ фонѣ. Посреди стѣны висѣло большое зеркало, а по обѣ стороны его широкой золоченной рамы видны были двѣ группы фотографій въ деревянныхъ съ рѣзьбою рамочкахъ. Онѣ изображали ея подругъ по школѣ и по службѣ въ почтамтѣ. Глаза Цели довольно долго покоились на этихъ фотографіяхъ, хотя чертъ лица на нихъ нельзя было разглядѣть: въ комнаткѣ стоялъ полумракъ, такъ какъ единственное окно, выходившее на улицу, было закрыто деревянной шторой.

— Который можетъ быть часъ?—шепнула Целя и, протянувъ руку, взяла съ круглаго, тутъ же въ головахъ у нея стоявшаго,

*) Названіе мелкихъ почтамтскихъ служащихъ женщинъ.

столика маленькіе золотые карманные часы. Хоть она по опыту знала, что просыпается все въ одну и ту же пору, но сама все-таки себѣ не довѣряла.

— Половина седьмого!—произнесла она.—А мнѣ казалось, что я сегодня проспала. Правда, сегодня утромъ у меня нѣтъ занятій, но незачѣмъ давать себѣ поблажку. Просплю сегодня, такъ просплю и завтра и опоздаю на службу!

Размышляя такимъ образомъ, подняла она голову и сѣла на постели. Она была въ одной рубашкѣ, обшитой сверху кружевомъ; перехваченная на плечахъ, рубашка закрывала ея грудь и плечи, оставляя обнаженными красивыя, словно изъ слоновой кости выточенныя руки и шею. На дворѣ стояло теплое майское утро. Мягкимъ розовымъ просвѣтомъ проходили лучи солнца сквозь спущенную штору въ комнату молодой дѣвушки, наполняя ее тепломъ и запахомъ весны, который смѣшивался съ запахомъ находящагося въ флаконѣ на туалетѣ одеколона и резеды, цвѣтущей въ большомъ горшкѣ на окнѣ. Нѣкоторое время Целя сидѣла какъ будто въ забытьи. Пріятно ей дышать этимъ теплымъ воздухомъ, насыщеннымъ ароматами, пріятно погружаться въ полусумракъ, сглаживающій всѣ очертанія и цвѣта, отдыхать въ этой тишинѣ, изрѣдка прерываемой грохотомъ колесъ или звукомъ далекой военной музыки, играющей маршъ гдѣ-то въ отдаленной улицѣ.

Но забытье продолжалось не долго. Целя освободилась отъ него, тряхнула своей головкой съ коротко остриженными, мягкими, какъ шелкъ, пепельными волосами, надѣла чулки и туфельки собственной работы и быстро соскочила съ постели. Она чувствовала себя здоровой, свѣжей, молодой. Сонъ подкрѣпилъ ее; все, что было досаднаго или непріятнаго вчера, позавчера и во всемъ прошломъ, теперь для нея какъ будто не существовало. Полусонная еще мысль ея отдыхаетъ со свернутыми крылышками и не вылетаетъ за порогъ этой комнаты, не заглядываетъ въ будущее. Что будущее! Что прошедшее! Какъ-нибудь все обойдется!

Въ эту минуту она чувствовала только то удовольствіе, какое даетъ намъ правильное движеніе собственной крови, теплота собственнаго тѣла, мягкое прикосновеніе собственной кожи, ощущеніе здоровья, силы и свѣжести собственныхъ мускуловъ. Она заглянула въ зеркало,

шутливо моргнула своему изображенію и сердечно засмѣялась, показывая изъ-за нѣжныхъ розовыхъ губъ два ряда бѣлыхъ, ровныхъ и мелкихъ зубовъ.

Минуту спустя, она ужъ была одѣта въ легкую коленкоровую юбчонку и бѣлую кофточку. Зато умыванье заняло у нея больше часу. Вода еще со вчерашняго вечера стояла готовая—и Целя съ истиннымъ наслажденіемъ погружала въ нее свои руки, мыла мягкою губкою лицо, шею и руки, словно воробей отряхивая крупныя капли, нависавшія у нея на длинныхъ рѣсницахъ или катившіяся съ шеи на грудь. Это была пріятнѣйшая часть ея утренняго туалета, упрощеннаго насколько возможно въ виду предстоящихъ служебныхъ обязанностей; удовольствіе это было тѣмъ большее, что Целя могла вполнѣ испытать его только черезъ день, когда у нея были занятія послѣ полудня. Въ часы утренней службы нужно было торопиться.

Умывшись и вытершись полотенцемъ, Целя передъ зеркаломъ расчесала свои волосы, раздѣливъ ихъ надъ лбомъ на двѣ равныя части, а затѣмъ въ нѣсколько минутъ спокойно, систематично и безъ всякой посторонней помощи закончила свой туалетъ. Постоявъ съ минуту, выпрямившись посреди комнаты, она широко развела руками, потомъ сложила ихъ надъ головою и, опуская внизъ, слегка хрустнула пальцами. Потомъ она подошла къ окну и, слегка потянувъ за шнурокъ, подняла штору. Золотой волной хлынулъ солнечный свѣтъ въ комнату, заливая ее ослѣпляющимъ блескомъ. Закрывъ глаза лѣвой ладонью, Целя упивалась этимъ блескомъ, этимъ тепломъ, этимъ физическимъ наслажденіемъ и жизнью, весною и молодостью, улыбающаяся и румяная поклонилась она востоку и произнесла своимъ звучнымъ голосомъ:

— А! Какъ хорошо! Здравствуй солнце! Здравствуй весна! Здравствуй небо голубое!

II.

— А съ кѣмъ это вы, барышня, такъ бесѣдуете?—раздался вдругъ въ дверяхъ голосъ старой служанки, которая вошла убрать комнату Цели.

— Ахъ, Осипова, — сказала Целя, не отвѣчая на этотъ вопросъ,—не пора-ли уже завтракать?

— А что это вы себѣ, барышня, думаете? воскликнула добродушно Осипова.—Вѣдь, вы сегодня не идете на службу — и вмѣстѣ съ господами завтракаете. А господа еще спятъ. Развѣ только черезъ часъ завтракъ будетъ. Я еще огня не развела, даже кофе не молола.

— А, правда!—сказала Целя, и голосъ ея задрожалъ легкимъ разочарованіемъ.—Нужно ждать.

На столикѣ лежала до половины прочитанная книжка, недѣлю тому назадъ взятая въ библіотекѣ. Целя была не изъ усердныхъ читательницъ, но въ такія минуты, какъ эта, когда нужно было ждать часа полтора, пойти никуда нельзя и разговаривать не съ кѣмъ, книжка была единственнымъ развлеченіемъ. Вотъ она и усѣлась у окна, съ той стороны, куда свѣтъ не падалъ, и начала читать въ то время, когда Осипова убирала постель и комнату. Но, вѣроятно, книжка не очень ее занимала, потому что, не дочитавъ и первой страницы, Целя отложила ее въ сторону, полила свои цвѣты, стерла пыль со столика, съ пары креселъ, съ большого стола, затѣмъ съ зеркала, съ фотографій и съ окна. Вертясь по своей комнатѣ, она попробовала было тихо затянуть какую-то пѣсенку, но пѣсня быстро оборвалась, а на лобъ дѣвушки набѣжало облачко.

— А если мнѣ совсѣмъ не доставляетъ удовольствія завтракать съ хозяевами!—сказала она вдругъ, гордо подымая голову, словно отвѣчая на поклонъ.—Если я не хочу слушать глупой болтовни стараго Темницкаго, ни служить предметомъ огнестрѣльныхъ взглядовъ молодого. Вѣдь я не обязана имъ подчиняться! Я вѣдь плачу имъ за столъ и квартиру! Не изъ милости же они меня держатъ!

Вся фигурка ея дрожала отъ волненія при одномъ воспоминаніи о товарищахъ общихъ завтраковъ. Молодой лобъ наморщился, глаза потеряли свой ласковый солнечный блескъ, а вокругъ губъ обрисовалась складка боли и горечи, которую за минуту предъ тѣмъ никто бы тамъ не увидалъ.

Целя была сирота, безъ отца, безъ матери. Старый дѣдъ помѣстилъ ее въ школѣ, а позже черезъ какихъ-то знакомыхъ

досталъ ей мѣсто на почтѣ (безъ протекціи даже такого мизернаго мѣста достать нельзя), гдѣ, сдавъ требуемый экзаменъ, Целя принята была въ качествѣ одной изъ служащихъ. Больше старичекъ ничего для нея не могъ сдѣлать, да и за то, что сдѣлалъ, Целя благословляетъ его память. Жалованья, занимающихся въ экспидиторской,—35 гульденовъ въ мѣсяцъ—хватаетъ на скромное содержаніе; уроки музыки на фортепіано и французскаго языка, которые она въ свободное время даетъ двумъ дочерямъ хозяина дома, доставляютъ ей средства на одежду и другія удовольствія жизни. Въ перспективѣ передъ нею рисуется черезъ какой-нибудь десятокъ съ лишнимъ лѣтъ службы самостоятельное почтовое отдѣленіе гдѣ-нибудь въ провинціи, маленькій домикъ съ маленькимъ огородцемъ въ маленькомъ городкѣ, цвѣты передъ окнами, старая служанка въ кухнѣ и тихая уединенная комнатка. Целина, правда, рѣдко забѣгаетъ мыслью въ такое далекое будущее, но всегда, когда ей это случается, начинаетъ почему-то вздыхать—можетъ быть, отъ тоски по такой идиллической картинѣ, можетъ быть, отъ полусознаннаго чувства, что помимо этой идилличности эта картина скрываетъ въ себѣ какую-то пустоту, какой-то темный омутъ.

По смерти дѣда Целя перешла на житье къ Темницкому. Темницкій былъ пріятелемъ покойнаго дѣда и у смертнаго одра его обѣщалъ ему заботиться о бѣдной одинокой сиротѣ. Темницкій былъ невысокаго ранга чиновникомъ на пенсіи, лѣтъ шестидесяти-пяти, имѣлъ жену, лѣтъ на пять старше себя, глухую, какъ пень, да одного сына, изучившаго въ Вѣнѣ медицину и практиковавшаго при тамошней клиникѣ. Темницкій былъ что называется „веселый старичекъ“: лысый, съ большими усами и мохнатыми бровями, онъ имѣлъ румяныя щеки, мясистыя губы, всегда готовыя улыбаться, маленькіе, жиромъ заплывшіе глаза и здоровые зубы и при своей женѣ выглядѣлъ ея сыномъ, моложе ея лѣтъ на 20, по крайней мѣрѣ. Жилъ онъ на свою пенсію скромно и аккуратно, нигдѣ не служилъ и ничѣмъ не занимался. Весь день онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, курилъ трубку и читалъ газету, а вечеромъ отправлялся въ клубъ, откуда возвращался еще до десяти часовъ, чтобъ не платить „шперы“ *).

*) Дворнику за отпиранье.

Въ клубѣ, т. е. въ обществѣ своихъ ровесниковъ, онъ славился какъ хохотунъ и шутникъ, который, несмотря на свой седьмой десятокъ, до сихъ поръ не потерялъ охоты къ приключеніямъ или, какъ онъ самъ говорилъ, къ „маленькимъ волненіямъ“. А когда онъ сидѣлъ дома за завтракомъ или обѣдомъ и все свободное отъ жеванія время наполнялъ своимъ разговоромъ, ласкающимъ, монотоннымъ и усыпляющимъ, онъ напоминалъ жирнаго кота, который, пріятно мурлыкая, глазъ не сводитъ съ лакомаго куска, но не хочетъ раньше времени трудиться хватать его, ибо хорошо знаетъ, что когда подойдетъ подходящій моментъ, то лакомый кусокъ самъ упадетъ въ его бархатныя лапки.

Ужъ полгода жила Целя у Темницкихъ, ежедневно слушая монотонную воркотню Темницкаго и поглядывая на его двусмысленныя улыбки. Сначала ее забавляла его болтовня, но потомъ опротивѣли его монотонность и ограниченный кругозоръ его мыслей. Она пробовала съ нимъ спорить, но это оказалось невозможнымъ; всѣ ея слова онъ принималъ съ добродушнымъ смѣхомъ, какъ капризы малаго, избалованнаго ребенка. Но въ виду того, что Темницкій никогда не выходилъ изъ границъ добродушной шутки и не позволялъ себѣ ничего, что оскорбляло-бы приличіе, Целя чувствовала себя при немъ спокойной. Ее оберегалъ также трауръ, который она носила по смерти дѣда и который отчасти накладывалъ путы и на Темницкаго. Но вотъ нѣсколько недѣль назадъ прибылъ изъ Вѣны молодой врачъ Темницкій и сразу внесъ съ собой въ это тихое гнѣздо какой-то острый, удушливый запахъ, который съ первой минуты охватилъ Целю какой-то тревогою, началъ сжимать ея грудь какимъ-то неяснымъ предчувствіемъ тревоги и опасности.

Докторъ Темницкій былъ высокій, плечистый, крѣпко сложенный мужчина, съ правильными чертами лица, съ непокорной темной растительностью. Движенія его были мѣрныя и солидныя, голосъ баритоновый, немного хриплый, взглядъ холодный и какъ-будто пронизывающій насквозь. Изъ каждаго его движенія, изъ каждаго слова его видно было, что этотъ человѣкъ очень высокаго мнѣнія о своемъ достоинствѣ, что онъ умѣетъ владѣть собой, но вмѣстѣ съ тѣмъ умѣетъ и любитъ властвовать надъ другими и привыкъ преодолѣвать всякія трудности, которыя стоятъ на

пути его замысловъ. Врагъ всякой сантиментальности, онъ смотрѣлъ на свѣтъ холоднымъ глазомъ анатома и издавна привыкъ разсматривать всѣхъ и все только съ точки зрѣнія своего излюбленнаго „я“. Врагъ игривости и шутокъ, онъ только одно выраженіе произносилъ съ истиннымъ оттѣнкомъ юмора—это было еврейское выраженіе: „wus tojgt mir dus?“ (на что это мнѣ пригодится?). Это былъ его девизъ, неотступная мѣрка, которую онъ прилагалъ къ каждой новой вещи, чтобъ оцѣнить ея достоинство. Однимъ словомъ это былъ человѣкъ насквозь „положительный“ и реальный. Хотя ему было, навѣрное, не больше тридцати лѣтъ, но при всемъ томъ казалось, что у него никогда не было „шумной“ молодости, что онъ никогда не отдавался никакимъ иллюзіямъ, не зналъ, что такое увлеченіе и энтузіазмъ, что вся его жизнь была ровной, простой линіей, безъ уклоненій, скачковъ и переворотовъ, безъ чрезмѣрныхъ напряженій, но и безъ слабости и отчаянія. Какъ въ хорошей машинѣ, такъ и у него, казалось, все было разсчитано, взвѣшено и заранѣе приведено къ устойчивому равновѣсію.

Первая его встрѣча съ Целиною была очень холодна и шаблонна. Старый Темницкій представилъ ей своего сына, тотъ поклонился. Целя отвѣтила, докторъ пробормоталъ: „очень пріятно“ и тотчасъ отвернулся, кончая свой прерванный разсказъ о какомъ-то клиническомъ случаѣ. Но черезъ короткое время, когда онъ увидалъ, что Целя его пристально оглядываетъ, сказалъ тѣмъ-же спокойнымъ и серьезнымъ тономъ:

— Я долженъ вамъ, отецъ, показать фотографію моей невѣсты.

Отецъ даже ротъ разинулъ и глаза вытаращилъ, ибо ни о какой невѣстѣ своего сына онъ до сихъ поръ ничего не слышалъ. Но сынъ, искоса посматривая на Целю, продолжалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ:

— Дочь главнаго завѣдующаго вѣнскимъ госпиталемъ, единственная дочь и наслѣдница громаднаго зданія на Грабенѣ. Обрученіе было еще на масленной. Я не писалъ вамъ объ этомъ, потому что хотѣлъ сдѣлать вамъ сюрпризъ.

Несмотря на это объясненіе, отецъ не переставалъ смотрѣть на сына съ удивленіемъ и недовѣріемъ. Глухая Темницкая, не

слышавшая разговора, видѣла только, что „татко“ забылъ о супѣ и, дотронувшись рукою къ его локтю, сказала гробовымъ голосомъ:

— „Татко“, супъ выстынетъ!

Тѣмъ временемъ докторъ, сидѣвшій за столомъ противъ Целины, обратился къ ней съ нѣсколькими совсѣмъ незначущими вопросами, на которые дѣвушка коротко отвѣтила, не подымая почти глазъ отъ тарелки. А когда обѣдъ кончился и Целя поспѣшно ушла на службу, Темницкій, до сихъ поръ еле усидѣвшій отъ нетерпѣнія, обратился къ сыну:

— Бойся Бога, Милька! Что это за невѣста, о которой ты вспоминалъ?

— Невѣста? — спокойно отвѣчалъ докторъ. — Никакой невѣсты у меня нѣтъ.

— Ну, такъ я и думалъ. Но что-жъ это ты за исторіи выдумываешь?

— Это для нея,—онъ мотнулъ головой въ направленіи комнаты Целины. — Вижу, что всматривается въ меня, словно въ радугу. Ну, а я люблю каждый вопросъ сразу ставить ясно, реально. Пусть этотъ ребенокъ на мой счетъ не строитъ никакихъ иллюзій.

— Га, га, га! — засмѣялся Темницкій. — Однако, хитеръ же ты, докторъ! Надо правду сказать,—хитеръ. При первой встрѣчѣ съ дѣвушкой сейчасъ и предупреждаетъ ее: подальше отъ меня! Я женихъ.

— Этакъ лучше,—сказалъ серьезно докторъ.—Пусть заранѣе знаетъ, чего отъ меня можно ждать и чего нельзя.

Однако, повидимому, и самъ докторъ не очень хорошо зналъ, чего можно и чего нельзя отъ него ждать.

Черезъ нѣсколько дней онъ сидѣлъ противъ Целины, мало обращая на нее вниманія, обмѣниваясь съ нею едва нѣсколькими незначительными фразами. Позже онъ сдѣлался еще молчаливѣе, о своей невѣстѣ не вспоминалъ, но вмѣсто этого, когда только Целя ни рѣшалась поднять глаза, она все встрѣчала его холодный взоръ, устремленный въ нее. Прошло еще нѣсколько дней— и въ черныхъ небольшихъ глазахъ доктора Целя замѣтила какія-то искорки, которыя сверкали какъ фосфоръ впотьмахъ, и раз-

горались съ каждымъ днемъ все сильнѣе. Было что-то непонятное и зловѣщее въ этихъ искоркахъ, что-то такое, что лишало Целю аппетита и охлаждало въ ней всякій порывъ радости. Когда порой докторъ заговаривалъ съ нею, она испытывала легкую дрожь во всемъ тѣлѣ, хотя до сихъ поръ между ними не произошло ничего такого, что давало-бы хоть тѣнь оправданія ея боязни.

Между тѣмъ старикъ Темницкій говорилъ теперь еще больше, чѣмъ прежде, и рѣчь свою обращалъ почти исключительно къ Целинѣ. Язвилъ эмансипацію и эмансипантовъ, хотя Целя никогда не хотѣла изобразить изъ себя эмансипатку, откапывалъ старинные анекдоты про старыхъ дѣвъ, шутилъ надъ женщинами - чиновниками, женщинами-почтмейстерами и т. д. Наконецъ, Целя мало-по-малу начала догадываться, что все это разглагольствованіе не простое хлопанье языкомъ, но къ чему-то клонится, имѣетъ какую-то скрытую цѣль, — какую, до этого она добраться не могла. Она чувствовала только, что по выслушаніи часовой болтовни Темницкаго ее охватываетъ какое-то утомленіе, какое-то отвращеніе къ міру и жизни, нежеланіе работать и думать. Неудивительно поэтому, что все это вмѣстѣ въ короткое время сдѣлало для нея невыносимыми общіе завтраки, обѣды и прогулки съ Темницкими.

— Нѣтъ, не пойду больше! — говорила она, топая ногой въ своей комнатѣ, но всегда въ рѣшительный моментъ ее покидала сила воли и она шла.

Она была совсѣмъ одинока. Темницкій былъ единственнымъ другомъ ея покойнаго дѣда, который и оставилъ его ей опекуномъ. Неудивительно, что ея дѣтская душа до послѣдней возможности держалась за эту послѣднюю нитку, которая такъ или иначе связывала ея настоящее съ прошлымъ. Отпустить эту нитку значило безповоротно отдаться волнамъ жизни безъ проводника, безъ точки опоры. Хотя молодая еще 18-лѣтняя дѣвушка, Целя все-таки знала уже изъ собственнаго печальнаго опыта и не изъ одного примѣра, что пускаться на эти волны не шутка.

— Но все-жъ таки они добрые люди, — успокаивало ее ея золотое сердце. — Пусть вѣрно, что у нихъ есть свои недостатки, но не мое дѣло осуждать ихъ. Со мной они вѣжливы и добры, такъ въ чемъ я могу упрекнуть ихъ? нѣтъ, нѣтъ, глупа я съ

моимъ недовольствомъ, съ моей глупой тревогой! Безразсудная я, неблагодарная, вотъ что!

И настроивъ такъ свои собственные нервы, она опять шла въ общество Темницкихъ, чтобъ снова вынести изъ него ту же тревогу, тотъ же упадокъ духа и разстройства нервовъ, что и раньше, только въ еще большей степени.

III.

— Э, что тамъ, — сказала Целя, потряхивая головкой и переходя отъ окна къ зеркалу, — дура я: порчу себѣ чудесное утро такими мыслями!

Она взглянула на часы — половина восьмого. Еще, по крайней мѣрѣ, часъ до завтрака. Целя взяла книжку, попробовала продолжать чтеніе, — но изъ этого ничего не вышло. Солнце заглядывало въ книжку, блескъ его ослѣплялъ ея глаза. Вынужденное ежедневное семичасовое сидѣніе за столикомъ въ почтамтѣ было для молодого, жаждущаго движенія и свѣжаго воздуха, организма Цели и для ея живого темперамента тяжелой повинностью. А теперь еще сидѣть въ комнатѣ, какъ мышь въ норѣ! Нѣтъ, это просто грѣшно. Она бросила книжку и отправилась путешествовать по своей комнатѣ, отыскивая глазами, что бы можно было перенести, поставить на другое мѣсто или привести въ порядокъ. Но ничего такого не находилось.

Въ это время дверь ея комнаты снова отворилась: вошла Осипова съ графиномъ свѣжей воды. Поставивъ воду, она стала, съ улыбкой глядя на Целю.

— Чего вы на меня смотрите, какъ на ворону? — воскликнула Целя шутливо-обиженнымъ тономъ.

— Имѣю основаніе! — отвѣтила Осипова, улыбаясь и загадочно подмаргивая.

— А, впрочемъ, если на васъ, барышня, другимъ можно смотрѣть, такъ отчего-жъ бы и Осиповой нельзя было?

— Какимъ другимъ?

— Каждому, кто только хочетъ. Вѣдь, вы, барышня, ежедневно семь часовъ словно на показъ сидите тамъ, за рѣшеткою. Кто

хочетъ, можетъ придти и оглядывать васъ, сколько вздумается, и вы не можете запретить это.

Целя вся вспыхнула румянцемъ.

— Фи, стыдитесь, Осипова!—крикнула она съ непритворной досадой въ голосѣ. — И вы ужъ научились отъ стараго барина колоть мнѣ глаза моей службою! Что вамъ моя служба сдѣлала, зачѣмъ вы изводите меня, перечисляя ея непріятности? Вы думаете, что я ихъ сама не чувствую, вы думаете, что мнѣ это мило? Но что же мнѣ дѣлать? Должна-жъ я какъ-нибудь жить! А лучше ѣсть свой хлѣбъ, хоть тяжко заработанный, нежели умирать съ голоду, или...

Она не докончила. Слезы сдавливали ей горло. Она отвернулась къ шкафу и очень усердно начала что-то искать въ немъ среди навѣшанныхъ платьевъ.

— Простите, барышня!—воскликнула старуха, не на шутку испугавшись ея внезапнаго волненія, — что это вамъ въ голову пришло. Я насмѣхалась бы надъ вами за то, что вы находитесь на цесарской службѣ? Я, которая отъ десяти лѣтъ сама валандаюсь по чужимъ людямъ? Я насмѣхалась бы надъ вами? Вѣдь я такъ люблю васъ, какъ родная мать! Успокойтесь и посмотрите лучше, что я вамъ принесла.

— А что такое? — весело спросила Целя, забывъ уже объ испытанной только-что непріятности.

Осипова достала изъ-за пазухи небольшой запечатанный конвертъ и, не говоря ни слова, съ улыбкой и загадочнымъ подмигиваньемъ подала его Целинѣ. На конвертѣ написано было только имя и фамилія, и все-таки, взглянувъ на этотъ адресъ, Целя опять вспыхнула. Почеркъ былъ ей извѣстенъ.

— А откуда это вы, Осипова, получили письмо?

— А это, барышня, далъ мнѣ знакомый почтальонъ. Онъ хотѣлъ занести его къ вамъ, но я ему и говорю: дайте, я сама отнесу.

Если бъ Целя лучше вглядѣлась въ лицо старой женщины, то сразу догадалась-бы, что Осипова соврала. Но Целя вглядывалась въ письмо, которое держала въ рукѣ, очевидно, колеблясь относительно того, что съ нимъ сдѣлать. Румянецъ исчезъ съ ея лица, розовыя губки сжались и въ глазахъ блеснуло въ родѣ

гнѣва, возмущенія или нетерпѣнія. Наконецъ, она холодно и съ досадою сказала:

— Прошу васъ, Осипова, никогда не дѣлать этого больше. Никакихъ писемъ, ни посылокъ для меня не принимайте. Кому нужно ко мнѣ, пусть самъ приходитъ—ужъ я буду знать, что ему отвѣтить.

Сказавъ это, она отвернулась и подошла къ окну. Долго еще Осипова не двигалась съ мѣста и качала головой. Бѣдная женщина не знала, что собственно думать про свою барышню: было-ли для нея полученное письмо пріятно или непріятно и въ чемъ собственно говоря здѣсь дѣло?

— Ну, однако, она письмо взяла, не возвратила мнѣ! Значитъ, я еще ничего дурного не сдѣлала, — проворчала бѣдная старушка и ушла въ кухню.

А Целя стояла молча, одной рукой опираясь о раму окна, а другой держа письмо. Рука съ письмомъ дрожала. Наконецъ, Целя подняла руку и энергично кинула письмо на полъ.

— Чего этотъ дуракъ отъ меня хочетъ! — крикнула она возмущаясь. — Присталъ, какъ піявка, ходитъ за мной, какъ тѣнь, да еще компрометируетъ меня своими дурацкими письмами. Вотъ несчастье!

Грудь ея очень волновалась, глаза блестѣли отъ подлиннаго гнѣва. Но минуту спустя Целя успокоилась, остыла отъ первой досады, подняла письмо и разрѣзала конвертъ ножницами. Вынувъ изъ него письмо, исписанное отъ начала до конца мелкими. некрасивыми, судорожно искривленными въ разныя стороны буквами, и взглянувъ на эти буквы, на первое слово обращенія, бросившееся ей въ текстѣ въ глаза, Целя разразилась громкимъ серебристымъ смѣхомъ.

— Что за дуракъ! — сказала она весело.—Даже сердиться на него нельзя серьезно, развѣ только смѣяться. Ну-ка, прочту я это письмо вмѣсто газеты. Должно быть, забавное, какъ и прежнія.

И, поудобнѣе усѣвшись въ креслѣ, Целя развернула письмо на столикѣ и начала читать, время отъ времени прерывая чтеніе своими замѣчаніями, какъ будто разговаривая и поддразнивая его автора. „Третій разъ уже осмѣливаюсь я писать вамъ, хоть на два первыхъ письма не получилъ никакого отвѣта“.

— Не получишь и на это! Не надѣйся! — упрямо мотнувъ головой, сказала Целя.

„Только послѣ тяжелой борьбы съ собою я рѣшился еще разъ доставить вамъ непріятность. Важность дѣла, ради котораго я такъ поступаю, оправдаетъ мою надоѣдливость“.

— Важность дѣла? Что тамъ за важное дѣло такое? Ха, ха, ха! Очевидно, то самое, что въ первыхъ письмахъ: „Вы, ангелъ, вы покорили мое сердце, безъ васъ я жить не могу“! и такъ далѣе безъ конца. Но мнѣ до этого нѣтъ ровно никакого дѣла. Я безъ васъ жить могу. Я васъ и слышать не хочу. Вы должны бы догадаться объ этомъ уже по одному моему взгляду, по каждой моей минѣ. Да, впрочемъ, какъ тутъ желать, чтобы этотъ господинъ догадался о чемъ-нибудь! — докончила она съ презрительной улыбкой.

„Серьезно обдумавъ свое положеніе и собравъ о васъ кой-какія нужныя свѣдѣнія“...

— Вотъ каковъ! — вскрикнула Целя, — онъ обо мнѣ свѣдѣнія собираетъ! Онъ шпіонитъ мое прошлое! Негодяй!

„Я убѣдился, что внѣшній видъ не обманулъ меня, что, полюбивъ васъ съ перваго взгляда, я не потратилъ своего чувства на человѣка недостойнаго этого чувства. Я вполнѣ увѣренъ, что если-бъ вы согласились быть моей, мы могли-бъ устроить свою совмѣстную жизнь гармонично и счастливо, поскольку счастье зависѣло-бъ отъ насъ самихъ. Моихъ хоть и скромныхъ средствъ хватило-бы намъ, какъ запасъ про черный день, а тѣмъ временемъ мы зарабатывали бы на хлѣбъ честнымъ трудомъ“.

— Каковъ! Какъ придумалъ! Не такъ глупъ, какъ кажется! — шепнула Целя — и облачко задумчивости легло на ея челѣ.

Она изъ предыдущихъ писемъ ужъ знала этого оригинальнаго претендента на ея руку, знала, что его средства, о которыхъ онъ упоминалъ, это полученный въ наслѣдство отъ отца хуторокъ съ 30 моргами *) земли, находившейся гдѣ-то недалеко отъ Львова и отданной въ аренду. Знала, что самъ ухаживатель занимается журналистикой и, нужно признать, что это именно и было одной изъ главныхъ причинъ ея антипатіи къ

*) 3 морга=2 дес.

нему. Она такъ много наслышалась скверныхъ исторій о львовскихъ журналистахъ, объ ихъ цинизмѣ, ночномъ пьянствѣ, буйствѣ и т. д., что ее бралъ ужасъ при мысли сдѣлаться женою такого чудовища. Къ тому же этотъ претендентъ былъ совсѣмъ не изъ красивыхъ. Сама молодая, здоровая и красивая, Целя и всюду любила красоту и грацію. Между тѣмъ, онъ, хотя былъ еще молодъ, ходилъ сгорбившись и словно разбитый, обладалъ широкимъ лицомъ, выдающимися скулами, имѣлъ какой-то испуганный и нерѣшительный видъ, блуждающее выраженіе глазъ, расплющенный носъ и рыжіе волосы. Если къ этому добавить его одежду, обыкновенно поношенную и какъ будто не на него шитую — то вотъ вамъ портретъ автора тѣхъ любовныхъ писемъ, той „судьбы", которая представлялась Целинѣ.

— Это кандидатъ на Кульпаркивъ! *)—мелькнуло въ головѣ у Цели, когда она впервые увидала его на почтѣ въ то время, когда онъ сдавалъ письмо. Устремленные на нее съ выраженіемъ любопытства и удивленія сѣрые глаза чудовища возбуждали въ ней какую-то тревогу и въ то же время смѣхъ. Съ этихъ поръ онъ сталъ чаще приходить на почту, впиваться глазами въ каждое ея движеніе и сторожить на улицѣ, когда она шла на почту или возвращалась домой. Но никогда онъ не осмѣливался заговорить съ нею. Онъ шелъ издали, и если не могъ избѣгнуть встрѣчи съ нею лицомъ къ лицу, то кланялся украдкою и убѣгалъ во весь духъ, словно съ чѣмъ-нибудь краденнымъ. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ такихъ нѣмыхъ ухаживаній онъ написалъ ей первое письмо, несмѣлое, нацарапанное, очевидно, дрожащей рукой, неудачное по стилю, однимъ словомъ смѣшное—пресмѣшное. Целя очень смѣялась надъ нимъ и, хотя не знала имени своего нѣмого поклонника, все-таки сразу догадалась, что онъ и авторъ письма, подписаннаго „Семіонъ Стоколоса",—одна и та же особа. И въ голову не пришло ей отвѣтить на это письмо. Черезъ мѣсяцъ она получила второе письмо, длинное, страстное и еще болѣе смѣшное въ своемъ горячемъ выраженіи чувства. Третье письмо неожиданнымъ образомъ было короткое и спокойное, такъ что Целя, ждавшая въ немъ опять долгихъ воздыханій и много-

*) Часть города, въ которой находится домъ умалишенныхъ.

численныхъ заклинаній и дифирамбовъ своей красотѣ, была немного разочарована и задумалась. Однако задумчивость ея продолжалась недолго.

— Глупая ты, Целька!—воскликнула она сама къ себѣ.— Все это вздоръ, комедія! Если онъ имѣетъ честныя намѣренія, то отчего не поступаетъ, какъ честные люди? Отчего не придетъ, не представится, не... Но что тамъ, будемъ читать дальше!

„Вы, навѣрное, спросите, отчего, чтобъ высказать вамъ все это, я выбираю не совсѣмъ удобный путь, приличествующій скорѣе трусу, чѣмъ мужчинѣ?“

— Ишь, каковъ! — воскликнула Целя съ улыбкой, — какъ отгадалъ! — И хватаетъ у него рѣшительности назвать вещь ея именемъ, даже когда она касается его самого. Гм, рѣшительный человѣкъ!—добавила она черезъ минуту,—но только на бумагѣ! Ну, ну, что-то онъ дальше пишетъ?

„Я, дѣйствительно, трусъ, не въ отношеніи необезпеченности и превратности жизни—съ ними я боролся съ дѣтства и довольно удачно,—но въ отношеніи тѣхъ людей, которыхъ люблю. Боюсь принести имъ малѣйшую непріятность и въ силу этого не разъ приношу ее помимо желанія, а это для меня еще мучительнѣе и больнѣе, чѣмъ для нихъ самихъ. Чувствую, что мнѣ не достаетъ твердой почвы въ обращеніи съ людьми, какую даетъ общественное воспитаніе и увѣренность въ себѣ. Чувствую, что сама особа моя возбуждаетъ смѣхъ и жалость—и это сразу отнимаетъ у меня всякую смѣлость. Я тоскую по людямъ, по дружбѣ, любви, счастьѣ—и чувствую, что не могу достигнуть ихъ такъ, какъ достигаютъ тысячи другихъ. Такъ что же, не хочешь ли украсть ихъ изъ-за угла?—навѣрное, спросите вы.

— Рехнулся, что ли! — воскликнула Целя съ какимъ-то испугомъ.—Точка въ точку отгадалъ мою мысль!

„Нѣтъ, дорогая (ага, „дорогая!“ Уже снова начинаетъ!— шепнула Целя), я хочу только схватить одну ниточку, которая ведетъ къ мотку, а потомъ всю жизнь, всѣ свои силы посвятить на достиженіе того, что другимъ болѣе счастливая судьба даритъ безъ труда. Теперь вы знаете меня только со стороны неказистой моей наружности. Поэтому я ни о чемъ больше не прошу, какъ лишь объ одномъ: позвольте мнѣ дать вамъ возможность

познакомиться со мною ближе. Я не хотѣлъ бы безъ вашего желанія дѣлать какіе-либо шаги въ этомъ направленіи, чтобъ не подвергнуть васъ насмѣшкамъ, колкостямъ и непріятностямъ со стороны людей, у которыхъ вы живете. Я, впрочемъ, знаю этихъ людей, хоть и не близко, и могу вамъ только одно сказать: берегитесь одинаково какъ отца, такъ и сына!“

— Ого, вотъ уже и жало гадюки!—шепнула Целя, прикусывая блѣднѣющія губы.

„Такъ чего жъ я хочу? спросите вы. Одного только: позвольте мнѣ стать ближе къ вамъ, дать вамъ возможность ближе узнать меня! Дайте мнѣ знакъ, что не питаете ко мнѣ антипатіи, что близость моя не будетъ вамъ непріятна! Напишите...“

— Дуракъ!—крикнула Целя, топая ногою и не дочитывая письма.—Вретъ онъ! Не любитъ онъ меня, если можетъ писать такія глупости. Позволь ему приблизиться ко мнѣ! Развѣ я ему запрещаю? Но тутъ именно и есть хитрость, подлый подвохъ. Натворитъ какихъ-нибудь глупостей, скомпрометируетъ меня, а потомъ скажетъ: сами вы позволили! Нѣтъ, нѣтъ, не хочу и слышать о немъ! Дамъ ему знать, чтобъ онъ мнѣ больше на глаза не показывался. „Что не питаете ко мнѣ антипатіи, что моя близость не будетъ вамъ непріятна!“ Ну, откуда мнѣ это знать? Тьфу! Это какая-то безкровная слизь, какая-то рѣпа, а не мужчина! Ну, и хороша бъ я была, если бъ отдала ему руку! Онъ замучилъ бы меня своими нѣжностями и подозрѣніями! Всѣ жилы изъ меня бы вымоталъ! Нѣтъ, лучше остаться тѣмъ, что я теперь, нежели связать свою судьбу съ такимъ никуда негоднымъ человѣкомъ!

И Целя бросила письмо несчастнаго поклонника на столъ, прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ, чтобъ успокоиться, а затѣмъ изорвала письмо вмѣстѣ съ конвертомъ на мелкіе кусочки и понесла къ окну, чтобъ выбросить вонъ. Но когда она высунулась изъ окна, то увидала, что на углу улицы, противъ окна, стоялъ авторъ письма, глазами впившись въ окно. Появленіе Цели, очевидно, испугало его, — онъ метнулся какъ ошпаренный и хотѣлъ бѣжать, но не могъ оторвать глазъ отъ окна. Эта картинка показалась Целѣ такой комичной, что она расхохоталась во все горло. А затѣмъ сильнымъ размахомъ руки

она выбросила мелкіе кусочки изорваннаго письма. Словно снѣговыя пушинки, посыпались они внизъ, крутясь и разлетаясь въ разныя стороны. Нѣсколько изъ нихъ, покрутившись и погулявъ на волнахъ легонькаго вѣтра, упало на шляпу Семіона Стоколосы, который съ испуганнымъ видомъ, блѣдный и какъ будто прикованный къ каменному тротуару, все еще стоялъ на углу улицы.

IV.

— Прошу завтракать! — сказала старая Осиповна, пріотворивъ дверь комнаты. Целя вздрогнула отъ ея голоса, но тотчасъ же успокоилась, тряхнула головой и, оглянувшись въ зеркало да поправивъ красную бархатную ленточку, которою перевязала свои короткіе волосы, пошла въ столовую.

Темницкіе сидѣли уже за столомъ,—и сидѣли собственно мужчины, а старуха Темницкая наливала кофе, то-и-дѣло шевеля поблекшими губами, точно вела какіе-то нескончаемые, слышные только ея глухимъ ушамъ разговоры съ какими-то невидимыми сосѣдями.

Впрочемъ, за столомъ старушка отзывалась очень рѣдко и сидѣла, вперивъ во что-нибудь глаза, словно бы не видѣла ничего дальше кругомъ. Целя очень жалѣла ее, старалась услуживать ей за столомъ, знаками говорить съ нею. Но сначала старушка почувствовала себя какъ-то сконфуженной этими непривычными для нея проявленіями вниманія и сочувствія. Издавна привыкла она къ тому, что самые близкіе ее совершенно игнорировали и считали чуть ли не какимъ-то неодушевленнымъ предметомъ; поэтому и не удивительно, что сначала она даже съ подозрѣніемъ смотрѣла на Целю, думая, что молодая дѣвушка хочетъ пріобрѣсти ея ласку для какихъ-то своихъ цѣлей. Но убѣдившись, что Целина совсѣмъ далека отъ какихъ-либо своекорыстныхъ замысловъ, старушка мало-по-малу привыкла къ оказываемому ей вниманію и принимала его какъ-то апатично, ничѣмъ не выдавая, что оно ей доставляетъ удовольствіе. Но и апатія эта ни капли не измѣнила теплаго и сердечнаго отношенія Целины, не ослабила ея сочувствія къ несчастной старой женщинѣ, еще при жизни выродившейся въ старую тряпку.

— А, вотъ и она, наша манипулянтка!—весело воскликнулъ старый Темницкій.—Здравствуйте. Какъ же вамъ спалось? Что хорошенькаго снилось?

Тѣмъ временемъ докторъ молча всталъ съ кресла, приблизился къ ней и пробормоталъ:

— Здравствуйте!

Целя обыкновенно подавала ему руку, которую тотъ жалъ по-товарищески. Но сегодня докторъ, здороваясь, быстро поднесъ ея руку къ губамъ и поцѣловалъ. Целя почувствовала горячее прикосновеніе его губъ и дернула руку, какъ ошпаренная, при чемъ густой румянецъ залилъ ея лицо по самыя уши. А докторъ, какъ ни въ чемъ не бывало, спокойно обернулся и сѣлъ на своемъ мѣстѣ.

Целя была взволнована до глубины души и не сѣла, а начала возиться около старухи Темницкой, какъ бы помогая ей наливать кофе, а на самомъ дѣлѣ стараясь успокоиться.

— Что жъ это наша эмансипантка такъ не милостива, что даже не отвѣчаетъ на привѣтъ старика? — шутливымъ тономъ сказалъ Темницкій.—А правда, правда, старый долженъ знать, что молодыя барышни и къ тому еще изъ новаго, ученаго, самостоятельнаго поколѣнія имѣютъ свои особыя правила, свой особый образъ жизни и всегда охотнѣе отвѣчаютъ молодымъ, нежели старикамъ.

— Но, папочка!—Целя перенесла это интимное обращеніе на старика Темницкаго съ своего покойнаго дѣдушки, — какая-жъ я эмансипантка!

— Ну, ну, ну, будто бы мы старые ужъ такъ глупы и ничего не понимаемъ! Короткіе волосы, синенькіе чулочки, служба въ канцеляріи, самостоятельная жизнь... степь широкая, свѣтъ открытый... alleinstehende junge Dame *), и т. д. и т. д.

— А когда это вы, папочка, видѣли у меня синіе чулочки?— отвѣтила Целя, стараясь обратить все въ шутку, хотя изъ тона всего разговора на нее вѣяло какою-то душною и непріятною атмосферою.

— Ха, ха, ха! —смѣялся Темницкій въ то время, какъ

*) Самостоятельная молодая женщина.

докторъ, склонившись надъ своей чашкой, медленно, систематически пилъ кофе.—Ха, ха, ха! Я вполнѣ увѣренъ, что Целя и сейчасъ въ синихъ чулкахъ! Что, не угадалъ? Ну-ка, докажите намъ, что это неправда!

— Ай, ай, ай, какъ вы, папочка, сегодня остроумны! съ ироніей сказала Целя, кивая головой и берясь за завтракъ. Между тѣмъ Темницкій ужъ окончилъ свой кофе и, вытеревъ губы да опершись локтемъ о столъ, не сводилъ глазъ съ Цели, стараясь уловить каждое ея движеніе, каждый взглядъ.

— Го, го, го!—неутомимо продолжалъ старикъ: —савантки, обсервантки, манипулянтки и эмансипантки, новое поколѣніе, равноправное съ мужчинами, жизнь на собственный счетъ, завоеваніе будущаго! какже, какже, кто не зналъ бы васъ ближе, тотъ вмѣсто святыхъ купилъ бы. Но насъ, старыхъ воробьевъ, на этомъ не словите. Ужъ если мы что знаемъ, такъ знаемъ. Знаемъ, что женщина—все женщина. Не одинъ дуракъ думаетъ: а, это новый типъ, это женщина самостоятельная, устроительница своей судьбы, живетъ собственнымъ трудомъ! А онъ и не знаетъ, что этой устроительницѣ совсѣмъ чего-то иного хочется. Все мода и только. Была мода на кринолины, потомъ на пуфы, потомъ на шляпки съ птичками, потомъ на тюрнюры,—настала мода и на эмансипацію, на равноправіе, устроеніе будущаго собственными силами. А все это—совершенно одно и то же: и кринолины, и пуфы, и тюрнюры, и эмансипація. Все имѣетъ только одну цѣль—добыть сердце мужчины, поохотиться на мужей, ловить усатую половину человѣчества.

— Но, однако, папочка, вы не станете отрицать,—заговорила медленно Целя, у которой этотъ разговоръ отымалъ всякій аппетитъ,—но Темницкій не далъ ей окончить.

— Стану, дитя мое, все стану отрицать, ибо знаю, что на свѣтѣ говорится. Выслушайте слова старика. Старикъ не говоритъ на вѣтеръ.

— Однако, папа,—отозвался докторъ, которому также надоѣлъ этотъ разговоръ—что это вы за тему выбрали разговора! Какъ будто бы папа когда-нибудь говорилъ на другія темы!

— Тема, сынъ мой, такая хорошая, какъ и всякая другая. Ты видишь, какія теперь времена пошли? Времена выставокъ,

объявленій и рекламы. У кого есть какой-нибудь товаръ, что-нибудь особенное, какая-нибудь цѣнная вещь, сейчасъ ее выноситъ на показъ, въ газетахъ объявляетъ, на улицахъ афишируетъ, на всѣ четыре стороны свѣта трубитъ и барабанитъ. Что, развѣ неправда?

Докторъ и Целя слушали это предисловіе молча, не зная къ чему оно ведетъ

— А видите, старикъ не вретъ!—сказалъ, усмѣхаясь, „папочка“.—То-то и есть, что не мѣшаетъ иногда послушать старика. Ну, теперь представьте себѣ такую барышню, которую судьба обидѣла средствами. Есть здоровье, есть такое-сякое личико, бровки, глазки, есть вкусъ къ жизни и удовольствіямъ, рада бы, бѣдняга, и среди людей показаться, а тутъ условія на привязи держатъ, дома бѣднота да тѣснота, къ порядочному обществу двери заперты... Что дѣлать? То, что есть цѣннаго и краситаго—личико, глазки, бровки, волосики, ручки—Темницкій перечислялъ все это съ какимъ-то особеннымъ удареніемъ, моргая то въ сторону Цели, то въ сторону доктора и жмуря глаза, словно котъ на солнцѣ,—все это можно показать публикѣ развѣ только разъ въ недѣлю, въ церкви. Этого мало! И вотъ такое бѣдное созданіе идетъ въ практикантки, телеграфистки, телефонистки—однимъ словомъ, куда-нибудь на общественную службу, гдѣ могла бы сидѣть на виду у всѣхъ, словно на выставкѣ за стекломъ. Кто хочетъ, можетъ прійти и осмотрѣть, можетъ даже попросить ее встать и пройтись. „Простите, нѣтъ-ли для меня письма poste restante?“—„По какому адресу?“—„А 34“. И наша эмансипантка встаетъ и идетъ къ полкѣ съ письмами. А тутъ А—первая буква азбуки,— и мѣсто ея находится на самой высшей полкѣ. Вотъ бѣдное созданіе беретъ кресло, приставляетъ и со всей чиновничьей солидностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и со всей дѣвичьей граціей взлѣзаетъ на кресло, становится на пальчики и ищетъ, ищетъ, ищетъ на верхней полкѣ такъ долго, пока любопытный гость не оглядѣлъ въ совершенствѣ и ножекъ, и таліи, и ручекъ, и шейки и всего, что его интересуетъ. „Нѣтъ, извините, ничего нѣтъ!“—„Спасибо, простите!“ А черезъ минуту другой такъ же спрашиваетъ, потомъ третій, четвертый и т. д. Не жизнь это развѣ? Къ счастью есть еще государство, которое платитъ за подобную комедію. А

я вполнѣ убѣжденъ, что если бы открыли вдвое больше мѣстъ въ этакомъ родѣ и если бъ не только тамъ не платили, но брали еще съ нихъ, то и въ такомъ случаѣ отъ кандидатокъ не было бы отбою.

— Чудесно вы насъ разрисовали, нечего сказать!—воскликнула Целя.

— А развѣ я не правду говорю?

— Разумѣется, неправду!—съ нервнымъ удареніемъ отвѣтила Целя.

— Что?—вскрикнулъ Темницкій,—вы смѣете говорить, что неправду?

— Конечно, неправду! Вѣдь, вы на моемъ собственномъ примѣрѣ могли бы убѣдиться, что это не такъ. Вѣдь, признаете же вы, что я совсѣмъ не интересуюсь тѣмъ, чтобъ показать себя, но чтобы честно заработать кусокъ хлѣба.

— Ну, ну, я, вѣдь, не про васъ говорилъ! — отвѣтилъ старикъ, шутливо жмуря глаза.—Вы, вѣдь, во всемъ исключеніе, во всемъ не похожи на другихъ. Хо-о-отя—это „о“ онъ тянулъ какимъ-то пѣвучимъ голосомъ, склонивъ при этомъ голову влѣво, какъ поющая канарейка,—если-бъ пришлось святую правду сказать, то я сказалъ бы, что и у васъ не безъ задоринки.

— Безъ какой задоринки?—рѣзко спросила Целя.

— Нечего мнѣ вамъ растолковывать. Что знаю, то знаю.

— Если вы бросаете на меня подозрѣніе, то обязаны объясниться, потому что иначе я должна такое отношеніе назвать... назвать...

Дыханіе захватило въ груди Цели. Что-то жгло глаза, словно сдавленныя слезы, которыя съ силою стремились брызнуть. Но она сдержалась и сохранила спокойный видъ, главнымъ образомъ, потому, что чувствовала устремленные на себя пронизывающіе глаза доктора.

— Прошу не называть никакъ,—сказалъ, добродушно усмѣхаясь, Темницкій.—Меня вы словами въ тупикъ не поставите. Прежде скажите намъ, что это за господинъ торчалъ тутъ сегодня на улицѣ предъ нашими окнами и что за кусочки бумаги вы бросили ему на голову?

Онъ сказалъ это такъ увѣренно и спокойно, что можно было думать, что онъ знаетъ далеко больше, нежели высказываетъ и беретъ только для примѣра первый попавшійся ему подходящій фактъ.

Целя поблѣднѣла при этихъ словахъ.

— Такой вопросъ—вскрикнула она, вставая изъ-за стола, свидѣтельствуетъ о низкомъ образѣ мыслей.

— Однако, папа, какъ вы можете до такой степени забываться!— поспѣшно сказалъ докторъ, видя, что Целя бросилась къ дверямъ.

Не оглядываясь, Целя быстро вышла, и въ своей комнатѣ упала лицомъ на подушку. Ей хотѣлось плакать. Намекъ Темницкаго былъ слишкомъ глупъ и неоснователенъ, чтобъ въ самомъ дѣлѣ обидѣться. Больно ей было только отъ этихъ циничныхъ уколовъ, направленныхъ противъ, вообще, женщинъ, ищущихъ собственнаго заработка, но въ то же время понемногу утѣшало ее то, что докторъ въ этомъ вопросѣ сталъ какъ-будто на ея сторону. Она сама не знала, отчего это, хотя и очень слабое выраженіе сочувствія, принесло ей облегченіе. Успокоившись немного, она встала и пошла на урокъ.

— Однако, папа,—сказалъ по уходѣ Цели докторъ, закуривая папиросу,—я въ самомъ дѣлѣ не понимаю, что и думать...

— О чемъ?

— До сихъ поръ я считалъ васъ человѣкомъ, который никогда не забывалъ объ общепринятыхъ формахъ приличія.

— Ну, ну, ну, сынъ начинаетъ читать мораль отцу!— вскрикнулъ старикъ, живо бросаясь въ кресло.—Брось эту роль, потому что она тебѣ очень не къ лицу!

— Нѣтъ, папа,—сказалъ съ непоколебимымъ спокойствіемъ докторъ,—я въ самомъ дѣлѣ не узнаю васъ. Вы перестаете владѣть собою. Начинаете видѣть то, чего нѣтъ. Мнѣ и не снилось морализировать, но думается, что простая деликатность требуетъ, чтобы вы обращались съ нею прилично.

— А если у меня есть своя цѣль такъ именно обращаться съ нею?

— Своя цѣль?—медленно повторилъ докторъ. Какая?

— Это ужъ мое дѣло. Я, вѣдь, не спрашиваю тебя, какая у тебя цѣль услуживать ей во время обѣда, поддакивать ея словамъ, не сводя съ нея глазъ и цѣлуя ея руки.

— Какая... у меня... цѣль? Что это вамъ снится? Какую-жъ я могу имѣть цѣль?

— Это меня не касается. Имѣй, какую хочешь, но позволь и мнѣ имѣть свою. Впрочемъ, кто знаетъ — щуря глаза и качаясь въ креслѣ, добавилъ насмѣшливо старикъ—не сойдутся-ли въ концѣ концовъ наши дорожки? Кто знаетъ, не будетъ ли то, что ты называешь отсутствіемъ вѣжливости, наилучшимъ твоимъ союзникомъ?

Докторъ съ удивленіемъ устремилъ взоръ въ отца. Онъ начиналъ узнавать его съ такой стороны, которой до сихъ поръ и не подозрѣвалъ,—со стороны больше животной, нежели человѣческой. Игривая улыбка, свѣтившаяся на губахъ этого человѣка, въ его глазахъ приняла вдругъ какой-то гадкій, циничный оттѣнокъ, хотя подобная улыбка на устахъ другихъ людей совсѣмъ его не оскорбляла. Но это былъ его отецъ! Весь этотъ коротенькій разговоръ произвелъ на него очень непріятное впечатлѣніе, хоть онъ и самъ не умѣлъ себѣ какъ слѣдуетъ объяснить, что именно въ немъ было такого непріятнаго. Онъ хотѣлъ поэтому перевести разговоръ на другую тему.

— Однако, признайтесь, папа, что выдумка съ человѣкомъ, торчащимъ подъ окнами и бросаемыми въ него бумажками, была не очень удачна.

— Выдумка? Что это ты говоришь! Это, вѣдь, чистехонькая правда! Я самъ это видѣлъ и не съ сегодняшняго дня вижу этого вздыхающаго Адониса. Ха, ха, ха! Если-бъ ты увидалъ, что это за Адонисъ! Совершенный орангутангъ. А наша эмансипантка, видно, совсѣмъ таки къ нему благосклонна.

— Ну, что вы говорите!—воскликнулъ докторъ съ удивленіемъ.

— Говорю, что знаю. Я присматриваю за нимъ и за нею. Переписываются, видаются на улицѣ, а, можетъ, и еще гдѣ-нибудь. Навѣрняка не знаю, но подозрѣваю, имѣю вѣрные указанія и слѣды... Однимъ словомъ, увѣряю тебя, что не всякая женщина, что ходитъ въ длинномъ платьѣ—весталка.

— Это старая пѣсня,—сказалъ докторъ, пересиливъ свое волненіе. Но все-таки я не предполагалъ...

— Докторъ—и не предполагалъ!—крикнулъ Темницкій. —

Ха, ха, ха! Вѣдь, предположеніе —это первый шагъ къ правдѣ! Или какъ тамъ ваша наука говоритъ, а?

Вмѣсто отвѣта докторъ подалъ отцу свою широкую ладонь. Оба эти честные человѣчки совершенно поняли другъ друга.

V.

Солнце жгло немилосердно. На юго-западной сторонѣ небосклона черная, какъ уголь, туча висѣла такъ низко, что казалось, будто лѣвое ея крыло, словно громадная оборванная хоругвь, нацѣплено было на золоченномъ остріи верхушки башни ратуши. Въ воздухѣ пахло сыростью. По улицамъ ползли бочки съ водою, поливая пыль, да гремѣли фаэтоны. Обращенныя къ солнцу окна зданій закрыты были шторами. На балконахъ въ деревянныхъ кадкахъ недвижно стояли олеандры. По тротуарамъ сновали немногочисленные прохожіе; только въ небольшомъ скверѣ въ тѣни деревъ, вокругъ плещущаго фонтана, забавлялась куча дѣтей подъ присмотромъ нянекъ.

Было три четверти второго. Целя въ лѣтнемъ, бронзоваго цвѣта пальто и въ бѣлой соломенной шляпѣ съ широкими полями и красно-желтой кокардой спѣшила на почту. Несмотря на жару, она по привычкѣ шла быстро. Въ ея движеніяхъ замѣтно было какое то нервное раздраженіе. Лицо ея было опущено, губы стиснуты, и лобъ то и дѣло морщился отъ какихъ то мрачныхъ, неотступныхъ думъ.

Дѣйствительно, послѣ той сцены, какая произошла между нею и Темницкими за завтракомъ, она возымѣла твердое намѣреніе не показываться больше въ ихъ столовой. Какъ бы угадывая ея рѣшеніе, докторъ Темницкій встрѣтилъ ее, когда она возвращалась съ перваго этажа, съ урока, вошелъ съ нею въ ея комнату (что-жъ, вѣдь, этого она не могла ему запретить!) и началъ просить у нея прощенія за отцовскую грубость. Нужно простить старику его болтовню. Старость не радость — человѣкъ съ годами помимо воли черствѣетъ и видитъ все въ болѣе темномъ свѣтѣ, если особенно это новая вещь, къ которой онъ не привыкъ и важности которой не понимаетъ. Волей неволей Целя

должна была согласиться съ нимъ, должна была увѣрить его, что не сердится, за что взамѣнъ онъ увѣрялъ, что отецъ въ ея присутствіи такъ не позволитъ себѣ больше ничего подобнаго.

Затѣмъ докторъ началъ разспрашивать ее про ея жизнь, службу, надежды на будущее, проявляя спокойный, но простой и искренній интересъ. Такъ они разговаривали съ полчаса, онъ— сидя въ креслѣ у большого стола, она — подлѣ окна. Двери, выходящія изъ комнаты въ кухню, были открыты, такъ что видно было снующую около печи Осипову.

Целя, которой встрѣча съ докторомъ сначала была непріятна, скоро почувствовала себя побѣжденной и успокоенной ровнымъ тономъ разговора, свободными и стройными движеніями, искренностью, далекою отъ всякой аффектаціи, и тѣмъ дружескимъ добродушіемъ, съ какимъ онъ оправдывалъ передъ нею не тактичный поступокъ отца или съ какимъ улыбался, слушая ея мечты о ея будущей жизни, когда она будетъ старой почтмейстершей |гдѣ-то въ уединенномъ домикѣ въ глухомъ провинціальномъ городкѣ.

Теперь она могла къ нему приглядѣться лучше. Онъ вовсе не былъ такимъ суровымъ и страшнымъ, какимъ показался ей въ первую минуту. Въ глазахъ его не сверкали тѣ зловѣщія искорки, которыя приводили ее въ такое замѣшательство и мучили до сихъ поръ. Онъ былъ очень ровенъ, простъ, натураленъ, а чувство собственной силы и увѣренность въ себѣ придавали ему въ ея глазахъ какую то необыкновенную привлекательность. Помимо ея воли напрашивалась у нея мысль:

— Вотъ если бы можно было пройти жизненный путь, опираясь на сильную руку такого человѣка!

Однако желаніе это было далеко отъ окраски какимъ либо чувствомъ, которое могло бы смутить спокойное теченіе ихъ разговора. Это былъ выводъ чисто логическій, теоретическій, не задѣвавшій ея сердца и не волновавшій крови. Она знала, что это вещь невозможная, и не рисовала себѣ никакихъ иллюзій.

Тѣмъ не менѣе обѣдъ, къ которому она вопреки своему прежнему рѣшенію, вышла въ общую столовую, снова раздражилъ ее и разстроилъ нервы въ высокой степени. Правда, старикъ Темницкій на этотъ разъ молчалъ, а говорилъ только докторъ. Разумѣется также, что разговоръ имѣлъ совсѣмъ иной характеръ,

нежели предыдущіе, но собственно потому, что онъ и задѣлъ ее совсѣмъ съ другой, неожиданной стороны — и тѣмъ сильнѣйшее произвелъ на нее впечатлѣніе.

Ни съ того, ни съ сего докторъ завелъ рѣчь о своей невѣстѣ. Онъ показалъ Целѣ два ея письма, писанныхъ по-нѣмецки, прочелъ даже изъ нихъ кое-какіе отрывки текста, спрашивалъ совѣта: женщины де женщинъ всегда лучше понимаютъ, чѣмъ мужчины, и эти письма, на его взглядъ, указываютъ на полное несходство ихъ характеровъ, на недостатокъ у его невѣсты любви къ нему и даже простой нѣжности, на поверхностный образъ мыслей, эгоизмъ и другіе подобные недостатки. Бѣдной Целѣ крайне непріятенъ былъ этотъ разговоръ, такъ какъ текста писемъ, писанныхъ въ означенной части на вѣнскомъ патуа, она не совсѣмъ понимала, а тѣ отрывки, которые она поняла, показались ей очень банальными и ничего незначущими. Она присматривалась только къ почерку, но и онъ былъ неопредѣленный—не то женскій, не то мужской. Ясное дѣло, что она никакого сужденія объ этихъ письмахъ и ихъ авторѣ высказать не могла. Докторъ, впрочемъ, не очень и настаивалъ на этомъ. Видно было, что письма эти были для него только поводомъ высказать предъ Целиною свои взгляды на любовь и семейную жизнь. Гармонія характеровъ, темпераментовъ, симпатій — вотъ что главное. Средства—неважны, средства въ его головѣ и рукахъ. Онъ хочетъ разорвать тѣ цѣпи, въ которыя и такъ его помимо его желанія впутали. По секрету онъ признался Целѣ, что его невѣста моложе его только двумя годами, и для дѣвицы это возрастъ очень солидный. Впрочемъ, его поражаетъ у его невѣсты отсутствіе всякой мысли о жизни, ея задачахъ и обязанностяхъ. Женщина, которая ни о чемъ не думаетъ, кромѣ нарядовъ и развлеченій, которая не въ состояніи стоять на собственныхъ ногахъ, жить въ случаѣ необходимости собственнымъ трудомъ,— такая женщина въ наши времена и въ семейной жизни не исполнитъ своего назначенія. Ибо какое же воспитаніе сумѣетъ она дать своимъ дѣтямъ? Какимъ образомъ сможетъ она поддержать мужа въ моментъ сомнѣній и отчаянья? А средства даже самыя большія никого не спасутъ ни отъ сомнѣній, тревогъ и отчаянья, ни даже отъ нужды матеріальной.

Рѣчь доктора текла гладко, плавно, словно журчащій потокъ, и каждое слово съ удивительной силой попадало въ сердце бѣдной дѣвушки. Что въ нихъ такое было, что волновало и тревожило ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ охватывало какой-то радостной дрожью? Вѣдь, ничего тутъ не сказано по ея адресу, а особа, давшая поводъ этимъ изліяніямъ, была ей совсѣмъ чужда и незнакома!..

Правда, докторъ высказывалъ ясно и обстоятельно много такихъ мыслей, до которыхъ и сама она дошла путемъ опыта и собственной умственной работы, но почему жъ эти мысли, высказанныя его устами, были въ ея глазахъ такъ новы, заманчивы и цѣнны, вылетали предъ ея умственнымъ взоромъ, словно яркія огненныя ракеты? Нѣсколько разъ докторъ какъ бы случайно коснулся — правда, очень деликатно — такихъ вещей, которыя частенько бывали предметомъ ея затаенныхъ грезъ и тихихъ, почти несознаваемыхъ желаній,—и всякій разъ Целя чувствовала какъ бы прикосновеніе паутины, чувствовала, какъ какая-то электрическая искра пробѣгала по всему ея тѣлу.

Не удивительно поэтому, что все время обѣда, подъ впечатлѣніемъ докторскихъ разговоровъ и признаній, Целя сидѣла, какъ очарованная, то краснѣя, то блѣднѣя, и только иногда съ очевиднымъ усиліемъ, изъ вѣжливости произносила какое-нибудь слово. Она ѣла мало; за то, ссылаясь на жару, выпила нѣсколько стакановъ воды. При разговорѣ докторъ не глядѣлъ на нее, какъ будто зная, что выраженіе его глазъ производитъ на нее подавляющее впечатлѣніе. Но именно то, что онъ не глядѣлъ на нее, придавало его словамъ больше силы и законченности. Несмотря на неподвижное спокойствіе и внѣшнюю сухую теоретичность докторской рѣчи, Целя нѣсколько разъ разражалась при его словахъ смѣхомъ, а разъ при какой-то совсѣмъ общей фразѣ почувствовала, что глаза ея затуманиваются слезами—и она отвернулась въ сторону.

— Тьфу, это какой-то дьяволъ въ человѣческомъ образѣ!— вся встрепенувшись шепнула Целя, когда выбѣжала на улицу и почувствовала себя, наконецъ, свободною отъ увлекающаго дѣйствія этого разговора. Она шла быстро, направляясь къ почтѣ, хотя имѣла въ своемъ распоряженіи четверть часа. Разбуженныя волны чувства, желаній и воображенія, клокотавшія у нея внутри,

требовали живого физическаго движенія для возвращенія равновѣсія. Но эти разбуженныя волны на этотъ разъ не причиняли ей никакой непріятности—наоборотъ, ей казалось, что она бродитъ среди непрозрачныхъ волнъ теплой и розоватой мглы, въ которой нужно было дышать глубоко, полной грудью, что перейдя ее, она вдругъ увидитъ какіе-то новые, широкіе и чудно-прекрасные горизонты, о какихъ теперь не имѣетъ еще никакого представленія.

Она силилась дорогой упорядочить свои мысли, остановить ихъ на чемъ-нибудь одномъ, опредѣленномъ и близкомъ, но вмѣсто этого она удивительнымъ образомъ была занята все время невѣстой доктора Темницкаго. И совершилось это какъ-то совершенно невольно, словно бы эта невѣста сама выплывала изъ этой розовой мглы. Целя такъ и увидѣла ее духовными очами — старую, некрасивую нѣмку съ волосами цвѣта отрубей и голубыми выцвѣтшими глазами, сухую и нестерпимо гордую своимъ состояніемъ. Видѣла, какъ она своими костлявыми руками обнимаетъ шею доктора, какъ впивается въ его уста своими широкими, безкровными губами, даже слышала ея полный излишнихъ нѣжностей и притомъ немилосердно пискливый голосъ „Mein Liebеге!“ И Целѣ сдѣлалось чего-то очень жаль. Не спеціально доктора ей было жалко— что онъ для нея? Но жаль ей было той суммы живыхъ силъ, ума, покоя и счастья, что должны были пропасть изъ-за этого брака. И зачѣмъ? для какой цѣли? Что ему въ ея средствахъ, которыя ему не нужны? И что собственно ему сдѣлалъ родной край, что онъ для такого „счастья“ хочетъ его покинуть? Нѣтъ, такой бракъ со стороны доктора былъ бы безумствомъ, грѣхомъ и свидѣтельствомъ отсутствія патріотизма!

Размышляя такимъ образомъ, Целя и не замѣтила, какъ очутилась вблизи почты. Только на поворотѣ улицы, ведшей къ почтѣ, она машинально остановилась. Отъ быстрой ходьбы у нея въ груди захватило дыханіе, лобъ покрылся потомъ. Ей нужно было отдохнуть, и невольно глаза ея остановились на объявленіяхъ, которыми былъ облѣпленъ уголъ зданія. Сѣрая стѣна, покрытая разноцвѣтными полосами бумаги, наклеиваемыми ежедневно и безпорядочно содранными, выглядѣла, какъ паяцъ. И, однако, сколько глубокихъ драмъ часто скрывали въ себѣ эти

пестрые бумажные лохмотья! Сколько труда, слезъ и муки невидимо плыло за ними! Вотъ длинная и узкая огненно-красная полоса, кажется выкрикиваетъ во все горло: „Водка подешевѣла. Гдѣ? У Вильгельма Адама!“ А тамъ вновь въ углу, чуть не подъ сточной трубой скромно ютится нацарапанное на четвертушкѣ бумаги неискусной женской рукой: „Stancia Kontem zaraz do vynajencia“ *). И мысль Цели, утомленная долгой работой въ одномъ направленіи, со свѣжими силами летитъ въ убогій чердакъ или въ темный подвалъ, гдѣ какая-нибудь прачка или служанка ежедневнымъ тяжкимъ трудомъ добываетъ себѣ кусокъ чернаго хлѣба, считаетъ каждый крейцеръ, каждую заплату, а теперь вмѣстѣ съ наступленіемъ теплой поры, когда господа начинаютъ разъѣзжаться на каникулы на дачи или на воды, видитъ недохватъ въ своемъ бюджетѣ и хочетъ наверстать свою чувствительную потерю хоть жертвой собственнаго спокойствія и удобства, отдать въ наймы половину своей маленькой тихой конуры и съ дрожью сомнѣнія, съ молитвою на устахъ со дня на день ждетъ, „кого-то Богъ пришлетъ ей!“

Но вдругъ мысль Цели оборвалась, замерла; такъ громомъ убитая птица падаетъ на лету. Ея широко открытые глаза недвижно остановились на траурномъ объявленіи, какъ казалось, скакавшемъ предъ нею своими крупными черными буквами, которымъ тѣсно и неудобно было въ широкой черной рамкѣ. На полуоткрытыхъ устахъ Целины замерло восклицаніе удивленія и испуга.

„Ольга Невирская, почтовая манипулянтка, послѣ короткой, но тяжелой болѣзни умерла сегодня утромъ на двадцатомъ году жизни. Погребеніе назначено на пятнадцатое число сего мѣсяца. Безутѣшная въ скорби мать приглашаетъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ почтить печальный обрядъ“.

Целя уже во второй и третій разъ перечитывала эти слова, которыя словно градъ падали ей на сердце, не связываясь ни въ какое живое цѣлое, ни въ какое ясное представленіе. Ольга Невирская, ея лучшая пріятельница, послѣ короткой, но тяжкой болѣзни... что это значитъ? Вѣдь, Ольга третьяго дня еще была на

*) Уголъ немедленно отдается въ наемъ.

службѣ здоровехонькая, хоть печальная и задумчивая, какъ всегда. Когда Целя пришла, чтобъ смѣнить ее на дежурствѣ, Ольга кинулась ей на шею и, громко смѣясь, начала цѣловать ее. А когда Целя спросила, чему она такъ радуется, та отвѣтила, что получила отъ дирекціи отпускъ и отправится въ деревню на цѣлыхъ двѣ недѣли... „Ахъ, какъ я... буду... счастлива! А ты, бѣдная Целинка, останешься тутъ! Навѣдывайся иногда къ моей матери, хорошо?“ И слезы задрожали на ея прекрасныхъ глазахъ, — она снова начала сжимать и цѣловать Целину, пока Грозицкая строгимъ тономъ напомнила имъ объимъ, что тутъ чиновничье бюро, а не институтъ. Это было только еще третьяго дня въ полдень— а сегодня! Сегодня Ольга умерла!

— Боже мой! Что съ нею случилось? Что это можетъ означать?—вскрикнула Целя и, словно недовѣряя собственнымъ глазамъ, все еще вглядывалась въ объявленіе. Но объявленіе не давало никакого отвѣта на ея вопросъ и своей мертвой, трупной физіономіей повторяло все одно и то же.

— „Безутѣшная въ скорби мать“—безсознательно повторяла Целя, все еще не въ состояніи будучи собраться съ мыслями.— Бѣдная мать! Что она теперь будетъ дѣлать?

И въ ея воображеніи, словно живая, предстала мать Ольги, добродушная, необыкновенно подвижная и привѣтливая старушка, съ пріятными чертами лица, на которомъ еще сохранились слѣды былой красоты, а долгая жизнь запечатлѣла признаки трудолюбивой, посвященной другимъ жизни, не встревоженной никакими сомнѣніями, внутреннимъ раздвоеніемъ, ни угрызеніями совѣсти. Несмотря на морщины и сѣдые волосы, лицо этой старушки вызывало у Цели какое-то отрадное чувство, свѣжесть и силу всякій разъ, когда, навѣщая Ольгу, она имѣла случай пробыть нѣсколько часовъ въ ея обществѣ.

— Пойти бы къ ней! Утѣшить старушку, разспросить, что такое случилось!—мелькнула мысль въ головѣ Цели,—она выпрямилась и подняла голову, какъ будто чувство товарищеской и чисто человѣческой обязанности сразу удвоило ея силы и внесло порядокъ въ ея взволнованную душу.

Въ эту минуту съ ратуши раздался звонъ колокола, пробившій уже два часа.

— Боже мой! Некогда! Служба проволочки не терпитъ!—въ отчаяніи воскликнула Целя и торопливо направилась къ почтѣ, боясь, чтобъ и такъ уже не встрѣтили ее мрачные взгляды и намеки, точно какъ машина, Грозицкой, которая, вѣрно, ужъ добрыхъ десять минутъ сидитъ около своего стола.

— Вотъ несчастье! — повторяла Целя всю дорогу.—Бѣдная бѣдная Ольга! Несчастная мать! И что тамъ такое случилось? Вѣдь Ольга была здорова, хотя послѣднее время какъ-то очень исхудала. Боже мой, Боже, вотъ она наша жизнь!

И поспѣшно вошла она въ ворота почтоваго зданія, а отсюда тотчасъ свернула налѣво въ канцелярію, гдѣ принимали заказныя отправленія и выдавали письма poste restante. Выдача этихъ послѣднихъ была ея занятіемъ.

VI.

Грозицкая ужъ, дѣйствительно, сидѣла на своемъ мѣстѣ и съ обыкновеннымъ своимъ угрюмымъ видомъ принимала заказныя письма. Это была женщина свыше тридцати пяти лѣтъ, съ сѣдѣющими уже волосами, съ продолговатымъ и желтымъ, какъ пергаментъ, лицомъ, съ выцвѣтшими глазами и тонкими безкровными губами. Она осталась вдовой послѣ какого-то обанкротившагося купца, на свой скудный служебный заработокъ она должна была воспитывать троихъ маленькихъ дѣтей. Неудивительно поэтому, что она сгибалась подъ тяжестью заботъ и работы не столько въ конторѣ, сколько дома, что тяжесть эта погасила въ ея сердцѣ всякую искру веселости и жизнерадостности. Точная въ исполненіи своихъ обязанностей, которыя, несмотря на всю свою тяжесть, были для нея почти единственнымъ якоремъ спасенія по разрушеніи ея житейскаго корабля, она была также не менѣе строга и ригористична въ отношеніи другихъ. Работая подъ ея холоднымъ, чисто бюрократическимъ окомъ, Целя чувствовала двойное бремя и отвѣтственность своей службы. Хотя Грозицкая, несмотря на полныхъ десять лѣтъ, проведенныхъ уже на этомъ креслѣ въ отдѣленіи заказныхъ писемъ, не была еще ничѣмъ больше, какъ только такою же манипулянткою, и ни на какую высшую должность не надѣялась, не

желая уѣзжать изъ Львова въ провинцію, однако въ силу своего возраста и болѣе давней службы занимала въ конторѣ положеніе какъ-бы начальницы. Дѣлая то, что относилось къ ней, она при всемъ томъ знала и видѣла все, что дѣлали въ конторѣ другіе. Малѣйшая небрежность товарки, невинная шутка, нѣсколько болѣе обыкновеннаго громкій смѣхъ или болѣе живое движеніе — все встрѣчало ея назидательный взглядъ или слово. Она была какъ-будто совѣстью конторы, холодной и нелицепріятной душой той машины, что исподволь, систематически высасывала молодость, бодрость и свѣжесть работающихъ въ ней женщинъ.

Сегодня однако, несмотря на свой обыкновенный мрачный видъ, Грозицкая не сдѣлала выговора Целѣ за минутное опозданіе, и даже, пользуясь тѣмъ, что никто не приходилъ съ письмами въ контору, завела съ ней разговоръ раньше, чѣмъ та начала снимать съ себя пальто и шляпу.

— Слышали вы уже про несчастную Ольгу?

— Боже мой!—вскрикнула Целя,—что это съ ней случилось? Я сейчасъ только увидѣла объявленіе о ея смерти.

— Такъ, значитъ, вы еще ничего не слыхали?

— Ничего ровно! Скорѣй бы я ждала грома изъ яснаго неба.

— А я давно уже знала, что эта дѣвушка скверно кончитъ,— сказала Грозицкая, покачивая головой.

— Вы знали? Дорогая, что вы знали? — вскрикнула Целя, Богъ знаетъ отчего, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Видите ли, у нея совсѣмъ другое было въ головѣ— не служба. Все, что она ни дѣлала, нужно было послѣ нея пересматривать и исправлять. Очевидно, она работала, думая совсѣмъ о другомъ. Покаралъ ее Богъ за мои ночные часы, которые я просидѣла, провѣряя и исправляя ея промахи.

По тѣлу Цели морозъ пробѣжалъ при этихъ словахъ. Это неумолимое преклоненіе передъ службою даже передъ лицомъ смерти заключало въ себѣ что-то неженственное, даже безчеловѣчное—и однако было совершенно понятно. Почтовая служба больше, можетъ, нежели какая-нибудь другая, кромѣ желѣзнодорожной, требуетъ строгой точности и вниманія, обращеннаго на каждую малѣйшую подробность, и при томъ возможно большей скорости.

Одно колесо, которое оборачивается менѣе правильно, менѣе точно и менѣе скоро, чѣмъ другія, портитъ гармонію цѣлой машины. Трудъ тутъ коллективный,—поэтому ошибки единицъ становятся ошибками цѣлаго. Отсюда необходимость постояннаго, взаимнаго контроля, неусыпнаго внимательнаго надзора не только за собственною частью работы, но за всѣмъ, что вообще дѣлается въ конторѣ.

Целя умолкла и спѣшно начала раздѣваться, пряча пальто и шляпу въ гардеробный шкафъ, спеціально сдѣланный для дамъ. Потомъ она молча сѣла у своего стола въ настроеніи вдвойнѣ подавленномъ—во-первыхъ, неожиданной новостью о смерти пріятельницы, во-вторыхъ, оскорбленіемъ Грозицкой, брошеннымъ на ея свѣжую могилу. Столъ былъ заваленъ цѣлой кучей писемъ poste restante, которыя Целя должна была возможно скорѣе разсортировать — отдѣльно простыя и отдѣльно заказныя, а потомъ расположить въ алфавитномъ порядкѣ и разложить по разнымъ отдѣленіямъ шкафа. Не меньшее также вниманіе нужно было обратить на особыя полки постоянныхъ абонентовъ, которые ежегодно платятъ извѣстную сумму за то, чтобы въ почтовой экспедиціи имѣть особое мѣсто для писемъ и посылокъ, адресованныхъ имъ.

Эта тяжелая работа, усложненная формалистикой и разными требующими вниманія мелочами, совсѣмъ не такъ маловажна, какъ это могло-бы показаться. Сортируя письма, Целя вспомнила случай изъ первыхъ недѣль своей службы въ конторѣ. Въ поспѣшности и замѣшательствѣ кинула она было одно письмо poste restante, означенное буквами A. Z. вмѣсто ящика A въ противоположный уголъ шкафа, въ ящикъ Z. Въ тотъ же день приходитъ какой-то молодой человѣкъ и справляется о письмѣ A. Z. Пересмотрѣвъ всѣ письма въ ящикѣ A, Целя отвѣтила, что такого письма нѣтъ. На другой день этотъ самый молодецъ приходитъ съ лицомъ встревоженнымъ и измученнымъ и опять справляется о письмѣ по тому же адресу. Письма нѣтъ. Молодой человѣкъ, словно остолбенѣвъ, остановился около рѣшетки и не двигался съ мѣста.

— Прошу васъ еще разъ просмотрѣть, — сказалъ онъ дрожащимъ, но покорнымъ голосомъ.—Письмо это должно быть.

Целя еще разъ пересмотрѣла ящикъ — письма A. Z. не было.

— Можетъ быть, придетъ съ ближайшей почтой,—сказала она, желая избавиться отъ упрямца.

— А когда-жъ приходитъ ближайшая почта?—спросилъ тотъ.

— Черезъ часъ.

— Черезъ часъ? Хорошо, я приду черезъ часъ и, отвернувшись, постоялъ онъ еще минуту, какъ деревянный, шепча:

— Не можетъ этого быть. Не можетъ быть, чтобъ даже не отвѣтилъ. Прежду еще часъ.

И онъ вышелъ, не переставая говорить самъ съ собою. Ровно черезъ часъ онъ вернулся. Лицо его, худое и пожелтѣлое, за этотъ часъ почти позеленѣло. Видно было, что въ этотъ часъ онъ страшно измучился. Молча сталъ онъ возлѣ деревянной рѣшетки, устремивъ свои большіе, необыкновенно печальные глаза въ лицо Целины, какъ-будто ожидая отъ нея приговора, чтобы рѣшить, жить ему или не жить.

— Письма по адресу A. Z. нѣтъ,—сказала Целя съ чиновничьей солидностью.

— Нѣтъ!—вскрикнулъ молодой человѣкъ голосомъ полнымъ отчаянія.—Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ?

— Что-жъ это я буду васъ обманывать?—проворчала съ досадою Целя.

— Не сердитесь, — сказалъ молодой человѣкъ умоляющимъ голосомъ.—Я имѣю извѣстіе, что письмо должно быть. А письмо это для меня очень важное. Оно рѣшаетъ всю мою будущность, мою жизнь... или смерть.

— Чѣмъ же я могу вамъ помочь, если этого письма нѣтъ!

Молодой человѣкъ поблѣднѣлъ еще больше и стоялъ на мѣстѣ, крѣпко прижавъ лобъ къ деревянной рѣшеткѣ. Въ эту минуту Грозицкая, несмотря на наплывъ работы, встала съ своего кресла, подошла къ Целѣ и шепнула ей:

— А взгляните-ка еще въ ящикъ Z.

Целя уставилась въ нее наполовину съ удивленіемъ, наполовину съ оттѣнкомъ обиды, но всетаки молча съ досадой вытащила всѣ письма, сложенныя въ ящикѣ Z. Первое, бросившееся ей въ глаза, письмо было по адресу A. Z., сданное въ Подволочискѣ, какъ и говорилъ молодой человѣкъ,—значитъ, внѣ всякаго сомнѣнія, то самое, о которомъ онъ такъ нетерпѣливо раз-

спрашивалъ. Целя поблѣднѣла и едва слышнымъ голосомъ сказала:

— Есть письмо для васъ.

— Есть? — вскрикнулъ молодой человѣкъ возлѣ рѣшетки и моментально, словно мертвый, повалился на землю въ обморокѣ.

Целя до смерти не забудетъ того долгаго, долгаго взгляда, которымъ окинулъ ее молодой человѣкъ, когда его вспрыснули водой и онъ, придя въ себя, поднялся на ноги, — не забудетъ и тѣхъ словъ, которыя онъ прошепталъ своими безкровными губами.

— Благодарите Бога и вотъ эту госпожу! — прошепталъ онъ. — Вы могли сегодня сдѣлаться убійцею! — Какая глубокая печаль, сердечная боль и вмѣстѣ съ тѣмъ радостная надежда выражались въ его глазахъ, голосѣ и во всей фигурѣ, когда, держа въ рукѣ фатальное письмо, онъ все еще нетвердымъ шагомъ выходилъ изъ конторы. Взволнованная до глубины души, Целя выглянула за нимъ въ окно. Онъ шелъ медленно, пошатываясь, словно пьяный или оглушенный тяжелымъ ударомъ, и все еще не рѣшался распечатать письмо. Наконецъ, онъ исчезъ на поворотѣ улицы. Съ того времени Целя никогда уже больше его не видала и не могла узнать содержанія письма. Это былъ первый и очень печальный урокъ терпѣнія и старательности въ мелочахъ, какой дала ей почтовая служба.

Сегодня при сортировкѣ писемъ ей невольно вспомнился этотъ случай и то, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ оскорбленія Грозицкой по адресу ея умершей пріятельницы. Целя чувствовала, что эти оскорбленія частью направлены и на нее — и работала съ удвоеннымъ усердіемъ, наморщивъ лобъ такъ-же, какъ и Грозицкая. Нѣсколько разъ ея работу прерывала публика, спрашивающая писемъ. Она удовлетворяла ихъ молча, поспѣшно и терпѣливо и тотчасъ-же вновь садилась возлѣ своего стола.

Вдругъ ей подъ руку попалось письмо, адресованное на ея имя. Оно прервало ея монотонное занятіе, удивило ее сначала и показалось ей чѣмъ-то похожимъ на тотъ камешекъ, который злостная рука вкладываетъ между зубьями машины, чтобъ на минуту задержать ея движеніе или нарушить его правильность. Но когда она еще разъ взглянула на него внимательнѣе, то убѣдилась, что адресъ былъ на-

писанъ рукой Стоколосы. Она осталась спокойною, даже совсѣмъ равнодушною, отложила письмо въ сторону, а сама кончала сортировку и размѣщеніе писемъ по соотвѣтственнымъ ящикамъ большого экспедиціоннаго шкафа.

Вдругъ Грозицкая, пользуясь минутнымъ отсутствіемъ публики въ конторѣ, снова прервала молчаніе, не переставая однако-же работать, склонившись надъ большой книгой.

— И вообразите, Ольга отравилась!

— Что? Отравилась? — вскрикнула Целя испуганно. — Что вы говорите? Этого не можетъ быть!

— И однако правда. Мнѣ разсказалъ чиновникъ Вымазаль, живущій тутъ-же въ сосѣдствѣ съ ними. Сегодня на разсвѣтѣ, приблизительно часа въ четыре, услышала мать въ комнатѣ Ольги какіе-то крики и стоны. Она вскочила съ постели, зажгла огонь, прибѣгаетъ къ дочери, а та корчится на постели отъ боли. Спрашиваетъ ее: „что тебѣ, Олечка“?

— Ничего, мама!—„А чего-жъ ты кричишь? Можетъ, у тебя что-нибудь болитъ“? — Нѣтъ, мама. — А сама даже зубы стиснула, чтобъ не кричать, даже посинѣла! А тутъ что-то судорожно кидаетъ ее, пальцы мнутъ и крутятъ подушку, пѣна изо рта выступаетъ... „Бойся Бога, Олечка,—кричитъ мать,—что тебѣ такое? Можетъ, за врачемъ послать?“

— Нѣтъ, мама, не нужно, идите спать, это пройдетъ.—Но мать ужъ ее не слушалась.—Тотчасъ разбудила Вымазаля, который живетъ тутъ-же возлѣ нихъ, и послала его за докторомъ. Да пока тотъ нашелъ доктора, пока привелъ его на мѣсто, прошелъ добрый часъ. Помощь опоздала, а по прошествіи еще одного часа Ольга скончалась

Целя слушала эти слова потрясенная, подавленная.

— Ради Бога,—вскрикнула она,—неужели она отравилась?

— Внѣ всякаго сомнѣнія. Докторъ узналъ это при первомъ взглядѣ. Онъ только не могъ опредѣлить, какой это ядъ; не помогали никакія противоядія, которыя онъ давалъ. Кажется, впрочемъ, она приняла ядъ еще около полуночи и нѣсколько часовъ мучилась молча, чтобъ не разбудить мать. А когда ясно обнаружились послѣдствія, всякая помощь была ужъ невозможна...

— Боже мой! Боже!—восклицала Целя, ломая руки.—Это

ужасно! Бѣдная Оля! Что могло ее толкнуть на такой отчаянный шагъ?

— Легкомыслiе,—сурово и рѣшительно отвѣтила Грозицкая.

Целя уставилась на нее вопросительнымъ взглядомъ.

— Сейчасъ послѣ ея смерти—продолжала Грозицкая, понижая голосъ—докторъ констатировалъ, что смерть взяла не одну жертву, а двѣ.

— О Боже!—вскрикнула Целя.

— Да, да! А Вымазаль, какъ ихъ сосѣдъ, издавна зналъ о связи Ольги съ какимъ-то студентомъ, который, должно быть, долженъ былъ на ней жениться, но полгода назадъ отправился на судейскую должность въ Боснiю. Кажется, что въ этомъ нужно искать ключъ ко всей этой исторiи.

Целя сидѣла, словно неживая. Вывелъ ее изъ столбняка только вопросъ какой-то дѣвушки—не то портнихи, не то погребщицы:

— Пожалуйста, нѣтъ-ли для меня письма по адресу: „Каролинѣ Пташокъ?“

Целя машинально отыскала письмо, адресованное мужской, неловкой рукой, подала его обрадованной дѣвушкѣ и опять сѣла, силясь привести въ порядокъ свои мысли. Но Грозицкая не разстрѣляла еще всего арсенала своихъ зарядовъ.

— И представьте себѣ, по донесенiи врача тотчасъ прибыла судебно-медицинская комиссiя. Трупъ взяли въ трупный покой, гдѣ его сегодня должны анатомировать, а судъ снарядилъ слѣдствiе, откуда и какой у нея былъ ядъ. И что-же оказалось? Бѣдняжка собственно не хотѣла лишить себя жизни. Она хотѣла, знаете,— тутъ Грозицкая подошла къ Целѣ и шепнула ей на ухо нѣсколько словъ, отъ которыхъ лицо Цели покрылось сначала яркимъ румянцемъ, а потомъ поблѣднѣло, какъ полотно, — потому что, — продолжала Грозицкая,—она боялась потерять службу на почтѣ и повредить другимъ женщинамъ, которыя остаются на общественной службѣ. Ну, что вы на это скажете! Такъ она дословно написала на бумажкѣ, когда мать на мгновенiе отлучилась куда-то за нѣсколько минутъ до прихода доктора. Что-жъ дѣлать? Она гдѣ-то нашла какую-то бабу изъ горъ, которая обѣщала ей за нѣсколько гульденовъ сварить какой-то травы, долженствовавшей помочь всему горю. И вотъ неизвѣстно, сварила-ли эта баба вред-

ной травы, или, можетъ, бѣдная Ольга приняла ея больше, чѣмъ нужно было,—только вмѣсто уничтоженія слѣдовъ своего легкомыслія она сама изъ-за него голову сложила.

— Страшно, страшно подумать!—шептала Целя, а ея живое воображеніе подхватывало каждое слово Грозицкой и превращало его въ живыя картины, страшно выразительныя и пластичныя. Она видѣла Ольгу, кромѣ прекрасныхъ глазъ, совсѣмъ не отличавшуюся красотой, на тайныхъ свиданіяхъ съ возлюбленнымъ; представляла себѣ, какъ, побуждаемая своимъ горячимъ темпераментомъ и его нѣжными рѣчами, она на минуту теряетъ представленіе о границѣ, черезъ которую общеобязательныя общественныя понятія не позволяютъ переходить безнаказанно... Но еще живѣе, до ощущенія физической боли, представляла она себѣ ея муки, когда разбилась надежда на скорое исправленіе сдѣланной ошибки, когда возлюбленный измѣнилъ ей, а одновременно мало-по-малу, съ неизбѣжной необходимостью проявились послѣдствія минутнаго забытья. Теперь только Целя начала понимать все душевное состояніе своей пріятельницы въ послѣднее время, ея вѣчную задумчивость и печаль этой прежде неугомонной щебетуньи, частыя и рѣзкія перемѣны въ ея настроеніи, непонятное раздраженіе, безпричинные переходы отъ смѣха къ слезамъ или приступы какихъ-то удивительныхъ мечтаній, которыхъ у нея прежде не бывало. Слезы помимо воли набѣжали на глаза Цели и душили ей горло, когда она вспомнила, какъ часто Ольга, особенно послѣдніе дни, засѣвъ съ нею гдѣ-нибудь въ уголкѣ, шепотомъ, быстро, съ прерывающимся дыханіемъ рисовала предъ нею счастье материнства, котораго не испытала и которое облекала въ самые чудные цвѣты своего воображенія. „Ахъ Боже!—говорила она,—имѣть такого маленькаго, маленькаго ребеночка, знать, что онъ есть, имѣть возможность лелѣять его и прижимать къ себѣ,—что за счастье! Рая не хочу, только одинъ день такого счастья! Видѣть, какъ оно, крохотное, трепещетъ, какъ простираетъ къ тебѣ пухленькія, кругленькія рученки, какъ улыбается розовыми губками, какъ прижмется къ твоей груди всѣмъ своимъ маленькимъ тѣльцемъ и чувствовать, что оно твое, часть тебя самой—ахъ, Целинка! только день, только часъ такого счастья, а потомъ можно умереть въ самыхъ страшныхъ

мукахъ". И какая-жъ страшная мука, какой адъ долженъ былъ клокотать въ душѣ этой несчастной, если чувствуя и думая такимъ образомъ, она рѣшилась поднять руку на это живое существо!

Целя вскочила и начала быстро ходить по конторѣ, силясь прогнать отъ себя тѣ ужасомъ охватывающія картины, которыя врѣзались въ ея мозгъ и леденили кровь въ жилахъ. Но разгоряченное воображеніе не хотѣло уняться, ткало все новыя картины и ставило ихъ передъ глазами Цели съ неумолимой рельефностью. Цѣлая скàла могучихъ и тяжелыхъ душевныхъ движеній, отъ перваго шага, совершеннаго съ цѣлью отысканія роковой бабы, до принятія яда, вся эта страшная драма, полная внутренней борьбы, униженій, тревогъ, отчаянія и порывовъ безконечной нѣжности, встала у нея предъ глазами. И однако же эта дѣвушка, которую формалистскія и бюрократическія души назовутъ павшею и малодушною, въ то время, когда у нея внутри шла такая страшная борьба, могла работать въ конторѣ со спокойнымъ видомъ, могла вѣжливо и терпѣливо удовлетворять публику, казаться веселой среди веселыхъ подругъ и ни словомъ ни передъ кѣмъ на свѣтѣ не обмолвиться о своей мукѣ. И самое поразительное въ этой исторіи было то, что она для того только чтобъ своимъ паденіемъ не скомпрометировать подругъ, рѣшилась на преступленіе. Целя почувствовала настоящій ужасъ передъ тихимъ геройствомъ этой дѣвушки. Ея ошибка, которую она хотѣла исправить преступленіемъ, все это фатальное колесо отъ перваго зла, которое тянетъ за собой слѣдующее, пока не сожретъ всей души, всего существа человѣческаго, — весь этотъ омутъ исчезъ изъ глазъ Цели. Въ мутныхъ его волнахъ она видѣла только одно — несчастную жертву, съ сердцемъ, пронзеннымъ семью мечами, видѣла большую любовь и еще большее горе, за которыя прощаются и самыя тяжкія преступленія.

И ясно встали предъ ея глазами всѣ моменты послѣдняго акта страшной драмы. Все должно происходить тихо—тихо, чтобъ никто, особенно любимая матъ, ни о чемъ не знала. Подъ угрозою страха, на половину дѣйствительнаго, на половину фантастическаго, раздутаго воображеніемъ до громадныхъ размѣровъ, несчастная дѣвушка выпила назначенный пріемъ декокта. Воз-

можно, что деревенская знахарка дала ей нѣсколько пріемовъ и велѣла пить въ извѣстные промежутки времени. Но когда она почувствовала первыя послѣдствія напитка, когда предъ ея глазами живо встала вся тяжесть, вся ужасная неестественность учиненнаго преступленія, когда она поняла, что всѣ ея надежды на материнское счастье въ эту минуту безповоротно погибли, а съ ними вмѣстѣ на вѣки погибло и спокойствіе ея совѣсти и всякая возможность настоящей радости и счастливой жизни—тогда вдругъ покрылся тучами весь горизонтъ ея ума, охватила ее бездонная тьма и отчаяніе, и несчастная однимъ духомъ выпила весь напитокъ, желая сразу покончить со всѣмъ.

— Страшно! страшно подумать!—шептала Целя запекшимися губами. Въ головѣ у нея мутилось. Она чувствовала на сердцѣ какую-то нестерпимую тяжесть, которая давила и душила ее. Только слезы, обильно полившіяся черезъ нѣкоторое время, принесли ей облегченіе. Къ счастью, это былъ часъ, когда въ контору меньше всего приходило публики. Целя сѣла въ уголокъ за дверью и тихо плакала, время отъ времени только вытирая слезы и выходя изъ своего закрытія, чтобъ удовлетворить нетерпѣливыхъ гостей, которые топали ногами у рѣшетки.

Въ слезахъ расплывалась ея острая боль, легче становилась тяжесть, давившая ей грудь. Она исполнена была большого участія ко всѣмъ страждущимъ, даже изъ-за собственной вины, чувствовала глубокую жалость къ общему горю людской жизни. Она рѣшила возможно чаще навѣщать и утѣшать горемъ убитую мать Ольги. И что удивительнѣе всего, въ ея чистомъ дѣвичьемъ воображеніи образъ почившей и опозоренной пріятельницы совсѣмъ не былъ униженъ или запятнанъ. Наоборотъ, Целя питала къ ней, какъ къ мученицѣ, необыкновенную нѣжность и почтеніе.

VII.

— И что такое все мое мелкое, дѣтское горе, апатія и разочарованіе въ сравненіи съ этой страшной трагедіей! — подумала Целя, вытирая слезы и снова усаживаясь за свой столъ,

куда звала ее новая куча писемъ, принесенныхъ изъ главной почтовой экспедиціи. Она кинулась къ работѣ, чтобъ успокоиться отъ пережитыхъ волненій. Только по окончаніи работы она бросила взглядъ на письмо Стоколосы, лежавшее тутъ же подъ ея рукою и до сихъ поръ не распечатанное. На этотъ разъ, однако, душа ея, потрясенная до глубины, была далека отъ всякихъ насмѣшекъ и презрѣнія. Сердце ея было полно сочувствія даже къ горю этого бѣднаго, послѣдовательнаго (какъ ей казалось) безумца. Она разрѣзала конвертъ и начала читать.

„Ваша правда, совершенная правда!“—писалъ ей Стоколоса.—Нуженъ былъ теперешній печальный урокъ, какой вы дали мнѣ, можетъ, безъ предвзятаго намѣренія, чтобъ открыть мнѣ глаза на всю неестественность моихъ отношеній къ вамъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, чего я могу достигнуть своимъ глупымъ надоѣданіемъ? Вы не любите меня, не хотите и знать меня, и были настолько искренни, что дали мнѣ понять это совсѣмъ недвусмысленно. Спасибо вамъ за это! И слава Богу, что такъ вышло. Только сегодня, подъ впечатлѣніемъ острой боли, я взглянулъ глубже въ себя самого, въ самый характеръ моего чувства, и понялъ, что мы не созданы другъ для друга, что если-бъ вы, по той или иной причинѣ, согласились быть моей, то это было-бы, можетъ, для васъ и для меня самымъ большимъ несчастьемъ. Да, любовь моя въ самомъ дѣлѣ такая, что отравила бы вамъ жизнь. Горячая, несправедливая и завистливая любовь человѣка съ большимъ запасомъ фантазіи, горячей крови и самолюбія, человѣка, которому судьба настоящаго времени отказала во всемъ, что можно назвать взаимностью и личнымъ счастьемъ,—такая любовь не нашла бы границъ, быстро обратилась-бы въ шпіона, въ тюремнаго сторожа и тирана. Я дрожу при одной мысли о тѣхъ послѣдствіяхъ, къ какимъ она могла-бъ меня довести, о томъ безконечномъ рядѣ глупостей и нетактичностей, какія я смогъ-бы выкинуть отъ любви, о тѣхъ мукахъ, какія постоянно причиняло-бы мнѣ то убѣжденіе, что вы меня не любите, не можете любить, что презираете меня, что я вамъ противенъ... И заранѣе знаю, что этого убѣжденія вы не могли-бъ вышибить изъ моей головы никакими увѣреніями, никакими клятвами. Морозъ по кожѣ пробираетъ при одной мысли о той пропасти, въ какую я готовъ

былъ-бы ринуться, если-бъ только одно движеніе вашей руки не остановило меня во-время. Такъ спасибо же вамъ, дорогая, сто разъ спасибо за ту минуту боли, которая вмѣстѣ съ тѣмъ пробудила во мнѣ нравственное существо, обратила меня къ сознанію моихъ обязанностей".

Целя читала это письмо съ все возрастающимъ удивленіемъ. То, что она разорвала и выкинула письмо Стоколосы, показалось ей чѣмъ-то такимъ далекимъ, такимъ чужимъ ея теперешнему настроенію, какъ будто между этимъ фактомъ и настоящимъ моментомъ прошли долгіе годы. Поэтому-то сначала показалась ей непонятной покорность Стоколосы и какъ разъ въ такую еще минуту, когда она вслѣдствіе какой-то удивительной ассоціаціи идей готова была гораздо благосклоннѣе слушать его слова, чѣмъ до сихъ поръ.

Минуту она думала, что все это вступленіе есть только изворотъ влюбленнаго человѣка, фраза, разсчитанная на эффектъ. Поэтому она поспѣшно перевернула страницу, чтобъ прочесть другую, надѣясь найти тамъ просьбу отвѣтить хотя бы нѣсколько словъ, позволить повидаться съ нею или что-нибудь другое въ этомъ родѣ. Между тѣмъ конецъ письма былъ короткій и совсѣмъ сухой.

„Отнынѣ уже не буду вамъ надоѣдать собою. Я возвращаюсь отъ нотаріуса, гдѣ подписалъ контрактъ продажи своего хуторка, о которомъ я такъ часто мечталъ, что онъ сдѣлается гнѣздомъ моего счастья и тихимъ пристанищемъ послѣ бурь жизни. Пусть идетъ въ чужія руки! А я еще сегодня съ полудня уѣзжаю изъ Львова и надѣюсь, что не скоро вернусь назадъ.

Подпись автора и ничего больше, ни слова, куда уѣзжаетъ. Никакой просьбы, никакого желанія—ничего ровно.

— Ну, этотъ скоро рѣшилъ и, какъ видно, совсѣмъ безповоротно,—прошептала Целя.

— Я и не думала, чтобъ у него нашлось столько силы воли.

Она вздохнула. Хотя къ Стоколосѣ она была совсѣмъ равнодушна, но все-таки въ ея сердцѣ на минуту проснулось горькое чувство жалости и разочарованія, такое-же, какое бывало у нея когда-то, когда она была еще небольшой дѣвочкой и подъ при-

смотромъ любимой матери гуляла на лугу, гоняясь за мотыльками. Нѣсколько разъ одинъ изъ этихъ летающихъ цвѣточковъ уже былъ совсѣмъ близко возлѣ рученокъ—она съ раскрытыми губками и широко раскрытыми блестящими глазенками потихоньку подкрадывалась къ нему, какъ вдругъ испуганный мотылекъ вспархивалъ высоко вверхъ и исчезалъ изъ глазъ; тогда маленькая Целинка морщила бровки, кусала губки и съ сердитымъ личикомъ кричала вслѣдъ: „Недобрый! Не нуженъ ты мнѣ!“ Но теперь времена измѣнились, и Целя не думала сердиться на мотылька, который улетѣлъ въ недосягаемую даль.

— Что-жъ, можетъ быть, такъ и лучше! Можетъ, онъ, въ самомъ дѣлѣ, правъ, — думала она, вглядываясь въ судорожно искривленныя и неровныя, но выразительныя буквы письма Семіона Стоколосы.

Она вспомнила, что въ концѣ концовъ она вѣдь и сама думала сегодня утромъ какъ разъ то, что онъ пишетъ. Но насколько глубже, шире смотрѣла она теперь на этотъ вопросъ! Какимъ мелкимъ ей показалось ея собственное прежнее рѣшеніе! Какой софистической и вымученной показалась ей безропотность Стоколосы!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Неправда это, все неправда, что онъ написалъ!—чуть громко не вскрикнула Целя такъ, что Грозицкая обернулась и измѣрила ее суровымъ испытывающимъ взглядомъ.

Къ такому убѣжденію, какъ онъ пишетъ, онъ не могъ прійти!—ткалась далѣе нить ея мыслей,—а если уговорилъ себя въ этомъ, такъ только поневолѣ, чтобъ замаскировать предъ самимъ собою свой стыдъ и покорность. „Я не повѣрилъ-бы никогда, что вы меня любите“. Дуракъ, дуракъ! Одного взгляда, одного пожатія руки дѣйствительно любящей женщины довольно, чтобы наполнить тебя этой вѣрой!

„Я замучилъ-бы васъ своей любовью“.—Целя улыбнулась наполовину жалостно, наполовину вызывающе.—Ну, хотѣла-бъ я видѣть, какъ-бы ты доказалъ эту штуку! „Любовь моя превратилась-бы въ тирана“... И это пишетъ человѣкъ, который—голову даю за это!—за крохи оказанной ему любви почувствовалъ-бы себя обязаннымъ быть благодарнымъ всю свою жизнь! Жалкій идеалистъ! Онъ не знаетъ, что пока тиранитъ любовь и ничто другое, до тѣхъ поръ эта тираннія не можетъ быть ни несчастьемъ, ни зломъ.

и никакая женщина, чистая, честная, любящая и умная, такой тиранніи никогда не испугается.

Такъ мысль ея оспаривала письмо Стоколосы, совсѣмъ забывъ о томъ, что еще сегодня утромъ возражала и доказывала совсѣмъ противное. Но скоро служебныя обязанности прервали этотъ ходъ мыслей, а когда Целя черезъ минуту опять сѣла и взглянула на письмо, то только шепнула.

— Что-жъ, пусть и такъ будетъ! конецъ, такъ конецъ! Счастливаго пути, господинъ Стоколоса!

Затѣмъ она сложила письмо, вложила его въ конвертъ и спрятала въ карманъ. Этого письма рвать и выбрасывать за окно она не хотѣла.

VIII.

Надъ городомъ пронеслась гроза, короткая, внезапная, лѣтняя. Нѣсколько разъ прогремѣлъ громъ; густой, крупный дождь шелъ минутъ десять, а черезъ полчаса снова прояснилось. Улицы были окроплены, пыль прибита, воздухъ свѣжъ и душистъ насколько это позволяла Полтва и ея притоки.— Целя въ своей конторѣ даже не замѣтила этой маленькой революціи въ природѣ; въ ея душѣ метались и бушевали болѣе сильныя впечатлѣнія.

Только къ вечеру вздохнула она. Публика въ эту пору перестаетъ уже толпами приходить въ контору; иногда только какой-нибудь запоздалый получатель сюда заглянетъ. Целя стала возлѣ открытаго окна и дышала холоднымъ, освѣженнымъ грозою воздухомъ. Предъ ея глазами проходили по обоимъ тротуарамъ безконечные ряды нарядныхъ дамъ и мужчинъ, дѣлающихъ обычную вечернюю прогулку. Грохотали фіакры и повозки; раздавались возгласы торговцевъ, продающихъ ранніе вишни и абрикосы; медленно и безпрерывно клокотала городская жизнь.

И мысль Цели, измученная всѣмъ пережитымъ въ этотъ день, отдыхала. Въ ея головѣ настала тишь, одна изъ тѣхъ благословенныхъ паузъ, какія временами настаютъ только въ молодомъ, здоровомъ умѣ, который не утратилъ еще способности возрожденія изъ собственныхъ источниковъ, а въ минуты утомленія, словно сухая губка, открываетъ тысячи поръ и глазокъ и всасываетъ ими новыя впечатлѣ-

нія, всасываетъ всю безпредѣльность внѣшняго міра, красоты природы и человѣческой жизни, чтобы, насытившись этимъ разноцвѣтнымъ матеріаломъ, начать затѣмъ новую работу въ болѣе спокойномъ темпѣ и съ новой силой. Целя забыла обо всемъ, что только-что пережила,—въ эту минуту она была только губкою, всасывающей въ себя новыя впечатлѣнія, чувствовала себя, какъ сегодня утромъ, только живымъ существомъ, которое видитъ, слышитъ и чувствуетъ—ничѣмъ больше. Ей казалось, что она гибкая, колеблющаяся трость, стоящая по колѣна въ водѣ на берегу быстрой рѣки. Слегка колышется трость, качаемая легкой волной, тихо шелеститъ, вторя своимъ подругамъ, и задумчиво глядитъ на могучія судна, сухія вѣтви, дикихъ птицъ и людскіе трупы, которые плывутъ тутъ же мимо нея на мутныхъ волнахъ. Куда плывутъ и зачѣмъ? Кто станетъ разспрашивать! А кто знаетъ, можетъ, въ ближайшую минуту одинъ изъ тѣхъ пловучихъ огромныхъ предметовъ, брошенный какимъ-нибудь случайнымъ толчкомъ, задѣнетъ, сомнетъ, сломаетъ и съ корнемъ вырветъ слабую, качающуюся трость?

— Добрый вечеръ!—раздался въ эту минуту знакомый голосъ въ дверяхъ. Целя встрепенулась и отскочила отъ окна. Возлѣ деревянной рѣшетки, противъ ея стола, стоялъ докторъ Темницкій, склонивъ свою могучую фигуру, чтобъ показать свое лицо черезъ рѣшотку.

— А, добрый вечеръ!—отвѣтила Целя.

— У меня къ вамъ два небольшихъ дѣльца,—сказалъ докторъ, слегка кивнувъ головой.—Прежде всего я хотѣлъ бы сдать вотъ это письмо заказнымъ. Это вѣдь къ вамъ.

И, не ожидая отвѣта, всунулъ онъ Целѣ письмо въ руку, хотя зналъ, что заказныя письма къ ней не относятся.

— Нѣтъ, прошу васъ,—отвѣтила Целя,—это къ госпожѣ Грозицкой. Сейчасъ оно будетъ сдано.

Она торопливо встала и понесла письмо къ Грозицкой. Что она по дорогѣ, проходя мимо лампы, бросила взглядъ на адресъ и прочла: Amalie Schmidt, Wien, Ottakring, Haus Nr. 17, Stock, 10, Thür., это, конечно, было совершенно естественно.

Черезъ минуту письмо было вписано, Целя вручила доктору росписку и взяла отъ него пятнадцать крейцеровъ.

— Весьма благодаренъ!—сказалъ докторъ, пряча росписку.

— А какое же ваше другое дѣло?—спросила Целя, думая, что докторъ забылъ и собирается уходить.

— Увѣдомить васъ, что нашъ сторожъ, который обыкновенно вечеромъ провожаетъ васъ домой, внезапно заболѣлъ.

— Ой, что съ нимъ случилось?—вскрикнула Целя.

— Не знаю, что съ нимъ,—равнодушно отвѣтилъ докторъ.— Знаю только, что онъ сегодня не можетъ придти, и если вы позволите, то я исполню роль garde des dames и провожу васъ домой.

— О, очень благодарна вамъ!—сказала Целя. — Только не лучше ли было бы, если бы вы осмотрѣли этого бѣднаго больного? Я и сама бы устроилась.

— О, о сторожѣ не безпокойтесь!—сказалъ докторъ, смѣясь. Ужъ его хорошенько осмотрѣли, да и болѣзнь его не такъ опасна. Видите, добавилъ онъ—съ улыбкой и шопотомъ, наклоняясь еще ниже—бѣдняжка выпилъ больше, чѣмъ надо, ну, и...

Докторъ многозначительно кивнулъ головой, чтобъ показать полное безволіе сторожа.

— А вы долго еще должны замаливать грѣхи въ этой конторѣ?—спросилъ онъ вслѣдъ за этимъ съ улыбкой.

— О, нѣтъ! Уже половина девятаго, — сказала Целя, посматривая на часы,—а въ девять наши занятія кончатся. Будьте добры, докторъ, войдите сюда въ нашу клѣтку и сядьте на минутку. У меня еще немного работы, скоро буду готова.

Докторъ охотно и безъ церемоніи вошелъ за перегородку.

— Докторъ Темницкій! Госпожа Грозицкая! — сказала Целя, знакомя ихъ между собой. Грозицкая встала и поклонилась, исподлобья глянувъ на Целю.

— Мнѣ очень пріятно! — сказала она своимъ сухимъ голосомъ.—Отца вашего я знала когда-то... въ лучшія времена. Бывалъ даже у насъ. Ну, а теперь времена измѣнились!—добавила она съ натянутой улыбкой.

Въ этихъ словахъ было такъ много горечи, что докторъ вздрогнулъ, словно почувствовавъ прикосновеніе крапивы.

— Отецъ мой мало куда выходитъ, а о вашемъ уважаемомъ домѣ часто вспоминаетъ съ большой симпатіей,—солгалъ докторъ, чтобъ сгладить непріятное впечатлѣніе словъ Грозицкой. Она

однако уже не слыхала его комплимента и, отвернувшись, снова сѣла у своего стола и углубилась въ свои бумаги и росписки.

Докторъ присѣлъ возлѣ стола Целины у лѣваго угла, профилемъ къ ней. Онъ молчалъ и пока Целя занята была списываніемъ и приведеніемъ въ порядокъ писемъ на слѣдующій день, разглядывалъ жалкую и шаблонно-казенную меблировку этой комнаты.

— Что это за дама, къ которой вы сдали письмо?—сказала она, наконецъ, спокойно, не поднимая головы отъ работы.

— Моя невѣста,—такъ же спокойно сказалъ докторъ.

— Да?

И снова умолкла,—только перо свободно бѣгало по бумагѣ.

— Я написалъ ей то,—говорилъ дальше докторъ тономъ непоколебимаго рѣшенія,—что диктовала мнѣ моя совѣсть. Написалъ ей, что не люблю ея и не могу любить, а безъ любви жениться не думаю.

Целя перестала писать и подняла на него глаза.

— Что вы говорите?

— Правду. Жертва въ бракѣ — это только глупость или трусость того, кто жертвуетъ собой, при томъ же эта жертва безцѣльна и безплодна. Такой роли въ бракѣ я играть не хочу ни за какія сокровища міра. Это я и написалъ ей. Завтра отсылаю ей кольцо.

— Только не слишкомъ-ли поспѣшно вы поступаете? — съ улыбкой спросила Целя.—Можетъ, вы въ самомъ дѣлѣ любите госпожу Амалію Шмидтъ, и только вдали отъ нея вамъ на минуту показалось, что вы не любите ея?

— Ну,—сказалъ докторъ, улыбаясь полу-меланхолически, полунасмѣшливо и не сводя глазъ съ ея фигуры,—нужно только разъ видѣть Амалію, разъ съ нею поговорить, чтобы убѣдиться, что никакой безразсудный поступокъ по отношенію къ ней невозможенъ.

— Такъ-ли?—сказала Целя.—Ну, вы, однако, строго судите! Не дай Богъ никому подпасть подъ вашъ судъ, болѣе строгій, чѣмъ ваши скальпели и ланцеты! Бѣдная Амалія!

— Не жалѣйте о ней! сказалъ докторъ. — Я увѣренъ, что она скоро утѣшится, утративъ меня. А кромѣ того человѣкъ живетъ только одинъ разъ, значитъ первая обязанность его—избѣгнуть непріятностей тамъ, гдѣ можетъ ихъ избѣжать. Непріятности—

это жизненный минусъ, котораго намъ никакая теорія и никакой альтруизмъ компенсировать не въ силахъ.

Между тѣмъ Целя со всѣмъ усердіемъ напряженно углубилась въ свою работу. Она кончала ее, не торопясь, методически, какъ-будто докторъ не существовалъ тутъ же рядомъ съ нею, будто философія эгоизма не была провозглашена со всей рѣшительностью житейскаго опыта и непоколебимости.

IX.

Какъ только пробило девять часовъ—ни минутой раньше—Грозицкая встала съ своего кресла, посыпала свою книгу пескомъ и закрыла ее, разложила на кучки разнумерованныя уже на завтра росписки, отдѣльно польскія и отдѣльно украинскія, разставила въ порядкѣ разновѣски подъ вѣсы для писемъ, сложила перья, закрыла чернильницу, однимъ словомъ, сдѣлала на своемъ столѣ образцовый порядокъ, нарушаемый только множествомъ чернильныхъ пятенъ на толстой бумагѣ, которою для сохраненія зеленаго сукна былъ прикрытъ столъ. Потомъ она начала одѣваться.

Целя была ужъ одѣта и ждала ее.—Вы, господа, меня не ждите,—сказала Грозицкая.—Пока старая педантка соберется и тронется съ мѣста, вы будете уже на Маріятской площади. Впрочемъ, дороги наши сейчасъ отъ порога расходятся, а я уже, слава Богу, въ такомъ возрастѣ, — добавила она иронически, склоняя голову предъ докторомъ, — что прогулка вечеромъ по улицѣ не представляетъ для меня никакой опасности.

— Ну, тогда спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

Целя и докторъ ушли. Грозицкая повела за ними мрачнымъ взглядомъ и прошептала:

— Наивная дѣвушка! Я увѣрена, что она вѣритъ этому шарлатану, а онъ ей вретъ всякія глупости. Что-жъ, пусть вѣритъ! Я ее предупреждать не буду. Посмотримъ, скоро-ли она пойдетъ той же дорожкой, что и Ольга. Ой, вы молоденькія барышни! Общественная служба—это не ваше дѣло! У васъ кровь кипитъ, губы дрожатъ, глазки пылаютъ, а всѣ эти принадлежности на службѣ совсѣмъ не нужныя, скорѣе вредныя!

И Грозицкая мрачно покачала головой.

— Ну, мнѣ пора домой,—сказала она, наконецъ.—Боже мой, что-то тамъ дѣти дѣлаютъ! Ой, служба, служба! Чувствую уже въ костяхъ ея послѣдствія!

И охая собиралась она медленно, пока не пришелъ почтовый сторожъ, чтобы закрыть ставни, погасить огонь и запереть дверь конторы.

Между тѣмъ Целя, идя рядомъ съ докторомъ, съ живымъ чувствомъ разсказывала ему про смерть своей товарки и добавила затѣмъ:—Хотѣлось бы навѣдаться къ ея матери, утѣшить бѣдную старушку въ этомъ тяжкомъ горѣ. Да что-жъ, завтра утромъ опять занятія до двухъ часовъ пополудни, нельзя вырваться.

— Служба—неволя,—глубокомысленно бросилъ докторъ.

— Вы такъ думаете?—живо отвѣтила Целя.—А мнѣ до недавняго времени совсѣмъ такъ не казалось. Наоборотъ, эта регулярная, по часамъ размѣренная жизнь успокаивала мою мысль, дѣлала меня здоровой, серьезной, довольной. Приду со службы, съѣмъ обѣдъ, иногда вздремну немного, почитаю, пойду на урокъ—и такъ идетъ день за днемъ. И я счастлива, потому что, несмотря на эту якобы неволю, а въ дѣйствительности на опредѣленно обозначенныя рамки, въ которыхъ обращается моя жизнь, я чувствую себя независимой, чувствую, что живу собственнымъ трудомъ, что не составляю ни для кого бремени, не ищу ни чьей ласки.

— Кромѣ какой-то Грозицкой, какого-то Вымазаля, Демжаля и тому подобной бюрократической моли,— злобно добавилъ докторъ.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, я и въ ихъ милости не нуждаюсь, потому что знаю, что, если хорошо исполню свои обязанности, никто мнѣ ничего не сдѣлаетъ. Я отъ нихъ не завишу, а если стараюсь жить съ ними въ мирѣ и согласіи, то ужъ такова моя натура. Я согласна для спокойствія кой-чѣмъ поступиться, особенно если дѣло касается мелочей, или чего-нибудь, въ чемъ я сама не увѣрена, что права. Но это обычные недочеты человѣческой жизни, а не только нашей службы.

Говоря это, Целя увлеклась, оживилась необыкновенно; видно было, что слова шли отъ самаго сердца. Сумерки-ли, налегаю-

щія на улицы, только слабо освѣщенныя газовыми лампами, свѣжій-ли вечерній воздухъ, спокойный-ли тонъ доктора придали ей такую смѣлость, но докторъ никогда еще не видалъ ее такой оживленной, какъ теперь. И никогда еще она не казалась ему такой чарующей, красивой, какъ въ эту минуту, хотя онъ только въ неясныхъ очертаніяхъ могъ видѣть ея пылающее нѣжнымъ румянцемъ лицо.

— Вы сказали, что все это было такъ до недавняго времени. Развѣ теперь что-нибудь измѣнилось?

— Какъ бы вамъ сказать? Собственно вокругъ меня ничего не измѣнилось, но я въ себѣ чувствую какую-то перемѣну. Съ тѣхъ поръ, какъ вашъ папочка съ энергіей, достойной лучшаго дѣла, началъ каждый день допекать меня этой службой и разбирать да разрисовывать предъ глазами всѣ ея недостатки, съ тѣхъ поръ, признаюсь вамъ, я сдѣлалась болѣе впечатлительной къ тѣмъ мелкимъ уколамъ, безъ которыхъ и тутъ, извѣстно, не обходится. Бремя моей службы, котораго я раньше какъ-будто не чувствовала, начинаетъ, словно ярмо, въѣдаться мнѣ въ шею. Временами на меня находитъ апатія.

— А, можетъ, это только минуты проснувшагося сознанія?

— Что-жъ это за сознаніе, такое тяжелое и больное?

— Сознаніе недостигнутой цѣли, утраченной жизни, потерянныхъ силъ! — съ глубокой рѣшительностью мрачнымъ голосомъ сказалъ докторъ. Целя даже остановилась отъ испуга.

— Что это вы говорите!—вскрикнула она.—Ну, докторъ,—прибавила она черезъ минуту,—такихъ зловѣщихъ словъ я отъ васъ не ожидала.

— Что-жъ, простите, я врачъ, и съ медицинской точки зрѣнія не могу говорить иначе. Я совсѣмъ не принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые противятся правамъ женщины на высшеее образованіе, на умственный трудъ и соперничество съ мужчинами на аренѣ общественной дѣятельности. Наоборотъ, пусть женщины учатся, пусть думаютъ, пишутъ, работаютъ! Такъ много еще поля невоздѣланнаго, такъ велика еще область неизвѣстнаго и неизслѣдованнаго, что, чѣмъ больше здѣсь работниковъ, тѣмъ лучше.

— Кто слышалъ бы это, тотъ принялъ бы васъ за горячаго поклонника женской эмансипаціи,—шутливо сказала Целя.

— И имѣлъ бы полное право!—горячо воскликнулъ докторъ.—Я, дѣйствительно, ея поклонникъ. Пусть женщины эмансипируются отъ всѣхъ своихъ слабостей, недостатковъ и сплетенъ, отъ невѣжества, паразитной жизни и недомыслія. Только, какъ врачъ, я противлюсь одной эмансипаціи—и въ этомъ пунктѣ имѣю очень сильнаго союзника—природу.

— Какой-же это эмансипаціи вы противитесь?

— Эмансипаціи отъ семьи, брака, любви!—глубокомысленно отвѣтилъ докторъ.—Это вѣчное нареканіе на мужчинъ en general, это возбужденіе искусственной ненависти къ цѣлой усатой и бородатой половинѣ человѣческаго рода, пропаганда эмансипированнаго безбрачія и монашества—можетъ въ глазахъ многихъ людей компрометировать все дѣло. Въ моихъ глазахъ, разумѣется, это только печальное, минутное психо-физіологическое отклоненіе, на которое я не то что сержусь, но смотрю какъ на предметъ врачебной практики, ищу его источника и думаю надъ способами наилучше его вылѣчить.

— Признаюсь, докторъ,—сказала серьезно Целя,—что хотя я и сама противница такого пониманія положенія женщинъ, какъ чего-то совсѣмъ отрѣзаннаго и противоположнаго мужчинамъ, но все-таки я не рѣшилась бы никогда ни вышучивать, ни осмѣивать женщинъ, занявшихъ такое положеніе, ни даже судить ихъ съ такой медицинской точки зрѣнія, какъ вы. Вы забыли, что мысль о правахъ и общественномъ трудѣ женщины сравнительно еще нова и мало распространена даже между самими женщинами,—оттого она и требуетъ горячихъ апостоловъ, пропагаторовъ и адептовъ, а благодаря этому должны проявляться крайности, которыя собственнымъ примѣромъ стараются дать образцы справедливости и силы этого направленія. Такія крайности съ общественной точки зрѣнія необходимы, чтобъ открыть людямъ глаза, чтобъ эти люди, нападая на излишнія крайности, привыкли главное, основное направленіе считать чѣмъ-то желательнымъ, а также и естественнымъ, такимъ, что само собою разумѣется.

— Жалко, что вы не адвокатъ,—съ улыбкой сказалъ докторъ,—такъ славно вы защищаете дѣло, о которомъ вы сами говорите, что являетесь его противницей. И признаюсь вамъ,

что во всей этой славной затѣѣ собственно это заявленіе было для меня самымъ цѣннымъ.

— Почему? Вы развѣ сомнѣвались въ этомъ?

— Ну, могъ сомнѣваться. Вѣдь, ваша прошлая жизнь и особенно ваше добровольное несеніе почтовой неволи не очень-то сильно свидѣтельствуетъ о вашей охотѣ къ семейной жизни.

Целя съ досадой махнула головой.

— Не ждала я отъ васъ, чтобъ и вы говорили со мной въ этомъ тонѣ. Добровольное несеніе неволи! Вѣдь, это съ вашей стороны горькая насмѣшка! что-жъ я должна дѣлать? Побираться, что-ли? Или жить на хлѣбахъ у какихъ-нибудь родственниковъ? Да и родственниковъ такихъ у меня нѣтъ! Или, наконецъ...

Она не докончила. Они были уже у цѣли, въ сѣняхъ дома, въ которомъ жили.

— Нѣтъ, простите,—сказалъ докторъ, когда они оба направились къ лѣстницѣ,—ничего подобнаго я отъ васъ не желаю. Но есть еще одинъ выходъ.

— Знаю, знаю, что скажете!—воскликнула Целя.—Выйти замужъ. Это все равно, какъ если бы вы умирающему съ голоду сказали: одно только спасеніе есть для тебя—ежедневно регулярно на обѣдъ ѣсть воловью печень. Очень разумный совѣтъ, но умирающій съ голоду не имѣетъ даже куска хлѣба.

— Ну, извините, на этотъ разъ аргументы ваши очень слабы. Вы аргументируете сравненіемъ, которое если бы даже само по себѣ было болѣе естественно, все-таки прихрамывало-бъ. Раньше всего, вы имѣете плохое представленіе о моихъ медицинскихъ знаніяхъ, если думаете, что я могъ бы умирающему съ голоду человѣку дать такой совѣтъ. Воловья печень могла бы его ослабленный организмъ сразу убить. Я посовѣтовалъ бы ему бульонъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ бы взять его въ госпиталь.

— Вотъ именно, вотъ объ этомъ и говорю!—сказала Целя.—Такимъ госпиталемъ для незамужнихъ и женщинъ безъ средствъ должна быть общественная служба, хотя бы самая заурядная и меньше всего отвѣчающая ихъ желаніямъ и способностямъ. И я нахожусь въ этомъ госпиталѣ для того, чтобы не умереть съ голода.

— Ну,—съ сладкой улыбкой отвѣтилъ докторъ,—но кромѣ госпиталя есть еще и домашнее лѣченіе.

— Для тѣхъ, у которыхъ есть средства на это.

— А если бы, напримѣръ, вы нашли средства на такое домашнее лѣченіе?

— Я? Гдѣ жъ мнѣ ихъ найти? Развѣ выиграю сто тысячъ на лотереѣ.

— Ну, это трудненько. Но если-бъ, скажемъ, средства нашлись, приняли-бъ вы ихъ или, можетъ, отбросили бы изъ ложнаго самолюбія?

— Изъ ложнаго самолюбія? Его у меня, кажется, нѣтъ; зависѣло бы это отъ средствъ и отъ источника, изъ котораго они шли бы.

— Источникъ—какъ Богъ велѣлъ, а средства, скажемъ такъ, скромныя, но для домашняго лѣченія вполнѣ достаточныя.

— Я должна вамъ сказать,—проговорила Целя, остановившись въ сѣняхъ передъ дверьми квартиры,—что совсѣмъ не понимаю, о какомъ лѣченіи и какихъ средствахъ вы говорите.

— Можетъ это и такъ,—съ какой-то двусмысленною миною сказалъ докторъ.—Поговоримъ объ этомъ въ другой разъ. Вы, вѣдь, придете съ нами ужинать?

— Не знаю!

— Придите!—сказалъ докторъ.— Отца дома нѣтъ, а мнѣ одному совсѣмъ ѣсть не хочется. Побесѣдуемъ, если вамъ не наскучитъ.

— До свиданія!—сказала Целя и, подавъ ему руку, пошла въ свою комнату.

X.

За ужиномъ, вопреки увѣренію доктора, присутствовалъ и старый Темницкій. Докторъ молчалъ и старался даже не глядѣть на Целю. Старикъ Темницкій также былъ какъ-то мраченъ, а Целя, которая напрасно ломала себѣ голову надъ тѣмъ, что собственно хотѣлъ сказать ей докторъ, сама не имѣла охоты начинать разговора. Поэтому она тотчасъ послѣ ужина ушла къ себѣ, отговариваясь тѣмъ, что завтра должна рано встать на службу.

Ей пришлось проходить черезъ кухню, гдѣ на минуту ее задержала Осипова, разсказывая о сторожѣ, съ пьяныхъ глазъ

наговорившемъ грубостей хозяину дома и особенно старику Темницкому, о которомъ на всю улицу выкрикивалъ такія скверныя исторіи, что слушать было противно.—Ну, однако, достанется ему за это въ полиціи!—добавила старуха.

— Какъ это, его взяли въ полицію?

— Конечно, баринъ знакомый съ старшимъ комисаромъ, пошелъ, пожаловался, ну, нашего сторожа и взяли. Ужъ на его мѣстѣ у насъ другой.

— Вотъ какъ!—сказала Целя удивляясь.

— А не барышня-ли потеряла это письмо?—сказала Осипова, доставая изъ-за пазухи помятое, распечатанное письмо и давая его Целинѣ.—Можетъ, опять какой-нибудь вздоръ,—добавила она,—и барышня на меня разсердится, но такова ужъ моя судьба, что все вамъ съ письмами надоѣдаю.

Целя взглянула на письмо и задрожала.

— Откуда у васъ это письмо?

— Да я нашла его вотъ тутъ на лѣстницѣ. Я думала, не барышня-ли его потеряла. Загляните въ него,—можетъ быть, письмо не принадлежитъ этому конверту. Письмо лежало отдѣльно—это я сама его вложила въ конвертъ.

Целя вынула письмо, взглянула на него у лампы—и расхохоталась громкимъ, сердечнымъ смѣхомъ.

— Ха, ха, ха! Вотъ это такъ! Вотъ это хорошо! Вотъ это хорошо! Вотъ любопытно! Ха, ха, ха!—хохотала Целя, складывая письмо и вновь пряча его въ конвертъ. Хохоча, она вбѣжала въ свою комнату, но тутъ смѣхъ ея сразу оборвался, губы сжались, лицо поблѣднѣло. У нея начинало кой-что проясняться въ головѣ, но какое это было больное прояснѣніе! Она начала быстро ходить по комнатѣ, потомъ остановилась у окна и прижалась лбомъ къ холодному стеклу. Въ ея воображеніи мелькнулъ образъ Стоколосы съ испуганной физіономіей, блестящими глазами, сгорбленный и некрасивый, но съ горячимъ, искреннимъ сердцемъ. Мгновеніе онъ какъ будто вглядывался въ ея лицо, а потомъ лицо его заволоклось непередаваемой печалью и незамѣтно расплылось въ сѣрой мглѣ. Целя махнула рукой.

— Что мнѣ до него! Онъ былъ мнѣ чужимъ и останется чужимъ. Это не утрата.

Тяжелѣе звенѣли струны ея души при воспоминаніи объ Ольгѣ. Фантазія Цели, которая всякую мысль тотчасъ превращала въ рельефныя картины, въ одинъ мигъ раскинула передъ нею широкую, пыльную и скверно вымощенную дорогу. Это женская общественная служба. По этой дорогѣ идетъ немногочисленная, небольшая группа женщинъ, молодыхъ и старыхъ, веселыхъ и мрачныхъ, полныхъ надеждъ и полныхъ разочарованія. Кажется, что всѣ онѣ идутъ ровнымъ, размѣреннымъ шагомъ, но, однако, приглядѣвшись ближе къ этому обществу, вы видите какъ-бы три группы, три пути на дорогѣ.

Направо идетъ группа женщинъ, у которыхъ горести жизни, разочарованія и служебный ригоризмъ высушили въ сердцахъ молодой источникъ чувства и человѣческой самодѣятельности. Это женщины-бюрократки, которыя непоколебимо выполняютъ свои обязанности въ жизни, но женщины съ очень ограниченнымъ кругозоромъ жизненныхъ интересовъ, симпатій и антипатій. Эти человѣческія существа, симпатичныя во многихъ отношеніяхъ, во многихъ также отношеніяхъ достойны сочувствія; но они очень стушеваны, упрощены, приведены, такъ сказать, къ одному знаменателю. Дорожная пыль насѣла на нихъ густымъ слоемъ, въѣлась въ ихъ кожу и выѣла изъ нея всякую окраску, всякій блескъ свѣжести.

Налѣво идутъ существа, совершенно противоположныя предыдущимъ: живыя, увлекающіяся и жаждущія жизни, полныя стремленія къ труду, полныя самоотверженія и сочувствія, но именно ради этого идущія на самыя тяжелыя испытанія, на самыя большія опасности, отклоненія и ошибки. Въ этой группѣ нѣтъ единства и внѣшняго однообразія; тутъ каждое лицо—въ самомъ дѣлѣ особенная физіономія, тутъ полно движенія и контрастовъ, смѣхъ раздается, отчаяніе глухо стонетъ, а вдоль дороги, по которой прошла группа, время отъ времени остается что-нибудь: то трупъ, то лужа крови.

А третій путь—средній. Имъ идетъ очень разнообразная, самая многочисленная компанія. Есть тутъ женщины, закаленныя опытомъ, которыя изъ тяжелой жизненной борьбы вынесли чуткое сердце и незапятнанную душу; есть молодыя дѣвушки, которыхъ счастливый темпераментъ охраняетъ отъ крайностей, а молодость

отъ рутины; натуры гармоническія, съ живымъ чувствомъ и желаніемъ дѣятельности, но управляемыя больше разумомъ, чѣмъ чувствомъ. Борьба и внутренній разладъ и тутъ имѣютъ мѣсто, имѣютъ мѣсто и заблужденія и ошибки — гдѣ же ихъ нѣтъ въ дѣлахъ человѣческихъ? Но самое дорогое сокровище—человѣчность, достоинство и индивидуальность человѣческая въ этой грушѣ охраняются свято, переносятся, какъ самое цѣнное наслѣдство все впередъ, къ далекому, лучшему будущему.

Легкій стукъ въ дверь прервалъ ея мысли.

— Можно войти?—спросилъ въ дверяхъ докторъ.—Слышу, что еще ходите по комнатѣ, не спите...

— Пожалуйста, пожалуйста войдите!—сказала Целя.

— Я только на минуточку. Отецъ послѣ ужина пошелъ въ свой клубъ, а я не привыкъ такъ рано ложиться спать. Но если я вамъ помѣшалъ...

— Нѣтъ, докторъ, мнѣ спать не хочется,—сказала Целя.— Пожалуйста сядьте.

Докторъ сѣлъ и, въ то время какъ Целя не переставала ходить по комнатѣ, онъ не сводилъ съ нея глазъ.

— Странное дѣло,—началъ онъ послѣ минутнаго молчанія.— Глядя на васъ, мнѣ такъ и кажется, что читаю ваши мысли, какъ въ книжкѣ.

— Это вамъ такъ кажется,—отвѣтила Целя съ улыбкой.

— Ну, держу пари, что знаю, о чемъ вы думали въ эту минуту!

— Хорошо, на что?

— На... на... знаете, если выиграю, такъ тогда скажу свои условія, а проиграю—то вы продиктуете свои.

— Вамъ дорого могло бы стоить то, что я продиктую.

— Все равно. Но я также буду требовать не малаго.

— Я согласна. Ну, скажите, о чемъ я думала?

— Объ одномъ господинѣ, котораго зовутъ Семіономъ Стоколосой.

Докторъ сказалъ эти слова медленно, съ удареніемъ, устремивъ пронизывающій взглядъ въ лицо Цели. Она стояла противъ него. Слова доктора, повидимому, не произвели на нее никакого впечатлѣнія.

— Я знала, что вы сюда мѣтите, хотя и не ждала отъ

васъ такихъ словъ. Вы проиграли, докторъ. Я думала объ участи женщинъ на общественной службѣ.

— Честное слово?

— Честное слово!

— Прошу опредѣлить свой выигрышъ.

— Вы, докторъ, какъ на исповѣди, должны сказать мнѣ три правды,—не то юмористически, не то съ какимъ-то нервнымъ безпокойствомъ сказала Целя.—Раньше всего, откуда докторъ знаетъ Семіона Стоколосу и на какомъ основаніи полагаетъ, что я могла о немъ думать?

— О, на этотъ вопросъ отвѣтить очень легко. Стоколосу я знаю еще изъ гимназіи. Именно сегодня, когда вы ушли на службу, я увидалъ его черезъ окно, когда онъ шелъ улицей. Случайно увидѣлъ его и отецъ и указалъ мнѣ на него, какъ на того молодого человѣка, съ которымъ... котораго онъ вспоминалъ за обѣдомъ.

Кровь ударила въ голову Цели.

— И вы сейчасъ повѣрили, что у меня съ нимъ какія-нибудь близкія отношенія?—воскликнула она.—Фу, докторъ, стыдитесь!

— Что-жъ, развѣ въ этомъ было что-нибудь скверное? Стоколоса человѣкъ способный и симпатичный, несмотря на свою... комическую наружность.

— И, несмотря на это, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до него.

— А, однако же, вы переписываетесь съ нимъ.

— Ошибаетесь. Я получила отъ него нѣсколько писемъ—это правда, но ни на одно не отвѣтила.

— Ну, такъ! Скажемъ письменнаго отвѣта вы ему не дали, но устный...

— Докторъ!—вскрикнула Целя непріятнымъ, болѣзненнымъ голосомъ.

— Но простите, вѣдь и это не было бы преступленіемъ.

— Но если бъ это былъ фактъ, я бы его не скрывала.

— Ну, такъ простите! Лучше перейдите къ другому пункту, если угодно.

— Нѣтъ, я прощаю вамъ другой пунктъ, сказала Целя съ досадою.

— Вы уже и сердитесь на меня,—сказалъ докторъ.— Можетъ, прикажете убраться?

— Сидите, сидите! Кто вамъ сказалъ, что я сержусь?— поспѣшно сказала Целя.

— Ну, спасибо за позволеніе! Что касается второго пункта, то могу на него отвѣтить вамъ и безъ вопроса. Вы хотѣли знать ближе подробности объ Амаліи Шмидтъ. Вѣдь, да?

Целя взглянула на него съ удивленіемъ и, наконецъ, громко разсмѣялась.

— На этотъ разъ отгадали. Но помните, что вы должны говорить правду.

— Что-жъ,—сказалъ спокойно докторъ,—не имѣю причины скрывать правду. Амалія Шмидтъ, какъ я уже говорилъ вамъ, дочь завѣдующаго главнымъ вѣнскимъ госпиталемъ, двадцати восьми лѣтъ и наслѣдница полумилліоннаго имущества. А такъ какъ я съ ея отцомъ въ большой дружбѣ, такъ онъ деликатно старался склонить меня къ тому, чтобъ я сдѣлался его зятемъ. Ну, нечего грѣха таить, я человѣкъ безъ грѣха, полакомился не столько на состояніе, сколько на карьеру, какую мнѣ обѣщалъ д-ръ Шмидтъ, и обручился съ нею. Но сегодня, какъ вы видѣли, я послалъ отказъ и свое обрученіе.

— И это все правда? — спросила Целя, пристально вглядываясь въ лицо доктора.

— Чистая правда?

— Честное слово?

— Честное слово!—безъ запинки сказалъ докторъ.

— Ну, хорошо. А что собственно склонило васъ къ этому разрыву?

— Что меня склонило? Гм!—сказалъ докторъ, притворяясь озабоченнымъ.—Позвольте мнѣ оставить этотъ вопросъ въ сторонѣ, ибо онъ и такъ не касается темы второго пункта—Амаліи Шмидтъ.

— Такъ, такъ!—смѣясь, сказала Целя—будемъ вести рѣчь по-парламентски. Переходимъ къ третьему пункту. Какой собственно былъ смыслъ вашего вчерашняго разговора? Можетъ быть, это нетактично, что я такъ прямо спрашиваю, но, докторъ, вы проиграли пари, такъ ужъ—не прогнѣвайтесь.

— Настоящій смыслъ моего разговора? Гм, гм!—И докторъ

на этотъ разъ въ самомъ дѣлѣ озабоченно завертѣлся въ креслѣ.— Это дѣло довольно интимное, и я не знаю, въ какой-бы формѣ вамъ его сказать.

— Не заботьтесь о формѣ. Форма — измѣнница. Пусть дѣло само за себя говоритъ,—серьезно и даже какъ-то строго сказала Целя.

— Настоящій смыслъ моего разговора, тотъ, что я...—эти слова докторъ цѣдилъ медленно, все тише, тише, и, наконецъ, шепотомъ, наклоняясь на креслѣ, добавилъ: люблю васъ.

И, сказавъ это, онъ вскочилъ и бросился къ Целѣ, чтобъ заключить ее въ свои могучія объятія. Целя поблѣднѣла, но энергичнымъ движеніемъ рукъ остановила его.

— Нѣтъ, докторъ,—сказала она,—не забывайтесь! сядьте. Я еще хочу васъ кой о чемъ спросить. Вы говорите, что любите меня. Что-жъ, это большая честь для меня. Очевидно, скажете также, что для меня вы покинули Амалію Шмидтъ, правда?

— Ну, а если-бы такъ?

— Также большая честь и большая жертва для меня, о, большая, — съ какимъ-то нервнымъ ударѐніемъ сказала Целя. — А теперь скажите, чего вы отъ меня за эту честь и за эту жертву ждете?

— Странно вы выражаетесь,—сказалъ докторъ.—Ни за эту честь, ни за жертву, ни за мою любовь я отъ васъ ничего не жду и ждать не могу. Я могу только желать... Чтобъ... Ну, такъ чего желаете? Чтобъ вы хоть немного полюбили меня.

— И на что вамъ моя любовь?

— Ахъ! Какъ вы можете такъ спрашивать! Ваша любовь была бы для меня наибольшимъ сокровищемъ, новой жизнью,— была бы...

Докторъ!—строго прервала его Целя. Не изображайте изъ себя поэта! Это вамъ очень не къ лицу. Сколько разъ вы говорили о себѣ, что вы человѣкъ практичный. Такъ говорите же по-своему, практично.

Докторъ уставился въ Целю, которая стояла предъ нимъ все еще блѣдная, съ стиснутыми зубами и съ выраженіемъ какого-то сосредоточеннаго напряженія и рѣшимости. Онъ быстро окинулъ ее пытливымъ взоромъ, въ которомъ на минуту мелькнуло что-то, какъ-бы злобная насмѣшка и увѣренность въ побѣдѣ, и сказалъ:

— Знаете, вы меня нѣсколько разочаровываете. Я не думалъ, что вы въ *такихъ* вопросахъ такъ практичны.

— А что-жъ вы думали?—отвѣтила Целя, — что поймаете меня на словахъ, которымъ я имѣю основаніе не вѣрить?

— Имѣете основаніе? — удивился докторъ. — Какая-жъ это причина?

— Это ужъ мое дѣло! — отвѣтила Целя. — Когда дойдетъ до меня очередь говорить, такъ я скажу ее, не бойтесь. А теперь говорите вы. Только предупреждаю васъ—говорите искренно!

— Развѣ я до сихъ поръ говорилъ не искренно?—съ миной воплощенной невинности сказалъ докторъ.

— Къ дѣлу, докторъ, къ дѣлу! Чего вамъ отъ меня нужно?

— Если я люблю васъ, то что-же естественнѣе желанія, чтобъ вы... были моею?

— Была вашей! Такъ что же, хотите жениться на мнѣ?

Докторъ поблѣднѣлъ при этомъ вопросѣ. Минуту онъ колебался.

— Что-жъ,—сказалъ онъ,—это было-бы моимъ самымъ горячимъ желаніемъ, наивысшимъ идеаломъ, но тутъ есть кой-какія препятствія, которыя нужно бы раньше устранить. Не думайте, что такимъ препятствіемъ я считаю вашу бѣдность. Это мнѣ все равно. Правда, для начала практики, на устройство пригодились бы кой-какія средства, но это ужъ моя забота, не вамъ объ этомъ печалиться. Важнѣйшее препятствіе...

Докторъ на минуту замялся.

— Что такое?—спросила Целя.

— Ваша служба на почтѣ, вотъ что! — сказалъ докторъ и облегченно вздохнулъ, какъ-будто свалилъ тяжелый камень съ груди.

Целя смотрѣла на него съ нѣмымъ удивленіемъ.

— Да,—уже свободнѣе и даже съ жаромъ говорилъ докторъ.—Ни отецъ мой, ни я не согласимся, чтобъ моя невѣста изъ почтовой конторы шла подъ вѣнецъ. Жена — это для меня нѣчто такое святое, нѣжное, недосягаемое, что я даже мысленно не могу безъ возмущенія видѣть ее тамъ, на публичной выставкѣ, на этомъ рынкѣ, гдѣ безстыдство и грубая сила толкутся въ борьбѣ за кусокъ хлѣба. Представлять васъ среди этой толпы—это для меня такъ больно, такъ унизительно...

Целя стояла блѣдная, холодная, недвижная. Только грудь ея

вздымалась порывисто, свидѣтельствуя о глубокомъ внутреннемъ волненіи.

— Такъ что-жъ мнѣ дѣлать? — спросила она чуть слышно.

— Оставить почту возможно скорѣе, хоть завтра.

— И куда потомъ дѣваться? Вѣдь, тутъ... у васъ... на вашихъ хлѣбахъ, не будучи еще вашей женой, я жить не могу.

— Ну,. на хлѣбахъ! Какія вы слова употребляете! Всякая забота, всякая жертва для того, кого любишь, есть только обязанность. Правда, тутъ вамъ будетъ не по себѣ, но и отсюда есть выходъ. У меня есть старая тетка въ Станиславовѣ,—я отвезу васъ къ ней, — вы пробудете тамъ, пока тутъ все будетъ готово къ свадьбѣ. Ну, что, согласны?

И докторъ съ улыбкой снова простеръ свои руки, чтобъ обнять ее.

— Еще нѣтъ,—холодно сказала Целя. — Теперь моя очередь сказать слово. Я не буду долго говорить. Прошу васъ, докторъ, прочитайте мнѣ громко вотъ это письмо и поясните его содержаніе.

И она подала ему письмо, которое передъ этимъ дала ей Осипова.

Докторъ сорвался съ кресла, какъ обваренный кипяткомъ, бросивъ взглядъ на крупныя каракули да куриныя лапки, которыми нацарапано было его имя на конвертѣ.

— Откуда вы взяли это письмо?—сказалъ онъ рѣзко.

— Не безпокойтесь, докторъ, я его не украла,—холодно отвѣтила Целя.—Осипова нашла его на лѣстницѣ и, думая, что оно мое, подала его мнѣ. Письмо было отдѣльно отъ конверта и, взглянувъ на него, я увидѣла счетъ за стирку, за мойку пола, за чистку сапогъ, а подъ нимъ подпись: „Amalia Schmidt, Ihr altes Stubenmade“. Тогда только я взглянула на конвертъ и увидала, что письмо это адресовано вамъ. Возвращаю вамъ этотъ цѣнный документъ.

Доктору было не по себѣ; наконецъ, съ натянутой улыбкой медленно началъ:

— Ну, а дальше что?

— Ничего,—сказала Целя,—кромѣ развѣ того, что вы честнымъ словомъ увѣрили, что ваша басня съ Амаліей правдива. Значитъ, теперь я знаю, каково ваше честное слово.

— Но это шутка, невинная шутка!

— Такая же невинная, какъ та, которую вы хотѣли сыграть со мной. О, теперь я васъ поняла! Теперь я знаю, чѣмъ вамъ мѣшала моя служба! Знаю, къ какой теткѣ вы хотѣли меня отвезти? Знаю, въ какомъ смыслѣ вы хотѣли меня сдѣлать своей! Боже мой, Боже! — добавила она, разразившись громкимъ плачемъ,—и что я вамъ сдѣлала, что вы такъ насмѣхаетесь надо мной? Зачѣмъ вы, какъ тѣ волки, съ первой минуты только о томъ и помышляете, чтобы сожрать меня, втоптать въ болото, осквернить въ собственныхъ глазахъ!

И заливаясь горячими слезами, она въ безсиліи упала лицомъ на подушку. Тяжелое всхлипываніе потрясало все ея тѣло. Доктора давно уже не было въ комнатѣ, а вмѣсто него старая Осипова, словно мать, склонялась надъ плачущей дѣвушкой.

Целя не скоро успокоилась и долго не могла заснуть. Жизнь показалась ей такой тяжелой, опасной и обманчивой, какъ тому, кто заблудился въ лѣсу, полномъ змѣй, волковъ и ядовитыхъ гадовъ.

На другой день она черезъ Осипову передала Темницкимъ о своемъ уходѣ съ квартиры. А съ полудня, послѣ занятій на почтѣ, поспѣшила къ старой Невирской. Несчастная женщина, которая, казалось, выплакала уже всѣ слезы надъ трупомъ Ольги, приняла Целю, какъ первый лучъ свѣта послѣ темной ночи. Слова Цели, полныя горячей, сердечной любви къ умершей, полныя чистаго, дѣвичьяго сочувствія даже къ ея ошибкѣ и къ ея большому горю, старушка пила, словно оживляющую росу. А когда, наконецъ, Целя разсказала ей свое приключеніе съ докторомъ Темницкимъ, старушка крѣпко-крѣпко обняла ее и, орошая слезами ея молодое лицо, сказала:

— Мое дитятко золотое, бѣдное! Иди ко мнѣ! Займи то мѣсто, которое такъ внезапно освободила злая смерть. Будь моей дочерью! Будемъ любить другъ друга, будемъ помогать одна другой. А тѣхъ, кто выжидаетъ нашей погибели, пусть Богъ судитъ, какъ самъ хочетъ!

Целя цѣловала сморщенныя руки старушки, обливая ихъ слезами.

Львовъ, іюнь 1888 г.

КЪ СВѢТУ!

К Ъ СВѢТУ!

КЪ СВѢТУ!

(Разсказъ арестанта).

I.

Ученые естествоиспытатели говорятъ, что слои воды, лежащіе на днѣ самыхъ большихъ морскихъ глубинъ, представляютъ изъ себя настоящую „мертвую воду“. Громадный столбъ верхнихъ слоевъ, давящій на каждую частицу нижняго, лишаетъ ихъ всякаго движенія, всякой жизни. Свѣтъ солнца сюда не доходитъ, никакія живыя существа тутъ не водятся; нѣтъ здѣсь никакихъ водныхъ теченій; ни бури, ни землетрясенія не отзываются тутъ даже слабымъ отголоскомъ. Единственное движеніе, какое здѣсь можно замѣтить, это вѣчное и безпрестанное паденіе милліоновъ труповъ и скелетовъ живыхъ существъ, которыя когда-то, довольно-таки давно, жили и гуляли тамъ, вверху, красовались на солнцѣ, купались въ теплѣ, качались на могучихъ морскихъ волнахъ. Погибнувъ, они медленно, медленно падаютъ внизъ—особенно крошечные форманиферы, діатомеи и иная, составляющая главную массу морской жизни, мелюзга—медленно трупы ихъ пробираются сквозь все болѣе густыя и богатыя кислородомъ и угольной кислотой слои, разлагаются, словно сгораютъ въ нихъ, и только съ теченіемъ времени, въ видѣ микроскопическихъ клѣтокъ и атомовъ достигаютъ дна и ложатся на этомъ большомъ кладбищѣ, чтобъ когда-нибудь, черезъ тысячи лѣтъ произвести мѣловую скалу.

Тяжело и грустно, должно быть, этимъ нижнимъ слоямъ воды оставаться неподвижными, вѣчно цѣпенѣть на мертвомъ днѣ, въ страшной темнотѣ, подъ неслыханнымъ давленіемъ, среди однихъ труповъ. Тяжело и грустно имъ, особенно если въ нихъ скрыто живетъ та вѣчная неисчезающая сила, безъ которой нѣтъ ни одного атома въ природѣ. Живая, неисчезающая сила внутри, а кругомъ мракъ, страшное давленіе и безконечное кладбище! И если въ этихъ несчастныхъ, осужденныхъ на вѣчную смерть, атомахъ зашевелится когда-нибудь, разъ въ тысячу лѣтъ, слабое подобіе мысли—вы думаете, что это невозможно? вѣдь, и нашъ думающій мозгъ, что-жъ онъ—какъ не соединеніе тѣхъ же атомовъ кислорода, углерода и другихъ элементовъ?—горькая, тяжелая будетъ ихъ мысль-мечта.

— Природа—мать! За что къ намъ такая несправедливость? Неужели мы хуже тѣхъ, которые тамъ вверху гуляютъ надъ нами, качаются и красуются въ чудномъ свѣтѣ? И отчего-бы тебѣ не установить очереди, отчего-бы не пустить насъ хоть на часочекъ туда, вверхъ?

Но природа—мать не знаетъ сантиментальности и не слушаетъ фантазій.

— Стану я съ вами, дураками, возиться!—ворчитъ она.— Чувствуете въ себѣ силу, попытайтесь сами вырваться наверхъ. Недоставало еще, чтобы я васъ подсаживала.

— Попытайтесь сами вырваться...

Вамъ не случалось видѣть подобное въ жизни человѣческой? Охъ, случалось, милые мои, кому не приходилось такое видѣть! И отъ каждаго такого случая щемило ваше сердце и до сихъ поръ щемитъ, когда вы мысленно перенесетесь въ положеніе этихъ бѣдныхъ живыхъ атомовъ человѣческаго общества, осужденныхъ завистливой судьбой на вѣчную тьму, на тупую неподвижность, на безвѣстную смерть. Вѣдь, и всѣ мы развѣ не такой же нижній слой между народами? Развѣ каждое крѣпкое, здоровое движеніе этихъ вольныхъ и счастливыхъ народовъ не отдается болью, напоромъ, толчками въ нашемъ народномъ организмѣ?

А каждый изъ васъ, тотъ, кто, зачастую цѣною страшныхъ усилій и не одного существованія самыхъ близкихъ намъ людей, выбрался изъ того темнаго низшаго слоя на нѣсколько высшую сту-

пень, не почувствуетъ развѣ хоть изрѣдко невольнаго ужаса и боли при одной только мысли о прежнемъ состояніи и о томъ, что, не будь того или иного счастливаго обстоятельства, онъ-бы, можетъ быть, и донынѣ пропадалъ въ немъ, темный, безпомощный, никому не извѣстный, не человѣкъ, а частица массы человѣческой? И не заболитъ развѣ наше сердце при воспоминаніи о тысячахъ и тысячахъ такихъ, которые также, какъ и мы, старались вырваться изъ тьмы, тосковали о свѣтѣ, рвались къ волѣ и теплу — и все напрасно? И не охватитъ-ли насъ дрожь ужаса, когда мы вспомнимъ жизнь и конецъ такихъ, никому неизвѣстныхъ, забытыхъ, подчасъ затоптанныхъ и оплеванныхъ единицъ, когда намъ ясно станетъ, что можетъ быть одно какое-нибудь самое глупое въ мірѣ обстоятельство, слѣпой случай, напоминаніе, шутка, неосторожное слово, пылинка одна столкнула ихъ съ дороги и навѣки отбросила назадъ въ тьму, изъ которой они почти ужъ выбрались на вольную волю?

Такія мысли сверлили мой мозгъ и гнали сонъ отъ моихъ глазъ въ теченіе долгихъ, долгихъ ночей и дней, прожитыхъ мною въ тюрьмѣ. Мои товарищи по несчастью, у которыхъ и у самихъ сверлило и тѣснило внутри, не могли найти для меня слова утѣшенія, — наоборотъ, я видѣлъ, что сами они гораздо больше нуждались въ такомъ цѣлительномъ словѣ. Чтобъ не одурѣть среди этой сутолоки горя, мы разговаривали, разсказывали другъ другу — не про себя, а про другихъ, далекихъ — и все-таки про горе. Одинъ изъ такихъ разсказовъ, который глубже поразилъ меня, предлагаю читателямъ. Тотъ, который разсказалъ его мнѣ, былъ—не говорю про его „занятія“—парень еще молодой, полный силы и отваги, не лишенный искренняго человѣческаго чувства, воспитанный по-городски; онъ окончилъ народную школу, выучился ремеслу, однимъ словомъ, также немало потратилъ силъ и средствъ, чтобъ выкарабкаться наверхъ, выйти въ люди—ну, а вышелъ... Да не объ этомъ рѣчь.

Шестой разъ уже сидѣлъ онъ подъ замкомъ и зналъ всѣ арестантскія дѣла, чуть ли не всю исторію каждой камеры: кто въ ней сидѣлъ, за что, на сколько былъ осужденъ, какъ обходились съ заключенными прежде, какъ теперь, и т. д. Это была настоящая арестантская лѣтопись. Надзиратели считали его непо-

сѣдливымъ буяномъ и давали ему это чувствовать частыми дисциплинарными взысканіями. Но онъ не унимался и воспламенялся точно порохъ, какъ только замѣчалъ, что что-нибудь дѣлается не такъ, какъ должно, что чѣмъ-нибудь обижаютъ заключенныхъ. Особенно частыя столкновенія у него бывали съ часовымъ, который ходитъ подъ окнами тюрьмы и слѣдитъ за тѣмъ, чтобъ заключенные не выглядывали въ окно и не говорили другъ съ другомъ. Сколько разъ грозилъ ему солдатъ, что будетъ стрѣлять, но онъ сидѣлъ спокойно, не говоря ни слова, и только тогда, когда тотъ начиналъ бряцать куркомъ, соскакивалъ съ окна и кричалъ:

— Ну, ну, я, вѣдь, знаю, что ты не смѣешь стрѣлять!

— А почему вы это знаете?—спросилъ я разъ.

— Какъ, почему знаю! Самъ былъ свидѣтелемъ, самъ видѣлъ!

— Что видѣли?

— Э, да это цѣлая исторія, послѣ которой часовымъ запретили стрѣлять. Вотъ лучше я вамъ разскажу, — пусть бѣдный солдатъ не волнуется. Вѣдь, и онъ, бѣдняга, что ему прикажутъ, то и долженъ дѣлать.

II.

— Два года уже прошло съ тѣхъ поръ, — началъ онъ,— какъ разъ теперь два года. Сидѣлъ я тогда вотъ въ этой ямѣ подъ слѣдствіемъ. Двое насъ только въ тюрьмѣ было—я и какой-то господинъ, Журковскимъ назывался. Кто онъ былъ и за что сюда попалъ, я ужъ и не помню.

Вотъ какъ-то разъ вечеромъ, уже послѣ вечерняго обхода— ужъ мы раздѣлись и спать легли — неожиданно слышимъ шаги сторожа и громкій визгъ ключей въ замкахъ. Наконецъ, сторожъ отперъ дверь и, впустивъ въ тюрьму снопъ желтаго свѣта отъ своего фонаря, показалъ намъ въ этомъ свѣтѣ какую-то скорченную, полуголую, тщедушную фигурку. Онъ повернулъ ее впередъ себя и втолкнулъ въ камеру, такъ какъ, она, повидимому, сама не могла достаточно скоро двигаться.

— Вотъ тебѣ тюфякъ и одѣяло,—крикнулъ онъ, бросая эти

вещи фигуркѣ на голову и пригибая ее чуть не до земли. — Ложись да спи! Чашку получишь завтра.

Сказавъ это, сторожъ замкнулъ дверь и ушелъ. Въ камерѣ стало темно, какъ въ погребѣ, и тихо, какъ въ гробу. Только временами слышимъ, словно-бы кто-нибудь мясо на доскѣ рубилъ— это нашъ товарищъ зубами щелкаетъ. Видите, была уже глубокая осень, холодъ такой, что не дай Богъ.

— Кто ты?—спрашиваю я окоченѣвшаго товарища, не вставая съ постели. Я ужъ согрѣлся и не хотѣлось мнѣ вставать, а въ камерѣ было достаточно холодно, потому что окно должно было быть день и ночь для вентиляціи открытымъ.

Товарищъ нашъ молчитъ, только еще сильнѣе зубами стучитъ, и сквозь это щелканіе слышно отрывистое всхлипываніе. Жаль мнѣ стало парня, ибо я ужъ догадался, что это какой-то еще совсѣмъ зеленый „фраеръ“ *). Всталъ я и ощупью постлалъ ему.

— Ну, ну, — говорю, — перестань, не плачь! Раздѣнься и иди спать!

— Не... не... мо... гу,—едва проговорилъ онъ.

— Отчего?

— По... по... тому... что... о... очень прозябъ.

Господи! Я къ нему, а онъ весь окоченѣлъ, ни рукой, ни ногой двинуть не можетъ. Какимъ чудомъ пришелъ онъ въ камеру, не понимаю. Всталъ и Журковскій, поснимали мы съ него лохмотья, раздѣли его совершенно, до-гола, растерли хорошо, завернули въ одѣяло и положили на кровать. Черезъ какихъ-нибудь четверть часа, слышу,—вздыхаетъ, двигается.

— А что, лучше тебѣ?—спрашиваю.

— Лучше.

— Отошли руки, ноги?

— Не совсѣмъ еще, но ужъ лучше.

— А откуда ты?

— Изъ Смерекова.

— Это тебя, вѣрно, жандармъ привелъ.

— Конечно! Гналъ меня сегодня съ утра чуть не голаго и босого по морозу. Десять разъ падалъ я на дорогѣ, потому что

---

*) На воровскомъ жаргонѣ—новичекъ.

не могъ итти. Онъ билъ меня ремнемъ—и я долженъ былъ итти. Только въ корчмѣ въ Збонскахъ мы немного передохнули,—еврей водки мнѣ далъ.

— А какъ же тебя зовутъ?

— Йосько Штернъ.

— А! Такъ ты еврей?

— А какже,—еврей.

— Чортъ тебя возьми! Хоть убей меня, если я по разговору узналъ, что ты еврей,—такъ чисто ты говоришь.

— Что же,—я выросъ въ селѣ, между крестьянами. Я былъ пастухомъ.

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Шестнадцать.

— А за что-жъ тебя въ тюрьму притащили?

— Ой, не знаю! Жандармъ говорилъ, что мой хозяинъ обвиняетъ меня за кражу со взломомъ, но я, ей-богу, ничего не кралъ. Только свои бумаги, ей-богу, только свои бумаги!

И онъ началъ всхлипывать и ревѣть, какъ ребенокъ.

— Ну, ну, перестань, глупый,—говорю,—скажешь это все завтра судьѣ, а меня это совсѣмъ не касается. Спи теперь.

— Ой, а жандармъ говорилъ, что меня за это повѣсятъ!—голосилъ Йосько.

— Да ты спятилъ, глупый!—крикнулъ я.—Вздоръ! Гдѣ-жъ ты слышалъ, что-бъ за такіе пустяки вѣшали?

— А мой хозяинъ говорилъ, что меня запрутъ на десять лѣтъ въ тюрьму.

— Ну, ну, не печалься,—говорю.—Богъ милостивъ, какъ-нибудь обойдется. Спи теперь, а завтра днемъ поговоримъ.

Мы умолкли и я скоро захрапѣлъ. Только и хорошаго у меня въ тюрьмѣ, что я сплю, какъ заяцъ въ капустѣ.

III.

Только на другой день могли мы хорошо разсмотрѣть новичка. Мнѣ даже смѣшно стало, что я могъ вчера не узнать сразу въ немъ еврея. Рыжій, съ пейсами; выгнутый, какъ у стараго

ястреба, носъ; сгорбленная, хоть для своихъ лѣтъ совсѣмъ не тщедушная, фигура порядочнаго роста. При взглядѣ на него, казалось, что на десять шаговъ отъ него слышишь запахъ еврея. А вчера, когда мы въ потьмахъ его растирали и только слышали его рѣчь, совсѣмъ объ этомъ нельзя было догадаться.

Онъ съ испугомъ сталъ озираться по камерѣ, какъ испуганная бѣлка. Вскочилъ, когда мы еще оба съ Журковскимъ лежали, умылся, убралъ свою постель и сѣлъ на ней въ углу, да ужъ ни звука, словно заколдованный.

— А что, ты голоденъ?—спрашиваю его.

Молчитъ, только какъ-то еще больше съежился.

Ѣлъ что-нибудь вчера? – спрашиваетъ панъ.

— Да... вчера... когда жандармъ долженъ былъ увести меня, жена войта дала мнѣ немного борща и кусокъ хлѣба.

— Ага, ну мы это понимаемъ!—усмѣхнулся Журковскій.

Онъ далъ ему позавтракать изрядный кусокъ хлѣба и вчерашнюю котлету. Даже затрясся бѣдняга. Онъ хотѣлъ поблагодарить, но только слезы навернулись на глаза.

И видите, еще одна неожиданность въ этомъ парнишкѣ! Наружность насквозь еврейская, до безобразія; а въ натурѣ его, повидимому, ничего, ни крошки нѣтъ еврейскаго. Тихій, послушный, безъ капли еврейскаго самохвальства, до разговора не охотникъ, но если ему что-нибудь сдѣлать, такъ вскакивалъ съ мѣста, какъ искра. Было что-то естественное, крестьянское во всемъ его поведеніи. Когда нечего было дѣлать—а какая у насъ въ камерѣ работа! — онъ любилъ сидѣть въ уголкѣ молча, скорчившись, охвативъ руками колѣни и опершись подбородкомъ о нихъ,—только глаза его сверкаютъ изъ темнаго угла, какъ у любопытной мышки.

— Ну, скажи-же намъ, что ты за кражу такую страшную совершилъ, что жандармъ за нее даже висѣлицей грозилъ тебѣ?—спросилъ его однажды Журковскій, когда ужъ видно было, что парнишка немного успокоился и освоился.

— Ой!— сказалъ Йосько и затрясся всѣмъ тѣломъ, – долгобы это разсказывать, а слушать нечего. Это очень глупая исторія.

— Ну, ну, разсказывай, послушаемъ. И такъ нечего здѣсь дѣлать болѣе мудраго—такъ можно и глупую исторію послушать.

— Росъ я у Мошка, арендатора въ Смерековѣ, — началъ Йосько.—Сначала я игралъ съ его дѣтьми и звалъ Мошка „тате“ и жену его „маме“. Я думалъ, что они мои родители. Но скоро я обратилъ вниманіе на то, что Мошко своимъ дѣтямъ шьетъ хорошіе кафтанишки, а Мошчиха даетъ имъ по пятницамъ бѣлыя рубашечки, а я ходилъ грязный да оборванный. Когда мнѣ было семь лѣтъ, мнѣ приказали стеречь гусей, чтобъ они не пропадали. Мошчиха не спрашивала: холодно-ли, дождь-ли или жарко,—а гнала меня изъ дому на пастбище, давая при этомъ все меньше и меньше ѣсть. Терпѣлъ я голодъ, не разъ плакалъ на лугу, но все это не помогало. Крестьянскіе мальчики были ко мнѣ добрѣе. Давали мнѣ хлѣба, творогу, допускали къ своимъ играмъ. Привыкъ я къ нимъ, а позже сталъ помогать имъ стеречь гусей. Я былъ для своихъ лѣтъ силенъ и ловокъ—поэтому деревенскія хозяйки сами стали довѣрять мнѣ гусей, а потомъ телятъ, когда ихъ дѣти должны были идти въ школу. За это я получалъ отъ нихъ хлѣбъ, варенную пищу, а иногда въ праздникъ и пару крейцеровъ. Мошчиха была очень скупа—она и рада была, что я дома не просилъ ѣсть. Но когда дѣти Мошка узнали, что я ѣмъ крестьянскую пищу, то прозвали меня трефнякомъ и стали дразнить, а потомъ и сторониться отъ меня. Сначала я не обращалъ на это вниманія, но скоро я почувствовалъ эту непріязнь съ очень оскорбительной стороны.

Мошко нанялъ для своихъ мальчиковъ бельфера, который долженъ былъ учить ихъ читать и писать. Это было зимою—и у меня было свободное время. Когда-же я приблизился къ нимъ, чтобы тоже учиться, мальчики стали кричать, толкать меня, щипать и, наконецъ, съ плачемъ заявили матери, что вмѣстѣ съ трефнякомъ учиться не будутъ. Сама, вижу, Мошчиха подговорила ихъ къ этому, потому что меня эта вѣдьма ненавидѣла, хоть не знаю, за что. И, какъ только дѣти подняли крикъ, она тотчасъ прибѣжала и вытолкала меня изъ комнаты, говоря, что ученье не для меня, что они бѣдны и не имѣютъ возможности держать для меня бельфера. Заплакалъ я, но что-жъ дѣлать? Пойду, бывало, въ село, играю съ крестьянскими дѣтьми или присматриваюсь, какъ старшіе мастерятъ у возовъ, саней или другихъ принадлежностей хозяйства.

Часто мы гурьбою бѣгали къ кузнецу, кузница котораго стояла у села, и тамъ цѣлыми часами приглядывались къ работѣ. А такъ какъ я былъ самый сильный изъ всѣхъ мальчиковъ, то не разъ кузнецъ позволялъ мнѣ или мѣхомъ дуть, или молотомъ ударить, или точило крутить. Какъ я тогда бывалъ счастливъ! Какъ горячо я желалъ знать хоть какое-нибудь ремесло, если ужъ ученіе было не для меня!

Весною я вновь возвращался на лугъ, къ гусямъ и телятамъ, которыхъ Мошко скупалъ въ окрестныхъ селахъ и, подержавъ ихъ у себя немного, возилъ во Львовъ на продажу. Пастбище смерековское было обширное, кое-гдѣ поросшее корчами— негдѣ было бѣгать; поэтому, сяду, бывало, гдѣ нибудь на пригоркѣ, наточу ножикъ и начинаю стругать, долбить, вырѣзывая изъ дерева разныя вещи, — сначала маленькія лѣстнички, плуги да бороны, потомъ—клѣтки, вѣтряныя мельнички. Черезъ годъ я ужъ былъ такимъ мастеромъ, что всѣ мальчики отстали отъ меня. Началъ я фабриковать пугала да скрипучія чучела для острастки воробьевъ отъ пшеницы, проса да конопли и продавалъ пару такихъ чучелъ по десяти крейцеровъ. Скоро я заработалъ столько, что могъ пріобрѣсти кой-какіе столярные инструменты: долота, сверлики и т. д. Я брался за болѣе и болѣе трудныя вещи, такъ какъ имѣлъ къ этому охоту. Что только ни увижу, тотчасъ хочется сдѣлать. Зимою я просиживалъ цѣлые дни, то у столяра, то у кузнеца, помогая имъ и пріучаясь къ ихъ работѣ. Мнѣ ужъ было шестнадцать лѣтъ, а у Мошка и въ мысляхъ не было сдѣлать что-нибудь со мною— сдѣлалъ меня пастухомъ, а дальше ему и нужды нѣтъ. Не зналъ я даже, кто былъ мой отецъ и какого я происхожденія. Въ селѣ знали только, что Мошко привезъ меня откуда-то маленькимъ; ходилъ даже слухъ, что я сынъ какого-то родственника Мошка, который не оставилъ послѣ своей смерти никого, кромѣ меня, что мнѣ должно достаться порядочное состояніе, но что будто бы Мошко все загребъ и присвоилъ себѣ.

— Жалко тебя, Йоська,—говорили мнѣ иногда крестьяне,— такой ты молодецъ и къ ремеслу охотникъ, а что изъ изъ тебя будетъ?

— Что же будетъ, — отвѣчалъ я — будетъ общественный пастухъ.

— Ой, нѣтъ совѣсти у Мошка,—онъ совсѣмъ не заботится о тебѣ.

— Говоритъ, что онъ бѣденъ, что не изъ чего,—говорилъ я.

— Не вѣрь ты старому цыгану! Есть у него деньги и порядочныя, но онъ ихъ прячетъ для своихъ сыновей. А тебя не научитъ даже Богу молиться.

Такія слова меня волновали. Сталъ я самъ о себѣ думать.

— Въ самомъ дѣлѣ, — думалъ я, — чего я тутъ досижусь? Работать на Мошка даромъ всегда успѣю. Если бъ хоть хорошему ремеслу научиться, то былъ бы свой кусокъ хлѣба въ рукахъ. Но какъ тутъ быть? Какъ избавиться отъ Мошка? Куда обратиться, особенно когда я не знаю, откуда я родомъ, кто былъ мой отецъ и есть ли гдѣ мои родственники?

Наша корчма стояла у дороги. Въ нее часто заходили жандармы, ведя иногда скованныхъ арестантовъ въ Львовъ или Жовкву. Сначала я страшно боялся этихъ здоровыхъ, грозныхъ людей въ темномъ одѣяніи съ карабинами на плечахъ и въ шапкахъ съ султанами изъ блестящихъ пѣтушьихъ перьевъ. Съ тревогою и дрожью, съежившись у печи, слушалъ я иногда, какъ они разговаривали съ Мошкомъ или съ сельскими хозяевами. Разговаривали обыкновенно о страшныхъ для меня вещахъ — о пожарахъ, о ворахъ, бродягахъ и въ разговорахъ этихъ очень часто слышалъ я слово „бумаги“. „Если не имѣетъ бумагъ, тотчасъ его задержать“. „Эге, смотрю, а его бумаги не въ порядкѣ“. „Если бъ онъ имѣлъ хоть одну хорошую бумагу, я бъ его отпустилъ“. — Ба, что жъ это за бумаги, — думалъ я не разъ,—что имѣютъ такую силу, что одна бумага можетъ прохожаго спасти отъ жандарма съ карабиномъ и пѣтушьимъ перомъ? Но на этотъ вопросъ я не могъ найти отвѣта,—и тѣмъ сильнѣе пугала меня мысль объ этихъ бумагахъ. Какъ же я могу двинуться куда-нибудь, не имѣя бумагъ? Вѣдь, жандармъ тотчасъ съ перваго же шага меня поймаетъ и поведетъ Богъ знаетъ на какія муки! Я всѣмъ тѣломъ дрожалъ при этой мысли. Чѣмъ чаще думалъ я объ освобожденіи отъ Мошка, тѣмъ чаще эти бумаги вставали у меня предъ глазами. Мнѣ даже снились бумаги, старыя, пожелтѣвшія, съ громадными печатями, смотрѣвшія на меня грознымъ, сморщеннымъ лицомъ или смѣявшіяся

надо мною противными беззубыми губами. Я былъ тогда очень несчастенъ. Всѣ люди, которыхъ я объ этомъ спрашивалъ, подтверждали, что безъ бумагъ въ дорогу нельзя двинуться, что безъ нихъ никто меня въ ученье не приметъ. Но откуда-жъ мнѣ взять эти бумаги? Кузнецъ совѣтовалъ мнѣ спросить о нихъ Мошка—онъ долженъ былъ получить какія-нибудь бумаги послѣ моего отца!

Ба, спросить Мошка!—Если-бъ мнѣ такъ легко было приступить къ Мошкѣ! Раньше, когда я былъ маленькимъ, онъ былъ со мною ласковѣе; когда же я сталъ подрастать, онъ совсѣмъ отдалъ меня на руки своей жены-вѣдьмы и, почти, никогда ни о чемъ со мной не говорилъ. Мнѣ казалось даже, что онъ сторонился меня. Съ тѣхъ поръ, какъ люди сказали мнѣ, что онъ долженъ былъ получить деньги послѣ моего отца, сталъ я присматриваться къ нему внимательнѣе; я сообразилъ, что мое вниманіе его безпокоитъ. Когда мы какъ-то очутились одни, онъ безпокойно вертѣлся, словно бы его что-то грызло.— А что,—соображаю я,—если бы такъ когда-нибудь, когда жены нѣтъ дома, налечь на него, неожиданно,—можетъ быть, можно было бы отъ него хоть что-нибудь узнать? Вотъ я рѣшился при случаѣ такъ сдѣлать.

Случай такой скоро подошелъ. Мошчиха поѣхала въ Жовкву, въ корчмѣ не было никого, только одинъ Мошко — вотъ подошелъ я къ нему да и говорю:

— Ребъ Мойше, люди говорятъ, что у тебя какія-то бумаги послѣ моего отца.

Вздрогнулъ Мошко, словно бы его оса укусила.

— А ты это откуда знаешь?

— Да люди говорятъ.

— Что за люди?

— Да всѣ, во всемъ селѣ.

— Ну, а тебѣ на что эти бумаги? Вѣдь ты даже читать не умѣешь!

— Такъ. А все-таки я хотѣлъ бы знать. Значитъ, есть онѣ у тебя?

— Есть, есть эти чортовы бумаги!—крикнулъ Мошко раздраженный, словно бы я ему не Богъ вѣсть что непріятнаго

сказалъ.—Чортъ былъ твоимъ отцомъ, спустилъ состояніе, а мнѣ тебя на бѣду оставилъ. Что мнѣ отъ тебя за выгода?

— Знаешь что, ребъ Мойше, — говорю я,—отдай мнѣ эти бумаги. Я уйду, если я тебѣ не нуженъ.

— Что?—крикнулъ Мошко,—ты хотѣлъ бы уйти? А куда-жъ ты, дуракъ, пойдешь?

— Я хотѣлъ бы поступить куда-нибудь въ ученье, ремеслу научиться.

Мошко разсмѣялся во все горло.

— Иди, иди, капустная голова, думаешь, что тебя кто-нибудь приметъ? За ученье нужно платить, а къ тому еще нужно умѣть читать и писать и то не по-еврейски, а „по-гоевски“ *).

Я остолбенѣлъ. Наконецъ, я нашелъ въ себѣ силу произнести:

— Такъ покажи хоть мнѣ эти бумаги, я хоть взгляну на нихъ!

— Тьфу!—крикнулъ Мошко,—присталъ ко мнѣ, какъ репейникъ къ тулупу! Ну, иди, покажу тебѣ твои сокровища! Еще счастье твое, что я ихъ до сихъ поръ не сжегъ!

Это послѣднее слово, словно ножъ, поразило мое сердце. А что, если-бъ онъ въ самомъ дѣлѣ сжегъ мои бумаги? Вѣдь, былъ бы я одинъ-одинешенекъ въ мірѣ, какъ листъ, оторванный отъ дерева. Ни самъ бы я не зналъ своего происхожденія, ни меня не зналъ бы никто. Не могъ бы двинуться съ мѣста, былъ бы навѣки прикованъ къ мошковой скамьѣ, былъ бы до смерти невольникомъ. Дрожь меня охватила при этой мысли, какой-то слабый лучъ надежды мелькнулъ предъ глазами. Съ большимъ трудомъ пересилилъ я себя и пошелъ спокойно за Мошкомъ въ чуланъ.

Чуланъ былъ деревянный, пристроенный къ корчмѣ сзади, а входъ въ него былъ изъ сѣней. Въ немъ было только одно маленькое окошко, накрестъ обитое желѣзными полосами. Тамъ Мошко складывалъ всякія вещи, которыя бралъ отъ крестьянъ въ залогъ, и все, что у него было болѣе цѣнное. Чуланъ былъ полонъ тулупами, бараньими шапками, сапогами; въ сундукѣ лежали кораллы, говорили даже, что у него были тамъ на днѣ

*) Гой—не еврей.

старинные дукаты и талеры. Два раза добирались къ этому чулану воры, но ни разу не могли вломиться въ него, потому что онъ былъ крѣпко построенъ, и собакъ Мошко держалъ чуткихъ. Двери чулана были низки и узки, Мошко долженъ былъ согнуться, чтобъ влѣзть внутрь. За нимъ влѣзъ и я.

— А ты тутъ чего?—сердито спросилъ онъ меня.

— Какъ чего, вѣдь, ты велѣлъ мнѣ итти!

— Но не сюда! Подожди въ сѣняхъ!

— Все равно,—говорю,—подожду и тутъ. Вѣдь, я ничего у тебя не съѣмъ.

Мошка вытаращилъ глаза и посмотрѣлъ на меня, словно бы первый разъ въ жизни меня видѣлъ. Не знаю, что ему во мнѣ не понравилось, но онъ плюнулъ и отвернулся. Потомъ онъ взобрался на сундукъ, потянулся къ полкѣ, прибитой подъ самымъ потолкомъ, и досталъ оттуда свертокъ пожелтѣвшихъ бумагъ.

— Вотъ твой хламъ!—проворчалъ онъ, показывая ихъ мнѣ издали.

— Дай, я хоть разсмотрю ихъ,—говорю я и протягиваю руку.

— Ну, что жъ ты, дуракъ, въ нихъ увидишь,—отвѣтилъ Мошко, — и на что тебѣ это? Сиди у меня, если тебѣ здѣсь хорошо, и не ищи себѣ бѣды!

И положилъ бумаги опять на полку.—Пойдемъ отсюда, — говоритъ онъ,—теперь можешь быть спокоенъ. А тому, что люди тебѣ обо мнѣ говорятъ,—знаю я, что у людей языки длинны,— ты не вѣрь Это все ложь!

— Что ложь?—спросилъ я.

— Э, съ тобой говорить—все равно что горохомъ въ стѣнку бросать,—проворчалъ Мошко и чуть не вытолкалъ меня изъ чулана, а потомъ, замкнувъ его на замокъ, задвинулъ колодку и пошелъ въ корчму.

IV.

Йоško на минуту замолчалъ. Журковскій, внимательно слушавшій его разсказъ, улыбнулся и говоритъ:

— Ну, ты говорилъ, что глупая будетъ исторія, а разсказываешь, какъ будто въ книжкѣ читалъ.

— Да,—отвѣтилъ Йоško,—до сихъ поръ исторія не была еще глупой. Но вотъ сейчасъ наступятъ глупости. А что я разсказываю гладко, такъ не удивляйтесь. Въ селѣ научился я сказки разсказывать. Память у меня хорошая,—какъ только разъ услышу какую-нибудь сказку, такъ потомъ передамъ ее еще лучше и интереснѣе, чѣмъ тотъ, отъ кого я ее слышалъ. Въ ту зиму всѣ меня въ селѣ такъ за эти сказки полюбили, что ни однѣ посидѣлки не обходились безъ меня.

— Э, какъ я вижу, ты мастеръ на всѣ руки,—сказалъ Журковскій.

Ой, панъ,—отвѣтилъ, Йоško, вздыхая,—не знаю, почему, но мнѣ кажется, что въ этомъ именно мое несчастье. Когда я чувствую, что у меня есть дѣло, что могу чему-нибудь научиться, то такъ меня что-то внутри жжетъ, такъ меня давитъ и мучитъ, что у меня нѣтъ минуты покоя, пока этого не сдѣлаю, не добьюсь, не научусь. Ничто другое — только это довело меня до тюрьмы.

— Ну, ну, разсказывай!

Но Йоško на этотъ разъ не могъ окончить свой разсказъ, такъ какъ именно въ эту минуту отворилась дверь нашей камеры и Йоška позвали къ допросу.

— Это необыкновенный парень—пробормоталъ Журковскій и сталъ задумавшись ходить по камерѣ.

— А мнѣ кажется, что онъ много вретъ, говорю я. —Научился парнямъ сказки разсказывать, такъ и намъ сказку говоритъ.

— Думаешь, что такъ?

— Ну, а что же, развѣ этого не можетъ быть?

Вѣрно, что можетъ быть, но лицо его говоритъ въ его пользу. Во всякомъ случаѣ, у насъ будетъ время провѣрить его.

Йоško не долго былъ на допросѣ, не больше получаса. Онъ возвратился далеко веселѣе и спокойнѣе, чѣмъ ушелъ.

— Ну, что же,—спрашиваю я его,—не съѣлъ тебя судья?

Судья добрый человѣкъ,—сказалъ Йоško. — Признаться, очень я его сначала боялся. Въ селѣ мнѣ говорили, что на судѣ бьютъ, чтобы заставить признаться, что раскаленнымъ желѣзомъ подошвы жгутъ.

— Ха, ха, ха!—засмѣялся я. Теперь-то я знаю, чего ты по ночамъ такъ вертѣлся да кричалъ и охалъ. Тебѣ, вѣрно, снилось, что тебѣ подошвы жгутъ!

— Ой, не смѣйтесь. Мнѣ подумать страшно объ этихъ снахъ—столько я въ нихъ натерпѣлся. А все напрасно. Судья такой добродушный, онъ говорилъ со мною по-человѣчески, не кричалъ, не злился, не билъ меня, какъ жандармъ.

— А развѣ тебя жандармъ билъ?—спросилъ Журковскій.

— Я думалъ, что онъ душу изъ меня вышибетъ. Посмотрите только на мои плечи!

И Йоська снялъ рубашку. Мы ахнули! Плечи мальчика были покрыты синяками да полосами засохшей крови.

— Ну, а о чемъ тебя судья спрашивалъ?—спросилъ Журковскій.

— Да объ этомъ несчастномъ воровствѣ, какъ оно произошло.

— Ну, и что-же?

— Да что же? Разсказалъ ему все, какъ было, и только. Онъ составилъ протоколъ и велѣлъ меня отвести.

Ну, такъ теперь разскажи и намъ, какъ это было.

— Да какъ было! Вы уже знаете, какое мое житье было у Мошка. Не хотѣлъ я дольше у него оставаться, а кромѣ того, я боялся, что если я ему еще разъ напомню о бумагахъ, такъ онъ возьметъ да сожжетъ ихъ. Вотъ я и надумалъ ихъ выкрасть. Мнѣ легче было добраться до чулана, чѣмъ постороннему вору, потому что и собаки меня знаютъ и самъ я знаю всѣ входы и обычаи въ хатѣ. Сначала я хотѣлъ выкрасть у Мошка ключи; но онъ, видно, пронюхалъ это и всегда носилъ ихъ при себѣ или пряталъ такъ, что я не могъ найти. А меня горячка охватила; моя мысль остановилась на томъ, чтобъ добыть свои бумаги. Тутъ ужъ я ни о чемъ больше не думалъ, какъ только объ этомъ. И чего, наконецъ, мнѣ было долго раздумывать? Однажды ночью, когда всѣ спали, я быстро состругалъ одинъ столбъ чулана выдвинулъ долотомъ доску, влѣзъ въ чуланъ, взялъ свои бумаги, а потомъ опять задвинулъ доску на мѣсто. Да и только.

— Пустяки! проворчалъ панъ.

— А какъ только я взялъ бумаги въ свои руки, то даже не просматривая ихъ, не развязывая шнурка, которымъ онѣ были обвя-

заны, завернулъ ихъ въ тряпку, спряталъ за пазуху и покинулъ корчму Мошка.—Куда теперь идти?—думалъ я. Еще меня не совсѣмъ страхъ покинулъ. А вдругъ меня Мошко надулъ, показавъ какія-нибудь глупыя бумаги вмѣсто моихъ! А вдругъ въ потьмахъ я взялъ какой-нибудь другой свертокъ! Необходимо было съ кѣмъ-нибудь посовѣтоваться, что дѣлать въ этомъ случаѣ. Переночевавъ поэтому въ первомъ лучшемъ стогѣ сѣна, пошелъ я на другой день къ знакомому кузнецу и разсказалъ ему все. Онъ первый окатилъ меня ушатомъ холодной воды.

— Худо, парень, ты поступилъ,—говоритъ онъ. Иди сейчасъ къ войту, разскажи ему все и оставь у него бумаги.

Сердце во мнѣ замерло отъ этихъ словъ. Но чтожъ было дѣлать! Вижу, что совѣтъ разумный, иду. Прихожу къ войту и во дворѣ уже вижу сквозь окно, что около стола на скамьѣ сидитъ жандармъ. Сразу что-то какъ бы шепнуло мнѣ, что это смерть моя. Оцѣпенѣлъ я и не могъ шагу сдѣлать дальше. Въ моей головѣ блеснула мысль убѣжать,—но было уже поздно: войтъ меня увидалъ и радостно крикнулъ:

— Вотъ и онъ самъ! Про волка рѣчь, а онъ навстрѣчу. Ну, иди же, иди ближе!

Вижу, что уже все обнаружилось, что ужъ ищутъ меня,—поэтому, собравъ всю свою смѣлость, иду я въ хату.

— Какъ тебя зовутъ?—спрашиваетъ меня жандармъ.

— Йоськo Штернъ.

— Откуда родомъ?

— Не знаю.

— Ага, значитъ, бродяга.

Окаменѣлъ я на мѣстѣ. Не разъ я слышалъ это страшное слово, слышалъ много страшныхъ исторій о томъ, какъ поступаютъ жандармы съ бродягами, и всегда больше всего это боялся. А тутъ вотъ тебѣ, съ первой минуты и самъ попалъ въ то же положеніе.

— Но, вѣдь, я здѣшній,—простоналъ я, господинъ войтъ меня знаетъ.

— Я? тебя?—говоритъ мой войтъ,—врешь, мой милый! Знаю тебя въ лицо, знаю, что зовутъ тебя Йоськой, что ты служишь у Мошка-арендатора, но кто ты такой и откуда взялся, этого я не знаю.

— Ага, значитъ, вретъ прямо въ глаза!—крикнулъ жандармъ и что-то отмѣтилъ въ книжечкѣ.—Иди сюда,—продолжалъ онъ ко мнѣ.—Ближе! Смотри мнѣ въ глаза!

И въ ту минуту, какъ я поднялъ на него глаза, онъ своимъ тяжелымъ кулакомъ такъ ударилъ меня по лицу, что я сразу упалъ на землю и облился кровью.

— Встань сейчасъ!—крикнулъ на меня жандармъ,—и не смѣй мнѣ кричать, а то тебѣ еще больше достанется! А теперь отвѣчай мнѣ правду на мои вопросы. Ты служишь у Мошка?

— Да.

— Ты обокралъ его?

— Нѣтъ.

— Какъ—нѣтъ?

Вновь я оглядѣлъ жандарма, вытирая рукавомъ кровь на лицѣ, и вновь здоровенный его ударъ повалилъ меня на землю.

— Господинъ жандармъ,—сказалъ на это войтъ, пока я дѣлалъ усилія встать,—я, какъ начальникъ общества, не могу смотрѣть на такое угощеніе арестанта. Я только долженъ быть при составленіи протокола, а то, что дѣлается предъ протоколомъ, меня не касается. Если хотите учить его, что говорить, то выберите себѣ иное мѣсто. У меня этого нельзя.

Жандармъ прикусилъ губы, а затѣмъ, не говоря ни слова, всталъ со скамьи, досталъ изъ своего мѣшка цѣпи, заковалъ меня и повелъ въ корчму къ Мошкѣ. Что тамъ со мною дѣлали, какъ меня учили говорить, разсказывать не стану. Я два раза падалъ безъ чувствъ отъ этой науки. И не напрасна была ихъ злость. Я принесъ имъ большія убытки. Мошко въ первую же минуту сказалъ жандарму, что я укралъ у него большія деньги, завернутыя въ бумагу. Онъ думалъ, что когда жандармъ поймаетъ меня и приведетъ въ корчму, то онъ тотчасъ отыметъ отъ меня бумаги и сожжетъ—и я навѣки останусь его невольникомъ. Какъ только я пришелъ въ корчму, тотчасъ первый вопросъ былъ:

— Гдѣ деньги?

— Не знаю. Никакихъ денегъ я не бралъ.

— А гдѣ бумаги?

— Спряталъ.

— Гдѣ спряталъ?

— Не скажу.

Стали меня убѣждать, сначала битьемъ, потомъ добромъ, а я все только одно повторяю: бумаги я взялъ, потому что онѣ мои. Я не посмотрѣлъ даже, что въ нихъ. Я ихъ спряталъ и не покажу никому, только войту.

Мошко чуть не спятилъ. Со злости онъ велѣлъ съ меня стащить сапоги и платье, которое было на мнѣ, а одѣть меня въ эти лохмотья. Наконецъ, побитаго и чуть не голаго, повели меня къ войту. Опять меня тамъ стали спрашивать о бумагахъ. Но я не дуракъ—когда я увидалъ, что въ хатѣ много свидѣтелей, пошелъ я въ сѣни и вытянулъ бумаги изъ трещины. Сѣни у войта были темныя и большія. Идя въ хату и увидѣвши тамъ жандарма, я ткнулъ свой свертокъ въ трещину, чтобы его у меня не отобрали. Когда Мошко увидалъ свертокъ въ рукахъ жандарма, онъ кинулся къ нему, какъ воронъ, крича, что это его деньги, чтобъ ему отдали ихъ.

Го, го, Мошко,—отвѣтилъ войтъ,—такъ нельзя. Мы все это представимъ суду. Составимъ тутъ протоколъ, а если парень сознается, что укралъ у васъ этотъ свертокъ, то дальше—дѣло суда дѣлать съ нимъ, что нужно. Запечатаемъ все, какъ есть, общественной печатью, и господинъ жандармъ представитъ это вмѣстѣ съ арестантомъ въ Львовъ. А вы ужъ въ судѣ будете себѣ правды искать.

Мой Мошко сдѣлалъ такую мину, словно-бы выпилъ кварту своей водки. Но никто на это не обратилъ вниманія. Жандармъ засѣлъ за протоколъ. А когда все было написано, жена войта дала мнѣ немного поѣсть, жандармъ снова меня заковалъ—и мы двинулись въ дорогу въ Львовъ. Я думалъ, что погибну въ дорогѣ отъ боли и отъ мороза, и до сихъ поръ не знаю, какъ я выдержалъ. Ой, какъ вы думаете, что со мною будетъ?

Ничего не будетъ?—отвѣтилъ Журковскій.—Посидишь немного да выйдешь на волю. А кто знаетъ даже, не принесетъ ли эта вся исторія добра тебѣ.

— Какъ это?

— Ну, увидимъ. Никогда человѣкъ не знаетъ заранѣе, что его ждетъ.

V.

Приблизительно въ два или три часа зовутъ Йоська, но не на допросъ, а къ доктору. Что это значитъ? думаю я про себя: вѣдь, онъ не объявлялъ себя „больнымъ“!

— Самъ не объявлялъ,— говоритъ мнѣ Журковскій, — и если-бъ даже объявилъ, то это ни на что-бы ему не пригодилось. Но я объявилъ о немъ. Я былъ въ воскресенье у президента и просилъ, чтобъ онъ велѣлъ осмотрѣть его. Вѣдь, страшное дѣло, что тутъ творится! Такъ дальше продолжаться не можетъ.

И въ самомъ дѣлѣ докторъ велѣлъ Йоськѣ раздѣться и составилъ о немъ протоколъ. Вышло-ли изъ этого что-нибудь—не знаю. Въ нашихъ судахъ такія дѣла очень тихо идутъ и не всякій такъ счастливъ, что можетъ дождаться ихъ окончанія.

Между тѣмъ Журковскій какъ-то говоритъ Йоськѣ:

— Йоська хочешь, чтобъ я научилъ тебя читать?

Йосько вытаращилъ глаза.

— Ну, чего ты такъ смотришь? Если у тебя только есть охота, такъ въ два дня будешь читать. А какъ увижу, что въ самомъ дѣлѣ не врешь и у тебя хорошая память, то ужъ устрою, что тебя примутъ въ ремесленную школу, гдѣ научишься, какому захочешь, ремеслу.

— Ой! — крикнулъ Йосько и, заливаясь слезами, бросился къ нему въ ноги. Больше онъ ничего не могъ сказать, только цѣловалъ его руки.

На другой день принесли Журковскому букварь и онъ сталъ учить Йоська читать. За два дня умѣлъ уже узнавать и складывать буквы, а за недѣлю почти плавно читалъ короткія статьи. Съ восторгомъ онъ ухватился за это, онъ читалъ-бы, вѣроятно, день и ночь, только у насъ ночью огня не было. Онъ едва на минуту могъ оторваться отъ книжки для ѣды.

А когда наступали сумерки и читать ужъ нельзя было, Йосько садился на своемъ сѣнникѣ, подворачивалъ подъ себя ноги и обнималъ ихъ руками, и, сидя такъ, съежившись, начиналъ разсказывать сказки. Онъ сочинялъ ихъ безъ конца — и

хоть, видимо, повторялъ все одни и тѣ же чудеса и случаи онъ все-таки всегда умѣлъ ихъ комбинировать иначе и разсказать на другой ладъ. А временами прямо видно было, что онъ въ сказкѣ рисовалъ предъ нами свои собственныя грезы. Онъ разсказывалъ про бѣднаго парня, что въ тяжелой бѣдѣ встрѣчаетъ благодѣтельнаго чародѣя, перенимаетъ отъ него волшебныя слова и заклинанія и идетъ въ свѣтъ добывать себѣ счастье и помогать другимъ. Сильно и вмѣстѣ съ тѣмъ просто рисовалъ онъ его муки и бѣды, встрѣчи съ жандармами, неволю у арендатора, часто забавно мѣшая то, про что сказки говорятъ, съ тѣмъ, что онъ самъ испыталъ.

Я никогда еще не видалъ мальчика, который-бы такъ горячо ухватился за книжку, какъ Йоська. Видно было, что за эти недѣли онъ хотѣлъ наверстать то, что потерялъ за десять съ лишнимъ лѣтъ. Его больше всего огорчало то, что осенніе дни такъ коротки, и въ камерѣ такъ скоро темнѣетъ. Одно наше оконце, обращенное къ западу и находящееся чуть не у потолка, скупо пропускало свѣтъ даже въ полдень; въ четыре часа читать уже нельзя было. Йоська былъ-бы радъ удлиннить день вдвое. Наконецъ, онъ обрадованный, воскликнулъ:

— Есть. Буду читать у окна. Тамъ свѣтлѣетъ раньше и видно дольше, чѣмъ въ камерѣ.

— Неудобно тебѣ будетъ читать, стоя на лѣсахъ,—говорю я ему.—Наконецъ это для тебя высоко.

— Буду сидѣть такъ высоко, какъ мнѣ захочется, — говоритъ онъ.

— Какъ же ты это сдѣлаешь?

— Привяжу одѣяло двумя концами къ рѣшеткѣ, въ углубленіе положу свитый въ трубу тюфякъ и сяду на нее, какъ на сѣдло.

И въ самомъ дѣлѣ выдумка была очень практичная — и съ тѣхъ поръ всѣ въ тюрьмѣ такъ дѣлаютъ. Нѣсколько дней Йоська просто любовался окномъ. Онъ вставалъ въ шестомъ часу, какъ только немного разсвѣтало, дѣлалъ свою постройку и, взобравшись на нее, слѣпилъ глаза надъ книжкой, прижавшись лбомъ къ самой рѣшеткѣ, чтобъ только какъ нибудь побольше этого божьяго свѣта захватить. Мы съ Журковскимъ оба по очереди

сторожили возлѣ дверей, не идетъ-ли сторожъ къ дверямъ, и во время предупреждали Йосько, чтобъ слѣзалъ и снималъ свое приспособленіе, потому что сидѣть у окна заключеннымъ строго запрещалось. И удавалось намъ всегда счастливо избѣгнуть бѣды можетъ быть потому, что сторожъ питалъ какое-то уваженіе къ Журковскому и не такъ строго слѣдилъ за нашей камерой.

Да на грѣхъ бѣда пришла съ другой стороны.

Кромѣ стражи, въ корридорѣ есть еще одна: подъ окнами тюрьмы ходитъ часовой съ ружьемъ. Ему строго приказано слѣдить, чтобъ заключенные не смотрѣли въ окна, и особенно, чтобъ между собою черезъ окна не разговаривали. Военное правило позволяетъ ему въ случаѣ сопротивленія употреблять даже оружіе. Правда, до сихъ поръ такого случая не было. Нужно было что-нибудь очень выдающееся, чтобъ часовой, сойдя съ своего поста, доложилъ дежурному коменданту, что изъ этого или другого окна говорили или смотрѣли. Старшіе солдаты ужъ привыкли понимать, что приказаніе—дѣло одно, а исполненіе—другое и обыкновенно не очень строго держались предписанія. Многіе изъ нихъ спокойно относились къ разговорамъ, плевали, какъ говорится, на все; другіе напоминали или просили заключенныхъ успокоиться. Но хуже было, когда на караулѣ случался рекрутъ, который боится капрала пуще огня. Рекрутъ обыкновенно понималъ всякое распоряженіе буквально. Какъ сказали ему „строго слѣдить“, онъ и толковалъ это такъ, что всякаго заключеннаго, который покажетъ голову въ окнѣ, нужно обругать площадными словами, доложить капралу или даже взяться за ружье. Такимъ „клапачамъ“ *) заключенные мстили тѣмъ, что во время ихъ карауловъ, особенно вечеромъ, подымали страшный крикъ въ окнахъ, такъ что бѣдный рекрутъ иногда чуть съума не сходилъ и на всякій крикъ изъ окна считалъ своей святой обязанностью отвѣтить, по крайней мѣрѣ, такимъ же громкимъ и сердитымъ крикомъ. Но такъ какъ заключенныхъ бываетъ больше десятка, а онъ одинъ, то послѣ нѣсколькихъ минутъ адскаго крика, онъ обыкновенно долженъ былъ замолчать и, не зная, какъ быть, хватался за ружье. Разумѣется, въ эту минуту окна противъ него

*) На воровскомъ жаргонѣ—названіе солдата.

совсѣмъ пустѣли, зато гвалтъ поднимался въ другомъ концѣ длиннаго тюремнаго зданія, и часовой, какъ травленный звѣрь, бѣжалъ туда и опять грозилъ выстрѣломъ—конечно, съ тѣми же результатами.

Такіе крики подымались обыкновенно вечеромъ, но иногда и днемъ. На бѣду Йоська однажды отъ трехъ до пяти часовъ стоялъ на часахъ именно такой несчастный рекрутъ. Сначала онъ какому-то арестанту, смотрѣвшему въ окно, сказалъ грубость. Дали знакъ устроить „клапачу“—„кошачій концертъ“. На разныхъ концахъ тюремнаго зданія, изъ десятка съ лишнимъ оконъ разныхъ этажей сразу посыпались крики, визги, свистъ и рѣзкое мяуканье. Рекрутъ также кричалъ, бѣгалъ подъ всѣми окнами, но нигдѣ не могъ увидѣть никого. Доведенный до бѣшенства, онъ, наконецъ, замолчалъ и сталъ на одномъ мѣстѣ, чтобъ отдохнуть. Минуты черезъ двѣ умолкъ и „кошачій концертъ“. Можно было думать, что наступило полное спокойствіе. Въ камерѣ уже смеркалось,—Йоська устроилъ свою постройку и съ книжкой въ рукахъ такъ и припалъ къ окну. Но едва онъ прочиталъ себѣ подъ носъ пару словъ, какъ часовой замѣтивъ его, подскочилъ и сталъ противъ окна.

— Маршъ, воришка отъ окна! — крикнулъ онъ на Йоська.

Йоська сначала даже не слышалъ крика,—такъ сильно онъ былъ занятъ исторіей о цаплѣ и рыбѣ, которую читалъ.

— Маршъ отъ окна!—еще громче крикнулъ часовой.

— Да что тебѣ отъ меня надо?—отвѣтилъ Йоська.—Вѣдь, я тебѣ не мѣшаю. Видишь, вѣдь, что читаю. Въ камерѣ ужъ не видно, такъ я пробрался не много къ свѣту.

— Иди вонъ, или буду стрѣлять, рявкнулъ часовой—и прежде, нежели Йоська успѣлъ слѣзть съ своего приспособленія, раздался ружейный выстрѣлъ.

— Ой, крикнулъ Йоська и, какъ снопъ, повалился со своей постройки на постель, стоявшую подъ окномъ. Ноги его судорожно двигались, а руки, въ которыхъ онъ держалъ книжку, были прижаты къ груди. Изъ-подъ книжки струилась кровь. Пуля попала прямо въ грудь.

— Что съ тобой? Куда попало?—вскрикнули мы оба, бросаясь къ Йоськѣ. Но онъ ничего не отвѣчалъ, только черные глаза

его блестѣли, какъ два горящіе угля, страшно выдѣляясь на блѣдномъ, какъ у трупа, лицѣ.

Во дворѣ подъ нашимъ окномъ и на корридорѣ около нашихъ дверей одновременно поднялся шумъ. Военная стража выбѣжала на выстрѣлъ, сторожъ ругаясь искалъ камеру, въ которую стрѣляли. Явились къ намъ.

— Ага, это здѣсь!—крикнули они, видя лежащаго Йоська.— А что воришка, досталось тебѣ на орѣхи?

Йоську еще бился и тихо стоналъ, обѣими руками прижимая книжку къ груди, какъ будто хотѣлъ зажать ею смертельную рану.

— Что онъ сдѣлалъ?—спросилъ меня сторожъ.

— Да... я... только... къ свѣту...

Йоська еще что-то хотѣлъ сказать, но у него прекратилось дыханіе. Послѣднимъ движеніемъ онъ оторвалъ руки отъ груди и показалъ сторожу окровавленный букварь.

— Онъ читалъ у окна,—объяснилъ я сторожу.

— Въ эту минуту пришелъ изъ суда курьеръ съ бумагой, ища сторожа.

— Сторожъ—сказалъ онъ изъ корридора,—гдѣ тутъ сидитъ Йосько Штернъ? Со мной распоряженіе изъ суда выпустить его на свободу.

Но Йосько уже минуту назадъ сталъ свободнымъ.

Львовъ, сентябрь 1889 г.

СРЕДИ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ.

СРЕДИ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Среди добрыхъ людей.

Разсказъ.

I.

Чего вы такъ смотрите на мои руки? Перестаньте! Некрасивы онѣ и съ мозолями вдобавокъ. Мужчины такихъ рукъ у дѣвушекъ не любятъ. Вы не думайте, что я на легкомъ хлѣбѣ выросла, съ легкимъ сердцемъ на легкій хлѣбъ пустилась. Э, да чортъ съ нимъ, съ сердцемъ! Не хочу о немъ говорить—и не спрашивайте! И вспоминать не хочу.

А про прежнюю жизнь что вамъ разсказать? Это такая неинтересная и обыкновенная исторія, какихъ тысячи бываютъ.

Мой отецъ былъ управляющимъ у одного помѣщика на Подолѣ. Хорошо ему жилось. Мать свою я плохо помню; помню только, какъ она меня баловала и цѣловала и называла румянымъ яблочкомъ. Вѣрно, не думала она и не снилось ей никогда, куда ея яблочко покатится.

Отдали меня въ школу въ Тернополѣ. Не долго я тамъ училась. Я была очень красива, мать меня очень любила, и уговорила отца взять меня изъ школы черезъ три года.

— На что нашей Ромцѣ школа,—говорила она,—зачѣмъ ей мозги забивать? Съ ея красотой ей не придется долго засижи-

ваться дома. Ее скоро возьмутъ отъ меня, — такъ хоть нагляжусь, какъ она, моя голубка, растетъ да красотой наливается.

Вернулась я домой, и была рада этому. Въ деревнѣ такъ хорошо. У помѣщика были дѣвочки, мы вмѣстѣ играли, учились на фортепіано, гуляли въ громадномъ дворовомъ саду, мой отецъ каталъ насъ на лодкѣ по пруду.

Не долго продолжалась радость. Мать умерла отъ воспаленія легкихъ, отецъ очень затосковалъ, началъ пить и плакать по ночамъ, а потомъ я однажды утромъ нашла его въ постели мертвымъ, съ перерѣзаннымъ горломъ, въ лужѣ крови. Я дрожала при видѣ его, плакала и убивалась, не будучи въ состояніи понять, что съ нимъ случилось. Говорили сначала, что онъ убилъ себя отъ тоски по матери, но я этому не вѣрила. Мнѣ ужъ было двѣнадцать лѣтъ и я знала, что онъ матери не любилъ, что въ своей спальнѣ они часто ссорились, что мать украдкой плакала и все повторяла:

— Ну, что этотъ негодяй дѣлаетъ! Что онъ дѣлаетъ! Онъ меня въ гробъ вгонитъ! Собственнаго ребенка зарѣжетъ.

Я тогда этого не понимала, и потомъ не могла додуматься, что это означало. Я только смутно догадывалась, что это, вѣроятно, и было причиной смерти матери. Я мучилась въ мысляхъ о томъ, что это могло означать, но не могла ни до чего додуматься. Отецъ былъ такъ добръ ко мнѣ, онъ любилъ меня, красиво одѣвалъ, покупалъ все, что я хотѣла, что страшныя слова: „собственнаго ребенка зарѣжетъ“ не могли вмѣститься въ моей головѣ, казались какой-то дикой клеветой.

Только по смерти отца мнѣ сразу все открылось.

Еще не успѣли обмыть и одѣть покойника, какъ къ намъ вошелъ помѣщикъ, управляющій и еще нѣсколько служащихъ вмѣстѣ съ комиссаромъ отъ староства и жандармами. Начали открывать всѣ ящики комода, перетряхивать въ квартирѣ всѣ мѣста, гдѣ можно было что-нибудь спрятать. Что тамъ нашли, — не знаю, потому что я все время стояла возлѣ трупа да прижималась къ нему, какъ будто ища у него защиты — и не плакала, а только дрожала и всхлипывала, какъ кругомъ шептали: — воръ, воръ, обкрадывалъ помѣщичью кассу, держалъ любовницу въ селѣ!

Я и не прислушивалась ко всему. Я такъ любила отца!...

Помѣщикъ еще разъ приходилъ, когда трупъ лежалъ уже одѣтый, но онъ и не взглянулъ на него, а только подозвалъ меня, взялъ за подбородокъ, посмотрѣлъ на мое заплаканное лицо, погладилъ по головѣ, далъ дукатъ, а послѣ похоронъ велѣлъ упаковать мои вещи, посадить меня съ ними на подводу и отвезти въ Тернополь къ дядькѣ, брату покойной мамы. Все, что осталось въ домѣ, помѣщикъ удержалъ для себя, какъ вознагражденіе за то, что отецъ его обокралъ.

II.

Дядюшка былъ бѣднымъ чиновникомъ въ городской управѣ и имѣлъ пять дочерей — самой старшей ужъ было 28 лѣтъ, а младшей 15. Всѣ на возрастѣ, всѣ замужъ хотятъ, а тутъ никто рѣшительно не навертывался. Бѣдныя были дѣвушки.—Неумныя, необразованныя, безъ состоянія, безъ знанія какого бы то ни было рукодѣлія, кромѣ пресловутаго умѣнья шить, да безъ красоты еще,—какія-то косоглазыя, съ толстыми губами, низенькія, какъ обезьяны. А претензіи были—все-жъ таки онѣ дѣти чиновника, а мать ихъ была дворянка — изъ хорошей семьи. Подружиться съ простой работницей—это онѣ считали бы страшнымъ униженіемъ. Принести воды изъ колодца или изъ ближайшей лавки хлѣбъ—гдѣ тамъ, Боже сохрани! Пять такихъ дѣвушекъ, а еще и служанку держали! Къ тому же въ домѣ бѣдность — заработокъ отца малъ.

Ну, да что я вамъ буду разсказывать, какая жизнь была въ этомъ домѣ. Переносила я ее цѣлыхъ четыре года и знаете... Можетъ быть, то, что я теперь дѣлаю, и большой грѣхъ, но я думаю, что за тотъ адъ, который я перенесла тамъ у дядюшки въ тѣ годы, мнѣ всѣ мои грѣхи простятся. Я отбыла свое наказаніе еще до грѣха.

Какъ только я вошла въ домъ, я тотчасъ почувствовала, что для меня начинается новая жизнь. Мои двоюродныя сестры обступили меня, душатъ въ объятіяхъ, цѣлуютъ, гладятъ подбородокъ: „Ромця! Ромця! Ай-ай, какъ она выросла, какая хорошенькая“! Оглядываютъ меня со всѣхъ сторонъ, какъ какого-

нибудь звѣрька. И Боже сохрани, какъ угощали, нѣсколько дней гулять водили, къ знакомымъ и такъ по городу. Они обращались со мной нѣжно, ласково. „Ромця, подай то!“ „Ромця, принеси это!“

Увидавъ, какъ ужасно пуста ихъ жизнь,—вѣчные разговоры о молодыхъ людяхъ, которые не хотѣли приходить, о платьяхъ и какъ та одѣта, какъ эта,—я черезъ нѣсколько дней почувствовала къ нимъ какое-то отвращеніе. Тѣхъ людей, о которыхъ онѣ разговаривали, я не знала, а дома еще при матери, и потомъ послѣ ея смерти, я привыкла къ работѣ, вела все отцовское хозяйство. Поэтому и тутъ я рвалась работать. А имъ только этого и нужно было. Сначала уволили служанку—и я, наполовину добровольно, наполовину по ихъ просьбѣ, какъ-то незамѣтно заняла ея мѣсто.

— На что намъ служанка? Правда, Ромця? Мы и сами управимся. Колодезь близокъ, погребъ тоже, ну, а около кухни да стирки намъ также не впервые!

Я согласилась, потому что это была правда, и только немного удивлялась, что онѣ меня за каждымъ словомъ такъ цѣлуютъ и обнимаютъ, какъ если бъ я каждой изъ нихъ подарила по дукату.

— Правда, Ромуя, мы все будемъ вмѣстѣ дѣлать, будемъ другъ другу помогать, какъ сестры. Ты вѣдь наша сестричка, правда?...

И вышло такъ, что я сдѣлалась у нихъ служанкой... Я была еще слабенькая, подростокъ, но я не считалась съ своей силой, таскала воду, еженедѣльно стирала имъ бѣлье, чистила сапоги дядѣ и барышнямъ, стряпала. Казалось, что и онѣ мнѣ будто помогаютъ, но такова-то была ихъ помощь! Когда бѣлье выстирано и высушено, они его выгладятъ. Если нужно было идти утромъ на базаръ въ городъ, пойдутъ со мной: я несу корзину съ покупками (часто приходилось нести на плечахъ), а моя спутница платитъ и улыбается. „Ромця, сдѣлай это“! „Ромця, сдѣлай то“! „Ромця, сбѣгай туда“! „Снеси письмо на почту“! „Купи отцу табаку“. Такъ съ утра до глубокой ночи. И все нѣжно, ласково. Правда, когда мы ходили по рынку, то я должна была держаться сзади, какъ служанка. Наконецъ, появился и нѣсколько иной тонъ.

— Ромка, какъ ты медленно ходишь!

— Ромка, какъ ты долго сидишь у колодца! А тутъ посуда немытая!

— Ромка, какъ ты долго чешешься! Что это ты такъ долго копаешься, а наши платья лежатъ не вычищенными!

А у меня волосы были густые, роскошные и надъ ними въ самомъ дѣлѣ нужно было поработать ежедневно, чтобы привести ихъ въ порядокъ. Вижу, что некогда мнѣ возиться съ моими пышными косами, я срѣзала ихъ. Какъ этому рады были мои нѣжныя сестры, такъ и передать вамъ не могу.

— Ай, Ромуя! Какая жъ она славная! Что за милый мальчикъ! Ей-богу, мальчикъ!

И опять поцѣлуи, поглаживанія подбородка, объятія... Я знаю, что это отъ добраго сердца, но мнѣ это надоѣло. Да что дѣлать — некуда было обратиться, — чувствую себя здоровой, вижу, что и онѣ мною довольны и ежедневно подсчитываютъ, сколько онѣ выгадываютъ теперь на сокращеніи расходовъ и на платѣ служанкѣ (мнѣ вѣдь ничего не платили), и на пищѣ и на дровахъ. Видите, служанка одна ходила на базаръ и, когда она ушла отъ насъ и барышни стали со мною ходить, то оказалось, что та ежедневно обкрадывала ихъ на какихъ-нибудь 20 или 30 кр. да еще и худшіе припасы покупала. Ну, и стряпая, когда барышни не заглядывали въ кухню, сжигала далеко больше дровъ, расходовала больше матеріалу, чѣмъ я. А мнѣ шить ничего не нужно было — у меня до сихъ поръ былъ свой гардеробъ послѣ матери, были и кой-какія деньги за проданный отцовскій гардеробъ, который я, уѣзжая отъ помѣщика, упаковала вмѣстѣ съ своимъ. Тѣ деньги я берегла про черный день, не показывала ихъ дома и не говорила о нихъ барышнямъ, полагая, что не нужно вводить ихъ во искушеніе, а себя въ непріятность.

Я чрезвычайно полюбила дядюшку. Онъ былъ очень добрый человѣкъ, уже сѣдой сгорбленный и такой тихій, что его никогда дома не было слышно. Вернется изъ канцеляріи — только подали бы ему обѣдъ, и никогда, бывало, онъ не скажетъ: это худо изготовлено, этого не люблю, или мнѣ того или другого!.. Нѣтъ никакого неудовольствія. Ѣстъ, да еще и дочерей успокаиваетъ, чтобъ не

капризничали, а благодарили Бога и за то, что есть. А затѣмъ, зима-ли, лѣто, сядетъ себѣ на креслѣ, закуритъ трубку и читаетъ газету, пока не задремлетъ. Дочки въ сосѣдней комнатѣ скачутъ, шумятъ, заливаются, хохочутъ, а потомъ соберутся и цѣлою гурьбою идутъ гулять, а ему это все равно. Совсѣмъ какъ мельникъ, привыкшій къ грохоту вальцевой мельницы.

Часто, когда дочери уйдутъ, а я только одна останусь и верчусь въ кухнѣ или убираю комнаты, онъ, бывало, станетъ, долго смотритъ на мою работу и жалѣетъ меня:

— Бѣдная Ромця, дитя мое золотое! Чѣмъ я тебѣ отплачу за твое стараніе, за твой неусыпный трудъ?

— Я молчу, только глаза на него уставлю — дурой выгляжу, — да и что я могла ему сказать?

А онъ подойдетъ, поцѣлуетъ меня въ лобъ, а у самого слезы на глазахъ.

— Ожилъ я при тебѣ, дитя мое!—говоритъ онъ.—И тѣломъ и душей ожилъ. Прежняя служанка насъ обкрадывала, кормила всякой дрянью. Дочери съ нею ежедневно ссорились, но ни одна и пальцемъ не шевельнула, чтобъ помѣшать ей. А при тебѣ и имъ все-же какъ-то стыдно бываетъ,—хоть что-нибудь иногда дѣлаютъ. Господи, и что съ ними будетъ, на что онѣ надѣются!

Видно было, что его очень заботила мысль о дочеряхъ, но у него не хватало рѣшимости сказать имъ что-нибудь въ глаза. Только предо мной онъ изливалъ свою душу, потому что зналъ, что я все выслушаю и ничего дочерямъ не скажу.

— Богъ тебѣ отплатитъ, дитя мое,—повторялъ онъ послѣ каждаго такого разговора.—Богъ тебѣ отплатитъ за твое доброе сердце, потому что я, бѣдный, безсильный человѣкъ, никогда этого сдѣлать не смогу.

III.

Проходилъ годъ за годомъ. Я подростала и мое положеніе среди незамужнихъ сестеръ становилось все хуже. Несмотря на постоянную работу, я была здорова, крѣпка и весела. Имъ не нравилось, что я была красивѣе ихъ. Когда мы, бывало, идемъ на рынокъ за покупками, то, хоть я и одѣта въ грязное, оборванное платье,

хотя онѣ нарочно не даютъ мнѣ предъ тѣмъ ни умыться, ни расчесаться, все-таки мимо проходящіе молодые люди смотрятъ не на мою спутницу, а провожаютъ глазами меня.

— Ромка, куда ты смотришь!—кричитъ на меня барышня, когда я встрѣчусь глазами со взглядомъ какого-нибудь молодого человѣка. А сама, небось, такъ и умоляетъ глазами этого самого молодого человѣка: ко мнѣ! ко мнѣ!! Да что-жъ, когда въ ея глазахъ, какъ говорили, теплится зависть, какъ искра въ пеплѣ, а въ моихъ живымъ огнемъ веселость горитъ. Это мнѣ ихъ собственный отецъ говорилъ.

На прогулку онѣ меня съ собой не только не брали, но и одну не пускали.

— Нельзя! — говорили онѣ между собой.—Она наша родственница, сирота, мы за нее отвѣчаемъ. А по глазамъ ея ужъ видно, какая дорога ее ждетъ, если ей дать волю!

И при этомъ онѣ посматривали другъ на друга и улыбались какъ-то такъ скверно, что я до глубины души вся сгорала отъ стыда, хоть и не знала, къ чему онѣ клонятъ и что собственно меня ждетъ.

Такимъ образомъ, изъ слуги я обратилась въ невольницу. Со мной ужъ совсѣмъ не церемонились. „Ромка, какъ ты смѣешь говорить съ нами, какъ съ равными?“ „Ромка, маршъ въ кухню!“ „Растолстѣла на нашихъ хлѣбахъ и еще хочетъ изъ-себя барышню корчить!“ только такія слова я отъ нихъ и слышала. Начали упрекать меня и отцомъ-воромъ, начали и пинки давать гдѣ нибудь въ углу. Увидѣли, что я черезчуръ много ѣмъ—хоть я ѣла только то, что оставалось послѣ ихъ обѣда— рѣшили не давать мнѣ и этого, а покупали для меня отдѣльно картофель, ячменныхъ или гречневыхъ крупъ и велѣли готовить для себя въ отдѣльномъ горшкѣ.

Съ нѣкотораго времени онѣ завели такое обыкновеніе, что по четвергамъ приглашали къ себѣ кой-кого на чай. Приглашали обыкновенно молодыхъ людей: гимназистовъ старшихъ классовъ, чиновниковъ, военныхъ. Я въ этихъ случаяхъ не смѣла показываться изъ кухни, барышни сами прислуживали, чтобъ показать, какія онѣ хозяйки. Я не разъ, бывало, забьюсь въ темный уголъ кухни, поплачу немного, а затѣмъ перестану и слушаю до полуночи, о чемъ они гуторятъ въ комнатѣ. Барышни мои болтаютъ, громко

смѣются; отца ихъ никогда не слышно, хоть онъ также для виду сидитъ съ гостями, но я знала, что, забившись въ уголъ на своемъ креслѣ съ ручками, старикъ дремлетъ, вѣроятно, съ трубкой въ зубахъ.

Тяжело мнѣ, бывало, станетъ, слушая этотъ веселый говоръ тамъ, въ освѣщенной комнатѣ, представляя себѣ улыбающіяся лица и блестящіе глаза молодыхъ людей и думая о томъ, что я не хуже ихъ, а должна тутъ волноваться въ темной, грязной кухнѣ. Но потомъ думаю: что-жъ дѣлать этимъ бѣднымъ дѣвушкамъ, моимъ сестрамъ! Онѣ боятся, чтобъ я у нихъ не отбила какого-нибудь жениха. Бѣдность наша, а не злое сердце дѣлаетъ насъ злыми и завистливыми.

VI.

Однажды въ такой четвергъ уже всѣ гости были въ сборѣ; барышни были возлѣ нихъ, а я одна хозяйничала въ кухнѣ. Обыкновенно, когда гости приходили, барышни встрѣчали ихъ въ кухнѣ и старались такъ закрыть меня, чтобъ никто изъ нихъ не могъ меня разглядѣть. Еще и толкнетъ меня какая-нибудь изъ нихъ и повернетъ лицомъ въ уголъ. Такъ гости и думали, что у нихъ какая-нибудь старая служанка. А теперь случилось такъ, что, когда они тамъ сидѣли да пили чай, вошелъ еще гость, молодой офицеръ, красивый, привѣтливый. Онъ впервые увидалъ меня и—удивился.

— А, кухарочка!—сказалъ онъ весело,—новая кухарочка!

Да хотѣлъ меня ущипнуть за подбородокъ.—Извините,—сказала я, вдругъ чувствуя, что во мнѣ что-то возмущается, я не кухарочка и не новая. Я тутъ ужъ три года!

— О, а я ни разу не видалъ,—сказалъ онъ, снимая плащъ.

— Что жъ, я буду для васъ напоказъ стоять?—отвѣтила я и принялась за свою работу.

— Ну, ну, — говоритъ онъ шепотомъ и опять хочетъ погладить меня,—не гляди волкомъ! Такъ ты говоришь, что ужъ три года тутъ служишь?

— Не служу!—отвѣтила я рѣзко,—я тутъ у своего дяди.

Словно холодной водой облили его эти слова. Онъ остановился,

широко раскрывъ глаза, и ничего больше не сказалъ; только по лицу пробѣжала какая-то тѣнь—онъ, видно, вдумывался въ мое положеніе. Въ эту минуту отворилась дверь изъ комнатъ, вошла старшая барышня съ подносомъ и остолбенѣла, увидѣвъ офицера.

— А, лейтенантъ! — воскликнула она, не зная, радоваться ли его приходу, сердиться ли на меня. — Это вы такъ сдерживаете слово? Развѣ у васъ теперь семь часовъ!

— Простите,—сказалъ офицеръ, кланяясь,—я долженъ былъ патрули разставить, оттого и опоздалъ.

И они пошли въ комнаты.

Не знаю, отчего я была очень зла на него, даже слезы дрожали на моихъ глазахъ, хотя въ то же время въ душѣ я должна была въ признаться, что онъ мнѣ понравился. На его лицѣ видна была доброта и привѣтливость, а его удивленіе, когда онъ услышалъ, что я двоюродная сестра барышень, также говорило въ его пользу.

Убравъ все, я опять сѣла въ своемъ углу и прислушивалась къ говору гостей. Сердце мое билось и я старалась ловить ухомъ и узнавать его голосъ. Онъ говорилъ просто, безъ обычнаго у многихъ офицеровъ дѣланнаго рѣзкаго тона, коротко и мало. И это мнѣ тоже нравилось.

На другой день барышни прежде всего накинулись на меня съ руганью. „Чучело ты, ты негодница! Какъ ты смѣла на глаза ему показываться!“ Я заплакала и сказала, что я невиновата, что онъ пришелъ неожиданно и первый заговорилъ ко мнѣ. Что онъ такъ поступилъ со мной, какъ молодые господа обыкновенно поступаютъ съ служанками, объ этомъ мнѣ стыдно было да я и боялась сказать. Смягчились барышни, начали меня цѣловать, купили мнѣ платокъ за пять гульденовъ и просили, чтобъ я, какъ только сойдутся гости, гасила огонь въ кухнѣ и сидѣла впотьмахъ. Изъ этого я поняла, что офицеръ тотъ и имъ очень понравился. Но каково было ихъ огорченіе, когда въ слѣдующій четвергъ онъ, несмотря на приглашеніе, не явился. Тысячи догадокъ, неудовольствій, даже на меня начали было покрикивать, когда вдругъ пришло письмо отъ него. Онъ оправдывался тѣмъ, что былъ назначенъ въ караулъ.

Черезъ нѣсколько дней, когда я рано утромъ пошла за во-

дой, чувствую я, что кто-то сзади кладетъ мнѣ руку на плечо. Оглянулась—онъ.

— Добрый день, Ромуальда! (Какъ-то и имя мое узналъ!)

— Добрый день,—говорю я—и почему-то задрожала.

Онъ пошелъ рядомъ со мною, хотя я въ обѣихъ рукахъ несла ведра. На улицѣ было еще пусто. Онъ молчалъ съ минуту и въ утреннемъ полусвѣтѣ присматривался ко мнѣ.

— Бѣдное дитя,—сказалъ онъ, наконецъ.—Значитъ, дядя не замѣнилъ вамъ отца.

— Мой дядя добрый человѣкъ,—сказала я, не подымая на него глазъ.

— Знаю, знаю,—сказалъ онъ съ легкой усмѣшкой въ голосѣ.

Опять молчаніе. Мы были уже недалеко отъ колодца, у котораго стояли двѣ—три служанки.

— Вы ходите когда-нибудь на почту?—спросилъ онъ вдругъ, какъ будто очнувшись отъ какой то задумчивости.

— Дядя посылаетъ за газетою.

— Тамъ на ваше имя есть письмо poste restante. Вы умѣете читать?

— Ну, какъ не умѣть?

— И не забудете? poste restante, только имя, безъ фамиліи. Прочтите его! Подумайте надъ тѣмъ, что я пишу вамъ. У меня нѣтъ случая поговорить съ вами,—поэтому я рѣшился написать. Прощайте!

И не дожидаясь моего отвѣта, онъ быстро ушелъ.

У меня словно камень залегъ въ груди, вмѣсто сердца. — Письмо ко мнѣ! Отъ него! Что ему отъ меня нужно? Авось ничего худого? Что? Выглядитъ человѣкомъ серьезнымъ, взвѣшивающимъ свои поступки. А зла я никакого ему не сдѣлала, — такъ за что ему платить мнѣ зломъ?

Трудно мнѣ было скрыть свое волненіе отъ барышень. Все утро я была сама не своя, все дожидаясь десяти часовъ, когда меня обыкновенно посылали на почту за газетой для дяди. Накрывъ голову платкомъ, я пошла на почту и протиснулась къ деревянной рѣшеткѣ, изъ-за которой экспедиторка выдавала письма poste restante.

— Простите, нѣтъ ли письма „Ромуальдѣ?“ — сказала я такимъ невѣрнымъ и дрожащимъ голосомъ, что нѣсколько барышень, стоявшихъ передъ рѣшеткой, взглянуло на меня насмѣшливыми, какъ мнѣ казалось, взглядами.

Экспедиторка начала перебирать письма въ шкафу.

— А откуда должно быть письмо? — спросила она.

— Мѣстное,—едва прошептала я, закрывая лицо платкомъ.

Въ эту минуту въ моихъ рукахъ очутилось небольшое продолговатое письмо. Я сжала его и вся задрожала, словно взяла бы въ руку горячіе угли. Выйдя изъ почтамта, я стала у окна, въ корридорѣ почтоваго зданія, чтобъ прочесть письмо. Я знала, что дома не будетъ возможности прочесть его украдкой. Дрожащей рукой я разорвала конвертъ и вынула листокъ бѣлой писчей бумаги. Письмо было написано красиво, четко, но буквы нѣсколько минутъ какъ бы скакали, какъ бы пылали у меня предъ глазами. Наконецъ, я немного успокоилась и прочла вотъ что:

„На-дняхъ я выѣзжаю въ Перемышль и не буду больше въ домѣ вашего дяди. Не хочу даже бывать тамъ—отчего, сейчасъ поймете. Я увидалъ ваше несчастное положеніе и съ вашимъ дядей говорилъ о васъ. Если бы я сказалъ, что люблю васъ, то вы имѣли бы право не повѣрить мнѣ, потому что какъ-же можно полюбить кого-нибудь, не зная его ближе? Поэтому я не буду говорить вамъ о любви, а только скажу вотъ что. Я бѣдный офицеръ; изъ простой семьи. Жизнь бурлацкая мнѣ опротивѣла, хочется испытать тепло семейнаго гнѣзда. Собственной семьи у меня нѣтъ, жениться безъ реверса нельзя, такой дѣвушки, которая внесла бы за меня реверсъ и при этомъ нравилась бы мнѣ, я, вѣрно, не найду, а продаваться за реверсъ въ мужья такой, которую я не могу любить, я также не хочу. А между тѣмъ моего мѣсячнаго жалованья хоть съ грѣхомъ пополамъ хватило бы на содержаніе семьи. Что мнѣ дѣлать? Правые пути мнѣ заказаны, самъ законъ толкаетъ меня на неправый. Я знаю васъ какъ честную дѣвушку и не долженъ бы пользоваться вашимъ несчастнымъ положеніемъ. Но я знаю, что положеніе это безвыходно, и потому думаю, что лучше вамъ будетъ сдѣлаться моей хотя незаконной женой, чѣмъ вѣчною служанкою своихъ двоюродныхъ сестеръ. Будемъ жить вмѣстѣ, будемъ довольство-

ваться тѣмъ, что имѣемъ, а когда я дослужусь до высшаго чина, то брошу службу и тогда мы поженимся. Не буду скрывать отъ васъ, что это не легкое и не скорое дѣло. Но можетъ случиться война, я могу въ ней отличиться — и тогда дѣло пойдетъ лучше. Рѣшайте, какъ знаете. Скажу вамъ только о себѣ кой-что. Я человѣкъ простой, тихій, выросъ въ бѣдности, привыкъ къ скромной жизни и труду, и, если правда то, что я слышалъ про васъ, то мнѣ кажется, что полюблю васъ. Если рѣшитесь уйти со мною, то будьте въ субботу вечеромъ со всѣми своими вещами на вокзалѣ. Я возьму для васъ билетъ. На всякій случай въ субботу вечеромъ буду ждать на вокзалѣ. Если не будете—ваша воля, я не посчитаю это за обиду. А если придете — до свиданія".

Какъ видите, я хорошо выучила на память это письмо. Оно и до сихъ поръ у меня—единственное воспоминаніе о моемъ счастьѣ. Читая его, я чувствовала, что лицо мое то заливалось румянцемъ, то опять блѣднѣло. Меня бросило въ дрожь послѣ прочтенія — я не знала, что съ собой дѣлать, куда спрятать бумагу, куда идти и что думать. Мнѣ вспомнилось, какъ когда-то мать цѣловала и баловала меня и выискивала для меня самыхъ лучшихъ и богатыхъ жениховъ, а потомъ когда я начала подростать, все оберегала меня отъ военныхъ. Мнѣ вспомнились слышанные мною разсказы двоюродныхъ сестеръ объ офицерахъ, объ ихъ безнравственной жизни, о дѣвушкахъ, которыхъ они берутъ на содержаніе, а черезъ нѣкоторое время прогоняютъ и отдаютъ на позоръ—и мнѣ стало страшно письма, которое я спрятала на груди подъ корсеткою. Такъ мнѣ и казалось, что тамъ зашевелилась холодная змѣя. Но затѣмъ я вспомнила о своемъ рабскомъ, безвыходномъ положеніи, о томъ что и сами сестрицы мои не долго бы думали, если-бъ первый попавшійся офицеръ предложилъ имъ то, что мнѣ, — дальше предъ глазами встало красивое улыбающееся лицо моего офицера, его мягкій голосъ, привѣтливыя движенія и особенно его ясные глаза, глубокіе да искренніе,—и я ужъ тогда почувствовала, что не устою противъ этого перваго въ моей жизни искушенія, что пойду туда, куда меня зоветъ надежда хотя бы на недолгое и дорого стоющее счастье.

До субботы было еще три дня, но въ эти три дня я почти совсѣмъ не думала надъ своимъ будущимъ. Я прожила эти три дня въ какой-то безпрерывной горячкѣ, въ какомъ-то забытьѣ, въ страхѣ и надеждѣ вмѣстѣ. А въ субботу вечеромъ, когда мои сестры пошли съ отцомъ гулять, я одѣлась въ лучшее свое платье и, собравъ свои вещи въ небольшой узелокъ, пошла на вокзалъ желѣзной дороги, не оглядываясь, не говоря никому ни слова, и только уже изъ Перемышля написала дядѣ письмо, поблагодарила за хлѣбъ-соль и сказала, что я уѣхала на новую службу.

V.

Я не буду томить васъ длиннымъ разсказомъ. Офицеръ мой былъ очень добрый человѣкъ. За тѣ полтора года, что мы жили вмѣстѣ, я не слышала отъ него худого слова. Послѣ тяжелой школы, которую я прошла у дяди, онъ былъ для меня словно солнечный свѣтъ; и онъ приласкалъ меня, освободилъ отъ тяжелой работы, далъ вздохнуть свободнѣе, говорилъ со мной, какъ съ равною, любилъ меня, какъ сестру. Черезъ нѣсколько недѣль я ожила, пришла въ себя. Пойду, бывало, въ городъ, — люди оглядываются на меня, я иногда слышу, что молодые люди шепчутъ: „какая хорошенькая барышня!“ Офицеръ сшилъ мнѣ нѣсколько платьевъ, и, видно, любилъ меня, потому что выискивалъ тысячи случаевъ доставить мнѣ удовольствіе: приносилъ подарки, книжки, цвѣты.

Одно только сложилось не такъ, какъ я думала; мы не жили вмѣстѣ. Ему по дѣламъ службы приказано было жить въ казармѣ,— ну, а я не могла тамъ быть вмѣстѣ съ нимъ. Онъ отыскалъ мнѣ хорошенькую, меблированную комнатку; столовалась я у сосѣдки, жены какого-то ремесленника, а онъ приходилъ ко мнѣ въ свободные отъ службы часы, обыкновенно къ ночи.

Мы пили чай вмѣстѣ и разговаривали до полуночи. Онъ разсказывалъ мнѣ про свою жизнь, про свою службу и ея трудности, про то, что на свѣтѣ дѣлается. Я сидѣла, не сводя съ него глазъ, и, казалось, слушала-бъ его всю ночь. Цѣлый день сидишь одна, чи-

таешь, шьешь, въ окно глядишь, рада живому человѣческому голосу. А онъ такъ хорошо умѣлъ разсказывать!...

— Ромця, ну разскажи же ты что-нибудь о себѣ, — говоритъ онъ бывало.

Я чувствовала, что люблю его, во мнѣ зародилось желаніе удержать при себѣ его любовь — я и не заставляла себя никогда просить. Мнѣ хотѣлось показать ему, что я не глупа.

Съ горячимъ желаніемъ заинтересовать его, я разсказывала ему мельчайшія подробности своей жизни, и иногда онъ слушаетъ, слушаетъ да и начнетъ меня цѣловать, прижметъ къ себѣ и говоритъ: „Бѣдная дѣтка! То-ли изъ тебя бы вышло, если бъ твоя судьба улыбнулась тебѣ!“

Когда со временемъ исчерпалось все, что я знала о своей жизни, я разсказывала ему то, что читала и передумала за день. И это его также занимало.

— Тяжело тебѣ, моя голубка, — говоритъ онъ, бывало, — да что ужъ дѣлать. Такіе ужъ мы несчастные съ тобою. Ты думаешь, легко мнѣ моя служба достается? Потерпимъ, Ромця, еще нѣсколько лѣтъ—авось какъ-нибудь иначе устроится.

— Милый мой,—говорю я ему на это,—развѣ я тебѣ жалуюсь? Мнѣ не тяжело. Я всегда найду себѣ работу — чего мнѣ томиться! А какъ подумаю, изъ какого ада ты меня вырвалъ и какъ я теперь счастлива, то мнѣ иногда приходитъ въ голову: Господи, не слишкомъ ли это много для меня счастья? Знаешь, я сызмала привыкла бояться счастья и все думаю, что за всякое счастье придется расплачиваться, какъ за какую-нибудь тяжкую вину. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ всегда такъ со мною бывало.

Къ осени ему пришлось идти на маневры — и намъ на нѣсколько недѣль нужно было разстаться. Заплатилъ онъ за меня все и прощаясь говорилъ только—одно: „не забудь меня, Ромця! Я люблю тебя!“ Онъ вѣрилъ мнѣ, что я ему не измѣню, хотя и не зналъ еще, что у меня былъ плодъ его любви. Я еще нѣсколько дней тому назадъ открыла это,—но не хотѣла ему говорить,—и только теперь я вполнѣ почувствовала, какъ сильно люблю его. При его словахъ я расплакалась и повисла на его шеѣ, цѣловала его губы и глаза, не будучи въ состояніи ничего сказать, кромѣ:

— Милый мой!... Дорогой?... Золотой!...

Скучно было послѣ его отъѣзда. Духота въ городѣ, пыль. Пойду, бывало, за городъ къ Сяну, сяду на берегу гдѣ-нибудь въ такомъ уголкѣ, гдѣ никто бы меня не видѣлъ, да цѣлыми часами смотрю на воду.

Ой сяду я на шпилечокъ—
Та рине вода, рине,
Ой і не дайте мене за нелюба
Та нехай винъ згине! *).

Эти слова и мелодія такъ и вьются у меня въ головѣ, когда у моихъ ногъ играетъ и скользитъ волна за волною, безъ конца и отдыха. И думаешь, бывало: что такое—вода? Почему она должна все бѣжать? Откуда ея тамъ въ горахъ набирается столько? Иногда меня такъ что-то и манило кинуться въ ея таинственную, хрустальную глубину. Подо мною медленно плавали крупные, красноперые клены, вились серебряные укліи, лѣниво дремали въ глубинѣ толстые сазаны, да на самомъ бережку грѣлась прожорливая щука, растянувшись недвижно, какъ полѣно, и я думала, что тамъ въ водѣ и жизнь и порядки должны быть далеко лучше и покойнѣе, чѣмъ у насъ. А иногда засмотрюсь, бывало, на волну—и кажется мнѣ, что и вся жизнь наша, со всѣмъ ея горемъ, со всѣми радостями и надеждами — ничто иное, какъ волна. Одна прозрачная, другая мутная; одна шумитъ и клокочетъ, другая тихо, едва слышно, скользитъ по поверхности и пропадаетъ безслѣдно. Развѣ не такова же и жизнь наша? И хотѣлось мнѣ иногда броситься въ эти хрустальныя волны, нырнуть въ нихъ и растаять. И не съ горя, потому что у меня тогда горя не было. Уѣзжая, онъ оставилъ мнѣ кой-какія деньги, заплатилъ за квартиру и столъ, а какіе у меня, кромѣ этого, расходы? И о будущемъ я не думала. Я чувствовала за собой опору — его, и видѣла только одну цѣль предъ собою—удержать при себѣ его любовь, усладить его жизнь. А если временами мнѣ хотѣлось нырнуть въ

*) Сяду я на пригоркѣ—
Струится вода, струится...
Ой, не отдавайте меня за немилаго,
Пусть онъ пропадетъ!

эти чистыя волны, то только благодаря какому-то неясному чувству, что тамъ, въ водѣ, мнѣ было бы очень спокойно и хорошо, что я вѣчно плыла бы куда-то безъ собственной воли и мысли, качалась бы на волнахъ и не нужно было бы ни думать, ни заботиться ни о чемъ.

Но вотъ минулъ мѣсяцъ—закончились маневры, онъ возвратился утомленный, запыленный, ободранный, но здоровый и веселый. Мнѣ пришлось хорошенько поработать, чтобъ привести въ порядокъ его бѣлье и платье, но эта работа была для меня настоящимъ наслажденіемъ. Онъ получилъ на нѣсколько дней отпускъ для отдыха, и все время просиживалъ у меня. Мы безпрерывно болтали, разсказывали про свою жизнь въ разлукѣ. Онъ разсказывалъ, что видѣлъ цесаря, что цесарь даже похвалилъ его за искусное исполненіе какого-то маневра. Мы оба радовались, потому что цесарская похвала и для движенія по службѣ много значитъ. Нѣсколько разъ мы оба ходили гулять, обыкновенно къ Сяну, на мое любимое мѣсто въ лозахъ. Онъ сдѣлалъ себѣ удочку и ловилъ рыбу, но обыкновенно не могъ ничего изловить. Но все-таки эти дни были, можетъ быть, самыми счастливыми въ моей жизни. Сидимъ, бывало, рядомъ, глядимъ на поплавокъ и не говоримъ ничего, только чувствуемъ взаимную близость и знаемъ, что каждый изъ насъ готовъ за другого жизнь отдать.

Ну, ну, не смѣйтесь! Бываютъ такія минуты въ жизни каждаго человѣка. Не только въ книжкахъ намъ приходится о нихъ читать.

VI.

— Слушай, Ромця, мнѣ очень хочется пить!

— И мнѣ тоже,—сказала я.

Мы возвращались съ прогулки на Сянъ. Онъ уже нѣсколько недѣль назадъ вернулся на службу, но лишь только у него былъ свободный вечеръ, онъ приходилъ ко мнѣ; я ждала его уже одѣтая и мы отправлялись на Сянъ.

— Знаешь что, зайдемъ сюда въ ресторанъ выпить пива.

Мнѣ какъ-то не по себѣ стало при этихъ словахъ.

— А, можетъ, лучше бы пойти домой и велѣть принести пива?—сказала я.

— Э, что это за пиво будетъ! Тутъ лучше! Пойдемъ! Боишься развѣ?

Я ничего не отвѣтила, хотя въ самомъ дѣлѣ, Богъ вѣсть отчего, боялась. Мы сѣли у стола. Онъ заказалъ пива. Черезъ минуту подошелъ къ намъ офицеръ, его знакомый, сказалъ ему нѣсколько словъ, поклонился и ушелъ. Еще мы не допили пива, какъ пришелъ другой офицеръ, присѣлъ возлѣ насъ, поговорилъ съ нимъ и какъ-то странно уставилъ глаза на меня, при чемъ я замѣтила, что мой Олесь смѣшался. Офицеръ всталъ, поклонился и ушелъ. И мы также пошли. Олесь былъ какой-то кислый, словно самъ не свой.

— Милый мой,—говорю я ему,—тебѣ непріятно было, что тотъ офицеръ такъ упорно присматривался ко мнѣ?

— Дуракъ!—пробормоталъ Олесь сквозь зубы.

— Нѣтъ, дорогой, не говори этого,—сказала я.—Сами мы виноваты, что пошли въ ресторанъ, гдѣ всякій можетъ меня разглядывать.

— Если бъ ты была моя законная жена, то никто бы не посмѣлъ. А такъ... Но все-же этотъ дуракъ долженъ имѣть настолько деликатности!...

Я чувствовала, что въ груди его кипѣло и бурлило, что гнѣвъ сжималъ ему горло, и только теперь я поняла, какъ сильно онъ полюбилъ меня.

— Милый мой,—говорю я ему, когда мы пришли домой.—Успокойся! Забудь объ этомъ! Я скажу тебѣ кой-что повеселѣе!

— Что такое?—мрачно сказалъ онъ.

Холодомъ обдали меня эти слова и тотъ тонъ и тотъ взглядъ, какимъ онъ измѣрилъ меня, и я рада была бы взять назадъ свое слово и оставить признаніе до лучшей минуты, но нельзя было. Я обняла его за шею, наклонила къ себѣ его голову и шепнула ему на ухо тѣ слова, которыя меня не разъ наполняли какой-то несказанной радостью и утѣшеніемъ.

Его они совсѣмъ не обрадовали. Какое-то равнодушіе и тревога, что-то даже вродѣ отвращенія блеснуло въ его глазахъ. Мнѣ сдѣлалось страшно больно отъ этого взгляда. Но и нехо-

рошее выраженіе его лица и моя боль продолжались только мгновеніе.

Онъ прояснѣлъ, обнялъ меня, началъ цѣловать и разспрашивать, какъ, что, когда. Мнѣ было пріятно подѣлиться съ нимъ тайною, о которой я до сихъ поръ никому не говорила ни слова. И какъ онъ былъ милъ, когда черезъ нѣкоторое время началъ говорить о разныхъ предметахъ, нужныхъ для ожидаемаго гостя, и это такъ серьезно, словно-бы этотъ гость долженъ былъ уже завтра прибыть. И какъ сердечно мы оба смѣялись, когда я ему сказала, что то и то я уже въ свободныя минуты приготовила, тѣ и другія свѣдѣнія пріобрѣла — значитъ, ему не о чемъ безпокоиться.

Чудесно провели мы тотъ вечеръ. Выпили бутылку вина за здоровье будущаго ребенка, шутили, даже пѣли. Но я почувствовала, что съ того времени съ нимъ произошла какая-то перемѣна. Онъ часто бывалъ мраченъ, словно его что-то грызло. Не разъ среди разговора прерывалъ онъ на полусловѣ, какъ-будто ему становилось дурно или онъ собиралъ разбѣжавшіяся мысли. А о своей жизни въ казармѣ, о своихъ отношеніяхъ къ другимъ офицерамъ никогда ни слова. Даже просилъ меня, чтобы я его никогда объ этомъ не спрашивала. Изъ этого я поняла, что онъ долженъ былъ имѣть какія-то непріятности, и мучилась мыслью, что, можетъ быть, все это изъ-за меня.

И такъ между нами постепенно выростала темная мгла недомолвокъ. Каждаго изъ насъ что-то грызло, о чемъ боялся или не хотѣлъ подѣлиться съ другимъ. Одно только насъ связывало — мысль о будущемъ ребенкѣ. Мы говорили о немъ, какъ о чемъ-то, что уже существуетъ, бѣгаетъ, говоритъ и смѣется, любовались имъ, безпокоились, чтобъ онъ какъ-нибудь не ушибся, не упалъ, не простудился, рѣшали, что нужно будетъ перемѣнить квартиру, принять служанку, разсчитывали, сколько это будетъ стоить. И изъ всего этого я видѣла, что онъ меня любитъ, и еще больше чувствовала благодарность и любовь къ нему.

Наступила зима — и онъ опять началъ бывать у меня рѣже. Ему мѣшала служба. Иногда бывало, что онъ и недѣлю не могъ явиться. Я познакомилась съ нѣсколькими сосѣдками— женами ремесленниковъ и рабочихъ, потому что къ „госпо-

жамъ“ чиновницамъ и учительницамъ я боялась подходить, чувствуя, что онѣ могли-бы меня оттолкнуть. А среди этихъ темныхъ и бѣдныхъ женщинъ я нашла искренность и утѣшеніе. Я постаралась даже черезъ нихъ достать работу, чтобъ заработать что-нибудь на содержаніе свое и своего ребенка. Я умѣла шить и брала шитье на домъ. Потомъ черезъ служанку, которая служила у учителя, мнѣ попался хорошій заработокъ—переписывать на-чисто какую-то книжку, которую учитель написалъ. Я пишу красиво и быстро и, засѣвъ усердно за работу, я за два мѣсяца заработала около пятидесяти гульденовъ. Олесю я ничего не говорила о своемъ заработкѣ—я боялась, чтобъ онъ не разсердился. Однако, черезъ нѣкоторое время онъ узналъ, вѣроятно, отъ того же учителя, учинилъ мнѣ допросъ и, узнавъ все, ничего не сказалъ,— только поцѣловалъ въ глаза и потомъ, какъ-то печально задумавшись, прошепталъ: „бѣдное дитя“.

Въ концѣ іюня я родила. Ребенокъ былъ прекрасенъ, какъ ангелъ, но мнѣ было невесело, глядя на него. Только теперь я начала думать надъ своимъ будущимъ и будущимъ своей дѣвочки. Что съ нею будетъ? То же что со мной? И я, до сихъ поръ благодарившая Бога за свое счастье, вдругъ почувствовала непередаваемую тревогу. Боже мой! И что я въ самомъ дѣлѣ такое? Содержанка и больше ничего. Искренно или неискренно Олесь говоритъ о своемъ будущемъ повышеніи, о своемъ намѣреніи повѣнчаться со мной, а все-таки теперь дѣло отъ этого не мѣняется. Теперь я поняла сострадательные взгляды, тайные вздохи да покачиванія головой моихъ сосѣдокъ, бѣдныхъ работницъ, поняла тѣ отрывистыя слова, когда заходила рѣчь объ Олесѣ, тѣ шептанія, когда приходила какая-нибудь новая сосѣдка, тѣ тысячи мелочей, которыя хотя и не были разсчитаны на то, чтобъ меня уколоть (эти женщины очень хорошо понимали мое положеніе, потому что многіе изъ нихъ и сами прошли черезъ него въ молодости), но все-таки причиняли мнѣ боль и смущали меня.

Олесю я ничего не говорила о своихъ мукахъ, да и зачѣмъ? Если онъ меня любитъ, — думалось мнѣ, — то, вѣроятно, и самъ также мучится, а если нѣтъ, то не стоитъ. А онъ, дѣйствительно, мучился. Маленькую нашу цѣловалъ и ласкалъ, не какъ отецъ, а какъ мать, и временами я видѣла, что когда онъ смотрѣлъ на

нее спящую, то у него на глазахъ слезы навертывались. И что мнѣ ему было говорить? Оставалось только ждать и быть терпѣливой.

VII.

Спустя три мѣсяца, наша дѣвочка умерла.

Олесь началъ бывать у меня рѣже. Лѣтніе лагери, потомъ маневры, затѣмъ опять какія-то занятія — цѣлыми недѣлями, а потомъ онъ и дольше не бывалъ у меня. Наши встрѣчи были холодныя и короткія. Казалось, что со смертью ребенка улетѣло наше счастье и то тепло, которое насъ раньше охватывало обоихъ, когда мы бывали вмѣстѣ. Послѣ маневровъ онъ заболѣлъ и пролежалъ больше мѣсяца. Онъ написалъ мнѣ, чтобъ я сидѣла дома и не приходила къ нему. Что я вытерпѣла за это время!...

Только на третьей недѣлѣ я узнала, что у него была изъ-за меня дуэль. Тѣ офицеры, которые тогда въ ресторанѣ подходили къ намъ, встрѣтившись съ нимъ во время маневровъ (они были львовскіе), начали его разспрашивать о сидѣвшей съ нимъ дамѣ, и отчего онъ ее имъ не представилъ, и при этомъ сказали обо мнѣ что-то такое, что Олесь вызвалъ ихъ обоихъ на дуэль. На дуэли одного онъ ранилъ, а другой его ранилъ, и довольно опасно. Это я узнала отъ одного солдата изъ его роты, котораго просто остановила изъ окна.

Я не могла дольше выдержать и пошла къ нему. Съ большимъ трудомъ добилась я того, что меня допустили къ нему. Онъ лежалъ на постели, какъ мѣлъ, блѣдный, похудѣвшій. Пуля попала ему въ грудь и только чудомъ не уложила его на мѣстѣ.

Рыдая, припала я къ нему, цѣловала его ноги и руки. И онъ расплакался.

— Ну, чего ты! чего ты!—повторялъ онъ.

— Тутъ тебѣ нельзя быть. Иди домой, я тебѣ напишу.

Долго я не хотѣла уходить; только, когда пришелъ докторъ и сказалъ мнѣ, что онъ будетъ здоровъ, но что теперь ему нужно спокойствіе, я ушла.

Онъ не писалъ мнѣ, но черезъ нѣсколько недѣль самъ пришелъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какой тревогою ждала я его!

Какими чудными красками я рисовала себѣ первую встрѣчу съ нимъ послѣ этой страшной пытки, какъ крѣпко клялась, что все, всю свою жизнь, стараніе и всѣ помыслы отдамъ за него! А когда онъ пришелъ, посмотрѣлъ на меня и молча сѣлъ въ кресло, я сразу почувствовала, что межъ нами все кончено, что намъ нужно разстаться, что то, что будетъ дальше, будетъ рано или поздно только прощаньемъ.

Прощанье вышло короткое. Онъ сказалъ мнѣ тотчасъ, что его повышеніе отсрочено теперь на долгое время, что его въ наказаніе перевели въ Араду надзирать за военными тюрьмами и что онъ въ недѣлю долженъ собраться въ дорогу.

Я выслушала его слова, какъ истуканъ. Онъ началъ утѣшать меня, говорилъ, что никогда обо мнѣ не забудетъ, что будетъ писать мнѣ,—но я знала, что ему и самому нужно утѣшеніе. Я только плакала. Мы разстались добрыми друзьями. Уѣзжая, онъ далъ мнѣ немного денегъ на жизнь и два письма къ своимъ знакомымъ и совѣтовалъ поискать себѣ работы.

Я продала кой-что изъ своего гардероба и въ началѣ не особенно нуждалась — въ крайнемъ случаѣ, я могла переждать двѣ недѣли, пока нашлось бы что-нибудь порядочное. Но мѣсто нашлось тотчасъ—у того самаго учителя, которому я переписывала книжку. Учитель былъ хорошій человѣкъ, но жена его начала ревновать меня къ мужу—и черезъ два мѣсяца, среди зимы, я принуждена была бросить службу.

Я кинулась къ другимъ знакомымъ Олеся, къ которымъ у меня были письма, но нажила столько непріятностей и стыда, что плюнула на все. Всѣ они знали мою исторію, всѣ оглядывали меня, какъ звѣря, посылали меня одинъ къ другому, чтобъ всѣ видѣли ту „мерзавку, которая извела и разорила такого хорошаго и способнаго человѣка“. Эти слова сказалъ мнѣ, наконецъ, одинъ старый ротмистръ, къ которому меня также послали просить мѣста.

Послѣ этого я уже не ходила больше, а поѣхала въ Львовъ. Тутъ я остановилась въ одной изъ еврейскихъ гостинницъ и снова начала искать какой-нибудь работы. Но мѣста не было, денегъ не стало, нѣсколько дней я бѣгала, какъ очумѣлая, цѣлый день послѣ этого сидѣла въ отупѣніи въ своей комнатѣ, пока ко мнѣ

не подошелъ кельнеръ и не сказалъ мнѣ нѣсколько словъ. Я вся вспыхнула отъ нихъ, вскочила, какъ отъ раскаленныхъ углей, но кельнеръ не уходилъ, я не убѣжала, не могла никуда убѣжать отъ своей судьбы...

Я не разъ видала, какъ оторванная отъ дерева вѣтка плыветъ по водѣ, пока не попадетъ въ омутъ. И тутъ она еще сначала плыветъ спокойно, описываетъ далекіе круги; но чѣмъ дальше, тѣмъ круги уже, движеніе ея быстрѣе, пока теченіе не завертитъ ею и не броситъ въ пѣнящійся водоворотъ, гдѣ она и пропадаетъ. Развѣ виновна вѣтка, развѣ виновна вода, что такъ случилось?...

Львовъ,

9 марта до 20 апрѣля 1890 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	I
Лесихины домочадцы	1
Два пріятеля	15
Каменщикъ	29
Миронъ	37
Грыць въ школѣ	48
Карандашъ	57
Урокъ чистописанія	73
На днѣ	81
Самъ виноватъ	147
Слымакъ	159
Хорошій заработокъ	171
Мужицкая расправа	181
Исторія моей соломорѣзки	197
Цыганы	207
Лѣса и пастбища	223
Довбанюкъ	237
Домашній промыселъ	249
Манипулянтка	261
Къ свѣту	325
Среди добрыхъ людей	351

Бібліотека
наукового товариства
імени

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ изданій М. Д. Орѣхова: С.-Петербургъ, Невскій пр. 54, книжный магазинъ О. Н. Поповой.

31.538

Ф IV / B-115